РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК 19

Санкт-Петербург
„НАУКА"
1995

ББК 83
В 76

Ответственный редактор
Н. Д. КОЧЕТКОВА

Рецензенты
П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке английской Группы по изучению России XVIII века, итальянских и немецких коллег

XVIII ВЕК
Сборник 19

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Редактор издательства И.И. Шефановская
Технический редактор О.В. Иванова

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 29.11.94. Подписано к печати 21.07.95.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 23.3. Тираж 1350 экз. Тип. зак. № 3376 С 1174

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.

$В\frac{4603010000-554}{042(02)-95}192-95-I$

ISBN 5-02-028230-8

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995

С. И. НИКОЛАЕВ

ТРУДНЫЙ КАНТЕМИР

(Стилистическая структура и критика текста)

В 1748 г. А. П. Сумароков заметил в примечании ко второй эпистоле («О стихотворстве»), что «разумные мысли» Кантемира «повсюду нечистым, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются».[1] Этот приговор был вынесен спустя три года после смерти сатирика и за 15 лет до издания его сатир. Несмотря на всю суровость слов Сумарокова, его мнение в значительной степени справедливо. Более того, сам Кантемир, скорее всего, согласился бы с этими словами (но не оценкой!), поскольку «принужденный склад» создавался им совершенно осознанно и последовательно. Видимая простота стиля сатир Кантемира — это элитарная простота, которой нельзя достичь иначе, как штудируя римских классиков. Отсюда выпады Кантемира против тех, кто «легко, на одной стоя ноге, много их (стихов. — *С. Н.*) намарать может» (425), а также неоднократные признания, что сам он пишет «с трудом» (ср. 173—174).[2] Но он писал не только «с трудом», но и трудно. В сатирах Кантемира много мест, требующих для понимания особого анализа и которые в ряде случаев проясняет только обращение к рукописи и анализ текстологических решений предшествующих изданий, издатели которых иногда пренебрегали текстологическим правилом lectio difficilior.

Обратимся сразу к примерам таких темных и сложных мест. Описывая в V сатире Стенона, который «в беседе врет что в ум ни вспало», Сатир говорит:

Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнит ти ся в звучные обраты (122).

---

[1] *Сумароков А. П.* Избр. произв. Л., 1957. С. 127.

[2] Здесь и далее сочинения Кантемира цитируются по изд.: *Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л., 1956 (далее — изд. 1956). Цифра в скобках указывает страницу. Текст, однако, цитируется с исправлениями по «академическому списку» 1755 г. (см.: ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 132), по которому и печатались сочинения Кантемира в XVIII—XX вв.

© С. И. Николаев, 1995

Расставив слова в естественном порядке, мы можем прочесть следующее предложение: «Слыша его, ти (т. е. тебе) мнится (т. е. кажется) — далее идет оборот accusativus cum infinitivo, который переводим придаточным предложением, где подлежащим будет винительный «шумливу воду», а сказуемым инфинитив «двигать»,— что шумливая вода двигает колесо мельницы в звучные обраты (т. е. обороты)». Такой грамматический разбор соответствует прочтению самого Кантемира в примечаниях: «Слыша его, кажется, что вода с шумом бьет в мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: так громко и беспрестанно говорит» (139). Между тем изд. 1956 исправляет «мнит ти ся» на «мнитися» (инфинитив?), а это чтение лишает все предложение смысла. И. Барков в данном случае только переставил местами две частицы и напечатал «мнит ся ти», что позволяет прочесть фразу.[3] Издание П. А. Ефремова также исправляет на «мнитися» и сопровождает примечанием: «Здесь, как и во многих других местах, галлицизм несколько затемняет смысл речи».[4]

В той же сатире Сатир упрекает целовальника в том, что

> <народ> душе веря твоей, ценой покупает
> Вина воду (127).

Повторив вышеописанную операцию, получаем следующий текст: «<народ><...>покупает воду ценой (т. е. за цену) вина». Однако изд. 1762, 1867 и 1956 дают чтение «покупает с вином воду». Вероятно, издателей смущало сочетание «вина воду», но при их чтении, вполне с виду осмысленном, повисает в воздухе слово «ценой» — оно не только лишнее, оно ни к чему не относится и ни к чему не присоединяется. Сразу отмечу, что уповать у Кантемира на слова-«затычки» (по терминологии В. К. Тредиаковского), грамматические неправильности и солецизмы — дело почти безнадежное. Издательские конъектуры должны иметь веские основания, поскольку Кантемир исключительно педантично относился к грамматике. В его примечаниях часто встречаем пояснения. Например, к стиху «Гордость, леность, богатство — мудрость одолело» (61) — «*Мудрость одолело*. В сем месте *мудрость* есть винительного падежа» (67). К стиху «Сосед наш был знатному слуга господину» (128) — «Вместо *знатного господина слуга*. Обыкновенно во Святом писании дательный падеж вместо родительного употреблять» (142). Или: «*И спина гнется ему. Ему* вместо *его*. Часто так и некрасиво дательный вместо винительного употреблять можно» (178) — и целый ряд других пояснений. О словах-«затычках» он резко заметил: «Часто подлым стихотворцам случается те тринадцать слогов дополнять речми, которые к делу никакого сношения не имеют» (177).

---

[3] Имеется в виду издание, подготовленное И. С. Барковым: Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. СПб., 1762 (далее — изд. 1762).

[4] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы / Ред. изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 102 (далее — изд. 1867).

Вот еще пример поспешной конъектуры. Во II сатире Филарет утверждает, что

Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми быть свидетель —
Благородными явит одна добродетель (70).

Прочитаем описанным выше способом первые два стиха, сразу переводя оборот acc. + inf. придаточным предложением: «грамота, плеснью и червями изгрызена, свидетель, что мы суть дети знатных». И это соответствует примечанию Кантемира: «Грамота <...> засвидетельствует, правда, что мы происходим от знатных людей» (79). Однако изд. 1762, 1867 и 1956 печатают не «быть свидетель», как в рукописи, а «есть свидетель», т. е. в их понимании «есть» относится к «свидетель» («грамота <...> есть свидетель»), тогда как в действительности правильное чтение «быть» относится к «нас». При видимой правильности чтения «грамота <...> есть свидетель» вторая половина фразы («знатных нас детьми») синтаксически не соотносится с первой, повисает в воздухе и не дает смысла.

Наконец, последний пример необоснованной конъектуры, чрезвычайно выразительной. Сатир, осуждая пьянство на Николин день, *никак не может взять в толк*,

Что глупой народ людей угождая страсти,
Мнился Бога чтить, вином наполняя брюхо (126).

Изд. 1956 печатает «глупый народ». «Глупый» — прилагательное мужского рода в именительном падеже, тогда как рукопись дает «глупой» — дательный падеж женского рода, и это определение относится к слову «страсти», что и объясняет Кантемир: «Слова сего стиха в сродном порядке так бы должны лежать: что народ, людей угождая глупой страсти» (141).

Кантемир постоянно объясняет, что он употребляет «несродный» порядок слов, например:

Да всяк открывать свое мнение свободен,
Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила (163).

«Сродным порядком так бы речи лежать должны были: да всяк свободен (волен) открывать свое мнение, если никому вредно (если оно никому не вредит) и если чтительная сила законов не наложила в том нужду молчать (если законы не запрещают о таком деле говорить)» (171). В примечании автор трижды в скобках раскрывает смысл сказанного, т. е. не уверен в его правильном понимании, даже когда слова расставлены в «сродном» порядке.

Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает (157).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: как время не знает (то есть не может) учинить искусным того, кто не примечает причины дел» (165).

И плодоносный Нил, что наводняет
Царство, богатством славно, славно делы (201).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: и царство, богатством славное, славное делами, что (вм. которое) плодоносный Нил наводняет, ощущает пользу твоих законов» (207).

Кроме слов «сродным порядком» Кантемир иногда пишет: «Порядочное расположение слов сие быть должно» (231) или «Порядок слов есть следующий» (231), но чаще всего он просто расставляет в примечаниях слова в нужном порядке и поясняет их, например:

речь твою к исправленью нраву
Людей поздному предать потомству потщуся (123).

«Стараться буду, чтоб на многие будущие веки и на самые позднейшие речь твоя потомкам нашим служила в исправление их нравов» (139—140).

И таких примеров в стихах Кантемира, не только в сатирах, но и в песнях, и в баснях много. Примечательно, что поэтический синтаксис сатир Кантемира от первоначальной редакции к окончательной не упрощается, что было бы естественно, а усложняется. Приведу несколько примеров.

Первоначальная ред.:

для одного в планете пятна ночь не спати (364) —

окончательная ред.:

за одним ночь пятном не спать целу (59);

первоначальная ред.:

Ведь мы для сообщества в свете сотворенны (364) —

окончательная ред.:

Люди мы к сообществу божия тварь стали (59) —

и комментарий: «Бог нас создал для сообщества» (65);

первоначальная ред.:

Осады, окоп, наступ когда поминаю,
Чаешь ты, что арапским языком болтаю (373) —

окончательная ред.:

Арапского языка — права и законы
Мнятся тебе дикие русску уху звоны (75) —

и комментарий: «Самые речи *право, закон* кажутся тебе речми арапского языка, дикими русскому уху» (86);

первоначальная ред.:

Примечать, чтоб искусству не было обиды,
Чтоб в граде зелен кафтан не досаждал глазу (375) —

окончательная ред.:

Чтоб летам сходен был цвет, чтоб тебе в образу,
Нежну зелен в городе не досаждал глазу (72).

Вторую строку в последнем примере читаем так: «Чтоб зелен (т. е. цвет) в городе не досаждал нежну глазу». Изд. 1956 инверсии не принимает и печатает «нежну зелень», не учитывая, что при таком чтении, с виду логичном, предложение рассыпается.

Инверсии и гипербаты Кантемира, а также его беспрецедентные межстиховые переносы постоянно готовят читателю такие семантические ловушки. Кроме «нежной зелени» это и упоминавшиеся «вина воду» (т. е. «вода вина»?), «глупой народ» и «любитель прилежный небес» в стихах:

любитель прилежный
небес числить всякого удобно светила
путь и беглость (159),

т. е. «прилежный любитель удобно числить путь и беглость всякого светила небес» (ср. в примечании «светила небесные», 160). Еще пример:

Хвалы нужда из его уст твои потянет (160).

«Хвалы нужда» тоже семантическая ловушка, смысл стиха таков: «Нужда потянет из его уст твои хвалы», что соответствует примечанию Кантемира: «Станет тебя хвалить не добровольно, но по нужде» (167).

Кантемир вообще исключительно педантичен в своих примечаниях, это, скорее, комментарии к изданию римского классика, часто начинающиеся словами «сиречь» или «то есть». Он может давать даже варианты прочтения текста, например: «*Не претит*. Вместо *не запрещает, не мешает*» (78); «*Одолел ли кто враги*. Получил ли кто победы над неприятельми отечества; усмирил ли кто их своими трудами военными» (105); «*Где счастье людей растет на слабой соломе*. Где людей счастье столь хлипко, как солома, или счастье людей основано на соломе, то есть основании, чрезмерно хлипком» (143) и др.

Эти и приведенные ранее примечания демонстрируют еще одну особенность стиля Кантемира: комментарий обычно больше по объему комментируемого места — автор добавляет пропущенные слова, служебные части речи и т. д., т. е. в поэтическом тексте он следует одной из высших добродетелей стиля — «краткости» (brevitas), ценимой как римскими классиками, так и гуманистами. В этой связи отмечу еще один латинизм Кантемира — употребление одинарного отрицания: «один другого добру никогда завидит» (398), «никую надежду себе ждет» (399), «и никого знают» (405), «вредно никому» (163). О том, что это примета именно стихотворного стиля, свидетельствует употребление в примечании русского двойного отрицания: «никому вредно (если оно никому не вредит)» (171).

Если предварительно суммировать наблюдения над поэтическим синтаксисом Кантемира, а именно над теми его чертами, которым он сам в комментариях придавал значение, то вывод можно сформулировать примерно следующий. Кантемир создает в сатирах принципиально новый поэтический синтаксис, ориентированный на классическую поэзию и использующий ее средства, благо именно славянские языки позволяют это осуществить. Имитируя латинский стих, Кантемир с небывалой в предшествующей истории русского стиха интенсивностью использует инверсии,[5] переносы и другие приемы (оборот acc. + inf., одно отрицание или нечастые ранее риторические фигуры, как хиазм и гипербат), сознательно усложняя от редакции к редакции свой стиль. Он не только пишет «с трудом», но и трудно — чтение его поэзии это труд, требующий интеллектуальных усилий.

Прекрасно осознавая свое новаторство, Кантемир все же оставался реалистом: таким стилем написан не весь текст сплошь, это тенденция, явно ощутимая и подчеркиваемая в примечаниях. В примечаниях же она и объясняется: чтобы новация была усвоена, она должна быть понятна (ср.: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна» — 177). И вообще, любая новация в своем конкретном воплощении всегда результат не только конфликта, но и компромисса с существующей традицией. В этом же направлении в это же время экспериментировал В. К. Тредиаковский, который учился у тех же учителей в Славяно-греко-латинской академии. Но он экспериментировал безоглядно и бескомпромиссно. В результате его ранние стихи, особенно в переводе «Аргениды»,[6] трудны для восприятия. Меру стиля он усвоил позднее.

Несмотря на приводившиеся, а также многие другие примеры сложного поэтического синтаксиса Кантемира, требующие грамматического разбора для полного их понимания, неоспоримым является и то, что читатель, хоть сколько-то начитанный в литературе XVIII в., понимает сатиры Кантемира без усилий. Они не производят впечатления ученой поэзии (хотя, на мой взгляд, именно таковой являются). Каковы причины такого восприятия? Одна из них чисто технического свойства: по типографским причинам и вопреки пожеланиям Кантемира примечания никогда не читаются вместе с текстом сатир. Между тем примечания, напечатанные сразу под комментируемым

---

[5] На свободной порядок слов у Кантемира, заимствованный из латинской поэзии, обратил внимание Д. И. Чижевский (см.: *Čiževskij D.* History of russian literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. The Hague, 1960. P. 395). Другую трактовку синтаксиса Кантемира см. в кн.: *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 289—294. Следует указать, что одинарное отрицание фактически является церковнославянизмом, отмеченным как верная форма в грамматике Мелетия Смотрицкого, — см.: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987. С. 212—213.

[6] См.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Барклая) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 95—96.

стихом, должны заставить читателя задуматься, и не только над синтаксисом. Но примечания помещались после текста сатир и еще в XIX в. не воспринимались как интегральная часть авторского замысла — их автором считался Барков. Вторая причина — из области поэтической техники. «Перенос позволен, — провозгласил Кантемир. — А весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому ж без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифм повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония» (414). Обилие межстиховых переносов ускоряет чтение и течение стиха, сложные инверсии и семантические «ловушки» могут не замечаться. Но все же главная роль в «приближении к простому разговору» отведена лексике.

Просторечие ворвалось в сатиру столь стремительно и властно, что до сих пор некоторые слова печатаются с отточиями. О языке сатир написано много и написано справедливо. Мне бы хотелось выделить один аспект. Часто цитируют признание Кантемира, что «автор писал простым и народным почти стилем», забывая продолжение фразы: «...в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты» (268). О каких правилах может идти речь? Никаких русских правил не было и быть не могло. Кантемир, создавая свой язык, исходил из правил классической сатиры. Остановлюсь на одном аспекте языка Кантемира — на пословицах.

Употребление пословиц и поговорок сатириком изучено подробно с точки зрения проблемы «литература и фольклор». [7] Это, безусловно, допустимый и необходимый аспект изучения, и оно бы только выиграло, если бы можно было доказать, что Кантемир понимал пословицу как фольклорный жанр. Между тем в конце XVII — первой трети XVIII в. «пословица» означает прежде всего «слово», «высказывание», [8] и собирали их, имея в виду их лингвистическое и фразеологическое значение. Пословица в литературном тексте была прежде всего фактом и признаком разговорного языка, недаром употребление пословиц в текстах той поры сопровождается квалификаторами типа «как говорят». Однако в этих сборниках зафиксированы не только пословицы и поговорки, но и явно книжные выражения, которые просто были на слуху, как библейские крылатые слова, так и цитаты из литературных произведений. [9]

---

[7] См.: Русская литература и фольклор: (XI—XVIII вв.). Л., 1970. С. 111—113; *Леонов С. А.* Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 312—326. Далее ссылки на эту работу даются в тексте сокращенно: Леонов с указанием страницы.

[8] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 184—185.

[9] См., в частности: *Адрианова-Перетц В. П.* Библейские афоризмы и русские пословицы // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 8—12; *Малэк Э.* Рукописные сборники пословиц и поговорок как материал для изучения репертуара русской литературы переходного периода // Acta Universitatis Lodziensis. Folia litteraria. Łódź, 1989. T. 25. S. 3—11. Предисловие к сборнику пословиц конца XVII в. перепечатано в кн.: Древнерусская притча. М., 1991. С. 305—307.

Другое дело, что для нас эти сборники и отдельные употребления являются фольклористическими фактами, для Кантемира это было живое использование метких слов, т. е. проблемой языка. Кстати сказать, само по себе употребление или неупотребление пословиц ни о чем не говорит. То, что их нет в «Житии» Аввакума или в стихах Ломоносова, ничуть не уменьшает их национального значения в истории русского литературного языка. Кантемир же вполне следует рекомендациям европейских гуманистов, в частности Эразма Роттердамского: пословицы — украшение стиля. Примечательно, что Кантемир в примечаниях объясняет пословицы, что довольно необычно, так как объяснение фразеологии носителю языка излишне. Например: «*Вилами по воде писать* — русская пословица, значит то же, что напрасно труд свой терять, понеже на воде букв изображение удержаться не может» (170). В другом случае он для русской пословицы подбирает латинскую этимологию: «Ведь и в щах нет смаку без соли. — *Без соли.* В стихотворстве забавные и острые речи латин соль называются, и для того говорит автор, что смеялся иным для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смешками посолил ее, чтоб была вкуснее уму чтущих» (238). [10] Добавлю, что и в пословице «вилами по воде писать» русские суть собственно только вилы, так как латинское выражение in aqua scribere известно издавна и встречается, например, у Катулла. [11]

Рассмотрение пословиц и поговорок Кантемира необходимо должно учитывать вопросы интернационализации фразеологического фонда. Безусловно, значительная их часть — исконно русские. Но в их число неосновательно зачислены библеизмы и цитаты из римских классиков. Например: «Слово, однажды выпущенное из уст, летит невозвратно» (408). Цитата взята из «Письма <...> о сложении стихов русских». Кантемир источника не указал, но в данном случае он дословно процитировал свой же перевод послания Горация, [12] еще раз это же место он процитировал (в оригинале и в переводе) в примечаниях к третьей сатире (см. 103). Очевидно, что сопоставление этой фразы с пословицей «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» (Леонов, 315) не имеет оснований. Напротив, сопоставление фразы «Слепец, как ведет слепца, в яму упадают» (233) со сборником пословиц конца XVII в. («Слепец слепца ведутся, а оба в яму упадутся» — Леонов, 315) совершенно справедливо. Дело, однако, в том, что это известные евангельские слова (Матфей 15, 14; Лука 6, 39).

В разряд авторских афоризмов, ставших пословицами, С. А. Леонов относит фразу «Виноград насадив, терние ращают» (131; Леонов, 318). Кантемир же поясняет это выражение: «Сиречь что за добро зло им воздается. Не помню в коем месте Бог чрез пророка Исайю говорит: “Насадих виноград и возрасте терние”» (143). Не-

---

[10] Ср.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 155—157.

[11] См.: Там же. С. 343.

[12] См.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 501—502; *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. С. 237, 492.

смотря на то что ни в книге пророка Исайи, ни вообще в Библии этих слов нет, сознательная ориентация Кантемира на библейскую фразеологию очевидна.

Стих VII сатиры:

Относят к сердцу глаза весть уха скорее (161) —

явно восходит к афоризму Сенеки «Люди больше верят глазам, чем ушам». [13] А следующий стих:

Пример наставления всякого сильнее (161) —

Кантемир комментирует: «Свыше всякого совета, свыше всякого наставления пример силен. Ролен, следуя Сенеке, того ж мнения» (168). Сенеку Кантемир не цитирует, но имеет в виду его слова «Долог путь поучений, короток и успешен путь примеров». [14] Также и выражение «Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях» (110) восходит не к русской пословице «На язычке медок, а на сердце ледок» (Леонов, 314), а к словам Плавта «В меду ваш язык, но сердце в желчи». [15] Примечательно, что свой стих Кантемир разъясняет так, как обычно он делает в отношении заимствованных или книжных выражений: «То есть весь гнев, всю злобу в себе таи, а словами льсти» (116).

Из выражений, которые Кантемир, по мнению С. А. Леонова, взял «непосредственно из народной речи» (Леонов, 316), отметим еще два. Для стиха из III сатиры «Кастор любит лошадей, а брат его — рати» (99) Кантемир сам указывает в примечаниях источник у Горация (108). А выражение «с глаз <сойти>» (72) восходит либо к Проперцию, [16] либо к латинской поговорке «Procul ex oculis, procul ex mente».

Первый стих VI сатиры «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен» (147) напрасно сопоставляется с пословицей «Кто малым недоволен, [17] тот большого не достоин» (Леонов, 316). По смыслу эти выражения далеко не эквивалентны, даже противоположны. В стихе Кантемира отчетливо слышна горацианская тема, уместно привести и слова Сенеки: «Disce parvo esse contentus» («Учись малым быть довольным»). [18]

---

[13] См.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. С. 317; *Тимошенко И. Е.* Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. С. 47.

[14] См.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. С. 416.

[15] См.: *Тимошенко И. Е.* Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц. С. 93; *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. С. 439.

[16] См.: *Тимошенко И. Е.* Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц. С. 113.

[17] С. А. Леонов цитирует пословицу не точно: «Кто малым доволен». Ср.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М.; Л., 1961. С. 55.

[18] См.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1901. Т. 1. С. 77.

Завершая III сатиру, Кантемир говорит о стихах:

кто же мои (и я не без пятен)
Исправит — тот честен мне будет и приятен (99) —

и комментирует: «*И я не без пятен*. И я не без погрешен[illegible] (108). Книжный характер выражения выдает двойное отрицание, скорее всего, это парафраз вошедшего в пословицу стиха Горация «Vitiis nemo sine nascitur». Впрочем, не исключено, что это библеизм (ср.: «Никто же без греха, един токмо Бог»). Для Кантемира возможна и контаминация обоих источников. Для «Песни II. О надежде на Бога» «основание» Кантемир взял «из Евангелия и Горация», заметив: «Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются» (204). Цель этого паремиологического экскурса, по необходимости беглого и краткого, — показать, что как просторечие Кантемира осложнено латинизированным синтаксисом, так и исконно русская фразеология инкрустирована классическими цитатами, а какие-то фразеологические единицы созданы явно самим Кантемиром.

Завершая наблюдения над поэтическим стилем Кантемира, приведу выдержку из его «Письма... о сложении стихов русских». Порицая французский язык, он говорит: «Язык французский не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять <...> Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в преложении (т. е. инверсии. — *С. Н.*), которое не только стих, но и простую речь украшает» (408). Эта формулировка исключительно полно и ясно отражает всю титаническую работу Кантемира над стилем сатир. Впервые в истории русской поэзии он поставил и выполнил задачу по созданию поэтического языка («стихотворного наречия»), причем понимал его функцию вполне в духе лингвистических концепций XX в. По его мысли, поэтический язык должен отличаться от языка литературного («обыкновенного простого слога») как лексически, так и синтаксически. Поразительный поэтический стиль Кантемира — не меньшее по значению создание, чем сам жанр сатиры, причем одно создавалось для другого. Но в отличие от жанра, который сразу вошел в литературу и создал автору славу, стиль сатир в литературе не привился.

Что позволяет прийти к такому выводу? В 1740—1760-х гг. были написаны разными авторами три сатиры в подражание Кантемиру. В сатире «На состояние сего света. К Солнцу» подражание Кантемиру наиболее очевидно, она была включена в корпус его сочинений (см. 181—189). Две другие сатиры, опубликованные В. Н. Перетцом — «Сатира на скупого человека» и «Descriptio Bacchi», также подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования.[19] Однако в так называемой IX сатире нет следов разбиравшегося ра-

---

[19] См.: *Перетц В. Н.* Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1, № 2. С. 335—357.

нее поэтического синтаксиса Кантемира, она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. Межстиховые переносы ограничены рифмующимся двустишием, и только один раз фраза переходит в следующее двустишие. В тексте не ощущается привычная у Кантемира классическая подкладка, а в примечаниях нет и следа его блестящей эрудиции. В «Сатире на скупого человека» инверсий и переносов нет, нет и неясных синтаксических мест, только в сатире на пьяниц много переносов, но в целом «стихотворного наречия» Кантемира нет и здесь. К тому же у Кантемира «переносимая» часть синтаксической единицы более краткая (обычно не доходит до цезуры) и меньше связана по смыслу с последующим текстом. Именно такой тип переносов был позднее «несносен» и «противен нежному слуху» Тредиаковского.[20] Обе сатиры, кстати, написаны в семинарской среде, где латинские штудии были в программе, но это никак не повлияло на верное воспроизведение стиля Кантемира.

Издания сатир 1762 и 1956 гг. — это прежде всего зафиксированное прочтение и понимание текста. И. Барков, как известно,[21] исправлял слог и синтаксис по своему вкусу и в соответствии с литературной нормой своего времени, устраняя как отдельные церковнославянизмы, так и некоторые просторечные слова. Изд. 1956 стремилось авторский текст сохранить, но, как было показано ранее, не приняло ряд сложных чтений. Кстати, и это издание поновляло лексику: так, вместо «посмешка» академического списка 1755 г. в изд. 1956 читаем «насмешка», вместо «странноприимство» — «гостеприимство», вместо «похлебник» (т. е. льстец) другое по смыслу слово «нахлебник», вместо «подошево» — «подошва», вместо «чоколад» — «шоколад» и др.

Можно назвать две причины невосприятия поэтического стиля Кантемира в XVIII в. Об одной было уже сказано в самом начале статьи. Простота стиля его сатир — это видимая простота. В действительности поэтический язык Кантемира элитарен. Добиться такой простоты при истинном подражании можно лишь колоссальным трудом и то при наличии образованности, равновеликой той, что была у Кантемира. Его элитарный стиль был реакцией на «неприятную монотонию» старой силлабики, на стихотворную продукцию, например, Иоанна Максимовича, о котором и высказался пренебрежительно, и других поэтов, пишущих, «стоя на одной ноге». И Кантемир был не одинок в своих оценках Несколько ранее Феофан Прокопович писал одному из знакомых, что «в академии стихотворствуют до тошноты». Сам Феофан ушел в поэзию для себя, недаром XVIII в. не знает Прокоповича-поэта — о его стихах не упоминают ни В. К. Тередиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», ни Н. И Новиков в «Опыте историче-

---

[20] См.: *Тредиаковский В. К.* Соч. и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 109; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 346.

[21] См.: *Моисеева Г. Н.* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. // Рус. литература. 1967. № 2. С. 102—115.

ского словаря о российских писателях». Но как бы Кантемир ни осознавал свое новаторство на фоне этой традиции, и как бы он ни объяснял свой стиль в примечаниях — он не был услышан.

Вторая причина более объективного характера, и здесь он был бессилен. Создавая новый поэтический язык, Кантемир стремился отделить его от «обыкновенного простого слога», т. е. языка литературного. Но все дело в том, что литературного общепринятого языка еще не было,[22] а церковнославянский стремительно утрачивал эту функцию, что и ощущал Кантемир. Как раз на первые десятилетия XVIII в. приходятся поиски основы литературного языка, завершившиеся в конце концов в трудах М. В. Ломоносова. Но с точки зрения теории трех стилей, да и на фоне новой русской поэзии в целом язык Кантемира мог, вероятно, производить впечатление если не стилистической какофонии, то неупорядоченности. Реформа русского стиха тоже не способствовала лучшему усвоению особенностей его поэтики. А. С. Пушкин в черновых набросках плана статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».[23] Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика остался непререкаемым, но новая русская литература усвоила жанр, а поэтический стиль остался свидетельством эстетических исканий Петровской эпохи, порождением которой он и был.

---

[22] См.: *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1990.

[23] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 495.

Й. КЛЕЙН

РЕФОРМА СТИХА ТРЕДИАКОВСКОГО В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Памяти Л. В. Пумпянского

«Что еще можно здесь сказать?» — такой скептический вопрос задан в заглавии одной из статей о русской стиховой реформе. [1] В самом деле, тема эта отнюдь не принадлежит к пренебрегаемым областям науки, однако в ней еще есть неясности. Они касаются вклада Тредиаковского, и в особенности его «Нового и краткого способа», положившего в 1735 г. начало реформе. [2]

Автор предлагаемой работы придерживается неоднократно высказывавшегося мнения, что представление Тредиаковского о новом стихе сложилось под воздействием немецкого образца. [3] При этом ставится вопрос, при каких условиях эта модель-образец могла стать действующей в России. Что касается факта упорного замалчивания Тредиаковским своей ориентации на этот образец, то причина, на наш взгляд, состоит в особом понимании Тредиаковским русской культуры и того, как она соотносится с культурой Западной Европы.

Такой подход обогащает взгляд Тредиаковского на новый русский литературный язык определенной культурно-исторической пер-

---

[1] *Smith G. S.* The Reform of Russian Versification: What more is there to say? // Study Group on Eighteenth-Century Russian Newsletter. 1977. № 5. P. 39—44.

[2] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний (1735) // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 365—420.

[3] В противоположность этому точку зрения чисто национального развития разделяют Л. И. Тимофеев (см.: *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. Гл. 6: Реформа Тредиаковского и Ломоносова) и его последователи, в особенности Б. П. Гончаров (см.: *Гончаров Б. П.* 1) О реформе русского стихо-сложения в XVIII веке: (К проблеме ее национальных истоков) // Рус. литература. 1975. С. 51—69; 2) Стиховедческие взгляды Тредиаковскго и Ломоносова: Реформа русского стихосложения // Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 73—92).

© Й. Клейн, 1995
© Н. Ю. Алексеева, перевод, 1995

спективой,[4] а также многое определяет в его концепции нового русского стиха.

Как будет показано, для Тредиаковского вопрос о новом стихе простирается за пределы литературы и затрагивает такие фундаментальные вопросы, как самоопределение русской культуры и развитие русского национального самосознания.

Кризис русской силлабики

В первой половине XVII в. Мартин Опитц и его последователи проводят в жизнь реформу немецкого стиха. Событие это имеет свою историческую аналогию в реформе русского стиха 1730-х гг. Суть реформы заключается в переходе от силлабики к силлабо-тонике. В Германии следовали голландскому образцу,[5] в России — немецкому. Mutatis mutandis: в России повторяется то же литературное движение, которое перед тем имело место в Германии. Сравнимы и обстоятельства. В 1647 г. Г. Р. Веккерлин в предисловии к своим «Weltlichen Gedichten» писал: «vor vielen jahren [haben wir] vil Frembde / doch vnserer Sprach wolkundige vnd gelehtre Herren / unserer Poesie mangel vnd vnmoglichkeit furgeworfen...»[6]

В развитии русской литературы критический взгляд иностранцев, владеющих языком (в России первой половины XVIII века это прежде всего немцы), также играет важную роль. Реформа Опитца прошла столь успешно, что начиная с XVIII в. казалось, что в Германии нет никакой альтернативы силлабо-тоническому стиху. Всякий поэт, отклонявшийся от него, навлекал на себя нарекание в плохом стихотворстве. Подобный упрек относился не только к немецкой поэзии, но и к силлабической поэзии романских народов, в частности французов, над которыми теперь, после реформы немецкого стиха, можно было по крайней мере в одном отношении чувствовать свое превосходство.[7]

В качестве абсолютной нормы силлабо-тоника предъявила свои права и тогда, когда немцы соприкоснулись с русской силлабикой, прежде всего в лице пастора Глюка и магистра Паузе.[8] Связана

---

[4] *Алексеев А. А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982; *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. М., 1985; *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. М., 1990.

[5] Heusler A. Deutsche Versgeschichte. Berlin; Leipzig, 1929. Bd. III. S. 63; *Wagenknecht Ch.* Weckherlin und Opitz: Zur Metrik der deutschen Renaissancepoesie. München, 1971.

[6] <«За много лет до этого чужестранные, однако прекрасно владеющие языком нашим и ученейшие мужи порицали нашу поэзию в скудости и несовершенстве»>. *Weckerlin G. R.* Gedichte. Stuttgart, 1972. S. 118 («Vorrede. An den freindlichen Lesern»).

[7] *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. Bd. III. S. 119.

[8] *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 31.

ли реформа Тредиаковского с их попытками перенести силлаботоническую систему в Россию? [9] Это остается неизвестным [10] Но не в этом же дело

Как сотрудник петербургской Академии Тредиаковский жил и работал в окружении, в значительной мере находившемся под влиянием немецкой культуры [11] Немецкая поэзия была той постоянной величиной, с которой русским поэтам приходилось соизмерять свою деятельность — будь то литературная беседа или сравнение оригинала с переводом В обязанности академических немцев входило создание панегирических од императрице Анне и ее вельможам Прежде всего здесь следует назвать академических профессоров «элоквенции и поэзии» Г Ф Юнкера и Я Штелина Их стихи переводились на русский Тредиаковским, позднее Ломоносовым, реже наоборот (например, Юнкер перевел на немецкий оду Тредиаковского «О здаче города Гданска» (1734)) [12]

Оба варианта появлялись, как правило, одновременно они печатались либо один вослед другому, либо, как в случае с гданьской одой, параллельно, таким образом, чтобы каждая русская строфа соответствовала немецкой Такое расположение обусловливалось не только прагматическими соображениями — особенно в тех случаях, когда перевод выполнялся не прозой, а стихами

В трактате о теории жанра оды, следовавшем за гданьской одой, Тредиаковский в заключение говорит о переводе Юнкера и ставит его выше собственного оригинала «Я не сомневаюся, что перевод немецкой по всему красняе и осанковатее» [13] Этот реверанс более высокопоставленному по служебному положению Юнкеру не следует понимать буквально Тем не менее ясно параллельное печатание оригинала и перевода имело и эстетический смысл Читателю предлагалось решить на должном ли художественном уровне находятся русские стихи в сравнении с немецкими Такое сравнение могло от-

---

[9] *Перетц В Н* Из истории развития русской поэзии XVIII в *Топоров В Н* Глюк и «немецкая» русская поэзия первой трети XVIII в // Ломоносов и русская культура Тезисы докл конф посвященной 275 летию со дня рождения М В Ломоносова (28—29 ноября 1986 г) Тарту 1986 С 11—16

[10] *Пумпянский Л В* Тредиаковский // История русской литературы М , Л , 1941 Т 3 С 220, *Вишневский К Д* Русская метрика XVIII века // Учен зап Пензенского гос пед ин та Сер филол 1972 С 134—138, *Smith G S* The Contribution of Gluck and Paus to the Development of Russian Versification // Slavic and East European Review 1973 № 51 P 22—35

[11] *Берков П Н* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха) // XVIII век М , Л , 1935, 2) Deutsche Dichtung im literarischen Bewußtsein russischer Dichter in der erster Halfte des 18 Jahrhunderts V K Trediakovskij // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitat Rostock 1956/57 № 6 S 7—12, *Пумпянский Л В* Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник М , Л , 1937 С 157—186, *Smith G S* The German Poets of the Academy and their Russian Translators 1727—1741 // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter 1977 № 5 P 12—14, 2) The Most Proximate West Russian Poets and the German Academicians 1728—1741 // Russia and the World of the Eighteenth Century Columbus Ohio 1986 P 360—370

[12] *Тредиаковский В К* Ода торжественная о здаче города Гданска СПб 1734

[13] Там же (Рассуждение об оде вообще)

носиться и к стиховой форме перевода. В 1736 г., уже после выхода «Способа», Тредиаковский переводит оду Штелина на победу русских при Перекопе и в ней возвращается на позиции силлабики, о чем речь впереди. В заметке, написанной на французском языке не ранее 1769 г. (год смерти Тредиаковского), Штелин вспоминает критическую реакцию современников: «Г. Тредиаковский слышал от некоторых знатоков, что в немецком оригинале несравненно более гармонии, чем в русском переводе». [14]

В сущности перед нами вариант тех поэтических состязаний, которые позднее будут происходить между русскими поэтами на родном языке. Предметом критического обсуждения становится не столько вопрос о талантах авторов, сколько языковая и версификационная основа их творчества. [15] Соревнование немецких и русских текстов способствовало взаимному ознакомлению и сравнительному обсуждению литературных систем: сравнение с чужой побуждало увидеть свою в новом свете. Когда Тредиаковский в более поздней статье касается предыстории своей реформы, он драматизирует происшедшее, представляя его как некое озарение, и указывает, что именно критика привела его к внезапному осознанию, что поэзия его «не состоит стихами, выключая рифму, но точно странными некакими прозаическими строчками». [16]

Недовольство Тредиаковского доставшейся ему в наследство силлабикой коренится в осознании той другой и, как мыслилось, лучшей возможности, представленной в его непосредственном окружении немецкой силлабо-тоникой. Это привело к острому кризису силлабики. Первоначально она была перенята из допетровской культуры и с тех пор неоднократно себя оправдывала. Уже в 1710-е гг. она служила не только духовной, но и светской поэзии. Силлабикой кроме панегирических стихов писались многочисленные любовные песни, [17] не в последнюю очередь и Тредиаковским. К началу Петровской эпохи силлабика, может быть, еще была связана (так же, как и церковнославянский язык) церковными, «далекими от Европы» ассоциациями старомосковской культуры. Со временем эти представления если и не исчезают вовсе, то во всяком случае бледнеют. Кантемир в 1720-х гг. без каких бы то ни было сомнений использует силлабику для своих переводов и подражаний сатирам Буало. Так же поступает и Тредиаковский, когда в 1734 г. в своей оде «О зда-

---

[14] M. Trediakovsky <...> entendit de plusieuers <sic!> Connoisseurs que dans l'original allemand regnait infiniment plus d'harmonie que dans la Traduction Russe — *Тредиаковский В. К.* Собр. соч. /Изд. П. Перевлесского. М., 1849. С. 111.

[15] *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме: Состязания и переводы //Poetica 4. Л., 1928. С. 126—148; *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 232—246.

[16] *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском (1755) // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 441.

[17] *Позднеев А. В.* Рукописные песенники XVII-XVIII веков: Из истории песенной силлабической поэзии // Учен. зап. Московского заочного пед. ин-та. 1958. № 1; *Sullivan J., Drage C. L.* Russian Love-Songs in the Early Eighteenth Century: A Manuscript Collection. London, 1988. T. 1—3.

че города Гданска» следует образцу оды Н. Буало «На взятие Намюра». Тематика и жанровый ореол, заимствованные из Франции, приводят к завершению семантического обновления старого стиха — русская силлабика окончательно теряет свою одиозность как реликт пережитой эпохи и может восприниматься теперь как равноценный эквивалент французской силлабики. В свете французской ориентации традиционный стих получает современное европейское звучание. С этой точки зрения не было никаких оснований его отвергать. [18]

Это меняется только тогда, когда русская поэзия стала восприниматься с позиций не французской силлабики, а немецкой силлабо-тоники. На фоне ритмического однообразия, проистекавшего из регулярного распределения ударений в словах, русские силлабические стихи действительно могли казаться «прозаическими». Для Тредиаковского, решительного приверженца французской культуры, такое восприятие станет несомненным только тогда, когда он начнет разделять взгляд академических немцев вроде Штелина, согласно которому переход от силлабики к силлабо-тонике считался художественным прогрессом и отдавалось бесспорное предпочтение одной системе перед другой. Кантемир был другого мнения.

И в самом деле, трудно понять, почему менее регулярный, приближенный к естественному ритму языка прозы стих должен быть хуже стиха, который своей силлабо-тонической регулярностью ударений в свою очередь может вызвать упрек в монотонности. [19]

При каких предпосылках немецкая силлабо-тоника смогла затмить русскую силлабику? Решающим фактором стала эстетика европейского классицизма. [20] Она образует ту общность, которая в первую очередь делает возможным литературно-критический диалог Тредиаковского с петербургскими немцами и объясняет его восприимчивость к их аргументам. Силлабо-тонический стих отвечал классицистическому пристрастию к единообразной форме и сглаженности. В этом отношении Кантемир со своей склонностью к менее регулярному стиху — представитель другой эстетики, барочной. Когда позднее, во второй половине XVIII в., немецкая литературная критика обрушится на монотонность силлабо-тоники и господство ямба, это произойдет под знаком преромантической полемики против классицизма Опитца и Готшеда. [21] Подобный протест в конце века можно услышать и в России: рассуждают о ритме, который должен следовать свободным формам русской народной поэзии, и критикуют стесне-

---

[18] Другое мнение см.: *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 26; *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский С. 222; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 210.

[19] *Кантемир А. Д.* Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских // Кантемир А. Д. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 407—428; ср.: *Гаспаров М. Л.* Русский силлабический тринадцатисложник // Metryka słowiańska. Wrocław, 1971. S. 59.

[20] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. С. 40.

[21] *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. S. 66; *Wagenknecht Ch.* Weckherlin und Opitz. S. 73.

ние русского языка ямбическими и хореическими метрами «иноземной» метрики.[22] Под эгидой романтически понятого национального начала этот протест направляется против нормативного сознания классицизма, рассматривавшего ритмическое единообразие не как недостаток, а как преимущество.

Благоприятным обстоятельством с точки зрения классицизма было и то, что силлабо-тонический стих в силу своей повышенной регулярности явственнее противопоставлен прозе, чем силлабический, а вместе с тем ярче очерчен в своей эстетической специфике.[23] То же пристрастие классицизма к четким разграничениям сказалось и в поэтике жанров. Сумароков в эпистоле «О стихотворстве» настойчиво предостерегает от смешения жанров: «Знай в стихотворстве, ты различие родов / И, что начнешь, ищи к тому приличных слов».[24] Разумеется, классицистические нормы были обязательны и для французских авторов и их силлабической поэзии. Противопоставление стихов и прозы во Франции было не менее обязательным, чем в России.[25] В «Art poétque» Буало находим похвалу Малербу, который «первый дал французам / Стихи, подвластные размера строгим узам» (имеется в виду равномерное распределение ударений).[26] Силлабо-тонический принцип не мог, однако, утвердиться во Франции.[27] При просодических условиях французского языка с его слабыми, нефонологическими словесными ударениями ощутимую дистанцию по отношению к прозе обеспечивали рифма, цезура и фиксированное количество слогов. В противоположность этому, если в России такой важный элемент языка, как фонологическое ударение, не был использован в ритмической организации стиха, то с позиций классицизма возникал вопрос о более резком различении стиха и прозы, чем это было возможно во Франции. И в этом отношении снова напрашивается сравнение с немецким стихом.[28]

---

22 Ср. неоконченное стихотворение Н. А. Львова «Добрыня. Богатырская песня» (1796) // Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 231. По словам современного комментатора, русская поэзия должна была освободиться от «порабощения» ямбами и хореями. Во имя «русского вкуса» следовало покончить с силлабо-тоникой (там же. С. 519). Мы увидим, что представление о родном и чужом в значительной степени определяет и взгляд Тредиаковского на метрику.

23 *Гаспаров М. Л.* Оппозиция «стих—проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 269.

24 *Сумароков А. П.* О стихотворстве // Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 117 (стихи 73—76).

25 Ср.: *Томашевский Б. В.* Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 12.

26 *Буало Н.* Поэтическое искусство: Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 427.

27 *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. С. 136.

28 *Пумпянский Л.В.* Тредиаковский. С. 222. Ср. противоположную точку зрения: *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959; *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. Л., 1972. «Прозаический» характер силлабического стиха, ущербный в глазах обоих авторов, в свое время, вероятно, сглаживался особенной декламацией, вроде той, что сохранилась в церковном богослужении. Это лишь гипотеза: как в действительности произносились силлабические стихи — неизвестно.

Тем не менее победное шествие силлабо-тоники, приведшее в России за несколько лет к крушению и продолжительной дискредитации процветавшей до тех пор традиции силлабической поэзии, факт все-таки удивительный. Чем же он объясняется?

Тредиаковский отрицает стиховую природу силлабики, за ним следует Ломоносов и уже de facto литературная публика. Здесь сказалось не только чрезмерное рвение неофитов к новшествам, но и особенность истории русской культуры XVIII в. Это проявление антитрадиционалистского радикализма, так характерного для реформаторской политики Петра I с ее идеалом «регулярного» государства. В первые годы после смерти Петра это проникает и в литературное сознание,[29] что выражается в программе, не предусматривавшей никакой кодификации прежней национальной традиции, как это имело место во Франции и Германии. Напротив, под знаком самоуверенного ratio и под влиянием западноевропейского образца прежняя традиция отвергается в пользу традиции новой, которую только еще предстояло создать. В этом отношении «Способ» Тредиаковского, равно как и позднейшее «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова и эпистола «О стихотворстве» Сумарокова, близки тем «регламентам», с помощью которых Петр I хотел порвать с прошлым и создать разумный порядок новой России.

Тому же требованию подчиняется и реформа стиха. С полным правом ее можно охарактеризовать как «рациональную регуляцию стиха».[30] Здесь же кроется основная причина ее успеха: она отвечает идеалам петровской культурной революции.

Новый стих должен был быть не только красивее, но и «разумнее», чем старый. Своей равномерной сглаженностью он должен был влиться в рациональную структуру «регулярного» государства. Совсем по-петровски Тредиаковский гордится тем, что именно он первый привел «в порядок» русский стих.[31] Тем же представлением объясняется и ригоризм раннего Ломоносова. Вполне сознавая все трудности, он призывает следовать немецкому образцу, используя

---

[29] *Серман И. З.* Просветительство и русская литература первой половины XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 32; *Klein J.* Sumarokov und Boileau. Die Epistel «Über die Verskunst» in ihrem Verhältnis zur «Art poétique»: Kontextwechsel als Kategorie der vergleichenden Literaturwissenschaft // Zeitschtift für Slavische Philologie. 1990. № 50. S. 266, 280.

[30] *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 99.

[31] Ср. обе цитаты: *Куник А.* Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Т. 1. С. XVIII (примеч. 14), L. Впервые это выражение встречается у Тредиаковского в речи 14 марта 1735 г. на открытии «Российского собрания», в которой он сообщает о своем намерении в скором времени «привести в порядок» русский стих. *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. Л., 1935. С. 332. Ср. также «Способ» и «Предуведомление» к «Псалтири», где речь идет о силлабической эпохе как о времени, когда «стихотворение наше не имело еще правил и не было приведено в порядок». См.: *Шишкин А. Б.* Неизданные тексты В. К. Тредиаковского // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 5. «Привести в добрый порядок» — об употреблении этого выражения в указах Петра I см.: *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. М., 1989. С. 235.

новые возможности русской просодии: следовать силлабо-тонической схеме пунктуально, отвергать не только спондеи, но и пиррихии и, таким образом, довести новый принцип «порядка» до абсолюта.[32] Ломоносов вскоре удостоверился, что для русского языка требование это едва ли выполнимо.

Однако и для других поэтов русского классицизма употребление пиррихия — это не благоприятная возможность разрыхления и ритмического варьирования русского стиха, а лишь позволенное уклонение от идеального порядка. Пиррихий воспринимается Тредиаковским и Сумароковым как порок, которого почти невозможно избегнуть при особенностях русского языка.[33]

Почему Тредиаковский замалчивает немецкий образец?

Эстетика европейского классицизма, просодические свойства русского языка и петровский идеал «порядка» — вот те условия, при которых силлабо-тоническая система немецкого стиха могла восторжествовать над русской силлабикой. Программная «Эпистола <...> к Аполлину» — одно из тех произведений, которым Тредиаковский иллюстрирует главные положения теории нового стиха.

Давая в «Способе» широкий обзор европейской литературы, он не скупясь перечисляет образцовых авторов. Среди них немало немецких поэтов, так Опитц назван «обновителем» и «стихов <...> отцем».[34] Нет сомнения, Тредиаковскому была известна реформа немецкого стиха, и, очевидно, он хотел нечто подобное осуществить

---

[32] *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 7. С. 13.

[33] *Сумароков А. П.* О стопосложении // Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935. С. 386 (...«но знали бы писатели, что чистые хореи и чистые ямбы превосходняе пиррихий, и еще превосходняе во пресечении стиха. Длина слов наших извиняет писателя во употреблении пиррихиев; ибо без сея вольности и стихов сочинять б не можно; хотя попеданствовати для диковинки и можно...»). Последнее направлено против Ломоносова. Сдержаннее высказывается Тредиаковский. Но и для него пиррихий только следствие «необходимой нужды»: *Тредиаковский В. К.* Предъизъяснение об ироической пииме // Тредиаковский В. К. Соч./Изд. Смирдина. СПб., 1849. Т. 2. С. LXX. Ср.: *Бонди С.* Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 107. Одические поэты русского классицизма старались избегать пиррихиев, особенно остерегаясь употреблять их в начальных строках своих «чистых» ямбов.

[34] *Тредиаковский В. К.* Эпистола от Российской поэзии к Аполлину // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 392. Тредиаковский следует немецким авторам, которые также называли Опитца «отцом» новой немецкой поэзии (*Heusler* A. Deutsche Versgeschichte. S. 124). О традиции топоса — основателя и изобретателя — в России см.: *Thiergen P.* Translationsdenken und Imitationsformeln. Zum Selbstverständnis der russischen Literatur des XVIII und XIX Jahrhunderts // Arcadia. 1978. № 13. S. 24—39. В условиях петровской России представления такого рода получают специфическое значение. В особенности это относится к метафоре «отец». У Петра I, как известно, был титул «отца Отечества» (pater patria), отражающий его роль основателя новой России (представление о «заботливом отце» стушевывается). Это проливает свет на притязания Тредиаков-

в России. Тем разительнее, с другой стороны, факт, что он, в отличие от Ломоносова, который открыто говорит о своих источниках,[35] нигде не признается в немецкой ориентации своей программы и даже в цитированном месте уделяет внимание только успеху реформы Опитца, а не ее сущности. Он предпочитает приводить другие образцы — в различных обстоятельствах он называет такие разнородные источники, как русский фольклор,[36] классическую античность[37] и даже поэзию Хорватии.[38] Аналогичным образом Тредиаковский проявляет себя в 1766 г., когда он, вновь следуя немецкой традиции, изобретает в «Тилемахиде» русский гекзаметр:[39] в теоретическом объяснении, предваряющем публикацию, отсутствуют какие-либо

ского. Как основатель нового русского стиха он охотнее стал бы, вероятно, «русским Опитцем». См.: *Drage C. L.* The Introduction of Russian Syllabo-Tonic Prosody // The Slavonic and East European Review. 1976. № 54. P. 493. Однако в первую очередь он хотел следовать Петру I и прослыть основателем поэзии новой России. Как известно, притязания его не были удовлетворены; «отцом русской поэзии» и «Петром Великим русской литературы» вошел в сознание потомков не Тредиаковский, а Ломоносов. Ср.: *Reyfman I.* Vasilii Trediakovsky: The Fool of the New Russian Literature. Stanford, California, 1990.

35 Рассматривая чередование рифм, Ломоносов пишет: «Российские стихи так же, кстати, красно и свойственно сочетаться могут, как и немецкие». Перед этим он *порицает французских поэтов за то, что они пренебрегли немецким правилом* разделять стих на стопы (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 15, 16).

36 *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению стихов российских // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 384. Подобные ссылки находим и в других статьях Тредиаковского. Ср.: *Якобсон Р. О.* Влияние народной словесности на Тредиаковского (1915) // Jakobson R. O. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. P. 613—633; *Гуковский Г. А.* Тредиаковский как теоретик литературы // XVIII век. Л., 1964. Сб. 6. С. 47, 55; *Бомштейн Г. И.* Тредиаковский-филолог и фольклор // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 249—272. На интересе Тредиаковского к фольклору основывает свою точку зрения Б. П. Гончаров, полемизируя с Р. Силбайорисом, с его «Introduction» (*Silbajoris R.* Russian Versification: The Theories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir. New-York; London, 1968). Б. П. Гончаров ставит под сомнение значение иностранной модели для стиховой реформы Тредиаковского. (См.: *Гончаров Б. П.* О реформе русского стихосложения в XVIII веке: (К проблеме ее национальных истоков) // Рус. литература. 1975. № 4. С. 52, 56. Р. Силбайорис действительно недооценивает интерес Тредиаковского к русскому фольклору. Тем не менее ссылку Тредиаковского на русский народный стих как образец его реформы нельзя принимать за чистую монету. Тредиаковский хочет этим лишь указать на дистанцию между его новым стихом и стихом немецкого образца, подчеркивая тем самым его национальное своеобразие; об этом ниже. Под немецким влиянием находится, таким образом, не только его теория стиха, но и его понимание фольклора. В ритмическом богатстве народного стиха Тредиаковский находит те тенденции, которые близки его новому стиху. Это было возможно лишь в свете определенной теории. Имею в виду теорию о метрическом значении словесного ударения в новых языках, сформулированную в немецких поэтиках задолго до Опитца. Тредиаковский применяет эту теорию к русскому народному стиху, интерпретируя его ритм в духе немецкой силлабо-тоники, и игнорирует все явления ритма, которые такой интерпретации не поддаются.

37 Lettre d'un russien à un de ses amis, écrite au sujet de la nouvelle versification russienne (1736) // Тредиаковский В. К. Собр. соч. С. 107. Русский перевод см.: *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. С. 354—357.

38 *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 442.

39 *Пумпянский Л.В.* Тредиаковский. С. 229; *Burgi R.* A History of the Russian Hexameter. Hamden, Connecticut, 1954. P. 53.

указания на немецкий источник. Можно добавить, что и в других случаях Тредиаковский предпочитает умалчивать о своих источниках. Когда он под впечатлением, произведенным ломоносовским «Письмом», счел необходимым коренным образом переработать «Способ» и издать его заново, он подчеркивает свой приоритет основателя новой русской поэзии и ни словом, ни даже намеком не упоминает своего младшего соперника. [40] Со своей стороны, Ломоносов в своем «Письме» также подчеркнуто уклоняется от того, чтобы отдать должное Тредиаковскому и признать его труды (ср. в противоположность этому «Письмо» Кантемира).

В «Эпистоле <...> к Аполлину» Тредиаковский чрезвычайно восхваляет немецкую поэзию, хотя, конечно, он может обойти молчанием и другие литературы. Охотно называет он французские и латинские источники своей терминологии. Почему же он замалчивает немецкий образец? Исследователи говорят о «затаенной обиде на господство немцев при дворе и в Академии наук и вообще в русской жизни эпохи». [41] В самом деле, обида — господствующая примета литературной полемики XVIII в. Однако, если в данном случае причину видеть в отношениях к немцам, это приведет к дополнительным трудностям, прежде всего хронологического характера. С 1740-х гг. в России наблюдается яркая вспышка национального чувства, направленного против иностранцев, и в особенности против фаворитов покойной императрицы Анны. Тредиаковский свой «Способ» писал раньше, в первой половине 1730-х гг., когда ни о какой антипатии к немцам говорить не приходится. Если Тредиаковский при работе над своей стихотворной теорией и был преисполнен патриотической горечи, то он, во всяком случае, сделал все, чтобы ее скрыть. Правда, есть свидетельства ухудшения его отношений с немцами-академиками к концу 1730-х гг. Но в первой половине 1730-х гг. ситуация иная: только что назначенному президенту Академии наук барону Корфу он посвящает в 1734 г. хвалебное стихотворение; [42] с И. Д. Шумахером, влиятельным администратором Академии, обменивается дружескими письмами; [43] отношение же его к Юнкеру носит даже сердечный характер, [44] не говоря уже о похвале немецким поэтам в «Эпистоле <...> к Аполлину». При дворе в этот период Тредиаковский не только не принадлежал к недовольным (что также изменится позднее), напротив, он был представлен императрице, получил от нее стихотворный заказ и стал чем-то вроде придворного

---

[40] Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный // Тредиаковский В. К. Соч. Т. 1. С. 121—201.

[41] *Drage C. L.* The Introduction of Russian Sillabo-Tonic Prosody. P. 493.

[42] «Зде сия, достойны муж...» Это первое стихотворение Тредиаковского, написанное новым метром. Тем лучше оно могло соперничать с немецким переводом неизвестного автора, напечатанным параллельно. Обе версии можно найти вместе с титульными листами у А. А. Куника (*Куник А. А.* Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. Т. 1. С. 2—5).

[43] *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1872. Т. 2. С. 25, 29; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 44—47.

[44] *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 117; *Drage C. L.* The Introduction of Russian Syllabo-Tonic Prosody. P. 492.

поэта.[45] Его ода на взятие Гданьска, написанная к «вящей славе» императрицы Анны, посвящена ее фавориту-немцу, всемогущему герцогу Бирону, и изобилует уверениями в преданности.[46]

Тем не менее Тредиаковский отнюдь не одобрял немецкое влияние в России. В середине 1730-х гг. это было для него чистой теорией, к тому же не политического, а культурного характера. Эти и последующие годы Тредиаковский занят утверждением национальной культуры, противопоставляемой Западной Европе, причем его интересует отношение не только к Германии, но и к Франции. В «Способе» это, в частности, проявляется в рассуждении о рифме. Порицая чередование мужских и женских рифм, считавшееся обычным во Франции и Германии, Тредиаковский требует для нового стиха сплошной женской рифмы, характерной для русской силлабики (ср. противоположную позицию Ломоносова в «Письме»). Далее Тредиаковский сообщает, что он и прежде защищал этот взгляд. При этом он якобы натолкнулся на ироническое недоумение: «с хитрою насмешкою», «подняв брови и улыбаяся», говорили оппоненты, что он, Тредиаковский, в этом пункте уклоняется от французского образца, лежащего будто бы в основе его концепции. Эта ирония направлена против автора, слывшего галломаном. Насмешники, однако, упустили из виду, что «измена» Тредиаковского французской культуре фактически зашла значительно дальше: новый русский стих должен был отличаться от французского не только рифмами, но и силлабо-тоническим принципом. Поэтому в «Способе» Тредиаковский имел право утверждать, что французский стих никакой роли в его реформе не сыграл, что лишь терминология — французского происхождения, что в действительности он опирается не на иностранную, а на отечественную традицию, — следует указание на русский фольклор.[47]

В одном пункте, правда, ироничные оппоненты Тредиаковского не обманулись: в его понимании нового русского стиха проявилось изменение его культурной ориентации. Действительно, несмотря на «Эпистолу <...> к Аполлину» и содержащиеся в ней похвалы иностранным авторам, в 1735 г. Тредиаковский уже не был тем безоговорочным приверженцем западноевропейской, а в особенности французской, культуры, каким он представал перед русскими читателями в 1730 г., после своего возвращения из многолетних странствий по Гааге, Парижу и Гамбургу.

Идеи раннего Тредиаковского получили яркое выражение в предисловии к его переводу французского любовного романа «Езда в остров Любви». Это предисловие — манифест молодого радикала, тон которого провокационен: противопоставляя Россию и достижения Западной Европы, Тредиаковский пытается шокировать при-

---

[45] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 152.

[46] *Тредиаковский В. К.* Ода торжественная о здаче города Гданска. Во второй силлабо-тонической редакции, опубликованной в «Сочинениях» 1752 г., этого посвящения уже нет. Ср.: *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. С. 459.

[47] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 383.

верженцев старой Руси. Пятью годами позднее в «Способе» обнаруживается другая позиция. Хотя он тут еще далек от того, чтобы критиковать западноевропейскую культуру, тон его меняется: сторонники старомосковской культуры, которых до сих пор он хотел раздразнить, должны теперь успокоиться. (Они действительно успокоились: в 1745 г. по распоряжению Святейшего Синода и в обход других профессоров Тредиаковский назначается профессором Академии). [48]

Нельзя, например, не заметить апологетический тон, когда Тредиаковский в «Способе» обосновывает свое обращение к языческой мифологии. [49] Особенно показателен следующий момент. С целью эпатажа в свое время он подчеркивал, что тема переведенного им романа — «сладкая любовь». [50] Тредиаковский рассчитывал вызвать возмущение у сторонников допетровской традиции и ее религиозно-аскетической морали. Этого мало. Сравнение перевода с оригиналом обнаруживает стремление эротизировать французский текст: Тредиаковский вводит чувственные детали, выбор слов направлен на возбуждение страсти. [51] И в этом отношении «Способ» обнаруживает другую позицию. Тредиаковский и здесь разрабатывает любовную тему, однако теперь он считает необходимым подчеркнуть ее благопристойность. Комментируя две элегии собственного сочинения, приведенные им как образец жанра, Тредиаковский подчеркивает, что в них изображается «не зазорная любовь», а напротив, «законная, то есть таковая, какова хвалится между благословенно любящими супругами». [52]

Столь же готовым на компромисс выступает Тредиаковский в «Способе» по отношению к церковнославянскому языку. Его взгляд ранней поры высказан все в том же предисловии к «Езде». Тогда Тредиаковский следовал лингвистической доктрине французского классицизма и выдвигал примат разговорного языка, резко отвергая язык церковнославянский. [53] В речи, произнесенной в 1735 г. в Российском собрании, он подтверждает свою французскую ориентацию и настаивает на usus loquendi как основе русского литературного языка. Но теперь он избегает всяких выпадов против церковнославянского, напротив, носителями нормы разговорного языка он называет наряду с высшим светом высшее духовенство. [54]

---

48 *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 107; *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. М., 1985. С. 164.

49 *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 390, 396. Ср.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 235.

50 *Тредиаковский В. К.* К читателю // Тредиаковский В. К. Соч. Т. 3. С. 649.

51 *Серман И. З.* Русский классицизм: Поэзия, драма, сатира. Л., 1973. С. 107.

52 *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 395. Позднее Тредиаковский сделает еще шаг в том же направлении: осудит любовную тематику как фривольную, скупит оставшиеся экземпляры «Езды» и сожжет их. См. об этом: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. С. 24.

53 *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 3. С. 649.

54 *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. С. 331.

Показательна в этом отношении и его теория одического жанра, которой он сопровождает гданьскую оду 1734 г. Теперь, следуя Буало, он рекомендует Псалтирь в качестве образца высокого стиля. Для России это приобретает новое значение, так как до сих пор Псалтирь была известна здесь только на церковнославянском языке. [55] Таким образом, Тредиаковский санкционирует употребление церковнославянского в высоком стиле.

Нечто подобное читаем в «Способе» в параграфе о поэтических допущениях. Не только в высоком стиле, но и вообще в языке поэзии допускается осмотрительное употребление элементов церковнославянского. [56] Они имеют еще статус исключительности, допущения, но уже ощутим тот программный поворот в пользу церковнославянского, который Тредиаковский осуществит позднее, во второй половине 1740-х гг.

Изменение позиции заметно отражается и в самом стиле произведений Тредиаковского. Вступительные строки «Эпистолы <...> к Аполлину» понятны лишь с трудом, так как следуют церковнославянскому синтаксису с его вольным порядком слов. [57] Здесь нет той осторожности, о которой говорилось в параграфе о допущениях. Возникает стилистический перебой. Правда, высокий стиль, достигаемый церковнославянизмами, оправдывается здесь самим адресатом эпистолы — божественным Аполлоном. Однако одновременно Тредиаковский нарушает жанровую форму эпистолы, требовавшую среднего стиля.

В изменении взглядов Тредиаковского на церковнославянский язык угадывается идейное развитие более принципиального порядка: оно касается представления Тредиаковского о русской национальной культуре и ее отношения к Западной Европе. Можно сказать: Тредиаковский освобождается от своего идеологического наследства. В ранние годы он выступает под знаменем культурной революции, провозглашаемой петровской пропагандой; [58] об этом говорилось выше. Для этой позиции характерна компрометация старого и прославление нового — в духе библейского противопоставления добра и зла, света и тьмы. Допетровское прошлое воспринималось как варварская эпоха, поэтому, когда Россия ощутила потребность вступить в новую стадию культуры, необходимо было порвать с прошлым и следовать западноевропейскому образцу.

Это был, как казалось, единственный путь, ведущий в круг цивилизованных — «политических» — народов. Культурное самоотречение — та цена, которую готовы были заплатить петровские пропа-

---

[55] *Тредиаковский В. К.* Рассуждение об оде вообще // Тредиаковский В. К. Ода торжественная о здаче города Гданска. Ср.: *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. С. 49—62.

[56] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 377—380.

[57] Л. В. Пумпянский подчеркивает программное значение подобных стилевых явлений у Тредиаковского. См.: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский. С. 223.

[58] О топике этой пропаганды см.: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Т. 1. С. 31; *Riazanovskij N. V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York, Oxford, 1992.

гандисты: отказ от всего, что составляло специфику национальной культуры.

После смерти Петра возникает, однако, новая ситуация. Во второй половине 1720-х гг., в период непродолжительных царствований Екатрины I и Петра II, намечается стремление, направленное на реставрацию старых порядков: требуют восстановления патриаршества, императорская резиденция переносится из Петербурга в Москву.

В такой ситуации провокационные формулировки «Предисловия» к «Езде» приобретают политический смысл: при враждебных обстоятельствах молодой Тредиаковский проявляет себя мужественным защитником петровских культурных преобразований. С воцарением императрицы Анны основы петровской политики и культурная ориентация на Западную Европу больше не вызывают активного противодействия. [59] Возвращение двора в Санкт-Петербург послужило внешним проявлением изменения ситуации. И в будущем не обойдется без конфликтов и сопротивления консерваторов, но это уже не культурная война, угрожающая государственному устройству.

Выросло новое поколение правящей верхушки и интеллигенции. Вопрос о европеизации России теперь не подлежал сомнению. Вместе с тем была достигнута определенная мера внутренней свободы и уверенности — теперь можно было освободиться от полемических лозунгов Петровской эпохи. Правда, Сумароков еще в 1759 г. находит уместным в похвальном слове Петру I представить старую и новую Россию как непримиримые противоположности: с рождением великого государя взошла «багряная Аврора» разума и образованности, прошлое же представлено как «вредительная тьма», как эпоха «суемудрия», «суеверия», «невежества» и «варварства». [60] В официозно-панегирическом тексте трудно было избежать подобных формулировок: культ великого монарха оставлял автору мало простора. Все определяла эпоха. В первые десятилетия века в условиях культурной борьбы дискредитация старомосковского прошлого была еще вполне актуальной целью. Ко времени Сумарокова враг был побежден: полемический арсенал прошлого теперь мог служить исключительно

---

59 *Lipski A.* A Re-Examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // The American Slavic and Easteuropean Review. 1956. № 15. P. 477—488; 2) Some Aspects of Russia's Westernization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730—1740 // The American Slavic and Easteuropean Review. 1959. № 18. P. 1—11.

60 Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Т. 2. С. 248. И. З. Серман полагает, что Сумароков высказывает взгляд, общий для писателей русского классицизма (см.: *Серман И. З.* 1) Просветительство и русская литература. С. 33; 2) Россия и Запад // Russia and the West. Newtonville, Mass, 1983. P. 54; 3) The Eighteenth Century: Neoclassizism and the Enlightenment, 1730—90 // The Cambridge History of Russian Literature 2nd ed. Cambridge, 1992. P. 48). Между тем годом раньше Ломоносов опубликовал свое «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758). После написания «Письма» 1739 г. у него также произошла переориентация, он заново оценивает прошлое русской культуры. Что же касается Сумарокова, то он уже в 1748 г. в эпистоле «О стихотворстве» рекомендует чтение церковных книг. В противоположность отрицанию националь-

политическому назиданию.[61] Традиционные формулы звучат теперь фразерски и, во всяком случае, не соответствуют возможностям эпохи в сфере культуры. С консолидацией петровских традиций при Анне Иоанновне приверженцы великого государя уже с 1730-х гг. получили возможность переосмыслить свое отношение к национальной традиции и изменить односторонний взгляд на прошлое. Уважение к культурным ценностям старомосковской эпохи уже не обязательно представляло собой монополию противников Петра.

В духовной жизни России Тредиаковский — один из первых, если не первый, кто эту возможность использует. Своим «Новым и кратким способом» он знаменует поворот в развитии русского национального самосознания[62] — того развития, которое во второй половине века должно было привести к реабилитации старой России, а вместе с тем к общей ревизии исторической мысли. Тредиаковский и в дальнейшем чувствует себя верным последователем Петра I. Но вопрос об ориентации на Западную Европу, неизбежно приводящий лишь к копированию чужой культуры и полному отказу от собственной традиции, более им не ставится. Напротив, если Россия хотела действительно сравняться в культурном отношении с Западной Европой, следовало вспомнить свою национальную традицию, свою историю — и чем древнее и героичнее была она, тем лучше. В 1735 г. Тредиаковский еще весьма далек от идеализации прошлого. Но он уже видит его по-новому. Он задумывается над своеобразием русской культуры, хочет подчеркнуть ее неповтори-

---

ной культуры, заявленному в то же самое время в эпистоле «О стихотворстве», здесь он реабилитирует, как и Ломоносов, важнейший аспект допетровской культуры (ср.: *Klein J.* Sumarokov und Boilau. S. 290). Одновременно с этим Сумароков начинает выбирать для своих трагедий темы из древнерусской истории. Позднее он обнаруживает даже склонность к идеализации прошлого (ср.: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 69 (воззрения Сумарокова на стрелецкое восстание 1782); *Rogger N.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass, 1960. P. 52). Не менее спорна оценка И. З. Сермана литературной деятельности Тредиаковского 1730-х гг., в частности его стиховой реформы: «Тот разрыв с допетровской Русью, который совершил Петр в общегосударственном масштабе, Тредиаковский хотел осуществить в литературе» (*Серман И. З.* Тредиаковский и просветительство. С. 221). Если бы это суждение относилось к стиховой реформе Ломоносова, с ним можно было бы согласиться. С Тредиаковским же дело обстонт сложнее, об этом — ниже. Заслугой И. З. Сермана остается, однако, то, что он ясно осознал релевантность общеисторического контекста в специфике русского классицизма.

61 Возможно, однако, что с главной темой сумароковского «Слова» — похвалой Петру I — дело обстояло иначе: в последние годы царствования Елизаветы такая похвала могла восприниматься как критика «дворянской фронды», направленной против режима стареющей императрицы. Ср.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов. М.; Л., 1936.

62 *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 67; *Rogger N.* National Consciousness in Eighteenrh-Century Russia; *Riazanovskij N. V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought; *Serman I. Z.* Russian National Consciousness and its Development in the Eighteenth Century // Russia in the Age of Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990. P. 40—56.

мость и противопоставить ее западноевропейской. Россия окончательно утвердилась уже в культурном сообществе Европы. Теперь ей нужно было выйти из роли послушной ученицы и показать свое собственное лицо.

Тредиаковский боится утраты национальной специфики. Этот взгляд отразился в «Способе» 1735 г.: новый стих должен отражать черты именно русской культуры и соответствовать «свойству нашего языка», дважды подчеркивает Тредиаковский. [63] По-французски это звучало бы как «le génie de notre langue» — перед нами формула из языковой теории французского классицизма. В своем французском «Письме россианина» (1736) Тредиаковский употребляет ее два раза. [64] Но ближе русскому звучанию — немецкий эквивалент. В гамбургской поэтике 1707 г. Х. Ф. Гунольд выступает против подражания античной метрике и настаивает на «свойстве нашего языка»: «Eigenschaft [= Eigenart] unserer Sprache». [65] В том же смысле употребляет эту формулу и Тредиаковский — даже подчеркивая специфику родной культуры, он следует немецкому образцу. В «Письме» (1739) Ломоносов также ссылается на «свойство нашего языка». [66] Различие в том, что Тредиаковский употребляет эту формулу в разных, противоречащих друг другу значениях. В одном отношении он, однако, последователен: его интересует не сходство России с другими странами, а то, что ее от них отличает.

Отсюда и решительность, с которой он отграничивает свой новый русский стих от французского, и замалчивание немецкого образца. В результате силлабо-тонической реформы русский стих стал слишком близок немецкому. Тредиаковский и здесь прилагает немалые усилия, чтобы установить дистанцию. Какие стопы рекомендует он для нового стихотворства? В Германии господствовал ямб. Тредиаковский требует для нового русского стиха отдать предпочтение хорею, притом с замечательной настойчивостью. [67] В «Способе» читаем: ямбический стих «весьма худ». [68] В другом месте Тредиаковский определяет ямб как

---

63 *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 366, 367. Ср. примеч. 71.

64 *Тредиаковский В. К.* Собр. соч. СПб., 1849, С. 106, 108. О «genie de notre langue» см.: *Живов В. М.* Культурные конфликты. С. 71 (примеч. 5).

65 *Hunold Chr. Fr.* Die allerneuste Art zur reinen und galanten Poesie zu gelangen. Hamburg, 1707. S. 50. Ср. также: *Klaj J.* Lobrede der Teutschen Poeterey (1656) — имея в виду «внутреннее свойство» («innerliche Eigenschaft») немецкого языка, автор восхваляет его словарное богатство. См.: *Szyrocki M.* Poetik des Barock. Stuttgart, 1977. S. 87; *Weismann,* Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon [...] München, 1982 (репринт изд.: СПб., 1736). Т. 1. С. 148. В качестве латинских и русских эквивалентов немецкого слова «Eigenschaft» здесь приводятся: «Proprietas, свойство; качество, природа».

66 «Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить». См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 13. О немецких источниках этой позиции см.: *Данько Е. Я.* Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 266.

67 *Бомштейн Г. И.* Тредиаковский-филолог и фольклор. С. 249—272; *Lauer R.* Die Anfänge des Alexandrines in Rußland // Slavistische Studium zum VI. Internationalen Slavistenkongreß in Prag 1968. München, 1968. S. 489 f.

68 *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 370.

«немецкую» стопу [69] Хорей же носит русский характер, и Тредиаковский обосновывает это известной формулой «хореический стих есть сроднее нашему языку» [70]

В своем стремлении отграничить новый стих от немецкого образца Тредиаковский «преуспел» настолько, что в его окружении могли признать в новом стихе он следует французскому образцу, [71] за исключением чередования рифм (см выше) Для этой публики существовала только одна альтернатива немецкой модели — французская Третья возможность, что Тредиаковский стремится создать новый стих, отражающий национальную специфику, просто не могла прийти в голову

Правда, «Способ» противоречив в этом отношении Об уничтожающей критике национальной традиции силлабики говорилось выше Тредиаковский хочет привести русский стих «в порядок», подразумевая тем самым, что старый стих существовал без «порядка», а значит, и без правил (ср примеч 31) Это соответствует дуалистическому представлению о прошлом петровской пропаганды в основе того и другого лежит мифологическое противопоставление хаоса космосу Показательно в этом отношении, как в «Способе» Тредиаковский противопоставляет себя другим русским авторам [72] Кан-

---

[69] *Бомштейн Г И* Тредиаковский филолог и фольклор С 260 261 Автор подчеркивает, что Тредиаковский и ямб мог бы отождествить с русской традицией В действительности Тредиаковский склонен менять свои взгляды в зависимости от требований аргументации

[70] *Тредиаковский В К* К читателю // Тредиаковский В К Сочинения и переводы Т 1 СПб , 1752 С XIX См также статью «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (*Тредиаковский В К* Избр произведения С 442) «К хорею меня привело свойство нашего языка» Подобным способом оправдывает ямб и Готшед в Германии издавна употреблялись одни ямбы, так как они «для нашего языка самые естественные» (*Gottsched J Chr* Versuch einer Critischen Dichtkunst Darmstadt, 1982 S 386)

[71] Этого мнения придерживается Штелин в цитировавшейся уже записке к «Письму россианина» Тредиаковского Штелин сообщает, что Тредиаковский написал это письмо в результате разговора с ним, Штелиным В этом разговоре ему якобы удалось убедить Тредиаковского в том что русский язык способен к такой же «гармонии» стиха как и немецкий Это относится к критике тех «знатоков», которые сравнивали немецкий оригинал оды Штелина с силлабическим переводом Тредиаковского и находили в первом значительно больше «гармонии» Штелин сожалеет о том, что Тредиаковский, в отличие от Ломоносова, не перенял «совершенный ритм» (la parfaite scansion) немцев, предпочитая версификацию французскую См *Тредиаковский В К* Собр соч С 111 В другом месте Штелин утверждает, что Тредиаковский «в 1731 г (так! — *Й К*) написал небольшое рассуждение о русском стихосложении (de la Versification Russienne), в котором доказывает, что русские стихи должны в стихосложении согласовываться с латинскою просодиею Но это устройство их противно духу русского языка и нашло мало одобрения» (*Ефремов П А* Материалы для истории русской литературы СПб , 1867 С 161 («Записка Штелина») Штелин не упоминает, что в своем «Способе» Тредиаковский критикует Мелетия Смотрицкого и его попытку перенести модель античного стиха на русскую почву См *Тредиаковский В К* Избр произведения С 366 Возможно впрочем, что здесь Штелин имел в виду склонность позднего Тредиаковского к классической древности (ср ниже), в ретроспективе проецируя ее на раннюю фазу творчества

[72] *Klein J , Živov V* Zur Problematik und Spezifik des russischen Klassizismus die Oden des Vasilij Majkov // Zeitschrift fur Slavische Philologie 1987 № 47 S 235

темир упоминается не один раз и, несмотря на критику, почтительно цитируется — при личных отношениях Тредиаковского и Кантемира с его окружением, состоявшим из высокопоставленных аристократов, иного и быть не могло.[73] Имена же других русских поэтов напрасно было бы искать в «Способе». Многочисленные авторы, названные в программной «Эпистоле <...> к Аполлину», — сплошь иностранцы. Образцовым автором переложения псалмов назван Ж. -Б. Руссо, а не Симеон Полоцкий, о котором, как, впрочем, и об эпохе русского барокко в целом, Тредиаковский вообще не упоминает. В стихотворении автор просит Аполлона посетить наконец и Россию, которой он до сих пор в угоду другим странам пренебрегал. Тредиаковский недооценивает литературно-историческое прошлое своей страны (ср. распространенное в его время представление, что Петр I своими реформами обратил Россию из «небытия в бытие»).[74] Позднее, в 1755 г., Тредиаковский в очерке об истории русской поэзии подробно опишет предклассицистическую эпоху. С почтением он отзовется тогда о Симеоне Полоцком и его переложении псалмов.[75] Правда, он и тогда будет настаивать на прозаическом характере силлабического стиха. Однако теперь для него это лишь вопрос формы — отныне поэтическая субстанция им не затрагивается.[76] Механически отделяя форму от содержания, он, наконец, приходит к положительной оценке силлабической поэзии. В эпистоле «Способа» иначе: здесь складывается впечатление, будто в России литература была tabula rasa (ср. более позднюю эпистолу Сумарокова «О стихотворстве»).[77]

Такое представление отчетливо прослеживается еще до «Способа». В 1734 г. Тредиаковский опубликовал упоминавшиеся уже похвальные стихи барону Корфу, где он впервые использует новый стих. В качестве лирического субъекта там фигурирует «Российска муза, всем млада и нова» как лирический субъект (в немецком параллельном переводе она все еще «schwach und neu» (слаба и нова).[78] Это не просто риторическая фигура уничижения: Тредиаковский и здесь выступает последователем петровской культурной революции и переносит традиционный топос отрицания на историю

---

[73] *Успенский Б. В., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты. С. 134—143.

[74] *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 35, 36; примеч., с. 65, 68. Эта формула употребляется впервые в речи канцлера Головкина по поводу Ништадтского мира 1721 г. и потом часто повторяется: она восходит к молебну православной литургии. Ср.: *Живов В. М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра (в печати).

[75] *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 436.

[76] Соответственную теорию можно найти в его статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще», опубликованной тремя годами ранее — в 1752 г. (см.: *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. С. 404). В ней Тредиаковский следует традиции Аристотеля: существо поэзии заключается не в стиховой форме, а в содержании, т. е. отражении действительности (мимесис). Ср., например, «Critische Dichtkunst» Готтшеда: «Die Verse machen das Wesen der Poesie nicht aus...» (*Gottsched J. Chr.* Versuch einer Critischen Dichtkunst. S. 93).

[77] *Klein J.* Symarokov und Boileau. S. 264—269.

[78] *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 27.

русской литературы. Он неустанно подчеркивает заявленную уже в самом названии «Способа» новизну своей стихотворной системы. Новизна — это своего рода пароль Петровской эпохи, направленный против консервативных противников новой России.

С позиции официальной политики провозглашается отказ от традиций в пользу безоговорочной ориентации на Западную Европу.[79] Идеалу нового соответствует миф о начале русской истории литературы[80] (ср. известное представление об «отце русской поэзии»). Позднее Ломоносов в своем «Письме» между прочим скажет: «...наше стихотворство только лишь начинается»[81] — для него это очевидно (той же мыслью проникнута и эпистола Сумарокова «О стихотворстве»).

Однако в «Способе» это все же лишь одна сторона медали. Автор находится на переходной стадии. Хотя он и выступает с позиции петровского радикализма, это не мешает ему в том же самом трактате продемонстрировать совсем иную позицию — ту, которая станет для него характерной позднее. С удивлением исследователи отмечают «стремление Тредиаковского всюду учитывать отечественную традицию, связать старое с новым».[82] В действительности это не только русский фольклор, на который ссылается здесь Тредиаковский, но и русская силлабика. Уже с первых страниц «Способа» в изложении своей концепции он, нимало не смущаясь, утверждает, что новый стих должен основываться на принципе количества слогов, т. е. на принципе, унаследованном от силлабики. Ударный принцип силлабо-тонической системы имеет лишь второстепенное значение. Как становится понятным через несколько страниц, этот принцип можно и не слишком строго соблюдать — внутри стихотворной строки допускается в ограниченной степени смешение различных стоп. Впрочем, силлабо-тонический принцип обязателен,

---

79 *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. № 414. С. 3—36. (Труды по русской и славянской филологии. Т. 28) Ср. также «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича. В конце Феофан полемически выступает против врагов петровских реформ: «На непривычное у них, дескать, только один ответ: "Дело новое"». См.: *Прокопович Ф.* Правда воли монаршей. М., 1726. С. 42. (А. Лентин любезно предоставил мне копию своего экземпляра). Подобное можно найти и у Сумарокова. В цитированном уже панегирике Петру I он также осуждает консервативных противников петровских реформ, выдвигая в качестве главных ценностей Петровской эпохи кроме «новости» известный уже нам «порядок»: «Новость и порядок, по рассуждению ослепленных стариною и праздностью людей, суть тяжкие грехи: вторая ересь <...> Все, что было ново, было ересь...» См.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. Т. 2. С. 250.

80 *Klein J.* Sumarokov und Boileau. S. 267—269. И. Рейфман связывает эти представления с мифическими представлениями о космогонии. См.: *Reyfman J. Vasilii Trediakovsky.*

81 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 13.

82 *Adamczyk A.* Grundfragen der russischen Versgeschichte. 1. Trediakovskij und die Reform. Eine Erörterung über den «Novyj i kratkij sposob k slozeniu rossijskich stichov». Diss. phil. Breslau, 1940. S. 28, 52. Ср.: *Гаспаров М. Л.* Ломоносов и Тредиаковский — два исторических типа новаторов стиха // Ломоносов и русская культура: Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (28—29 ноября 1986 г.). Тарту, 1986. С. 27—28.

по Тредиаковскому, только для длинных строк, а не для коротких, которые могут и впредь писаться силлабическим способом. Строго и всеобязательно в новом стихе должен соблюдаться лишь старый принцип — количества слогов. Почему? Потому что он соответствует «свойству языка нашего». [83]

Это утверждение все-таки удивительно. Страницей выше Тредиаковский, следуя немецкой теории, использует этот аргумент против тех, кто хочет втиснуть русский стих в прокрустово ложе количественной метрики, характерной для античной поэзии. При этом «свойство языка нашего» относилось к словесному ударению как специфическому признаку русской просодии. Теперь же возникает противоположное значение: «свойство языка нашего» отождествляется с силлабической традицией.

Тредиаковский здесь без колебаний рассматривает эту традицию как органический элемент русской национальной культуры. Связь с силлабической поэзией подчеркивается и в другом отношении. Каким должен быть ведущий метр новой поэзии? Был бы понятен выбор четырехстопного ямба — силлабо-тонического эквивалента французской одической строки. Обе формы были хорошо знакомы: французская одическая строка из оды Буало «Sur la prise de Namur», образца гданьской оды 1734 г., силлабо-тонический эквивалент из поэтической практики петербургских немцев, например из перевода Юнкера гданьской оды. Но то были иностранные формы, и они без колебаний отвергаются Тредиаковским, о них даже не ставится вопрос. Короткой строке французской и немецкой поэзии он предпочитает длинную строку, свойственную национальной традиции. Тринадцатисложник был основным стихом русской силлабики — он должен занять центральное место в новом стихотворстве. Тредиаковский обосновывает это совершенно открыто тем «употреблением», которое «от всех наших старых стихотворцев принятое». Требование ограничиться женской рифмой отечественной силлабики и отказ от принятых во Франции и Германии чередований мужских и женских рифм обосновывает он все тем же аргументом: «все (т. е. чередование рифм. — *Й. К.*) древнему нашему, но весьма основательному, употреблению так противно, как огонь воде, а ябеда правде». [84]

Консерватизм, обнаруживающийся в этой формулировке, стал причиной того, что вклад Тредиаковского в стиховую реформу определяется исследователями как «половинчатый». [85] При этом недооценивается намерение автора: когда Тредиаковский связывает новый стих с силлабикой, это не рецидив старых привычек, а осознанное, хотя еще и предварительное и не вполне последовательное, выражение нового отношения к традиции.

---

[83] «...за благо рассудилось <...> сей новый и краткий способ к сложению российских стихов издать, которые и число слогов, свойственное языку нашему, иметь будут, и меру стоп с падением, приятным слуху, от чего стих стихом называется, содержать в себе имеют» (*Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 366).

[84] Там же. С. 370, 382.

[85] Ср., например: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский. С. 226, 227; *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. С. 138—140.

На историю русской литературы Тредиаковский смотрит теперь с новых позиций, теперь ему желательным кажется такое развитие, в котором новое не отрицает старое, а сочетается с ним. Определяющей является перспектива культурной эволюции. Отчетливое свидетельство такой позиции находим в его историческом обзоре 1755 г. «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». В нем содержится подспудная полемика с ломоносовской концепцией нового стиха, порывающей с традицией. Вообще, Тредиаковский дезавуирует здесь петровский пафос нового, столь характерный не только для «Способа», но и для «Письма россианина» 1736 г.

В «Письме» Тредиаковский рассказывает о своей реформе стиха: так как «старая версификация <...> никак не была точной», он пытался ее усовершенствовать, и она в результате «в основе своей обновлена» (il la fit toute nouvelle).[86] Это еще позиция молодого Тредиаковского. В трактате 1755 г. читаем обратное. Здесь Тредиаковский подчеркивает, что в силу своей преемственной связи с древним стихом «новая система» русского стиха, основанная им в свое время, была, собственно, не *«новой»* а лишь *«обновленной»* стиховой системой (курсив Тредиаковского).[87] Этим же представлением руководствуется Тредиаковский в своем новом понимании литературного языка: и в этом отношении речь теперь идет о сплаве нового со старым.[88]

Возврат к силлабической системе

Умеренная и стремящаяся к историческому компромиссу концепция «Способа» подает молодому Ломоносову в «Письме» 1739 г. повод резко отмежеваться от своего предшественника. Так же как в свое время молодой Тредиаковский в «Предисловии» к «Езде», Ломоносов выступает как радикал, с презрением отвергая любой компромисс, и ради иноземного образца решительно порывает с прошлым. И он имеет успех. Как реформатор русского стиха Тредиаковский все более и более оказывается в стороне. Первоначально вклад его в реформу русского стиха не подвергался никакому сомнению: ряд авторов переняли его «способ», среди них прежде всего следует назвать начинающего Сумарокова.[89] Тем загадочнее тот факт, что Тредиаковский через год после появления «Способа» возвращается к силлабическому стихосложению — при переводе оды Штелина на победу при Перекопе (1736).[90] Его оригинальная ода

---

86 *Тредиаковский В. К.* Собр. соч. С. 106 (здесь Тредиаковский говорит о себе в третьем лице).

87 *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском. С. 449.

88 *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 158.

89 *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 28.

90 *Тредиаковский В. К.* Ода, которою преславную победу великия государыня имп. Анны Иоанновны <...> оружием над крымскими татарами при Перекопе 20 мая 1736 года полученную, прославила Санктпетербургская Академия наук. СПб., <...> июня 6 дня 1736.

на коронование 1742 г. также написана силлабическим стихом.[91] В обоих случаях Тредиаковский утрирует консервативную тенденцию «Способа» и возвращается назад к той системе, которую он хотел своим программным выступлением если и не отменить, то, по крайней мере, изменить. Теперь уместно поговорить о его «отступничестве».

Мало известен историко-литературный контекст, и это особенно относится к его переводу оды на победу 1736 г. Переводы двух других немецких од, подготовленные Тредиаковским в предшествовавшие месяцы, выполнены еще «новым стихом» в соответствии со «Способом». Они появились в январе и апреле 1736 г.[92] Силлабический перевод штелинской оды — в июне. Как уже отмечалось, форма последнего была подвергнута критике. Если верить Штелину, «Письмо молодого россианина», написанное Тредиаковским в октябре того же года, — реакция на эту критику и на самую штелинскую оду.[93] В сжатой форме Тредиаковский тут объясняет иностранному любителю русской поэзии концепцию «Способа». Указание на его возвращение к силлабике отсутствует. Два года спустя Тредиаковский переводит другую оду Штелина, на этот раз прозой — от стиховой формы оригинала остается лишь графическое распределение строк.[94] Объясняется ли это тем, что Тредиаковский хотел себе облегчить работу?[95] С тем же успехом можно предположить, что произошла размолвка со Штелиным (как покажем далее, этому есть подтверждение). Однако в целом это лишь догадки.

Более ясна ситуация с силлабической одой 1742 г. Тредиаковский вступает теперь в состязание с Ломоносовым. Одна причина для успеха Ломоносова как реформатора русского стиха указана в заметке Штелина к «Письму» Тредиаковского.[96] Если источник в целом и не слишком надежен, то этот пункт в нем кажется все же заслуживающим доверия. Штелин недооценивает вклад Тредиаковского в дело реформы русского стиха, потому что он в противоположность Ломоносову отказывается воспринимать немецкую поэтическую систему, чтобы, как ошибочно полагает Штелин, вместо нее

---

91 *Тредиаковский В. К.*. Стихотворения. С. 177—182.

92 Речь идет об одах на высочайший день рождения и на день коронования. Первая ода осталась мне недоступной (ср. выписки у А. А. Куника в «Сборнике материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке». Т. 2 С. 79), автор ее неизвестен. Русский текст второй оды опубликован под заглавием: [*Тредиаковский В. К.*]. Торжественный день коронования <...> императрицы Анны Иоанновны <...> одою всеподаннейше прославляет Академия наук. В Санктпетербурге Апреля 26 дня, 1736 года. А. А. Куник (Сборник материалов... Т. 1. С. 80) без аргументации предполагает, что автор оригинала — Штелин. Для атрибуции обоих переводов ср.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). М., 1966. Т. 3. С. 230.

93 *Тредиаковский В. К.* Собр. соч. С. 111.

94 *Тредиаковский В. К.* Да благополучный и благоуспешный будет новый год 1738. Ея величеству Анне Иоанновне <...> Искреннейшия желания приносит Академия наук. СПб., 1738.

95 *Куник А. А.* Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке. Т. 1. С. 81; *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII века. с. 45.

96 *Smith G. S.* The Most Proximate West.

ориентироваться на французскую (ср. примеч. 72).[97] Равно как и его соотечественники, Штелин демонстрирует в данном случае нормативное сознание, сложившееся в результате реформы немецкого стиха. В соответствии с такой точкой зрения, есть только один путь «цивилизовать» русский стих — полностью перенять немецкую систему. Для Ломоносова, который в 1730 г. выступает еще решительным приверженцем петровской культурной реформы,[98] это не составляет трудности — и его успех оправдывает выбор. Тредиаковский, напротив, кажется неспособным следовать таким путем: это заставило бы его изменить своей новой концепции русской культуры.

Эта принципиальность дорого обошлась ему: стремлением отграничить новый стих от немецкого образца Тредиаковский приобрел противников и себе, и своей реформе не только в лице Штелина, но, как можно думать, и среди других немцев Петербургской академии. Сколько бы ни оставался непроясненным вопрос о его переводческой практике 1736—1738 гг., в отношении его силлабической оды 1742 г. можно с уверенностью сказать: это возвращение к силлабике — полемический ответ на ту критику, с которой выступил Штелин и с которой могли выступить другие сторонники немецкой системы в адрес концепции Тредиаковского. Чем больше призывают ориентироваться на немецкий образец, тем менее Тредиаковский склонен поддаваться этому давлению. Его возврат к силлабике был чем-то вроде реакции русского патриота, ощущавшего потребность отстоять независимость своей национальной культуры против притязаний немецкого окружения.

Политические события, разыгравшиеся в начале 1740-х гг., утвердили Тредиаковского в этой позиции. Воцарение императрицы Елизаветы произошло в накаленной атмосфере: национальная обида, которая с начала 1730-х гг. существовала в скрытой форме, теперь, спустя 10 лет, открыто проявилась и была направлена против покойной императрицы Анны и ее немецких фаворитов. От новой государыни ожидают освобождения от ощущавшегося всеми «господства иностранцев».[99] Появляется множество антинемецких статей, не обходится и без уличных беспорядков. Тем отчетливее проявляется намерение Тредиаковского во имя «древнего нашего, но весьма основательного употребления», т. е. во имя национальной традиции, вернуться к силлабической поэзии наперекор безоговорочной ориентации Ломоносова на немецкую силлабо-тонику. Правда, русская силлабика первоначально была воспринята из-за границы (из Польши).

---

97 *Тредиаковский В. К.* Собр. соч. С. 111.

98 Это явствует и из лингвистических взглядов этого периода — они соответствуют программе молодого Тредиаковского с ее радикальной ориентацией на Западную Европу. Ср.: *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 88.

99 Об этом представлении, распространенном в русской историографии, см.: *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С. 424—479 (о так называемой бироновщине). О беспорядках этого времени, направленных против немцев, ср.: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 27.

Расчет Тредиаковского все же не оправдался, ибо не он одержал победу, а Ломоносов с его немецким стихом (и превосходящим талантом). Тредиаковский вынужден наконец признать, что реставрация прошлого в области русского стиха обречена на провал. Уже в соревновании с Ломоносовым и Сумароковым в переложении псалмов, которое состоялось в 1743 г., он перенимает «немецкую» систему, настаивая лишь на преимуществе «русского» хорея. Свою склонность к консервативности сконцентрирует он в дальнейшем на реабилитации церковнославянского языка.

Тредиаковский как русский «древний»

Только в начале 1750-х гг. Тредиаковский снова обращается к теории русского стиха, особенно во втором варианте «Способа» 1752 г. По существу, он перенимает, как уже отмечалось, взгляды своего победоносного соперника. Одновременно он пользуется поводом подчеркнуть свое новое понимание русской культуры и ее отношения к культуре Западной Европы. Определяющим становится противопоставление своего и чужого. В представлении Тредиаковского, «свое» включает в себя такие разнородные явления, как русский фольклор, русскую силлабику и хорватскую поэзию. Последнее опять-таки предвосхищает будущее: здесь отражается осознание славянского единства. Поэтому не случайно, что Тредиаковский в первом варианте «Способа», рассматривая вопрос о рифме русского стиха, с одной стороны, указывает на отличие от французского стиха, с другой — подчеркивает близость с силлабическим стихом соседственной Польши: «Поляки, у которых стихотворение во всем сродное нашему, кроме падения и стоп, часто и красно употребляют смешанную рифму в своих стихах, которую уже и я употребил в оде моей о сдаче города Гданска и в других моих стихах». [100] Снова проявляется та позиция, которая отражается в силлабической оде Тредиаковского 1742 г.: хотя силлабический стих и был первоначально заимствован из Польши, но в противоположность «немецкой» силлабо-тонике Ломоносова, он был «славянским» стихом.

Аналогично обстоит дело и со ссылкой на хорватскую поэзию. С точки зрения славянского единства Польша так же была «своя», как и Хорватия.

Однако во втором варианте «Способа» (1752) о родственности с польской поэзией нет более и речи, напротив: уже с первых страниц заимствование польского стиха русскими силлабиками признается ошибочным. [101] (Подобное читаем и в «Письме» Ломоносова [102]). Ука-

---

[100] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 384. То же самое читаем в его «Письме россианина». Там речь идет о «польской версификации, которая почти того же рода, как наша, кроме некоторых особенностей» (*Тредиаковский В. К.* Собр. соч. С. 109).

[101] *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 1. С. 123.

[102] *Ломоносов М. В.*. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 16.

зание на хорватскую поэзию, как и на русский фольклор, также отсутствует. Зато заметна решительная ориентация на классическую древность.

В первом «Способе» Тредиаковский кроме образцовых поэтов античности называет и европейских авторов нового времени. Во втором безраздельно господствуют греческие и римские поэты, исключение составляет лишь Буало, который, как приверженец классической древности во французском querelle des anciens et des modernes (споре древних и новых), возглавлял «древних». [103] Кроме него, Тредиаковский называет и двух других французских авторов, которые также выступали на стороне «древних», — историков Шарля Роллена и Андре Дасье, супруга переводчицы Гомера мадам Дасье, такого же, как и она, знатока, переводчика и комментатора античной литературы.

В первом «Способе» античность и европейская литература нового времени осмысляются еще как нечто единое: их общий знаменатель — литературная образцовость, к которой следует стремиться России. Во втором картина меняется: на одной стороне представлена теперь только современная Европа, на другой — Россия вместе с классической древностью. При рассмотрении трехсложных метров, употребление которых не предусматривалось первым «Способом», теперь читаем: «Не только не противны нашим Стихам Стопы Дактиль и Анапест, по примеру греческого стихосложения, но и приятными кажутся знающим силу Особам: наш Язык не как некоторые из Европейских, для ударений своих на разных слогах в словах, толикую ж к тому имеет способность, коликую и Греческий с Латинским». [104] Далее Тредиаковский санкционирует для русской поэзии различные формы «гекзаметра», причем, рассматривая его дактилохореический и безрифменный вариант, он снова указывает на образцы греческой и римской поэзии. Такие формы гекзаметра также оказались не чужды «языку нашему». Впрочем, он заключает, что было бы неплохо, если бы существовало много русских стихотворных форм — «бедность» французской поэзии, по его мнению, заключается как раз в том, что она знает только одну форму гекзаметра. Тот же упрек можно отнести и к немецкой поэзии XVII — первой половины XVIII века.

У позднего Тредиаковского идея патриотизма окрашена античным влиянием. Характерно представление об особенном «богатстве» русского языка. Как пишет он в другом месте, этим богатством язык обязан церковнославянской традиции. Во Франции такая традиция отсутствует, отсюда следует, как он снова формулирует, «скудость

---

[103] В предисловии к «Тилемахиде», в «Предъизъяснении об ироической пииме», Тредиаковский дает содержательную справку о второй фазе этого спора в начале XVIII века. Тредиаковский В. К. Соч. Т. 2 С. LXIV—LXVI (примеч.). Ср.: Rosenberg K. 1) Between Ancients and Moderns: V. K. Trediakovskij on the Theory of Language and Literatur. Diss. phil. (рукопись). Yale, New Haven, 1980. 294p.; 2) The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia // Russia and the West. P. 198 ff.

[104] *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 1. С. 129, 139.

и теснота» французского.[105] Подобное читаем и в «Предисловии о пользе книг церковных» (1759) Ломоносова. Как органическую часть национального литературного языка церковнославянский отличает особенное «богатство», которое обязано в свою очередь греческому влиянию.[106] И Ломоносов хочет связать русскую культуру с классической древностью и таким образом противопоставить Западной Европе.

Ориентация на античность проявляется у Тредиаковского и в новом понимании рифмы.[107] В первом «Способе» рифма — естественная часть нового стиха. Во втором варианте «Способа» Тредиаковский позволяет употреблять рифму лишь с большими оговорками. В сущности, это «токмо постороннее украшение», восходящее к варварским временам: «ни древние Греки, ни Римляне отнюдь ея в своих Стихах не употребляли и не знали...»[108]

Следующий шаг делает Тредиаковский в своей «Тилемахиде» (1766). Этот ориентированный на античность эпос создан в противовес эпосу нового времени, не только «Генриаде» Вольтера, но и эпическому фрагменту Ломоносова «Петр Великий».[109] В свое время и Кантемир предпринял попытку в «Петриде» ввести тему из новой истории, но этот фрагмент не был опубликован и, вероятно, был неизвестен Тредиаковскому. Тема «Тилемахиды» — не новая история, а классическая древность, образцом в языковом отношении является гомеровский эпос.[110] Античной стилизации служит и дактилохореическая и безрифменная форма русского гекзаметра, известная уже из второго «Способа». В «Тилемахиде» она выступает тоническим эквивалентом классического гекзаметра, причем Тредиаковский с особенным тщанием добивается освобождения от рифмы. Рифма, как подчеркивает он в предисловии, так же чужда существу русской поэзии, как греческой и латинской.[111] Таким образом, полемика выходит за рамки эпического жанра и направлена против всей традиции русского стиха в том виде, в каком последняя была утверждаема Ломоносовым и Сумароковым. Отказываясь от «чуждой» рифмы, Тредиаковский подтверждает родственность его собственной поэзии античной: в «Тилемахиде» русская поэзия вернулась наконец на круги своя, достигнув субстанционального единства с классической древностью, Тредиаковский же превзошел не только своих русских соперников, но и всю поэзию Западной Европы, служащую им образцом.

По мнению Тредиаковского, родственная близость русской и ан-

---

105 Там же. Т. 2. С. LXIII.

106 *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 13. Ср.: *Живов В. М.* Богатство русского языка в концепции Ломоносова, его современников и последователей // Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века.

107 *Якобсон Р. О.* Влияние народной словесности на Тредиаковского. С. 624.

108 *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 1. С. 164.

109 *Rosenberg K.* The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia. P. 220.

110 *Алексеев А. А.* Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 68—95.

111 *Тредиаковский В. К.* Соч. Т. 2. С. LXI.

тичной поэзии заключается и в силлабо-тоническом принципе. В первом «Способе» он подчеркивает просодические различия русского и древних языков. Во втором об этом также идет речь: «Греческое и Римское Количество слогов протягает и сокращает слоги; а наше возвышает и понижает оные».[112] Несмотря на это, для обеих поэтических систем он употребляет основное понятие «количество», причем во втором «Способе» находит уместным объяснить это специальным примечанием.[113] Теперь со спокойной совестью он может продолжать разговор о «количественном» принципе русского стиха и подчеркивать его предполагаемое родство с античностью.

Подхожу к заключению. Своими реформаторскими стараниями Тредиаковский стремится с помощью меняющихся союзников противопоставить новый русский стих западноевропейским образцам. Опора на хорватскую поэзию оказалась малоперспективной — от нее пришлось отказаться. Что касается русского народного стиха, то Тредиаковский вынужден был полемизировать с теми, кто презирал его,[114] — в его время такое родство скорее компрометировало, чем утверждало в ценности. Твердой опорой стала лишь античность. Только в союзе с нею Россия могла убедительно противостать Западной Европе. Поэтому для Тредиаковского идея славянского единства была лишь эпизодом.

Однако следует отметить, что даже в своем отношении к античности Тредиаковский следует западноевропейскому образцу — он как бы с опозданием включается в спор «древних и новых». В ранние годы его позиция в этом отношении еще индифферентна. В «Эпистоле <...> к Аполлину» в качестве литературных образцов равно приводятся как «новые», так и «древние»: Кино и Ж.-Б. Руссо, Скаррон и Буало, классиком эклоги на следующих страницах назван помимо Феокрита и Вергилия Фонтенель, как тот, кто «поправил <...> весьма достойно эклогу»[115] (именно Фонтенель в свое время вызывал ярость «древних» тем, что подтрунивал над античной традицией жанра.[116] Готовность раннего Тредиаковского признавать и «новых» авторов, объясняется тем, что в данном отношении он ничем не был связан.[117] Во втором «Способе» возникает другая картина: Тредиаковский предстает здесь как русский «древний».

Нельзя, однако, не заметить принципиального различия в позициях европейских «древних». Когда французские «древние» настаивали на образцовости классической античности, у них шла речь

---

[112] Там же. Т. 1. С 129.

[113] Там же. С. 128.

[114] *Тредиаковский В. К.* Мнение о начале // Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 412 (примеч.).

[115] *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. С. 391. 418.

[116] *Klein J.* Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. Wiesbaden, 1988. S. 35.

[117] Иного мнения Л. В. Пумпянский (см.: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 157). Ср.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. С. 239, 271—273 (примеч. 31а); *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 186 (примеч. 20); *Klein J.* Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. S. 37.

о критике собственной культуры — той культуры современной им Франции, которая их противниками восхвалялась без каких-либо оговорок. Для «новых» Франция короля-Солнца стояла на вершине кажущегося культурного прогресса,[118] что соответствовало ведущему положению, которое Франция фактически занимала в Европе со второй половины XVII века. Однако растущее национальное самосознание других народов не могло примириться с гегемонией французской культуры. Исходя именно из этой позиции, Германия ориентируется на классическую древность. Немецкие авторы хотят противопоставить свою культуру французской, чтобы таким образом прийти к осознанию своего национального своеобразия. В отличие от французских почитателей античности они занимались не критикой собственной культуры, а ее утверждением.

Это относится и к стиху. Отказываясь от старой силлабики, Опитц направил свою реформу против французского образца, причем новая силлабо-тоника со своим членением на стопы воспринималась как современный эквивалент античной метрики.[119] В «Deutsche Poeterey» (1624) Опитц устанавливает различие обеих поэтических систем.[120] Однако его многочисленным последователям важнее было сходство — при рассуждении о немецком стихе они не говорили более, подобно Опитцу, о «высоких» и «низких» слогах, речь шла о «долгих» и «кратких».[121] Таким образом, и в этом отношении Тредиаковский следует немецкой традиции. Но он преследует свою собственную цель: как русский «древний», он стремится определить дистанцию по отношению не только к Франции, но и к Германии, культурное влияние которой в Петербургской академии было для него и неотвратимым и тягостным.

Перевод Н. Ю. Алексеевой

---

118 Ср.: *Adam A.* Histoire de littérature française au XVII siècle. Paris, 1948—1952. T. 3. P. 125; T. 5. P. 80. *Kortum H.* Charles Perraut und Nicolas Boileau. Der Antike-Streit im Zeitalter der klassischen französischen Literatur. Berlin, 1966.

119 *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. S. 63.

120 *Opitz M.* Buch von der deutschen Poeterey. Stuttgart, 1970. S. 49.

121 *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. S. 80.

М. ЛЕВИТТ

СУМАРОКОВ — ЧИТАТЕЛЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

Хотя А. П. Сумароков играл первостепенную роль в формировании новой русской литературы XVIII века, мы располагаем сравнительно небольшим количеством материала по его биографии и творческой истории его произведений. Как известно, Сумароков умер в нищете. Его личный архив и библиотека пропали. Те остатки архива, которыми пользовался Н. И. Новиков при подготовке посмертного полного собрания сочинений Сумарокова (1781—1782 гг.; 2-е изд., 1787 г.), пропали после ареста и ссылки издателя. По этой причине почти любые новые данные о Сумарокове, особенно те, которые относятся к первому периоду его деятельности, т. е. до его назначения директором нового национального театра в 1756 г., являются ценными. Именно такой материал предлагается здесь в виде списка книг, которые Сумароков брал из Библиотеки Академии наук в конце 1740-х и в 1755 г. Этот список представляет исключительный интерес для историка русской литературы XVIII века не только как источник информации о Сумарокове и его литературной деятельности, но и как доказательство того, что в России рано стали известны тексты ряда европейских и античных писателей, в том числе и Шекспира.

Предлагаемый ниже список включает документы, хранящиеся в Петербургском отделении Архива Академии наук. В нем числятся двадцать два библиотечных издания, которыми пользовался Сумароков. Список делится на две части. Вторая часть основана на выписках из журнала выдачи книг. Это уточняет не только год (1755), но и день и месяц, когда Сумароков брал отдельные книги из Библиотеки (ф. 158, оп. 1, № 410, л. 15). Труднее выяснить цель и датировку того документа, по которому составлена первая часть списка (ф. 158, оп. 1, д. 407, л. 9). Не раз академики жаловались на «непорядки» и «небрежение» к книгам в библиотеке, когда ею управлял секретарь Академии и главный библиотекарь И.-Д. Шумахер (Johann Daniel

© М. Левитт, 1995

Schumacher).[1] После восшествия на престол Елизаветы Петровны была назначена следственная комиссия, и Шумахер временно даже находился под арестом. Однако с помощью влиятельных при дворе друзей комиссия полностью реабилитировала его.

Одна из серьезных и повторяющихся претензий к Шумахеру заключалась в том, что в Библиотеке не велись систематические журналы выдачи книг. По словам «доношения» профессорского собрания от сентября 1745 г., которое подписали среди других Тредиаковский и Ломоносов, «тем книгам, которыя кому из библиотеки отпускаются, нет записной книги, кому оныя отданы и когда возвращаются. А при выдаче из библиотеки книг берут росписки на особливых листах или на лоскутах, которыя по большей части теряются, так что оных при возвращении книг назад получить не можно. Да может быть и без росписок многия книги выданы были, чего ради и не дивно, что множество их из библиотеки пропало».[2] Только в начале 1750-х гг. начали вводить годовые алфавитные журналы выдачи книг, из которых сохранились лишь несколько: за 1753—1755 и 1761—1762 гг.[3]

Первый интересующий нас документ, свидетельствующий о том, какие книги Сумароков брал из Библиотеки в конце 1740-х гг., находится в папке вместе со списками книг и расписками об их выдаче в разные годы. Это список книг, «которые отсутствуют из библиотеки» (см. заглавия на л. 12 и 13). Список организован по разделам Библиотеки (по «каморам» или «камерам», т. е. по залам), которым и соответствуют разделы так называемого «камерного каталога» 1741—1742 гг.[4]

Все книги Сумарокова значатся под рубрикой «Poetae» и отмечены цифрами из этого раздела каталога. Возможно, что данный документ связан с ревизией в Библиотеке в 1744—1746 гг., проведению которой Шумахер упорно сопротивлялся и результаты которой не сохранились.[5]

---

[1] Об управлении Библиотекой Шумахером см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1 (XVIII век). С. 171—176; История Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 39—43 и по указателю.

[2] Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 7 (1744—1745). С. 640.

[3] Нами обнаружен ряд вышеупомянутых «росписок» среди листов из нескольких томов рукописного каталога 1751—1753 гг. См.: СПб.О ААН, ф. 158, оп. 1, №. 154, 158, 163, 164. Это указывает на то, что до 1753 г. новая система выдачи книг по журналам еще не была введена.

Эти расписки и журналы представляют собой не только ценный материал для изучения научных интересов академиков, но и богатый малоисследованный источник текстов и изданий, которыми пользовались русские писатели и переводчики в середине XVIII века.

[4] Bibliotecae Imperialis Petropolitanae: [В 4 ч.]. St. Petersburg, 1741—1742.

[5] По словам М. Н. Мурзановой, «последовавший в 1747 г. пожар в Библиотеке окончательно прекратил дальнейший ход ревизии» (Исторический очерк и обзор фондов... С. 176). См. также: История Библиотеки Академии наук СССР. С. 42, 80. Возможно, что ревизия даже и не состоялась (см.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге, СПб., 1870. Т. 1. С. XIX.

Из-за «непорядков» в Библиотеке трудно установить точную дату выдачи книг. Предшествующие отдельные страницы в папке являются списком выданных книг по конец 1745 г., составленным по фамилиям читателей (л. 6—7).[6] Есть также отдельная расписка о книгах, выданных Г. Н. Теплову 29 июня 1747 г. (л. 8). Вероятно, 1746 г. — самая раняя дата, когда Сумароков мог взять книги. Крайнюю позднюю дату составления списка трудно уточнить по той простой причине, что эти выданные книги могли очень долго (или совсем) отсутствовать. Однако можно все-таки предположить, что они были взяты из библиотеки не позднее 1746—1748 гг., по следующим соображениям. Во-первых, среди тех читателей, которые указаны в списке вместе с Сумароковым, числится библиотекарь академии, адъюнкт по кафедре истории И.-Ф. Брем (Johann Friedrich Brehm), который был уволен со своих академических должностей 1 августа 1747 г.[7] Во-вторых, можно полагать, что Сумароков брал эти книги в связи со своей работой над трагедией «Гамлет» и над «Двумя эпистолами», которые писатель представил в печать в начале октября 1748 г.[8] (Об этом см. ниже.)

Журнал выдачи книг за 1755 г., из которого взята вторая часть списка, составлен по алфавиту. Если записи вычеркнуты, это означает, что книги были возвращены. Некоторые из записей представляют собой лишь цифры — без упоминания автора или названия книги. Сравнение этих цифр с каталогами, сохранившимися в Архиве Академии наук, обнаружило, что они соответствуют большому рукописному каталогу книг и рукописей на иностранных языках (в 26 томах), составленному в 1751—1753 гг.[9] Тщательное изучение

---

[6] Самая поздняя дата, указанная в этих страницах, — 30 декабря 1745 г. (л. 6). Очевидно, поэтому Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин относят эти листы к названному году. См.: М. В. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской академии наук//Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 283, 290.

[7] Брем был определен на гражданскую службу как секретарь юстиц-коллегии по лифляндским делам. См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. С. 586. В документе числятся также: Х. Ф. Крузиус (Christian Gottfried Crusius), профессор по разряду древностей и истории литературы, которого уволили 20 августа 1749 г. (он уехал из России навсегда в конце августа того же года), и профессор астрономии Х. Н. фон Винзгейм (Christian Nicolaus von Winsheim), который умер 4 марта 1751 г. О Крузиусе см.: Там же. С. 696. О Винзгейме см.: Академия Наук СССР: Персональный состав. М., 1974. Т. 1. С. 8.

Многие книги в этом списке помечены инициалами «G. H.», т. е. они были среди тех книг прадеда Пушкина А. П. Ганнибала (Gibrahim, т. е. Abraham, или Ибрагим, Hannibal), которые были конфискованы в 1726 г., после смерти Петра I, и возвращены ему лишь в 1740-е гг. К сожалению, сопоставление интересующего нас списка со списками книг, отданных Ганнибалу, и книг, которые потерялись в пожаре 5 декабря 1747 г., не прояснило дату его составления (СПб.О ААН, ф. 158, оп. 1, № 466, л. 7 об. — 9 об. и л. 1—6 об.). О пожаре и о книгах Ганнибала см.: История Библиотеки Академии наук СССР. С. 48—49, 50.

[8] Об истории напечатания этих произведений см.: *Левитт М.* К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова//Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 16—32.

[9] Catalogi Generalioris Bibliothecae Imperialis Petropolitanae//СПб.О ААН, ф. 158, оп. 1, № 142—143 (1751 г.), 144—152 (1752 г.), 153—167 (1753 г.). Об этом каталоге см.: История Библиотеки Академии наук СССР. С. 115—117.

этого каталога, не имеющего указателей, позволило расшифровать все цифры, кроме одной (№ 12). Вместе с библиографическим описанием книг, взятых Сумароковым из Библиотеки в 1755 г., в нижепредлагаемом списке даются и записи из этого каталога, на основании которых были установлены библиографические данные.

* * *

Приступим к анализу самих книг и их значения для Сумарокова. Две части нашего списка относятся к двум периодам его деятельности. Первый период — конец 1740-х гг. — время, когда Сумароков выступил впервые перед публикой как автор первых двух трагедий на русском языке — «Хорев» (СПб., 1747) и «Гамлет» (СПб., 1748) — и как литературный законодатель со своими «Двумя эпистолами» (СПб., 1748).[10] Вторая часть списка относится к периоду его сотрудничества в новом журнале «Ежемесячные сочинения».

Все книги в первой группе — сочинения Шекспира, Й. Вондела, П. Скаррона и французские переводы Лукана и Вергилия — имеют прямое отношение к работе Сумарокова над «Двумя эпистолами». Сумароковские эпистолы вместе с приложенным к ним маленьким «словарем писателей» являлись не только «сводом законов» русского классицизма, но и своего рода учебным пособием, предназначенным для «читателя, лишенного элементарных познаний в истории литературы».[11] Все авторы в первой части нашего списка названы в «Двух эпистолах» по именам, за исключением Скаррона, на которого Сумароков ясно намекает в обсуждении «ирои-комических» поэм во второй эпистоле (II: 285—130).[12] Заметим, что своим узакониванием скарроновой травестии Сумароков шел вразрез с европейскими классицистами (в первую очередь самим Буало), которые не признавали «грубого» бурлеска; скорее всего, по этой причине Скаррон по имени и не назван.[13]

Как известно, в эпистолах Сумароков следовал Вольтеру в своем описании Шекспира как писателя, заслужившего место на Геликоне, «хотя непросвещенного» (II: 38), писателя, «в котором и очень худого

---

[10] Не считая ранее опубликованных: оды Анне Иоанновне 1740 г. (от имени кадетского корпуса) и брошюры «Три оды парафрастические Псалма 143, сочиненныя чрез трех стихотворцов» (СПб., 1744).

[11] *Клейн Й.* Русский Буало?: (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников)//XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. См. также: *Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. Ч. I: Очерк литературной историографии XVIII века. С. 22.

[12] При цитировании римская цифра I обозначает эпистолу о языке, II — о стихотворстве; арабская цифра — строку. Считаем строки по изд.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений /Собр. и изд. Николаем Новиковым. М., 1781. Т. 1. С. 329—356.

[13] См.: *Сумароков А. П.* Стихотворения /Под. ред. А. С. Орлова. Л., 1935. С. 438. (Библиотека поэта, большая серия). О Буало и Скарроне и о дальнейшей судьбе этого жанра в России, см.: Ирои-комическая поэма/Под. ред. Б. Томашевского. Л., 1933. (Библиотека поэта, большая серия). С. 77—85, 706—707.

и чрезвычайно хорошего очень много» (из «Примечаний»). Кстати, полной неожиданностью как для исследователей творчества Сумарокова, так и для шекспироведения в России, явилось то, что Сумароков имел возможность познакомиться с текстами Шекспира на английском языке, хотя следует заметить, что сам по себе факт взятия книги из библиотеки еще ни о чем не говорит, тем более в данном случае, так как не имеется никаких указаний на то, что Сумароков владел английским языком. То же самое, впрочем, можно сказать и о его знакомстве с Вонделем, которого он вряд ли мог читать по-голландски (№ 3). В ответ на критику Тредиаковского в 1750 г. Сумароков писал: «Гамлет мой, говорит он (Тредиаковский. — *М. Л.*) <...> переведен с французкой прозы Английской Шекспировой Трагедии, в чем он очень ошибся. Гамлет мой, кроме Монолога в окончании третьяго действия и Клавдиева на колена падения, на Шекспирову Трагедию едва, едва походит». [14]

Здесь Сумароков, может быть специально, не договаривает, в чем именно Тредиаковский ошибся и какой версией «Гамлета» — подлинником или переводом П.-А. Лапласа — он воспользовался при подготовке своей пьесы. Сопоставление текстов показывает, что сумароковская адаптация данных мест в самом деле основана на переводе Лапласа (из второго тома «Английского театра» («Le theatre anglais», 1746 г.) с заметным влиянием первого Вольтеровского стихотворного перевода знаменитого монолога («Быть или не быть...»). [15] Но все-таки в целом вопрос о соотношении английского, французского и русского текстов «Гамлета», как и вопрос об отношении Сумарокова к драматургии Шекспира в его более поздних пьесах, еще ждет всестороннего исследования. Тем не менее, к каким бы заключениям мы ни пришли, публикуемый ниже список является доказательством самого раннего интереса к шекспировским текстам в России.

В «Двух эпистолах» среди других царствующих на Геликоне поэтов Сумароков называет «Виргилия несравненного» и Лукана (II: 44 и 46). В примечаниях об этих авторах он упоминает «Фарсалию» Лукана и «Еклоги» Вергилия. Оба эти произведения Сумароков брал из Библиотеки во французском переводе (№ 2 и 4). О Лукане Сумароков пишет: «Был у Нерона в великой милости, а потом от славного сего мучителя умерщвлен растворением жил. Сочинил поэму о Фарсальской между Цесарем и Помпеем брани».

Характерно, что Сумароков интересуется как литературными достижениями писателя (его незаконченным эпосом в десяти книгах

---

[14] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений. Т. 10. С. 117.

[15] *Toomre J. S.* Sumarokov's Adaption of *Hamlet* and the 'To be or not to be' Soliloquy//Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1981. V. 9. P. 6—20. См. также: *Lang D. M.* Sumarokov's 'Hamlet': A Misjudged Russian Tragedy of the Eighteenth Century//Modern Language Review. 1948. V. 43, № 1. P. 67—72; Шекспир и русская культура/Под. ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 18—34 (здесь дан подробный обзор критики по этому вопросу); *Rowe Eleanor.* Hamlet: A Window on Russia. New York, 1976. P. 4—14; *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 12—13.

«Pharsalia»), так и его судьбой как придворного поэта. [16] То же самое можно сказать о примечании к Вергилию, где больше всего внимания уделено «Энеиде». Между прочим, Сумароков пишет (повторяя общее место из Плиния и Светония): «В «Эклогах» своих подражал он Феокриту, в «Георгиках» Гесиоду, в «Энеидах» Гомеру». В самих эпистолах описание «пастушеских» жанров эклоги и идиллии (II: 65—86 и 365—376) обрамляет центральную часть эпистол, где Сумароков перечисляет правила всех жанров в качестве наглядного примера. Сумароков только начал писать свои «еклоги» во второй половине 1750-х гг. (перевод пятой эклоги Фонтенеля — исключение; см. ниже, примеч. 28), а к 1774 г. их уже хватило для отдельного сборника («Еклоги Александра Сумарокова». СПб., 1774). Заметим, что произведения четырех других античных авторов в списке книг, взятых из Библиотеки в 1755 г. (№ 6, 7, 16, и 17 — Гораций, Тибулл, Проперций и Пиндар), также прокомментированы в примечаниях к «Двум эпистолам».

Книги, взятые Сумароковым из Библиотеки между 21 марта и 24 августа 1755 г., относятся к периоду, когда писатель принимал активное участие в новом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755—1764), издававшемся Академией наук. [17] Это был первый популярный научный и литературный журнал в России. Библиограф А. Н. Неустроев писал: «Во все продолжение своего десятилетнего существования «Ежемесячныя сочинения» с жадностью читались русскою публикою, несмотря на то что изящная словесность занимала в них не видное место сравнительно с другими видами литературы». [18] Однако для Сумарокова до основания его собственного литературного журнала «Трудолюбивая пчела» (1759) и журнала кадетского корпуса «Праздное время в пользу употребленное» (1759—1760) это было единственной возможностью публиковать свои небольшие по объему (т. е. не драматические) произведения. И Сумароков воспользовался этой возможнотью. Как вспоминал академик Я.Я. Штелин, «бригадир Сумароков поставил даже себе законом, чтоб без присылки его стихотворения не выходила ни одна Ежемесячная книжка журнала, потому-то в каждом его месяце, несколько лет сряду можно найти по одному и по нескольку его стихотворений». [19]

---

[16] Ср. ссылки на римских поэтов в письмах Сумарокова к Екатерине II. Например, 28 января 1770 г. он жаловался на своих хулителей, которые «самовластнее и жесточе со стихотворцем известным поступают, нежели Нерон. Но тот был римский император; однако и тот, кроме Лукана, всех стихотворцев ободрял» (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 127—128).

[17] Название журнала два раза менялось: «Ежемесячныя сочинения к пользе и увеселенню служащия» (1755—1757 гг.); «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащия» (1758—1762 гг.) и «Ежемесячныя сочинения и известия о ученых делах» (1763—1764 гг.) — см.: *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875. С. 46—50; *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 77—107.

[18] *Неустроев А. Н.* Историческое розыскание... С. 47.

[19] Цит. по: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 651.

Это вряд ли преувеличение: в годы своего участия в журнале (1755, 1756, и 1758 гг.) Сумароков напечатал там 98 стихотворений и 11 стихотворных переводов; в 1755—1756 гг. его пьесы появились в 19 из 24 выпусков журнала. Сумароков интенсивно работал как над новыми жанрами, так и над проблемами русского стихосложения. Он впоследствии писал (в неопубликованной статье «О стопосложении»), что в годы своей дружбы с Ломоносовым (т. е. в конце 1740-х гг.) он еще «тонкости стопосложения не знал; но после долговременною приобрел себе истинное о нем понятие практикою». [20] Эти слова, скорее всего, относятся к тому периоду его участия в «Ежемесячных сочинениях», когда Сумароков вступил в открытый спор с Тредиаковским о вопросах стихосложения и много упражнялся в античных, народных и современных ему французских классицистических метрах и строфических формах. Жанровый диапазон Сумарокова удивителен: оды торжественные и духовные, сонеты, притчи, эпитафии, эпиграммы, эпистолы, баллады, мадригалы, идиллии, песенки, сказки, стансы, надписи, подражания античным строфам (сафические, анакреонтические, горацианские), переводы с немецкого (сонеты Флеминга) и французского (Расина, Фонтенеля, Барро). Если в конце 1740-х гг. Сумароков стремился стать первым русским трагиком и законодателем Парнаса, то теперь он хотел доказать свое право на звание (по словам Тредиаковского) «отца Российского стихотворства».

Не ставя целью детально сопоставлять издания в нашем списке с произведениями, напечатанными Сумароковым в «Ежемесячных сочинениях», мы можем указать на явные совпадения и на проблемы, требующие дальнейшего исследования.

Ясно, что Сумароков брал три издания П. Флеминга в конце марта 1755 г. (№ 9, 10, 11), чтобы готовить свой перевод трех московских сонетов немецкого поэта для включения в апрельский номер журнала. В связи с этим переводом Сумароков, вероятно, брал и путевые записки Адама Олеария, спутника и коллеги Флеминга по дипломатической службе (№ 14). В этих записках цитируются стихи Флеминга. Труднее судить, почему Сумароков выбрал именно Флеминга, представителя раннего немецкого барокко. Здесь, очевидно, сказался интерес Сумарокова к истории Москвы XVII века или к проблеме стихотворной формы сонета. [21]

В своем «Письме в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол» (1750 г.) Тредиаковский назвал незнание классических языков одним из основных недостатков Сумарокова как поэта. «Нет (в Сумарокове. — *М. Л.*) ни малаго знания так называемых учоных языков, а по последней мере надобно б необходимо знать

---

[20] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений. Т. 10. С. 56.

[21] Переводы написаны шестистопным ямбом со схемой: абба вгтв дде жже (или жеж) с разным чередованием мужских и женских рифм. Тредиаковский критиковал эти переводы именно с точки зрения их формы; он их принимал не за сонеты, а за «просто так называемые стансы» — см.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 256.

ему по-Латински»; «он по Греческаго ни пула не знает». [22] Трудно судить, насколько справедлива эта критика. В кадетском корпусе Сумароков хорошо выучил французский и немецкий языки, и также учился итальянскому, но не занимался ни латинским, ни греческим языками, и нет прямых указаний на то, что он и впоследствии брался за их изучение. [23] Косвенным доказательством его знакомства с подлинными текстами мог бы служить наш список, в котором девять изданий на латыни (или на греческом языке с латинским переводом). Но с другой стороны, все эти издания связаны тем или иным образом с высказываниями Тредиаковского и их полемикой.

Сумароков и Тредиаковский давно спорили по вопросам метрики и стихосложения. Их полемика касалась не только «Способа к сложению стихов» Тредиаковского (который появился в первом томе его «Сочинений и переводов» 1752 г.), но и его «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» 1735 г. Споры возобновились после появления статьи Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» в июньском номере «Ежемесячных сочинений» 1755 г. Статья могла вызвать возражения со стороны Сумарокова не только из-за вопроса об античных метрах, но и из-за претензий Тредиаковского на приоритет в области русского стихосложения. Вместе со своими первыми анакреонтическими и сафическими одами, [24] которые Сумароков явно писал именно как опровержение взглядов Тредиаковского, он представил в печать и «Письмо о сафической и горацианской строфах» для июльского номера журнала. Академическое собрание, которое судило о содержании «Ежемесячных сочинений», предоставило Тредиаковкому право публично ответить на критику Сумарокова. [25] Тредиаковский не упустил эту возможность и прочитал свое ответное письмо на заседании 19 июня. Хотя 12 июня академическое собрание уже одобрило Сумароковское письмо, теперь оно решило не допустить в печать ни письмо Сумарокова ни ответ Тредиаковского. [26]

---

22 Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке/ Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 496, 486.

23 Материалы об образовании Сумарокова в кадетском корпусе содержатся в Центральном гос. военно-историческом архиве в Москве, ф. 314, оп. 1, д. 1643, л. 107 об. — 108 (1737 г.); ф. 314, оп. 1, д. 1629, л. 19 об., 22, 49, 62 и др. (1738 г.); ф. 314, № 1850, л. 22 об. (1739 г.).

24 По П. Н. Беркову, его «Ода горацианская» относится не к 1758 г., когда она появилась в «Ежемесячных сочинениях», а к осени 1754 г. — см.: *Сумароков А. П.* Избр. произведения/Под. ред. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 525 (Библиотека поэта, большая серия). Это еще раз указывает на то, что прямое соотнесение произведения со временем его напечатания часто приводит к ошибкам.

25 Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1899. Т. 2 (1744—1770). С. 333.

26 Там же. На наш взгляд и вопреки мнению П. П. Пекарского, обсуждение того, допустить или не допустить «эпистолу» к печати, относилось не к «Эпистоле» Сумарокова («Желай, чтоб на брегах сих музы обитали»), которая появилась в августовском номере, а к его «Письму о сафической и горацианской строфах». Недоразумение произошло оттого, что протоколы велись на латинском языке, в котором оба слова (эпистола и письмо) обозначены одним словом «epistola». См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 184.

Не случайно все латинские авторы из второй части нашего списка упомянуты в седьмой главе «Способа» Тредиаковского — даже Катулл, Стаций и Клавдий Клавдиан, ссылок на которых нам не удалось найти нигде в сочинеииях Сумарокова. [27] Скорее всего, Сумароков брал эти издания, чтобы проверить — или опровергнуть — мнение своего противника. В то же время его интерес к поэтам древности (из латинских: Гораций, Катулл, Тибулл, Проперций, Стаций, Клавдий Клавдиан, из греческих: Пиндар и восемь лириков) может объясняться его опытами в воспроизведении античных метров и строф на русском языке. Толчком к этим опытам также, по-видимому, было творческое состязание с Тредиаковским. Заметим, что и его выбор стихотворения для перевода в «Ежемесячных сочинениях», вероятно, диктовался желанием превзойти своего соперника. [28] Возможно, в связи с этой полемикой Сумароков и брал четыре тома французского перевода Горация (№ 6). Первый том содержит обсуждение проблем перевода Горация известным французским латинистом А. Дасье. Позднее, защищаясь от критики Сумарокова, Тредиаковский цитировал это обсуждение. [29] То, что Сумароков брал каталог античных и европейских поэтов (№ 8), также может свидетельствовать о его внимательном изучении этих вопросов.

Привлекают внимание и два оставшихся издания в нашем списке — работы Готруша и Брюмуа (№ 13 и 15), одни из самих известных пособий-справочников для писателей-классицистов. «Поэтическая история» Пьера Готруша (Pierre Gautruche, или Galtruche, 1602—1681), которая переводилась на все европейские языки и которая к 1714 г. уже выдержала 17 изданий, является (по словам английского

Л. Б. Модзалевский, по-видимому, считал, что речь шла о другой стихотворной эпистоле. См.: *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение»: (Из истории русской журналистики 1755 г.)//Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исслед. и мат. М.; Л., 1962. С. 159. Трактат Сумарокова сохранился лишь в отрывках, процитированных Тредиаковским в его ответном письме, опубликованном впервые Пекарским (с. 250—257).

27 В своем «Письме» 1750 г. Тредиаковский дразнил Сумарокова тем, что «о Тебанской оной <войне> знатно, что не слыхал он сам никогда, для того Стаций не переведен на французский язык с Латинского». — Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 2. С. 461.

28 Например, Сумароков перевел сонет Ж. Барро (Jacques Valée Des Barreaux, 1599—1673) «Dieu, tes jugements sont remplis d'equité» (Ежемесячныя сочинения. 1756. Февраль. С. 146), который Тредиаковский раньше переводил для своего «Нового и краткого способа» 1735 г. Сборник материалов для истории императорской Академии наук. Ч. 1. С. 40. Там же (с. 72) Тредиаковский выдвигает французского поэта и теоретика стихосложения Б. Фонтенеля (Bernard le Bovier Fontenelle, 1657—1757), «исправителя Эклоги», как образец для подражания в области буколической поэзии; первая печатная эклога Сумарокова явилась именно переводом пятой эклоги Фонтенеля, в тех же «Ежемесячных сочинениях» (1756. Март. С. 268—270).

29 *Пекарский П.* История императорской Академии наук. С. 254. В 1752 г. Тредиаковский упомянул о Дасье и его жене, известной переводчице Гомера и Плутарха Анне Лефевр (Lefebvre), а также об «иезуите Санадоне», принимавшем участие в переводе Горация 1735 г. (№ 6 в нашем списке), как об образцовых переводчиках. *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы. СПб., 1752. Т. 1. С. VIII—IX.

переводчика 1671 г.) «полным собранием всех историй, необходимых для совершенного понимания греческих и латинских поэтов и других древних авторов», т. е. сводом мифологических фабул. Многотомное издание Пьера Брюмуа (Pierre Brumoy, 1688—1742) «Греческий театр» содержит полное собрание греческих трагедий и комедий в переводе на французский язык в прозе, отрывки на подобные темы из Сенеки и европейских классицистов (Корнеля, Расина, Ж. Ротру, О. Густиниано, Л. Дольче [30] — итальянцы даны во французском переводе в прозе) и ряд рассуждений о греческом театре и его отношении к современной драматургии. Вольтер упомянул об этой работе как об «одной из лучших и самых полезных, которой располагаем», и она была хорошо известна русским литераторам. [31] Оценка значения этих книг в творчестве Сумарокова — предмет будущих исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заметим, что в некоторых случаях формат книги, указанный и в списке, и в каталогах XVIII века, не точно соответствует тому, который дается в более современных библиографических справочниках. Это может объясняться организацией русских каталогов XVIII века, которые делились на три формата (фолио, кварто, октаво); меньшие по формату книги группировались с октаво. Также следует иметь в виду, что (по словам «доношения» профессорского собрания 1745 г.) «сочиненные и напечатанные о библиотеке каталоги так неисправны, что нельзя их хуже быть», [32] а также и то, что разные по формату издания могли быть очень близки по размеру, что легко приводило к ошибкам. Кроме того, в XVIII веке часто выпускались те же издания в разных форматах.

---

30 Jean Rotrou, 1609—1650; Orsato Giustiniano, 1538—1603; Ludovico Dolce, 1508—1658 (или 1659).

31 Dictionnaire de Biographie Française/Ed. M. Prevost et Roman D'amat. Paris, 1954. Fasc. 38. P. 506. В своем «Письме» о Сумарокове Тредиаковский представил, как Сумароков поступил бы при сочинении трагедии на тему Эдипа. «Сего Софоклова Эдипа Автор наш не возьмет, или не-взял (т. е. если уже написал такую трагедию. — *М. Л.*) с подлинника, для того что он по Греческаго ни пула не знает; но будет поживляться переводом или Дациеровым, или оным, кои зделан Иезуитом Брюмоа» (Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 2. С. 486). Но сам Тредиаковский ориентировался, в частности, на книгу Брюмуа в своем «Разсуждении о комедии» 1752 г., и в заключительной части рассуждения, выпущенной из печатного текста, он ссылался на «подлинные» комедии Аристофана (в отличие от французских «списков»), «кои находятся у меня все в греческом театре иезуита Брюмоа» (*Пекарский П.* История императорской Академии наук. Т. 2. С. 168—169).

32 Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 7. С. 640.

I. СПИСОК КНИГ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК, ВЫДАННЫХ СУМАРОКОВУ В 1746—1748 ГГ.[33]

1. Sumorokoff. Shakespear's [William] Comedies, histories and Tragedies, Lond. 1685. fol. — 34.

Mr. William Shakespear's Comedies, Histories, and Tragedies. Publiched according to the true Original Copies. Unto which is added, seven Plays, never before Printed in Folio: viz. *Pericles* Prince of Tyre. The *London Prodigal*. The History of *Thomas* Lord *Cromwel*. *Sir John Oldcastle* Lord *Cobham*. The *Puritan Widow*. *A Yorkshire* Tragedy. The Tragedy of *Locrine*. The Fourth Edition. London, Printed for H. Herringman, E. Brewster and R. Bentley, 1685. in fol.

Кам. кат. 34; Brit. Lib. 299: 208; Bib. Nat. 171: 818; Nat. Un. Cat. 540: 576; Trésor 6: 381. Это издание — четвертое ин фолио. Оно включает все пьесы Шекспира, разные стихи и предисловия, посвященные ему, а также семь драматических произведений XVII века, не принадлежащих Шекспиру. Существуют два факсимильных издания: London, 1904 и Cambridge, 1985 (РГБ)

2. Sumorocoff. La pharsale de Lucain ou les guerres civiles de César et de Pompée en Vers François p. Mr. de Brebeuf. Paris 1682. 8°—47.

[Lucanus, Marcus Annaeus]. La Pharsale de Lucain, ou les Guerres civiles de César et de Pompée. En vers françois. Par mr [Georges] de Brébeuf. A Paris, Chez Jean Cochart, 1682. in 12°

Кам. кат. 47; Brit. Lib. 202: 26; Bib. Nat. 101: 183; Nat. Un. Cat. 344: 111; Trésor 4: 275. Французский стихотворный перевод исторической поэмы Марка Аннея Лукана «Фарсалия». Первое издание — 1654 г. РГБ имеет следующие издания: Leiden, 1658; Paris, 1670; La Haye, 1683 — все в 12°.

3. Sumarocoff. Vondels Treuerspeelen. Amst. 1662. 8° — 105.

Vondels, J. V. [Vondel, Joost Van de(n)]. Treuerspeelen. Begreepen in Twee Deelen. Amsterdam, Kornelis de Bruyn [то же: Bruin], 1662 [1661—1665]. Два тома в 8°.

По-видимому, отметка относится к первому тому этого издания, который содержит двенадцать трагедий голландского драматурга И. В. Вондела (или Фондела): «Palamedes», «Hecuba», «Hippolytus», «Elektra», «Edipus», «Gysbreght van Aemstel», «Maria Stuart», «Leeuwendaelers», «Maeghden», «Peter en Pauwels», «Lucifer», и «Salmoneus». Второй том — пьесы на темы Старого Завета. На голландском языке.

Кам. кат. 105; Bib. Nat. 200: 764—765: Brit. Lib. 342: 77; Nat. Un. Cat. 642:276. БАН имеет экземпляр первого тома этого издания из собрания А. А. Виниуса, книги которого вошли в коллекцию библиотеки после его смерти в 1718 г. по приказанию Петра I.[34] Скорее всего, Сумароков пользовался именно экземпляром Виниуса. Второй том этого издания, по-видимому, отсутствовал в Библиотеке Академии наук, так как в Кам. кат. (как и в более поздних каталогах Библиотеки XVIII века) значится лишь одна цифра.

---

[33] Записи из СПб.О ААН, ф. 158, оп. 1, д. 407, л. 9, выделяются полужирным шрифтом; за ними следует полная библиографическая информация. В комментариях римские цифры обозначают том, арабские — страницу или столбец. При цитировании рукописей, каталогов и библиографий сохраняем пунктуацию, правописание и заглавные буквы, но не орфографию, то есть при цитировании кириллицы воспроизводим «і» как «и», «ѣ» как «е» и в конце слов устраняем твердые знаки, и при цитировании латинского шрифта «ſ» и «ſſ» заменены на «s» и «ss», «oe» на «ae».

[34] Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 153; История библиотеки Академии наук СССР. С. 18.

4. Sumarocoff. Traduction des Eclogues de Virgile avec des notes critiques. Paris 1708. 8°—261.

[Vergilius (Virgilius) Maro, Publius]. Traduction des Églogues de Virgile, aves des notes critiques et historiques, par le P[ere François] Catrou. Paris, Jacq[ues] Estienne. 1708. in 12°.

Кам. кат. 261; Bib. Nat. 212: 202; Trésor 6_2: 358. Комментированный перевод эклог Вергилия, с латинским текстом. Издание также включает жизнеописание Вергилия римского комментатора Доната (на латинском языке).

5. Sumarocoff. Virgile Travesty en vers burlesques de M. Scarron. Paris 1651. 8°—509.

Эта запись относится или 1) к первому изданию шестой книги травестии П. Скаррона: [Scarron, Paul]. Le Virgile travesty en vers bur lesques, de Monsieur Scarron. Livre sixiesme. A Paris, Chez Toussaint Quinet, au Palais, sous la montée de la Cour des Aydes. 1651. in 4°. [Кам. кат. 509; Scar. 33; Bib. Nat. 164: 483—484; Trésor 6_2: 366 и 6_1: 291], или 2) к переизданию первых пяти книг «suivant la copie imprimée à Paris» [Leiden: Elzevier], 1651, in 12°. [Scar. 36; Brit. Lib. 291: 326; Nat. Un. Cat. 523: 318; РГБ]. То, что в «Двух эпистолах» Сумароков ссылается на (правда, нашумевшую) карикатуру Дидоны из четвертой книги скарроновой травестии (II: 287), могло бы сказаться в пользу второго, эльзевировского, издания.

II. ВЫПИСКИ ИЗ ЖУРНАЛА БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК 1755 г. С ЗАПИСЬЮ КНИГ, ВЫДАННЫХ СУМАРОКОВУ

Ключ: а — (полужирным шрифтом) запись из журнала выдачи книг из Библиотеки Академии наук за 1755 г. (СПб.О ААН, ф. 158, оп. I, № 410, л. 15, 15об.).
б — запись из каталога 1751—1753 гг. (СПб.О ААН, ф. 158, оп. 1, № 147—167), цифры которого соответствуют цифрам в журнале выдачи книг.
в — полная реконструированная библиографическая запись.

6—8. а. 1755 году марта 21 дня из Библнотеки о<т>пущены гд-ну Суморокову пять книг in 8vo п<о>д тнтул^{ом} OEUVRES D. HORACE 4. тома. п<о>д № 295—298, еще п<о>д титул^{ом} Catull. Tibull. propert. scal. № 273. Еще каталог стихотворцам гд-ну Суморокову (на поле страницы написано «Poet.», т. е. класс «Poetae»).

6. а. OEUVRES D. HORACE 4. тома. п<о>д. № 295—298.

б. Horatii Flacii. [Opera.] Amst. 1735. Vol. 1—8. 8° 295 bis 302 (ф. 158, оп. 1, № 149, л. 109 об.).

в. [Horatius Flaccus, Quintus]. Oeuvres d'Horace en latin, traduites en françois par M. [André] Dacier, et le P[ere Noel Etienne] Sanadon. Avec les remarques critiques, historiques, et géographiques, de l'un et de l'autre. Amsterdam, chez J. Wetstein et G. Smith. 1735. 8 vol. in 8°.

Trésor 3: 354; Nat. Un. Cat. 254: 542; Bib. Nat. 73: 666—667 и Brit. Lib. 152: 361 показывают 12°. Сумароков брал первые четыре тома, которые содержат: жизнеописание Горация (Светония), «диссертацию» о переводе и замечания А. Дасье (в первом томе, оба на французском языке); оды и эподы Горация (латинский текст и французский перевод в прозе на параллельных страницах, в томах 2—4).

7. а. Еще п<о>д титулом Catull. Tibull. propert. scal. № 273.

б. Catulli, Tibulli & Propertii. Opera recens. Jos. Scaligero Antw. 1582. 8°. 273 (ф. 158, оп. 1, № 144, л. 14).

в [Catullus Gaius Valerius, Tibullus Albius, Propertius, Sextus] Catulli Tibulli, Propertii nova editio Iosephus Scaliger Iul Caesaris f recensuit Eiusdem in eosdem castigationum liber Ad Cl Puteanum Consiliarum Regium in suprema Curia Parisiensi Antuerpiae, Apud Aegidium Radaeum 1582 in 8°

Кам кат 272 Tresor 2 86, Brit Lib 56 343, Bib Nat 24 1245, Nat Un Cat 100 209, БАН, РГБ Книга содержит стихотворения Валерия Катулла, четыре книги элегий Альбия Тибулла (вторые две книги — ошибочно приписываются ему), и четыре книги элегий Секста Проперция с комментариями На латинском языке

8. а. Еще каталог стихотворцам.

Скорее всего эта пометка относится к отдельному выпуску раздела «Poetae, Latini Germ Gall Graeci &c Camera H Repositoria 26 27 28», с 361—414, из Bibliothecae Imperialis Petropolitanae Vol 1, СПб , 1742, — так называемого «камерного каталога» Библиотеки Академии наук, который выходил отдельными выпусками со шмуцтитулами (всего 32 выпуска) [35] Экземпляры выпуска «Poetae», с собственноручными добавлениями и аннотациями разных лиц, сохранились в БАН и СПб О ААН, и также в Архивохранилище старопечатных и редких изданий РГАДА в Москве

9—13. а. марта 24. Ему же гд-ну Суморокову из поетов шесть книг о<т>пущено in 8vo n<o>д. № 291, 345, 530, 509—510, 785, по приложенню здесь записок. [36]

9. а. № 291.

б Flemmingii [Pauli] Deutsche Poëmata Mersebl [sic] 1685 8° 291 [ф 158 оп 1, № 148, л 50]

в Fleming [или Flemming], Paul Teutsche Poëmata In Verl[ag] Chr Kolbens, Buchh zu Naumberg Merseburg, druckts Chr Gottschick F S Hosbuchh, Im J[ahr] 1685 in 8°

Кам кат 450, Brit Lib 110 137, Trésor 2 594—595 Собрание стихотворений немецкого поэта XVII века П Флеминга Существует факсимиле первого издания «Teütsche Poemata», Lübeck, 1642 (Georg Olms Verlagsbuchhandlung, Hildesheim, 1969)

10. а. № 345.

б Flemmingii [Pauli] Geisti[iche] u[nd] weltl[iche] Poemata Jen[a], 1651 8°. 345 (ф 158, оп 1 № 148, л 50)]

в [Fleming (или Flemming) Paul] Geist , und Weltliche Poëmata, Paull Flemmings, Med D & Poet Laur Caes Jetzo Auffs neue wieder mit Churf Sächs Privilegio aussgefertiget Jn Verlegung Christian Forbergers seel Wittibe in Naumberg Jena Gedruckt bey Georg Sengenwalden, 1651 8°

Кам кат 65, Bib Hand 1 624, Brit Lib 110 137 Собрание Флеминга В ГБЛ есть издание 1660 г

11. а. № 530.

б Flemmingii [Pauli] Poëtische Walder 8° 530 (ф 158, оп 1, № 148, л 50, см Кам кат 258)

Нам не удалось найти такого названия в библиографических указателях В РГБ есть издание без титульного листа (А 130/75), у которого первая сохранившаяся страница — титульный лист первого раздела — имеет название «Erstes Buch

---

[35] См Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701—1800 Л , 1984 Т 1 (A—G) С 130

[36] Записки не сохранились

Poetischer Wälder»; ее переплет такой же, как у книг из Библиотеки Академии наук. Возможно, что эта книга так и вошла в русские каталоги XVIII века; ее содержание такое же, как у предыдущей книги (№ 10).

12. а. № 509—510.

б. Нам не удалось найти эти цифры, которые соответствуют книгам из раздела «Poetae», в каталоге 1751—1753 гг., откуда взята информация о записях № 6—11 и 13—23.

13. а. № 785.

б. Autruche [:O. D.]. [sic] L'histoire Poëtique pour Intelligence des Poëtes & auteurs anciens. 8°. à Paris 1691. 785 (ф. 158, оп. 1, № 142, л. 114 об.; № 149, л. 76; см. Кам. кат. 100 и 385).

в. [Gautruche (или Gaultruche), (Le Pere) Pierre]. L'histoire poetique pour l'intelligence des poétes et auteurs anciens. Par le P. P. Gautruche de la Compagnie de Jesus. Paris. Nic. le Gras. Bib de Comp. 3: 1287—1288. Это, по-видимому, двенадцатое издание популярного свода античных фабул, составленного Готрушом. В других библиографических указателях этого издания нет. (См.: Bib. Nat. 58: 397 и Nat. Un. Cat. 193: 20).

14. а. Ему же гд-ну Суморокову о<т>пущена книга п<о>д титулом Adami Olearius. Путешествие в Россию и Персию на немецком языке in fol. 1755 марта 29. exotici 55.

в. Olearius, Adam. Offt begehrte Beschreibung Der Newen-Orientalishchen Reise, So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinnen Derer Orter und Länder durch welche die Reise gangen, als fürnemblich Russland, Tartarien und Persien, sampt ihrer Einwohner Natur, Leben, und Wesen fleissig beschreiben, und mit vielen Kupfferstücken, so nach dem Leben gestellet gezieret. ... Schlesswig, Bey Jacob zur Glocken. Im Jahr 1647. in 2° (in fol).

Кам. кат 55 (Раздел «Exotica»); Bib. Nat. 126: 897; Nat. Un. Cat. 429: 334; РГБ; РГАДА. Это первое издание популярных в России путевых записок Адама Олеария. На немецком языке.

15—16—17. а. 1755: года 2: августа, 2 дня о<т>пущено из Библиотеки в дом гд-на полковника Александра Петровича Сумаро<ко>ва следующия книги, а именно — п<о>д №

1. Le Theatre des Grecs. № 360—365.
2. Pindari olympia pythia Nemea isthmia № 156.
3. Pindari olympia pythia Nemea isthmia caeterorum octo. № 745.

Оные книги принял Сержант лейб-компании копеист Алексей Дьяконов.

А. Дьяконов служил копиистом в той Лейб-компании, делами которой Сумароков заведовал как генеральс-адъютант А. Г. Разумовского уже с 1745 г. Указ 30 августа 1756 г., который учредил русский театр и назначил Сумарокова директором, назначил Дьяконова надзирателем Головинского дома, помещения для нового театра. [37]

15. а. 1. Le Theatre des Grecs. №360—365.

б. Theatre des Grecs par R. P. Brumoy. Amst. 1732. Vol. 1—6. 8°. 360—364 (ф. 158, оп. 1, № 161, л. 35; по-видимому, здесь ошибка: последняя цифра должна быть 365; она исправлена в ф. 158, оп. 1, № 410, л. 15, цитированном выше).

в. [Brumoy, Le Pere Pierre]. Le Théatre des Grecs, Par Le R. P. Brumoy,

---

[37] Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1 (1746—1801 гг.). Отд. II. С. 54.

de la Compagnie de Jesus. A Amsterdam, Aux dépens de la Compagnie. 1732. 6 Vols. 16°.

Bib. de Comp. 2: 246 (как 12°); Trésor 1: 552; Nat. Un. Cat. 80: 490; РГБ; в БАН — изд. 1730 г. в трех томах (в 4°). Эта книга содержит все существующие греческие трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, отрывки из пьес на подобные темы Сенеки, Корнеля, Расина, Ж. Ротру (Jean Rotrou), Орсатто Густиниано (Orsatto Gustiniano), Лодовико Дольче (Lodovico Dolce), комедии Аристофана и ряд рассуждений о греческом театре и об отличиях его от современной драматургии. Все греческие и итальянские пьесы и отрывки из них даны во французском переводе в прозе.

16. а. 2. Pindari olympia pythia Nemea isthmia № 156.

б. Pindari, Olympia Nemea Pythia [sic], Isthmia, gr. & lat. 1598. 8°. 156 (ф. 158, оп. 1. № 156, л. 79 об.).

в. [Pindarus.] Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia. Craece & Latine. Latinam interpretationem M. Aemilius P[ortus] Fr[ancisci] Porti C[retensis] F[ilius] Linguae Graecae Professor, novissime recognouit, accurate repurgauit, & passim illustrauit. Lyrica Carminum poetarum nouem, lyricae poesews principum, fragmenta: Alcaei, Sapphus, Stesichori, Ibyci, Anacreontis, Bacchylidis, Symonidis, Alcmanis, Pindari, nonulla etiam aliorum, cum Latina interpretatione, partim soluta oratione, partium carmine. Apud Hieronymum Commelinum. [Heidelbergae], 1598. in 8°.

Кам. кат. 237; Trésor 5: 294; Bib. Nat. 137: 833—834; Brit. Lib. 259: 162; Nat. Un. Cat. 458: 637; БАН; РГБ. В двух частях, которые содержат четыре книги од Пиндара и стихи восьми греческих поэтов (в том числе Алкея, Сапфо, Стесихора, Анакреонта, Алкмены), на греческом языке с переводами и комментариями на латыни.

17. а. 3. Pindari olympia pythia Nemea isthmia caeterorum octo. № 745.

б. [То же самое, как и № 166]. 1600. 8°. 745 (ф. 158, оп. 1, № 156, л. 79 об.).

в. [Pindarus.] Pindari Olympia, Pythia, Nemea, Isthmia. Caeterorum octo lyricorum carmina, Alcaei, Sapphus, Stesichori, Ibyci, Anacreontis, Bacchylidis, Symonidis, Alcmanis, nonulla etiam aliorum. Editio IIII. Graecolatina, H. Steph[ani] recognitione quorundam interpretationis locorum, & accessione lyricorum carmina locupletata. Excudebat Paulus Stephanus. [Geneva]. 1600. in 16°.

Кам. кат. 560; Bib. Nat. 137: 831—832; Brit. Lib. 259: 163; Nat. Un. Cat. 458: 637; БАН; РГБ. О содержании см. № 16.

18—23. а. 1755 году августа 24 дня из Библиотеки отпущены Г. Суморокову следующня книги, а именно

1. Cl. Claudiani. № 27.
2. Publii papinii Statii. № 92 NB. [38]
3. Statii papinii neapolitani. № 811:
4. Cl. Claudianus. Theod. pulmani. № 762.
5. P. Papini Statii opera. № 823 NB.
6. Cl. Claudiani... № 828.

} **Poetae in 8vo**

18. а. 1. Cl. Claudiani. № 27.

б. Claudiani Cl. quae extant [sic] cum notis variorum. Amst. 1665. 8°. 27(ф. 158, оп. 1. № 144, л. 88).

в. [Claudianus, Claudius.] Cl. Claudianus quae exstant. Nic[olaas] Heinsius Dan. Fil. Recensuit ac notas addidit, post primam editionem altera fere parte nunc

---

[38] К чему относятся эти «nota bene», не указано.

auctiores. Accedunt selecta Variorum Commentaria, accurante C[ornelis] S[chrevelio] M. D. Amstelodami, Ex officina Elzeviriana, 1665. in 8°.

Кам. кат. 133; Bib. Nat. 29: 778—780; Brit. Lib. 63: 449; Nat. Un. Cat. 111: 522; Trésor 2: 194; РГБ. Все существующие произведения Клавдия Клавдиана с комментариями и жизнеописанием. На латинском языке.

19. а. 2. Publii papinii Statii. № 92 NB.

б. Statii [:Papinii] Sylvarum libri 5. Thebaidos libri 12. Achilleidos libri 2 cum notis Variori ex Officina Hackiana Lugd. B. 1671. 8°. 92 (ф. 158, оп. 1. № 160, л. 61).

в. [Statius, Publius Papinius.] Publii Papinii Statii Sylvarum lib. V. Thebaidos lib. XII. Achilleidos lib. II. Notis selectissimis in Sylvarum libros Domitii, Morelli, Bernartii, Gevartii, Crucei, Barthii, Joh. Frid. Gronovii Diatribe. In Thebaidos praeterea Placidi Lactantii, Bernartii, &c. quibus in Achilleidos accedunt Maturantii, Britannici, acuratissime illustrati a Johanne Veenhusen. Ex Officina Hackiana: Lugd[uni] Batav[orum], 1671. in 8°.

Кам. кат. 146; Trésor 14: 481; Brit. Lib. 311: 463; Bib. Nat. 176: 1105; Nat. Un. Cat. 565: 438. Это собрание сочинений Публия Папиния Стация содержит: пять книг «Silvae» (стихотворения на случай), поэму в 12 книгах «Фивадия» и две книги неоконченной поэмы «Ахиллеида» с комментариями разных авторов и двумя жизнеописаниями Стация. На латинском языке.

20. а. 3. Statii papinii neapolitani № 811:

б. [То же, что и № 196]. Lugd. 1547. 8°. 811 (ф. 158, оп. 1, № 160, л. 61).

в. [Statius, Publius Papinius.] Statii Papinii Neapolitani Sylvarum libr V. Thebaidos lib. XII. Achileeidos lib. II. Apud Seb[astien] Gryphium: Lugduni, 1547. in 16°.

Кам. кат. 564; Trésor 6_1: 480 (как 12°); Brit. Lib. 311: 463; Nat. Un. Cat. 565: 438. О содержании см. № 19.

21. а. 4. Cl. Claudianus. Theod. pulmani. № 762.

б. [То же, что и № 186]. Antw. 1596. 8°. 762 (ф. 158, оп. 1. № 144, л. 88).

в. [Claudianus, Claudius]. Cl. Claudianus Theod. Pulmanni diligentia, & fide summa, e vetustis codicibus restitutus, una cum M[artini] Ant[onii] Del-Rio notis. Ex officina Plantiniana, apud viduam & I[oannem] Moretum: Antuerpiae, 1596. В двух частях, в 16°.

Кам. кат. 558; Brit. Lib. 63: 448; Nat. Un. Cat. 111: 520; РГБ имеет издание 1585 г. в 16°. Стихотворения Клавдия Клавдиана с комментариями. На латинском языке.

22. а. 5. P. Papini Statii opera. № 823 NB.

б. [То же, что и № 206]. Lugd. 1665. 8°. 823 (ф. 158, оп. 1, № 160, л. 61.)

в. [Statius, Publius Papinius]. P. Papinii Statii Opera. Lugduni, Apud vid. Iacobi Carteron, 1655.

Кам. кат. 414; Nat. Un. Cat. 565: 431. О содержании см. № 19.

23. а. 6. Cl. Claudiani... № 828.

б. [То же, что и № 186] ex emendatione Heinsii. Amsterd[am]. 1688. 8°. 828 (ф. 158, оп. 1. № 144, л. 88).

в. [Claudianus, Claudius]. Cl. Claudianus quae exstant: ex emendatione Nicolai Heinsy Dan. f. Amstelodami, sumptibus Societatis, 1688.

Кам. кат. 426; Nat. Un. Cat. 111: 522. Все существующие произведения Клавдия Клавдиана с комментариями. На латинском языке.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Российской академии наук, Отдел редких книг, Санкт-Петербург.
РГБ	— Музей книги, Российская государственная библиотека, Москва.
Кам. кат.	— Камерный каталог: Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. Pars. 1—4. St. Petersburg, 1741—1742. Все номера относятся к разделу «Poetae, Latini, Germ. Gall. Graeci, &c.», с. 316—414, кроме № 14, который относится к разделу «Exotica».
СПб.О ААН	— СПб. отделение Архива Академии наук
РГАДА	— Архивохранилище старопечатных и редких изданий, Российский гос. архив древних актов, Москва.
Bib. de Comp.	— Bibliothèque de la Compagnie de Jésus. Pt. I: Bibliographie. 10 vols. Paris, 1890—1909; переизд.: Bruxelles, 1960.
Bib. Hand.	— *Dünnhaupt Gerhard*. Bibliographisches Handbuch der Barockliteratur. 3 vols. Stuttgart, 1981—1983.
Bib. Nat.	— Catalogue Général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. 231 vols. Paris, 1897—1981.
Brit. Lib.	— The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. 360 + 6 vols. London, 1979—1988.
Nat. Un. Cat.	— National Union Catalogue, Pre-1956 Imprints. 754 vols. London, 1968—1981.
Scar.	— *Magne Emile*. Bibliographie Générale des oeuvres de Scarron. Paris, 1924.
Trésor	— *Graesse J.G.T.* Trésor de livres rares et précieux, ou Nouveau dictionnaire bibliographique. 7 vols. Dresde, 1859—1869.

Э. Г. КРОСС

АНГЛИЙСКИЕ ОТЗЫВЫ ОБ А. П. СУМАРОКОВЕ

Александр Сумароков, всегда ревниво следивший за своей известностью на родине и за границей, с гордостью известил читателей издаваемого им журнала «Трудолюбивая пчела»: «Видите вы, любезные мои согражданя, что ни сочинения мои, ни актеры вам стыда не приносят и до чего в Германии многими стихотворцами не достигли, до того я один, и в такое еще время, в которое у нас науки словесные только начинаются, и наш язык едва чиститься начал, одним своим пером достигнуть мог. Лейпциг и Париж, вы тому свидетели, сколько единой моей трагедии скорый перевод чести мне сделал!» [1]

Почти десятилетие спустя, в октябре 1767 г., он не преминул напомнить императрице Екатерине II: «Судя и по самым худым переводам некоторых малочисленных сочинений, Германия, Франция, Париж, и сам Волтер единый с Метастазием из современников моих достойный мне совместник». [2] Англия, вполне естественно, не вошла в перечень стран, приветствовавших его талант, но первыми откликами англичан на его сочинения он был бы в целом удовлетворен, хотя, разумеется, желал бы, чтобы отклики были многочисленнее и чтобы не столь часто его фамилию упоминали в сочетании с Ломоносовым. Действительно, известны лишь четыре отзыва о Сумарокове и его творчестве, появившиеся в Англии при его жизни, и до него они бы не дошли, так как два не были опубликованы, третий содержался в книге, изданной малым тиражом для частного распространения, а в четвертом, единственном напечатанном в издании, поступившем в открытую продажу, он не был назван по имени. Уже после его смерти, в течение трех десятилетий, его известность в Англии достигла своего пика, впрочем, весьма невысокого, а затем о нем полностью забыли.

Нет, по-видимому, ничего неожиданного в том, что первые известия в Англии о русском драматурге и его творчестве стали прямым результатом появления французского перевода, который Су-

---

[1] Трудолюбивая пчела. 1759. Дек. С. 758—759.
[2] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 108.

© Э. Г. Кросс, 1995
© В. Д. Рак, перевод, 1995

мароков имел все основания назвать «скорым» и «худым». В 1748 г. в Петербург приехал священник Даниэл Дюмерик (1712—1805), назначенный капелланом британской фактории.[3] Ему предстояло служить в этой должности почти четырнадцать лет, и все это время он не только ревностно исполнял свои обязанности священника, но и активно содействовал установлению более тесных научных связей между Королевским обществом и Академией наук в Санкт-Петербурге. Официальное признание его больших заслуг в этой области состоялось в 1761 г., когда он был принят в Королевское общество, а в следующем году, при отъезде из России, он был избран иностранным почетным членом русской Академии. С самого начала своего пребывания в России Дюмерик аккуратно посылал в Англию экземпляры всех академических изданий. Именно Академическая типография выпустила в 1751 г. книжку «Sinave et Trouvore, tragedie russe en vers» — выполненный кн. Александром Долгоруким французский прозаический перевод трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», напечатанной первым изданием в той же типографии за счет автора в том же году.[4] Побуждаемый «лишь необычностью и новизною этой вещи» и не сочтя даже нужным упомянуть имя автора, Дюмерик немедленно послал своему покровителю Джону Картерету, графу Гранвиллу (John Carteret, Earl of Granville), «два экземпляра трагедии, недавно переведенной с русского на французский».[5] Менее скупым на слова оказался он, посылая еще один экземпляр Томасу Берчу (Birch), члену, а с 1752 г. и секретарю Королевского общества. Он указывает, что, насколько ему известно, «это самый первый во все времена перевод сочинения такого рода (с этого языка. — *Э. К.*), а потому и своего рода диковина», предназначенная «как знак любезности» возвращающемуся австрийскому посланнику. По-прежнему не называя Сумарокова по имени, он рассказывает, как «провел вечер в компании автора, который производит впечатление образованного человека: очень хорошо понимает по-французски. Это позволило ему взять из «Théâtre Anglois» тему одной из своих пьес, которой он дал название «Гамлет», но содержание которой, как мне сказали, он изменил».[6] Сам Сумароков категорически отрицал, что источником ему служила переделка «Гамлета» во втором томе «Théâtre Anglois» (1746) Лапласа, и не исключено, что эти сведения Дюмерик получил на самом деле от В. К. Тредиаковского.[7] Возвращаясь к трагедии «Синав и Тру-

---

[3] О Д. Дюмерике см.: *Appleby J. H.* Daniel Dumaresq, D. D., F. R. S., as a Promoter of Anglo-Russian Science and Culture // Notes and Records of the Royal Society of London. 1990. V. 44. P. 25—50.

[4] Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1986. Т. 3. С. 88, № 2822; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. М., 1966. Т. 3. С. 194, № 7036.

[5] British Library, London, Add. Ms. 32419, f. 279.

[6] Ibid, Add. Ms. 4305, f. 67—68.

[7] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений, в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Т. 10. С. 103. Американский ученый Маркус Левитт (Levitt) недавно обнаружил четвертое издание ин-фолио Шекспира, которым действительно пользовался Сумароков (см.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1992. № 20. P. 91. О трагедии Сумарокова см.: *Lang D. M.* Sumarokov's «Hamlet»:

вор», Дюмерик добавляет, что, по его мнению, «в ней есть очень хорошие мысли (sentiments), и в этих краях они уместны и своевременны; в каковом отношении, по крайней мере, она заслуживает похвалы». [8] В завершение он прибавляет в постскриптуме: «Мне сказали, что сюжет трагедии, которую я посылаю, не имеет основания ни в одной древней летописи, где говорится о легендарных событиях, происходивших в этой стране». [9]

За несколько месяцев до того, как Дюмерик отправил в Англию экземпляры перевода трагедии Сумарокова, он попросил уезжавшего на родину (как оказалось, навсегда) члена Британской фактории передать письмо лорду Гранвиллу. Джонаса Хенуэя, процветающего купца, занявшего в Лондоне ведущее положение в Русской компании, и видного филантропа, Дюмерик рекомендовал Гранвиллу как «джентльмена очень серьезного склада и обладающего умом более собранным, чем, кажется, можно было бы ожидать от купца, чья профессия столь подвержена рассеянию мыслей». [10] Эта серьезность не замедлила проявиться в изданном Хенуэем в Лондоне в 1753 г. «Историческом очерке британской торговли на Каспийском море, с приложением Дневника путешествия автора из Лондона через Россию в Персию и обратно по России, Германии и Голландии». Уделяя внимание прежде всего и главным образом вопросам коммерции, он тем не менее отводит несколько строк культурной жизни Петербурга в царствование Елизаветы, включив в них следующее утверждение: «Но не только внешними проявлениями начинают отличаться русские: недавно из полного мрака, так сказать, появились два поэта и написали трагедии в соответствии с современными правилами драматургии». [11] Сумароков без колебаний признал бы себя одним из этих не названных по имени поэтов и согласился бы, конечно, с той оценкой его литературной деятельности, которую содержало это неоригинальное описание ступившей на путь просвещения России.

Близкую позицию занимал и Джордж Макартни, британский чрезвычайный посол в России в 1764—1767 гг., чьими стараниями был подписан второй англо-русский торговый договор (1766). Возвратившись в Англию, Макартни издал малым тиражом для распространения среди сослуживцев и друзей свое «Обозрение России в 1767 году», куда включил небольшой раздел «О художествах и науках» («Of Arts and Sciences»), в общем бледный и поверхностный, но содержавший тем не менее замечание о том, что «в последнее время русские достигли больших успехов в поэзии», для которой «их язык, кажется, прекрасно подходит, отличаясь краткостью, вы-

---

A Misjudged Russian Tragedy of the Eighteenth Century // Modern Language Review. 1948. V. 43. P. 67—72.

8 British Library, Add. Ms. 4305, f. 67 v.

9 Ibid, f. 68.

10 British Library, Add. Ms. 32419, f. 160.

11 *Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Author's Journal of Travels from London through Russia into Persia; and back through Russia, Germany and Holland. London, 1753. V. 1. P. 373.

разительностью, музыкальностью и плавностью».[12] Упомянув Кантемира, Макартни затем сообщает, что «с тех пор появились два очень выдающихся таланта, Ломоносов и Сумароков (Soumarakoff), из которых второй еще здравствует». Ломоносов удостаивается похвалы только за «оду, в которой немало возвышенных строк», в то время как о Сумарокове говорится подробнее: «...последний сочинил несколько пьес, обладающих множеством достоинств. Я с большим удовольствием смотрел его переделки «Гамлета» и «Меропы», удачно приспособленные для русского театра. Он также написал на сюжеты из русской истории две трагедии, пользующиеся большим успехом.

К этому следует добавить, что он насадил на русской сцене правила, приведя ее в отношении благопристойности, порядка и великолепия к тому же состоянию, в котором пребывает большинство других театров Европы».[13] В годы, когда Макартни находился в России, не зарегистрировано представлений «Гамлета», и так же неясно, какую пьесу он имел в виду, говоря о переделке вольтеровской «Меропы» («Артистону»?).[14] Тем не менее этот пассаж примечателен не в последнюю очередь тем, что здесь впервые был назван по фамилии Сумароков.

Предшественник Макартни в должности посла граф (второй) Джон Бакингемшир, прибыл в Петербург в конце 1762 г. и вскоре отправился в Москву, где находилась в то время Екатерина и двор. Там он был свидетелем трехдневного «общенародного зрелища» «Торжествующая Минерва», которое стало кульминацией коронационных празднеств. Он присутствовал также на любительском представлении «Семиры», состоявшемся 29 января 1763 г., накануне того дня, когда началось зрелище.

Об этом он писал: «В заключение не могу не сказать о спектакле, на котором мне довелось быть вчера. Это была русская трагедия, представленная перед императрицей во дворце, в роскошном зале, где по этому случаю были оборудованы подмостки со всеми подобающими декорациями. Сюжет пьесы был из русской истории, а чувства и речи <персонажей>, насколько можно судить, прочтя французский перевод, который сам говорит о своем несовершенстве, сделали бы честь любому писателю в любой стране. Графиня Брюс сыграла главную роль с непринужденностью и пристойностью, что редко встречается у тех, кто воспитан для сцены. Двух других персонажей превосходно представили граф Орлов и сын покойного генерал-фельдмаршала (Marshall) Шувалова. Граф Орлов обладает очень примечательной внешностью и немного похож на графа Эрро-

---

12 [*Macartney G.*]. An Account of Russia, MDCCLXVII. London, 1768. P. 167.

13 Ibid. P. 168.

14 Из всех трагедий Сумарокова был представлен во время пребывания Макартни в России только «Синав и Трувор» (История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. Репертуарная сводка). Общеизвестно, что в первое издание «Хорева» Сумароков включил две строки из «Меропы» (*Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 117—118).

ла».[15] Описав танцы, последовавшие за пьесой, Бакингем закончил письмо избитым рассуждением на тему быстрого движения России к просвещению: «Все отличалось таким изяществом и великолепием, что описание, которое может показаться преувеличенным, на самом деле лишь едва отдает им должное. Если принять в соображение, сколь немного лет прошло с тех пор, как в этой стране появились изящные искусства и сколь значительную часть этого времени ими очень мало занимались, то покажется весьма удивительным, что представление подобного рода можно было подготовить и осуществить за несколько недель».[16] Значение того, что сообщает Бакингем о представлении трагедии Сумарокова, не умаляется его любопытным признанием в следующей депеше относительно того, что он осведомлен о перлюстрации его писем и что именно это обстоятельство («хотя спектакль обладал всеми достоинствами, которые я ему приписал») и побудило его «написать столь подробно о трагедии, сыгранной при дворе», так как он знал, что «Она <императрица> желала, чтобы на пьесу обратили внимание, и ожидала этого».[17] Не будь, например, у Бакингема этой осведомленности, мы, возможно, никогда бы не узнали, кто исполнял роли в спектакле.[18] Особый интерес представляет заявление Бакингема о том, что содержание пьесы было ему известно по «несовершенному французскому переводу». Возможно, в 1763 г. был уже издан перевод некоего Мабдиса («Semire tragedie. Traduit du russe»), который, как недавно установлено, был напечатан в типографии Московского университета и на который как на вышедший намекает Сумароков в цитированном выше письме к Екатерине.[19]

Последующие британские посланники ничем не способствовали знакомству своих соотечественников с творчеством Сумарокова, но многочисленные записи о представлениях пьес содержит неопубликованный дневник Катерины Харрис (Harris), жившей в 1778—1779 гг. в России, куда она приехала к брату — британскому послу

---

[15] Norfolk Record Office, Norwich, NRS 2409/39C, Letterbook of 2nd Earl of Buckinghamshire, f. 119—120. Опубликовано с различиями в орфографии в кн.: The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia 1762—1765 / Ed. by Adelaide D'Arcy Collyer. London, 1903. V. 1. P. 220—221.

[16] Letterbook, f. 121; The Despatches and Correspondence... P. 221.

[17] Letterbook, f. 123; The Despatches and Correspondence... P. 223.

[18] Ю. В. Стенник в комментарии к «Семире» пишет: «Именно в этой роли (Оскольда. — *Э. К.*) Волков в последний раз выступал на сцене в Москве 29 января 1763 г., незадолго до смерти. Роль Ростислава в этом спектакле исполнял И. А. Дмитревский» (*Сумароков А. П.* Драматические сочинения. Л., 1990. С. 461). О спектакле сделана запись в «Камер-фурьерском журнале» (СПб., 1855. С. 22), но без указания названия пьесы и фамилий актеров. Ничего об этом не говорится и в кн.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953. Ошибка восходит, кажется, к 1770-м гг.: Уильям Кокс, пользовавшийся немецкими источниками, указывает, что в последний раз Волков играл на сцене в «Семире» незадолго до смерти (*Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. London, 1784. V. 2. P. 203).

[19] Сводный каталог книг на иностранных языках... Т. 3. С. 88, № 2821; *Сумароков А. П.* Драматические сочинения. С. 461.

сэру Джеймсу Харрису.[20] Во многих случаях мисс Харрис приводит отсутствующие в русских источниках подробности о спектаклях и актерах, в том числе и о постановке «Димитрия Самозванца» в московском Знаменском театре 7 октября 1778 г., почти ровно через год после смерти драматурга: «Смотрела русскую пьесу «Димитрий Самозванец». Говорят, что эта роль написана хорошо. Актер исполнил ее превосходно, с богатой мимикой и хорошей игрою, хотя в последнем отношении он сплоховал в момент смерти, дав пощечину другу, который замешкался ему помочь. Костюмы красивые, но мужские не вполне соответствуют старинному русскому одеянию, женские точные, включая девичью повязку на лбу. Между актами играли торжественную музыку, созвучную спектаклю».[21]

С пребыванием мисс Харрис в Петербурге совпал первый приезд в столицу России преподавателя Кембриджского университета достопочтенного Уильяма Кокса (1747—1828), который в качестве наставника сопровождал молодого лорда Джорджа Герберта в его длительных путешествиях по Европе. Именно Коксу предстояло написать ряд трудов о России, из которых самым авторитетным, содержательным и многократно переиздававшимся были «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию», вышедшие в 1784 г. первым изданием в двух томах. Большую главу он посвящает состоянию искусств и науки в России, черпая сведения из французских и немецких источников, которые, будучи иностранными, оказались тем не менее надежными и вполне современными. Категорически не соглашаясь с утверждениями, согласно которым причиною сравнительно позднего присоединения России к «просвещенным народам Европы» были «влияние климата и прирожденная бесталанность», он предпочитает видеть быстрые следствия просвещения.[22] Он разделяет свое исследование на две части под заголовками «История» (History) и «Поэзия» (Poetry) и под вторым собирает самые подробные из доступных в то время на английском языке сведения о русских поэтах и драматургах.[23] Очерк творческого пути Сумарокова Кокс предваряет экскурсом в историю русской сцены, опираясь главным образом на труд на немецком языке Якоба фон Штелина «К истории театров в России» («Zur Geschichte des Theaters in Russland», 1769). Возвратившись к Сумарокову, он переходит к другому немецкому источнику: «Краткому известию о жизни и сочинениях Александра Петровича Сумарокова» («Kurze Nachricht von den Leben und der Schriften des Alexander Petrowich Sumorokof»), напечатанному в «St. Petersburgische Zeitung» как раз во время его пребывания в русской столице. Кокс перечисляет, в странной, правда, транскрипции, все трагедии Сумарокова и переводит заглавия его комедий. Он высказывает предположение о том, что главным примером в

---

20 См.: *Cross A. G.* The Eighteenth-Century Russian Theatre through British Eyes // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1983. V. 219. P. 229—231, 233.
21 Public Record Office, London, Lowry Cole Papers, 30/43, f. 44 v — 45.
22 *Coxe W.* Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. V. 2. P. 180.
23 Ibid. P. 196—209.

жанре трагедии русскому драматургу служил Расин, и подкрепляет эту мысль ссылкою на мнение французских ученых П Ш Левека (Levesque, 1736—1812) и Н Г Леклерка (Le Clerk, 1726—1798), чьи труды по истории России вышли в то время, когда Кокс подготавливал «Путешествия» к публикации У Леклерка Кокс нашел и впервые перевел на английский язык «образец» русского стихотворения — элегию Сумарокова «К г Дмитревскому на смерть Ф Г Волкова» (1763) Конечный результат получился, конечно, очень далеким от русского подлинника, но виноват в этом был Леклерк Двадцать пять строк стихотворения Сумарокова он пересказал прозою в десяти, поставив себе целью сохранить лишь основные мысли произведения и в какой-то степени его риторическое облачение, а потому выбросив все, относящееся к собственным сочинениям Сумарокова и его другу Дмитревскому В следующем отрывке хорошо видны приемы Леклерка и точность передачи Коксом французского прозаического перевода

Расинов я театр явил, о россы, вам,
Богиня, а тебе поставил пышный храм,
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды!

O Russie! vous aviez un second Racine,
mais les fondemens de ce nouveau Theâtre vont crouler,
et tous les travaux d'un siècle sont perdus

«O Russia you possessed a second Racine! but the new theatre is already tottering from its foundations, and all the labours of a century are destroyed!» [24]

«Путешествия» Кокса пользовались в Англии большой популярностью и в 1802 г вышли уже пятым изданием Именно этот труд стал источником материала для статьи о Сумарокове (а также для статей о Ломоносове, Хераскове, Волкове и др) в «Новом общем биографическом словаре», изданном в Лондоне в 1784 г [25] Статья была перепечатана дословно и в издании 1798 г [26] под редакцией священника Уильяма Тука, который позднее в другом своем труде сообщил дополнительные сведения о Сумарокове и его творчестве

Тук (1744—1820), служивший с 1771 по 1792 г капелланом британской фактории сначала в Кронштадте, а затем в Петербурге и при отъезде избранный членом-корреспондентом Академии наук, внес значительный вклад во всестороннее ознакомление англичан с

---

[24] *Сумароков А П* Полн собр всех сочинений Г 9 С 77, Le Clerc N G Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne Paris, 1783 T 1 P 81, *Coxe W* Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark V 2 P 203

[25] New and General Biographical Dictionary London, 1784 V 12 P 50—53 Материал был заимствован у Кокса также французским лжепутешественником, компилятором П Н Шантро (Chantreau), чей плагиат был переведен обратно на английский язык под заглавием «Political and Literary Travels in Russia during the Years 1788 and 1789» (Perth, 1794) О Сумарокове см V 1 P 261—263

[26] New and General Biographical Dictionary London, 1798 V 14 P 244—247

историей и культурой России на рубеже веков.[27] Печататься он начал, еще находясь в Петербурге, но лишь после смерти Екатерины II стали выходить один за другим его труды, начиная с перевода в 1798 г. «Жизни Екатерины II» Ж. Кастера (*Castera J.-H.* Vie de Catherine II. Paris, 1797). С самого начала Тук отступал от французского подлинника, внося в перевод изменения и дополнения, а в третье издание (1799) ради его «улучшения для пользы и удовольствия» включил, никак этого не оговорив, переведенную им из книги А. К. Шторха «Картина Санкт-Петербурга» (*Storch H. F.* Gemählde von St. Petersburg. Riga, 1793—1794) главу, содержавшую обзор литературной и культурной жизни столицы России в царствование Екатерины. Это значило, что речь шла не о Ломоносове, а о Сумарокове, потому что Тук, вслед за Шторхом, считает годы после 1762-го «самой плодотворной эпохой поэтического творчества Сумарокова». Поэтому Сумароков и получает наивысшую похвалу, когда-либо возданную ему на английском языке: «Удачливому во всем, за что ни брался его предприимчивый гений, но более всего в области драмы, Сумарокову было, кажется, самою судьбою определено оставить после себя образцовые сочинения во всех родах отечественной литературы. Живая, но сдерживаемая фантазия, утонченный вкус, воспитанный изучением древних и новых писателей, чисто классический язык — таковы отличительные черты его сочинений».[28] Тук выражает сожаление в том, что план этого его труда не позволяет привести образцы поэзии Сумарокова. Этот пробел был заполнен двумя годами позже изданием полного английского перевода труда Шторха под собственной фамилией автора. Английские читатели получили первые стихотворные переводы русской поэзии, сделанные, правда, с немецкого языка; однако Тук скрыл свою к ним причастность, лишив себя тем самым чести быть признанным первым английским версификатором, переведшим стихами сочинения русских поэтов. В качестве образцов были отобраны эклога Сумарокова «Енона», его ода «О величестве Божием» и отрывок из его «Эпистолы о стихотворстве», посвященный оде.[29]

Тем не менее Сумароков-поэт уступил место Сумарокову-драматургу в двух следующих публикациях первого десятилетия XIX в., знаменовавших собою вершину его славы (если о таковой можно вообще говорить) в Англии и одновременный фактически ее закат. В последней главе своей «Истории России» («History of Russia», 1800) Тук широко пользовался — с указанием источника — подробным обзором театральной жизни Москвы в книге Иоганна Рихтера «Москва: Очерк» (*Richter J.* Moskwa: Eine Skizze. Leipzig, 1799), а статья Рихтера «Описание театрального дела в России до царствования Екатерины Великой» («Beschreibung des Theaterwesens in Russland bis zur Regieren Catharina's der Grossen») в его журнале «Russische

---

27 См.: *Cross A. G.* The Reverend William Tooke's Contribution to English Knowledge of Russia at the End of the Eighteenth Century//Canadian Slavic Studies. 1969. V. 3. P. 106—115.

28 *Tooke W.* The Life of Catharine II, Empress of Russia. 5th ed. Dublin, 1800. V. 3. P. 322—323.

29 *Storch H.* The Picture of Petersburg. London, 1801. P. 385—388.

Miszellen» (1802) послужила источником (впрочем, не названным) «Краткой истории русской сцены» («Abridged History of the Russian Stage»), появившейся в одном лондонском журнале в 1806 г. [30] Материал в большей своей части, особенно касающийся Сумарокова, оказался уже известным, и причиною этого было то, что Рихтер взял его из тех же источников, которыми двадцатью годами ранее пользовался Уильям Кокс. Но замечателен был 1806 год прежде всего выходом первого английского перевода драматического сочинения Сумарокова. Более того, это была не только «литературная новинка — русская трагедия в британском одеянии», как представил пьесу переводчик, [31] но и перевод непосредственно с русского подлинника, сделанный к тому же русским, жившим в Англии.

Не назвавшим себя переводчиком был Алексей Григорьевич Евстафьев (1779—1857), служивший в русском посольстве в Лондоне, а позднее русским консулом в Бостоне в Соединенных Штатах. В Лондоне между 1806 и 1808 гг. он своими переводами и статьями в одном из журналов активно знакомил англичан с русской культурой и литературой, в том числе напечатав переводы статьи Карамзина «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802) и биографического очерка М. И. Веревкина «Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова» (1784). [32] Собственное восхищение Ломоносовым он высказывает, называя его «Российским Пиндаром», в предисловии к переводу «Димитрия Самозванца». Он не первым, однако, употребил это сравнение, как, впрочем, не отличалось новизною и рассуждение о сходстве и различии поэтических и стилистических особенностей двух поэтов, которым предварена оценка достижений Сумарокова в драматургии. К сожалению, вся похвала «Димитрию Самозванцу» сводится лишь к констатации того, что Сумароков «строго держался исторической правды», после чего следует признание, согласно которому «на выбор трагедии повлиял более случай, нежели убеждение в том, что она представляет собою шедевр автора». Тем не менее намерение Евстафьева «удовлетворить любопытство английских читателей и дать им возможность самим составить какое-то мнение о заслугах автора, до сих пор им известного лишь по имени и отзывам», было уместным и вызвало интересные отклики в английской прессе. [33] «Джентлменз мэгэзин», посвятивший пьесе небольшой абзац, наполненный главным образом цитатами из предисловия, называет предпринятую попытку «похвальной», а переводчика — хорошо владеющим «нашим языком». [34] С другой стороны, рецензент «Ежегодного обозрения» не пожалел, видимо, труда прочесть пьесу и смог пересказать ее содержание. Он

---

30 Monthly Magazine; or British Register. 1806. V. 21. P. 112—117.

31 Demetrius, the Impostor; a Tragedy by Alexander Soumarokove. London, 1806. P. VII.

32 См.: *Кросс А. Г.* Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX века // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 99—107.

33 Demetrius, the Impostor. P. III—VII.

34 Gentleman's Magazine. 1806. V. 76. Pt. 2. P. 747.

берет из предисловия сведения о Сумарокове, но возражает против соблюдения трех единств, заявляя, что «единство действия поддерживает интерес к пьесе и производимое ею впечатление; единство времени не имеет никакого значения, а единство места является большою ошибкою, так как перемена обстановки и декораций сильно помогает заставить зрителя поверить в реальность показываемого на сцене (contributes powerfully to the illusion of the spectator)». Вполне очевидно стараясь быть справедливым и «готовым воздать здесь должное цветам российского произращения», он полагает, что, «значительно сократив пьесу и сообщив ей зрелищность, увеличив число действующих лиц, применив белый стих, резче очертив характеры персонажей и призвав на помощь актеров, владеющих так искусством, как должны владеть им поэты, эту трагедию можно было бы сделать пригодной для постановки в лондонском театре».[35] Однако выполнить все эти рекомендации означало полностью переделать пьесу Сумарокова. «Литературный журнал» не прибегает к обинякам и не считает возможным даже ставить вопрос о переделке: «Нам представляется, что она (пьеса. — *Э. К.*) не удовлетворяет ни одному основному требованию драматургии и никоим образом не может быть приспособлена для английской сцены, которая для нас является единственной мерой истинного вкуса. Не говоря уже о том, что диалог протекает более в высокопарных речах, нежели в разговоре, мы не находим ни тех живых черт (touches of nature), которые с равною силою заявляют себя на всех языках, ни цельных характеров, которые должны отличать действующих лиц трагедии из жизни *царственных* особ».[36] Укол приберегается для заключительного предложения, где приветствуется появление этого перевода по той причине, что он «лишний раз дает основание испытывать гордость за превосходство отца английской сцены».

Нельзя не почувствовать тонкой иронии в том, что, начавшись с упоминания о переделке Шекспира Сумароковым в соответствии с его собственными драматургическими взглядами, пятидесятилетняя история отзывов о нем англичан закончилась пожеланием привести в более приемлемый, «британский», или шекспировский, вид ту самую трагедию, которая, как был уверен сам автор, «покажет России Шекспира».[37]

Перевод В. Д. Рака

---

[35] Annual Review and History of Literature for 1806. 1807. V. 5. P. 537—538.

[36] Literary Journal. 1806. V. 2. P. 334.

[37] Письмо Сумарокова к Г. В. Козицкому от 25 февраля 1770 г. // Письма русских писателей XVIII века. С. 133.

Ю. В. СТЕННИК

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ XVIII ВЕКА

(Жанр трагедии)

Одной из отличительных особенностей драматургии русского классицизма XVIII в. в жанре трагедии является ее сознательная ориентация на историческую проблематику. При этом в качестве источника сюжетов подавляющего большинства трагедий служили события древней национальной истории — либо легендарные предания, связанные с основанием Киева и принятием Русью христианства, либо сохранившиеся в летописях известия об обстоятельствах утверждения в Новгороде, а затем и в Киеве династии Рюриковичей, либо, наконец, драматические события эпохи самозванчества XVII в., получившей в истории название Смутного времени.

Традиция эта была задана А. П. Сумароковым, создателем первых образцов русской классицистической трагедии, выдержанной в правилах французского театра XVII в. Поставивший перед собой задачу явить России театр Корнеля и Расина Сумароков сознавал, однако, все сложности выполнения подобной миссии, ибо к адекватному восприятию утонченной системы театрального искусства, выработанной корифеями французского классицизма, современный ему русский зритель был еще не готов. Поскольку сам театр к моменту выступления Сумарокова со своими первыми трагедиями в конце 1740-х гг продолжал еще оставаться в глазах его современников во многом чужеземным новшеством, незрелость аудитории обусловливалась естественным отсутствием у нее вкусовой ориентации в той сфере культуры, которую стремился внедрить на русской почве создатель «Хорева» и «Синава и Трувора»

Для органичного усвоения тех богатств, которые нес в отечественные нравы новый театр, требовалась определенная степень развитости культурного сознания. Требовался свободный светский зритель, способный к сопереживанию того, что происходило на сцене. По отношению к французскому театру классицизма, как и по отношению к репертуару европейских трупп, которые время от времени

© Ю. В. Стенник, 1995

гастролировали в первой половине XVIII в. при императорском дворе в Санкт-Петербурге, такого сопереживания как фактора национальной духовной культуры в русском обществе вплоть до появления первых пьес Сумарокова не существовало. Достаточно указать, что привычная для европейского зрителя античная атрибутика театрального действия русскому человеку 1-й половины XVIII в. мало что говорила. Сюжеты античной мифологии и античной истории, составлявшие основу содержания подавляющего большинства пьес французского театра XVII в., не могли адекватно восприниматься в тогдашних русских условиях. Они представали, скорее, занимательными небылицами о «баснотворных деяниях» древних, не всегда даже понятными и полностью отстраненными от интересов той духовной среды, в которой формировались вкусы среднего русского зрителя. Процесс освоения всего художественного и интеллектуального богатства античности, резко активизировавшийся в XVIII столетии, в целом оставался для руссской культуры еще делом будущего.[1] Вот почему становление новой русской драматургии в жанре трагедии на базе перенесения на национальную почву эстетических постулатов европейского классицизма началось с разработки сюжетов, почерпнутых из отечественной истории, преимущественно самого древнего, легендарного ее периода — окутанного дымкой героической возвышенности периода Киевской Руси. Новатором здесь выступил Сумароков и, надо сказать, справился со своей задачей блестяще, поскольку его практика на многие десятилетия предопределила решающее значение отечественной истории в качестве сюжетной базы искусства русского классицизма, не только театрального, но и живописи, скульптуры, не говоря уже о литературе. Именно благодаря во многом Сумарокову эпоха Киевской Руси стала для адептов классицизма в России XVIII в. своеобразным эквивалентом античности. Отражая присущий данной эпохе рост национального самосознания, отмеченное обстоятельство в то же время придавало проблематике русской драматургии XVIII в. особый повышенный заряд историософской насыщенности, чего нельзя, например, сказать о драматургии французского классицизма.

Таким образом, проблема осмысления истории, ее движущих сил в сопряженности исторических судеб нации с судьбами отдельных личностей как бы изначально была задана самой спецификой художественного сознания, воплощаемого в жанре трагедии, каким он сформировался в России XVIII столетия. И здесь мы прежде всего оказываемся перед необходимостью уяснения отношения к отмеченному феномену со стороны самих создателей пьес. Осознавалась ли эта установка на воссоздание в театральных представлениях исторического прошлого нации как грань общей задачи постижения законов истории? Точнее, в какой мере создаваемые драматургами, и прежде всего самим Сумароковым, нравственные и социальные

---

[1] См. об этом: *Савельева Л. И.* Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века. Казань, 1980; см. также: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. Л., 1964.

коллизии личностного самоутверждения сочетались с раскрытием сил, регулирующих законы истории? И находила ли отражение эта особенность русской драматургии в теоретических взглядах деятелей культуры данной эпохи?

Подобная постановка проблемы ведет в свою очередь к вычленению целого комплекса вопросов как общеметодологического характера, так и затрагивающих частные аспекты трактовок идейного содержания отдельных пьес. Понятно, что в пределах одной статьи охватить весь круг встающих в этой связи вопросов вряд ли реально. Поэтому настоящая работа носит заявочный характер. Я ограничусь в ней изложением некоторых предварительных соображений по означенной теме, а также попробую соотнести традиционно принятые в литературоведческих исследованиях оценки историзма трагедий XVIII в. с теми возможностями, которые открывает намеченный выше подход.

Прежде всего естественно ответить на вопрос, как сами драматурги эпохи классицизма осмысляли свое обращение к материалу отечественной истории в контексте решения стоявших перед ними художественных задач. Осознавался ли ими отход в этом отношении от традиции западноевропейского классицизма? И если осознавался, то в чем это проявлялось.

Анализируя с этой точки зрения позицию Сумарокова, мы сталкиваемся с примечательной ситуацией. Мы наблюдаем явный разрыв, бросающееся в глаза несоответствие между его теоретическими высказываниями о специфике жанра трагедии и тем, как реализуется понимание законов жанра непосредственно в драматургической практике Сумарокова. О морально-политическом дидактизме идейного пафоса его пьес мне уже неоднократно приходилось писать. [2] Для Сумарокова жанр трагедии был прежде всего средством воспитания соотечественников (естественно, представителей правящего сословия) в духе верности идеалам сословно-монархической государственности. Ключевой проблемой, определяющей идейное содержание его пьес, остается проблема долга монарха перед подданными и государством. Насыщенность текста трагедий Сумарокова политическими аллюзиями придавала действию его пьес открыто публицистическое звучание, а выведение на сцене далеких предков — князей и вельмож Киевской Руси — призвано было подтвердить в глазах современников драматурга исконность утверждаемых в пьесах норм нравственного поведения.

Но подобное истолкование природы жанра на практике совершенно не соответствует тем определениям специфики трагедии, которые даются в стихотворном теоретическом трактате Сумарокова «Эпистола о стихотворстве», писавшемся почти одновременно с созданием его первых пьес для театра. В понимании жанра, зафиксированном в этом сочинении, Сумароков ориентировался на

---

[2] См.: *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 31—44, 60—74; см. также соответствующий раздел в кн.: История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 60—81.

трактат Буало «Поэтическое искусство», подражая ему и рассматривая законы трагедии только в одном аспекте — раскрытия неумолимого действия страстей:

Трагедия нам плач и горе представляет.
Как люто, например, Венерин гнев терзает. [3]

Все, что далее говорит Сумароков о трагедии, представляло собой изложение коллизий мифологических и исторических сюжетов пьес Расина, таких как «Федра», «Андромаха», «Ифигения в Авлиде», «Британик» и др. Уже само стремление Сумарокова вслед за Буало осмыслять природу трагедийных коллизий, прибегая к метафорам, вытекающим из античного мифологического контекста (страдания влюбленных как результат «Венерина гнева»), упоминания Трезенского князя, Клитемнестриной дочери, обманутой Юнии, несчастной Монимы, которой подносят яд, свидетельствуя о его прекрасной осведомленности в отношении классического репертуара французской сцены, плохо согласовывалось с уровнем зрительского ожидания в театре той страны, на языке которой «Эпистола...» была написана. Все эти красоты для русского неподготовленного читателя оставались малопонятными. Сумароков вводил своих соотечественников в мир художественных ценностей, еще только начинавших осваиваться национальной культурой. При этом он представлял эталонные образцы жанра, принципиально не соотносимые с системой создававшихся им самим пьес, учитывая их ориентированность на отечественную историю и подчеркнутую идеологизированность их идейного пафоса. Но осмысления собственного новаторства автор «Эпистолы» не дает. Вопрос о формах и степени использования истории как источника драматических сюжетов, вопрос о разграничении прерогатив историка и создателя пьес для театра, поскольку он не был затронут у Буало, перед ним также не возникает. По отношению к традициям французского театра Сумароков в теоретических вопросах продолжает считать себя учеником.

Значительно бóльшую последовательность в отношении к истории проявил другой драматург и теоретик литературы, принадлежавший к поколению деятелей культуры Петровского времени, Феофан Прокопович. Его с полным правом также можно причислить к основателям традиции разработки сюжетов отечественной истории в драматургии, хотя вклад его в этой области ограничивается одной пьесой. Созданная Феофаном Прокоповичем в 1704 г. трагедокомедия «Владимир» может расцениваться как выдающееся для своего времени явление драматургии. Правда, культурная среда, в которой была создана эта пьеса, выдержанная в канонах школьной драмы и написанная силлабическим стихом, во многом обусловила то обстоятельство, что сценической судьбы трагедокомедия Феофана Прокоповича не имела. Впрочем, списки с текстом «Владимира» широко

[3] *Сумароков А. П.* Избр. произведения. Л., 1957. С. 120. (Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд.).

распространялись на протяжении XVIII в. в составе рукописных сборников.

Ниже мы еще коснемся проблематики этой пьесы в интересующем нас аспекте. А пока обратим внимание на трактовку жанра трагедии, содержавшуюся в теоретическом курсе Феофана Прокоповича «О поэтическом искусстве» («De arte poetica»), читанном им на латинском языке в Киево-Могилянской академии, где он преподавал поэзию и риторику. В своих взглядах на литературу Прокопович руководствовался теми идеями, которые он почерпнул из «Поэтик» Я. Понтано и Ф. Страда, хотя в характеристики отдельных жанров привносил немало нового. Именно здесь мы находим теоретическое обоснование того пути, который был избран Сумароковым при его обращении к жанру трагедии. Четкость и лаконичность определений являются одним из главных достоинств трактата Прокоповича. «Трагедия есть стихотворное произведение, воспроизводящее в действии и в речах действующих лиц важные деяния знаменитых мужей и главным образом превратности их судьбы и бедствия». [4] Феофан Прокопович раскрывает специфику трагедии по контрасту с характеристикой свойств противоположных ей жанров — комедии и особого смешанного рода пьес — трагедокомедии. Но показательно неоднократное включение в обзор особенностей этих драматургических жанров ссылок на эпопею. Особенно это касается трагедии, родственность которой с героической поэмой вытекала из масштабности событий и лиц, выводимых в данных жанрах, а также избрания истории в качестве сюжетной основы их содержания. «В комедии содержание всегда вымышлено. *Содержание же трагедии берется по большей части из истории* или из известного сказания, хотя иногда также может быть вымышленным. Впрочем, касается ли трагедия вымышленного или основанного на действительности содержания, его следует излагать тем способом, о котором мы уже упомянули выше в главе о героической поэме, т. е. *нас не заставляют выводить все вполне соответствующие действительности действия, как они передаются историком*, но разрешается и от себя правдоподобно присочинить как действующих лиц, так и самые действия». [5] Как видим, Феофан Прокопович допускает, что содержание трагедии может быть основано на вымышленном событии. Но он отдает явное преимущество истории и при этом кладет резкую грань, отделяющую задачи историка от задач драматурга или поэта. Право автора трагедий присочинять действующих лиц и самые действия к историческим событиям, положенным в основу действия пьес, и призвано обозначить прерогативу творца трагедий в моделировании истории, в создании нового, художественно осмысленного универсума как определенной системы миропонимания, заключавшей в себе ответы на вопросы, порожденные временем, в которое жил драматург. На сопряжении доступных автору трагедий представлений о прошлом с атмосферой социально-нравственных исканий

---

[4] *Феофан Прокопович*. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 432.
[5] Там же. С. 434 (курсив мой. — *Ю. С.*).

современной ему действительности и формируется специфическое постижение истории в театральном искусстве как выполнение определенного социального заказа.

Сам Феофан Прокопович в трагедокомедии «Владимир» демонстрирует на практике свое довольно свободное обхождение с историческими фактами, когда выводит сыновей главного персонажа пьесы, юных княжичей Бориса и Глеба, в качестве советников отца при принятии им решения об обращении Руси в христианство. К моменту совершения этого события, т. е. к 988 г., Борису было только пять лет, Глеб же еще даже не родился. Поэтому участие братьев в обсуждении со своим отцом столь важного исторического решения просто не могло иметь места. Я не касаюсь сейчас вопроса о включении в число действующих лиц трагедокомедии вымышленных персонажей вроде сподвижников князя Мечислава и Храброго, сокрушающих языческих идолов, не говоря уже о трех жрецах. Более существенным представляется объяснение прямого отхода от фактов, засвидетельствованных в летописях.

Важно иметь в виду при этом, что отмеченное отступление от фактов истории отнюдь не может считаться результатом неосведомленности драматурга в исторических источниках. Как показывают исследования литературоведов, Феофан Прокопович, несомненно, знал летописный рассказ о событиях, предшествовавших крещению Руси. Проделанный Г. Н. Моисеевой достаточно убедительный анализ монолога тени Ярополка из I действия пьесы, в котором раскрываются обстоятельства убийства этого князя по приказу Владимира в 980 г., и приведенные ею сопоставления монолога с текстом летописи могут служить доказательством того, что в изложении этого события Феофан Прокопович опирался на сведения, почерпнутые им из древнейшей киевской летописи — «Повести временных лет». [6] К летописным источникам восходят и сведения о беседе князя Владимира с греческим философом. Тем самым допущенные в пьесе Феофана Прокоповича искажения исторической истины отнюдь не могут быть отнесены на счет незнания драматургом фактов истории. Они включаются в систему художественных принципов, принятых в школьной драме, будучи подчинены целям максимального донесения до зрителя авторского замысла.

Г. Н. Моисеева, как, кстати, и другие исследователи трагедокомедии, ограничивается констатацией подобных отступлений, квалифицируя их как «авторские домыслы», и на этом останавливается. Но для Феофана Прокоповича изображение Бориса и Глеба участвующими в принятии Владимиром решения относительно обращения Руси в христианство имело принципиальное значение. Борис и Глеб были в числе первых официально канонизированных в 1071 г. святых русской православной церкви. Убитые по приказу их старшего брата Святополка, они явились также жертвами притязаний на власть. Но не будем забывать, что Владимир тоже братоубийца, и о

---

[6] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 127—129.

коварстве, с каким было совершено преступление, подробно рассказывает Ярополк в самом начале трагедокомедии. Для понимания события, поставленного в центр проблематики пьесы, и для донесения глубины происходящих в душе Владимира перемен важно было не только обозначить низшую ступень, на которой до этого пребывала душа Владимира, но и освятить процесс принятия им решения высшим авторитетом канонизированной святости. Носителями такового являлись его сыновья. Поэтому присутствием Бориса и Глеба в качестве советников Владимира при совершении им поворотного для судеб России исторического события Феофан Прокопович как бы освящал этот шаг князя, подчеркивая не столько государственно-политический аспект данного поступка, сколько нравственную сторону его выбора.

В этой связи особое значение имеет уяснение функции в композиции всей пьесы уже упоминавшегося нами эпизода из I действия, связанного с появлением исходящей из ада тени убитого Владимиром его брата Ярополка. Представляется даже не столь важным вопрос об источниках этого приема, восходящего, по-видимому, к трагедиям Сенеки, как уже не раз отмечалось комментаторами и исследователями. Гораздо важнее понять, почему пьеса, посвященная столь возвышенному сюжету, начинается со сцены, в которой главный герой представлен далеко не в положительном свете. Выполняя в системе композиции роль своеобразного экспозиционного введения (именно Ярополк сообщает Жериволу о готовящемся принятии Владимиром христианства), сцены с Ярополком создают необходимые предпосылки для оценки подлинного значения поступка Владимира. Не следует забывать, что Владимир был также канонизирован в качестве святого, хотя и позднее, чем его сыновья. При этом путь его к святости был более труден. Рассказом Ярополка драматург как бы «пишет» первую половину жития святого равноапостольного князя до того момента, как оказавшемуся на Киевском престоле Владимиру снизошла Божия благодать — мысль об обращении к христианству. Тем самым состояние звероподобия, в котором пребывают, с точки зрения христианского учения, язычники и воплощением которого выступают в трагедокомедии жрецы, до известной степени, по крайней мере в экспозиции, распространяется и на Владимира. Выход из этого состояния и приведение к истинной вере целого народа — есть душевный подвиг. Раскрытие драматизма его свершения составляло содержание пьесы. Но в свете такого подхода требует известной корректировки традиционно сложившийся взгляд на трагедокомедию как только на публицистически заостренную форму защиты петровских преобразований. При таком подходе преподаватель Киево-Могилянской академии, каким был Феофан Прокопович в момент создания трагедокомедии, невольно превращается в сподвижника Петра I, а содержание «Владимира» начинает оцениваться в контексте идей «Духовного регламента», что с исторической точки зрения недопустимо. Можно, конечно, поражаться прозорливости молодого драматурга, вписавшегося со своей пьесой в контекст реформаторских начинаний русского монарха в начале XVIII в.,

но рассматривать трагедокомедию под углом зрения сознательного отстаивания дел Петра вряд ли, на мой взгляд, правомочно.

Уникальность пьесы Прокоповича с точки зрения ее историософской заряженности состоит в том, что в центре ее — проблема исторического выбора. Причем имевший поворотное значение для судьбы государства выбор совершается в душе одного человека. Провиденциалистское понимание истории сочетается с раскрытием духовного преображения личности, на которую спроецировано осмысление хода истории. Так возникает естественная параллель между центральным персонажем трагедокомедии Прокоповича и Петром I. Школьная драма «Владимир», несмотря на открыто конфессиональный характер, оказалась действительно необычайно актуальной в историческом контексте XVIII в. по целому ряду причин. Разрабатываемая в ней тема крещения Руси как поворотного этапа ее истории вписывалась в контекст переживаемого Россией на рубеже XVIII столетия исторического момента. Проблема исторического выбора, лежащая в основе содержания пьесы, позволяет рассматривать ее как ответ на поставленные временем вопросы. Владимир, побеждающий страсти, выступает и как носитель христианского духа, и как исторический деятель одновременно. История с ее повторяемостью предстает в пьесе и уроком, и апофеозом личностей, подобных Владимиру. Заслуги его перед будущим измеряются современным состоянием России. В силу всего сказанного значение «Владимира» состоит в том, что его содержание заключает в себе одну из центральных идей, которые будут питать культурную и историческую мысль XVIII в., — идею включенности России в предстоящий ей мир неведомых дотоле духовных ценностей. Христианская идея обретения бессмертия души через приобщение к истинной вере реализуется в драме путем активного отрицания всего, что мешает человеку в утверждении полноты его духовного бытия. Хотя историческая достоверность происходящего на сцене подкрепляется фактами летописи, летописная основа рассказа об обстоятельствах введения на Руси православия служит лишь фоном для доказательства правоты христианского вероучения и отрицания духовной косности, в которой Русь пребывала ранее. Так через историю прокламируется новый уровень общественного самосознания и задается точка отсчета нового исторического мышления. И в этом непреходящее значение пьесы Феофана Прокоповича; в этом же состоит и ее историософская глубина, хотя ни о каком историзме как принципе художественного постижения жизни применительно к «Владимиру», конечно, не приходится говорить.

Таким образом, можно констатировать, что еще до утверждения на русской почве доктрины классицизма историософский аспект содержания драматургии намечается на самых ранних ступенях ее становления. Он по-своему проявляется даже в пьесах, сочинявшихся пастором Грегори для двора Алексея Михайловича. В школьных драмах исторической тематике принадлежит наряду с библейскими сюжетами особо важная роль. Театральное действо обращается либо к изображению реальных исторических событий в форме ал-

легорических представлений декламационного плана (как это было в школьных драмах, шедших на сцене в Московской Славяно-греко-латинской академии или в Гошпитальном театре Н. Бидлоо, посвященных пропаганде успехов в Северной войне), либо к разработке легендарных сюжетов древней истории, выдержанной в иносказательном ключе и также являвшейся откликом на политические события современности. Показательным примером театральных представлений второго рода может служить «Пьеса о воцарении Кира» (или «Гистория Кира»), созданная, вероятно, во второй половине 1720-х гг. В комментариях к ее публикации в IV томе репертуарного свода пьес ранней русской драматургии А. С. Демин превосходно раскрыл иносказательную природу этой драмы, показав отражение в ней событий, связанных с вступлением на российский престол в 1727 г. Петра II. В обрисовке центральных персонажей пьесы зрители легко могли уловить скрытые намеки и на вступавшего на престол царевича, и на всесильного Меншикова, и, конечно, на Петра I. [7] Использование исторического сюжета носило в данном случае иллюстративный характер, ибо целевой установкой театрального действия является поучение. Провиденциалистский взгляд на историю, свойственный такого рода пьесам, раскрывается в выведении на сцене аллегорических персонажей, воплощающих, согласно традиции, представления авторов пьес о трансцендентных силах, определяющих ход исторических событий. Таковы в «Гистории Кира» персонажи Промысл Божий, Тщетная слава, Властолюбие, Смиренолюбие и др. История, таким образом, осмысляется в ее назидательной функции, как источник жизненных уроков. Подобный взгляд на историю частично перейдет в драматургию классицизма, в частности в жанр трагедии.

Как же оценивается исторический аспект содержания русской драматургии XVIII в. в современном литературоведении?

До недавнего времени исследование исторических основ национальной драматургии этого столетия в жанре трагедии носило преимущественно источниковедческий характер. Главное внимание в работах такого рода уделялось разысканию сюжетных источников пьес и поиску текстовых соответствий в раскрытии исторических реалий, зафиксированных в тексте пьес. Сделано в этом отношении было немало. Так, например, благодаря разысканиям Г. Н. Моисеевой можно считать окончательно доказанным обращение Ломоносова при создании им трагедии «Тамира и Селим» к текстам летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». [8] Убедительны обоснования исследовательницы относительно источников, использовавшихся Екатериной II для ее «Исторического представления из жизни Рюрика». Таковыми являются сведения, подчерпнутые из Иоакимовской летописи. [9] Немало ценных наблюдений относительно использо-

---

[7] Ранняя русская драматургия. М., 1975. Вып. IV: Пьесы столичных и провинциальных театров. С. 650—651.

[8] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 168—169.

[9] Там же. С. 154—155.

вания драматургами XVIII в. летописных и других документальных материалов в процессе обработки исторических сюжетов содержится в цикле работ В. А. Бочкарева, посвященных специально этой проблеме. [10]

Но при таком подходе историософский аспект содержательной основы пьес ускользает от внимания исследователей. Раскрытие связи между оформлением драматургических замыслов и историографической традицией эпохи в подобных трудах носит в основном чисто внешний, точнее, констатационный характер. За пределами внимания исследователей оставалась проблема корреляции исторического времени, запечатленного в используемом источнике, с тем уровнем осмысления прошлого, который был единственно доступен авторам XVIII века.

Другой путь исследования исторических основ русской трагедии XVIII в. предусматривает уловление связи используемых в пьесах исторических сюжетов с современностью. Методологически такой подход вытекает из повышенного внимания к политико-морализирующей функции драматического действия, основанной на несомненном дидактизме художественного сознания эпохи. Дидактическое истолкование природы драматического конфликта в трагедиях русского классицизма, о чем мне не раз уже приходилось писать, определяло во многом и особый характер понимания истории драматургами. Но абсолютизация учительного пафоса трагедий приводит к такому положению, когда истории отводится роль подсобного материала, на котором решаются сугубо практические вопросы внутренней политики. Здесь находит объяснение имеющая место в литературоведении тенденция рассматривать исторический материал трагедий всего лишь как фон, как удобное средство для наставления монархов или для сокрытия аллюзий, отражающих современную драматургам политическую действительность. Наиболее показательным примером такого подхода могут служить работы Е. А. Касаткиной, посвященные анализу трагедий Ломоносова и Сумарокова. [11] Правомочность такого подхода в целом, учитывая специфику метода того же Сумарокова-драматурга, нельзя отрицать. Наличие политических аллюзий в трагедиях этого автора, в частности в «Гамлете» и «Димитрии Самозванце», в свое время довольно успешно продемонстрировал В. Н. Всеволодский-Гернгросс в статье «Политические идеи русской классицистической трагедии». [12] Однако на обозначенном уровне истолкования функции истории в трагедиях русского

---

[10] См.: *Бочкарев В. А.* 1) У истоков русской исторической драматургии: Учебное пособие. Куйбышев, 1981; 2) Русская историческая драматургия второй половины XVIII века. (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков): Учебное пособие. Куйбышев, 1982; 3) Русская историческая драматургия последней трети XVIII века: Учебное пособие. Куйбышев, 1985.

[11] См.: *Касаткина Е. А.* 1) Сумароковская трагедия 40-х — начала 50-х годов XVIII века // Учен. зап. Томского пед. ин-та. 1955. Т. XIII. С. 213—261; 2) Полемическая основа трагедий Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского «Деидамия» // Учен. зап. Томского пед. ин-та. 1958. Т. XVII. С. 122—136.

[12] О театре: Сб. статей. Л.; М., 1940. С. 106—133.

классицизма об историософском аспекте их проблематики можно говорить лишь относительно, поскольку в содержании трагедий выделяется только его идеологическая направленность. Сама же драматургия при таком подходе граничит с публицистикой.

Таким образом, ни абсолютизация источниковедческого подхода, при котором весь смысл обращения к истории сводится к «драматургической обработке летописных известий», ни тенденция усматривать в каждом историческом сюжете и в каждой реалии скрытую в них политическую аллюзию не приближают нас к осмыслению исторической проблематики трагедий XVIII в. Выход следует искать в анализе структуры самих пьес с точки зрения уловления в их содержании субстанциального начала, когда в поступках персонажей — акциях самоутверждающейся личности, в ее нравственном борении проявляется движение сил истории.

Узловой проблемой для понимания факторов, регулирующих структурное оформление замысла произведения драматургии, остается вопрос об источниках драматического конфликта. Для драматургии, имеющей дело с историческими сюжетами (а именно таковой была классицистическая трагедия в России XVIII в.), природа конфликта неизбежно должна обусловливаться или как-то соотноситься с тем уровнем осмысления истории, который соответствует времени создания пьесы. Когда обращение к историческим сюжетам носит иллюстративный характер, субстанциональность конфликта как движущего начала драматического действия практически отсутствует. И об историософском аспекте содержания подобных пьес не приходится говорить.

Так или иначе конфликт всегда является результатом столкновения противостоящих сил. Эти силы могут воплощать волю индивидуумов, борьбу страстей, и конфликт носит в таком случае нередко сугубо личный характер. Иное дело, когда источник конфликта спроецирован на внеличностные социально-нравственные коллизии, и противоборствующие силы воплощают собой стоящие за ними тенденции исторического развития. Драматизм действия становится особенно напряженным, когда коллизия, лежащая в основе конфликта, отражает переломный момент в судьбах нации или государства. Здесь мы имеем дело с конфликтом, носящим субстанциональный характер. Именно на базе такого конфликта в пьесах, разрабатывающих историческую тему, возникает историософский подтекст. Наличие подобного подтекста в структуре драматического действия мы пытались показать на примере анализа трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир».

Положение меняется с того момента, когда в русской драматургии устанавливаются нормы классицистического театра. О своеобразии трагедий Сумарокова в аспекте разработки в них исторической проблематики я упомянул выше. Кроме того, более подробно связанные с этой проблемой особенности его драматургической системы я рассматривал в указанной выше монографии. Поэтому в настоящий момент ограничусь общими соображениями по затронутой теме, ни в коей мере не считая ее исчерпанной.

Следует заметить, что, несмотря на подчеркнуто дидактическую установку содержания сумароковских трагедий, трактовка источника трагедийного конфликта в них не лишена историософской подоплеки. Проблема династических прав, тоже спроецированная на современность, о чем уже не раз также писали литературоведы, составляет центральный мотив, определяющий возникновение драматических коллизий в его пьесах. Другая проблема, привлекавшая неизменно внимание Сумарокова-драматурга, это проблема узурпаторства, также актуальная для XVIII в. и, по существу, вытекавшая из предыдущей. Но на этой основе вырастала в свою очередь историософская проблема причинности свершения исторических событий. Что определяет ход истории? Сумароков дает ответ на этот вопрос, следуя в русле его осмысления, принятого классиками французской сцены XVII в. Идея Божиего промысла, которой жила школьная драматургия, уступает в его трагедиях место идее «рока», категории, восходящей к античной художественной традиции.

О преужасный день! *О рок ожесточенный!*
Семира, как то снес твой дух преогорченный?!
О коль ты счастлив, Дир, что ты, сходя во гроб,
Не видел времени нам самых лютых злоб!
В тот день, как ты погиб, был город сей в надежде,
Паденья нашего не видно было прежде —

восклицает Оскольд, вспоминая о тех днях, когда приход Олега с войском и захват Киева положили конец власти его рода в этом городе. Примечательна реплика Ростислава, утешающего брата своей возлюбленной в этот драматический момент:

Конечно, горестны вам были те часы,
Но рок того хотел!.. [13]

Историческое время, осмысляемое в мифологических категориях, присутствует как показатель прошлого, как один из невидимых факторов развертывающегося перед зрителем действия, предопределяя по-своему судьбы героев и утверждая закон повторяемости истории.

Сюжеты большинства сумароковских пьес строятся на национальном историческом материале. Однако содержание коллизий, определяющих ход драматического действия, никак не соотносится с какой-либо историографической традицией в объяснении древних этапов национальной истории. «Синопсис» Иннокентия (Гизеля) — главный источник сюжетов — с его компилятивной установкой мало мог способствовать выработке четкой исторической концепции, хотя в вопросе формирования российской государственности им была принята версия, активно отстаивавшаяся немецкими историками во главе с Байером, т. е. «норманская теория». Сумарокову приходилось, по существу, создавать свою концепцию, домысливая отдельные факты древней истории или видоизменяя их. Но в главном он оста-

[13] *Сумароков А. П.* Драматические сочинения. Л., 1990. С. 198 (курсив мой. — *Ю. С.*).

ется на уровне внеисторического подхода к пониманию древности, т. е. человеком своей эпохи. Идея обретения Россией нового политического статуса в Европе и связанных с этим новых представлений о нормах этики (дворянской), об обязанностях монарха (концепция просвещенной монархии) и т. д. присутствует в его трагедиях, несмотря на их внешний древнерусский колорит. Коллизии, которые бы вытекали из осознания своеобразия исторического пути России, просто не могли при таком подходе возникнуть. Главным оставалось видеть Россию (ретроспективно обращенную к ее древности) ни в чем не уступающей остальным странам Европы. Характерна в этом отношении реплика Гостомысла, извещающего Оснельду о своем решении видеть ее женой Синава, в первом акте трагедии «Синав и Трувор»:

Пришло желанное, Ильмена, мною время,
Соединить тобой мое с Цесарским племя. [14]

С годами дидактическая окраска конфликта в трагедиях Сумарокова приобретает все более открытый характер, и соответственно антиисторизм художественного метода его пьес усиливается. Сумароков по-своему модернизирует историю, делая более отчетливым выражение заключенного в пьесах аллюзионного подтекста. В 1768 г. он подвергает переработке почти все написанные ранее трагедии. Особенно сильным изменениям подверглась ранняя пьеса «Хорев». Драматург полностью заменил монолог Кия в последнем действии, наполнив его рассуждениями о пагубности «монаршей страсти» и тяжелом бремени «законодавца». В другой трагедии — «Семира» он превращает центрального персонажа, Олега, в «правителя Российского престола», тогда как в первоначальной редакции 1751 г. Олег был обозначен как «князь Новгородский».

Пожалуй, только в «Димитрии Самозванце» (1770), единственной трагедии, основанной на событиях реально документированной истории, Сумароков подходит к такому пониманию конфликта, которое ставит в центр драматической коллизии проблемы, непосредственно спроецированные на раскрытие движущих сил истории применительно к осмыслению исторических судеб России. В этой трагедии Сумароков нащупывает один из самых болевых моментов русской истории, заложив основу целой линии развития национальной драматургии, посвященной событиям «смуты». Но художественная прозорливость Сумарокова, обратившегося к периоду «смутного времени», сказалась не только в открытии самого сюжета. Проблема узурпаторства, проблема правомочности незаконного занятия престола, решается Сумароковым в этой трагедии диалектически, дополняясь проблемой нравственного отчуждения монарха от своего народа.

Уже в I действии пьесы драматург словами Пармена, обращенными к Самозванцу, принимая идею необратимости хода истории (как отражения «силы вещей», власти «судьбы»), ставит одновре-

[14] Там же. С. 84.

менно вопрос о пребывании монарха на троне в прямую связь с конечной волей «народа»:

Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты, иль нет, сие народу равно. [15]

Сумароков допускает возможность пребывания на троне человека не царского происхождения, если действиями его руководит забота о благе нации. На реплику лукавого Шуйского: «Димитрия на трон взвела его порода» — Пармен, за высказываниями которого постоянно скрывается выражение позиции автора, уже открыто заявляет:

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана. [16]

В идейном плане этическая направленность конфликта, отличавшая содержание более ранних трагедий Сумарокова, здесь как бы раздваивается. И впервые историософский аспект содержания пьесы, вытекающий из осуждения тиранических поступков Димитрия Самозванца, строится на осознании самобытности исторического пути России, несоотносимости ее опыта с нормами, регулирующими духовную и политическую жизнь Западной Европы. Достаточно вспомнить тирады в монологах отдельных персонажей против католичества или резко отрицательные высказывания против системы парламентаризма, рассуждения о пользе для России самодержавия.

Наконец, новый этап отражения в сфере драматургии историософской проблематики мы можем наблюдать в трагедиях Я. Б. Княжнина. Оставляя в стороне вопрос о подражательности драматургической системы Княжнина, использовавшего в большинстве своих пьес сюжетные схемы французских и итальянских драматургов, следует подчеркнуть принципиально новый подход Княжнина к трактовке движущих пружин трагического конфликта. В его трагедиях конфликт как движущее начало драматического действия, будучи полностью переключенным из любовной сферы в плоскость идеологической проблематики, дополняется целым рядом черт, имеющих подчеркнуто историософскую окраску. Это прежде всего утверждение идеи неповторимости духовных начал, выработанных опытом национальной истории. На первых порах это носит декларативный характер (трагедии «Владимир и Ярополк», «Росслав»). Но уже в «Вадиме Новгородском» сопряженность драматического конфликта с историей поднимается на качественно новую ступень. Родившееся в полемике с исторической концепцией Екатерины II (ее позиция была выражена в пьесе «Историческое представление из жизни Рюрика. В подражание Шакеспиру» (1787)) обращение к

[15] Там же. С. 253.
[16] Там же. С. 266.

теме Вадима Новгородского позволило Княжнину превратить этот драматический момент древней русской истории в источник напряженнейшей трагической коллизии. Конфликт пьесы не домысливался драматургом, но вырастал из конфликта, порожденного историей, сливался с нею.

Княжнин, как и Екатерина II в своей пьесе, отталкивается от летописного известия о восстании новгородцев против варяжского князя Рюрика. Восстание возглавил Вадим по прозвищу Храбрый, который после его подавления, согласно летописи, был Рюриком убит. Этот летописный сюжет составлял эпизод более обширного рассказа о прибытии в Новгород по приглашению Гостомысла трех братьев, варяжских князей, во главе с Рюриком, от которого историографическая традиция ведет начало великокняжеской власти, утвердившейся сначала в Новгороде, а затем в Киеве. Екатерина II переосмыслила летописный источник в контексте своей концепции исконности монархического принципа власти для древнерусской государственности и благодетельности ее утверждения в древнем Новгороде. Ее Вадим — это честолюбивый бунтовщик, племянник Рюрика. В финале ее пьесы Рюрик милостиво прощает бунтовщика, и Вадим на коленях признает его моральное превосходство.

Княжнин противопоставляет версии Екатерины свое истолкование летописного сюжета. От подражания Шекспиру он возвращается к схеме классицистической трагедии. В структурном отношении «Вадим Новгородский» явно восходит к сумароковской «Семире». Образ Рурика, гуманного и справедливого правителя, явно напоминает Олега, а бунтующий Вадим — честолюбивого Оскольда. Но мотивация действий Вадима, выступающего борцом за вольность Новгорода, придает конфликту трагедии совершенно новое качество. Вадим — республиканец, отстаивающий не восстановление династических прав рода (как это имело место в «Семире»), а борющийся за возврат к исконной, вечевой форме правления Новгорода:

И се те славные священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.
О Новград! Что ты был и что ты стал теперь? [17]

Конфликт в пьесе Княжнина носит идеологический характер. Вадим и Рурик — каждый воплощает собой определенную идею власти, так или иначе соотносимую с сформировавшимися к концу XVIII в. представлениями о формах политического устройства. Концепции просвещенного абсолютизма (с воплощением которой связывается образ Рурика) противостоит концепция народовластия (носителем ее выступает Вадим), в чем-то отдаленно перекликающаяся с идеями

[17] *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения. Л., 1961. С. 252. (Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд.)

руссоистской теории народного суверенитета. Княжнин своеобразно сталкивает две «правды», две обозначенные идеологические концепции: искренний восторг перед республиканскими добродетелями Вадима, которому он, несомненно, сочувствует, и столь же искреннюю, сколь и незыблемую для него, веру в идею просвещенной монархии.

В сущности, пьеса Княжнина являлась скрытой формой выражения идей аристократической оппозиции екатерининскому абсолютизму, к которой можно отнести братьев Паниных, князя М. М. Щербатова и отчасти даже княгиню Е. Р. Дашкову. Княжнин в своей трагедии исходит из идеи, подсказанной историографической традицией, оформившейся на исходе XVIII в. и предвосхищавшей идеи романтической эстетики декабристов. Это идея исконности вольнолюбия как отличительной черты нравственного духа древних славян, далеких предков россиян. Но Княжнин остается сыном своей эпохи и совмещает эту идею с признанием неизбежности монархии как гаранта государственной стабильности и гражданского согласия в стране. Трагическая несовместимость этих идей и воплощена в конфликте, питающем драматическую коллизию «Вадима Новгородского». Вновь проблема нравственного выбора апробировалась опытом истории, и вновь осознание в рамках драматического сюжета поворотного для судеб нации этапа древней истории (крушение вольности древнего Новгорода) заставляло вспомнить время Петра I. [18] Однако своеобразная непоследовательность Княжнина-драматурга ограничивает воплощение историософских аспектов разрабатываемого им исторического сюжета. Время художественного историзма еще в XVIII в. не пришло.

---

[18] Примечательны в этом отношении резкие нападки на политику Петра I со стороны княгини Е. Р. Дашковой, высказанные ею в 1781 г. в ходе беседы с князем Кауницем в Вене, где княгиня Дашкова обвинила Петра в уничтожении «бесценного самобытного характера наших предков» (*Дашкова Е. Р.* Литературные сочинения. М., 1990. С. 172).

Е. Д. КУКУШКИНА

КОМЕДИОГРАФИЯ В. А. ЛЕВШИНА

В обширном литературном наследии В. А. Левшина драматургия занимает значительное, но не самое заметное место. Его основным вкладом в развитие отечественной словесности стало издание «Русских сказок» (ч. 1—10. М.: 1780—1783). Именно эта сторона его деятельности наиболее изучена.

В театрах Москвы и Санкт-Петербурга в конце XVIII — начале XIX в. белевский помещик Левшин больше зарекомендовал себя как переводчик, чем как сочинитель. На сцене с большим успехом шли в его переводе комедия Г.-Ф.-В. Гроссмана «Генриетта, или Она уже замужем», комическая опера М.-Ж. Седена «Двойное превращение, или Веселый башмачник», комическая опера П. Кьяри «Крестьянин-маркиз, или Колбасники», мещанская трагедия Г.-Э. Лессинга «Мисс Сара Сампсон», а также пьесы Ж.-Ф. Гишара, А. Пуансине, Б. Давеня, К. Гольдони, Ж.-Н. Буйи, Б.-Ж. Марсолье, Ж.-Ф. Мармонтеля. Некоторые из них были особенно популярны в начале XIX в. и удержались в репертуаре до 1825 г.

Драматургия В. А. Левшина, заслоненная более значительными пьесами конца XVIII в., осталась мало замеченной исследователями, которые упоминают о ней, главным образом перечисляя комедии 1790-х гг. Т. Ливанова в монографии «Русская музыкальная культура XVIII века» (М., 1953) ограничилась краткой характеристикой творчества Левшина-драматурга. Отчасти восполнила этот пробел Г. П. Присенко в книге «Просветитель В. А. Левшин» (Тула, 1990), рассмотрев литературное творчество Левшина наряду с его деятельностью краеведа, историка, агронома.

Составить представление о творчестве Левшина-комедиографа — цель этой статьи.

В 1787 г. в типографии Н. И. Новикова были напечатаны два драматических произведения Левшина — комическая опера «Милозор и Прелеста» и драма «Торжество любви».

Опера «Милозор и Прелеста», подписанная инициалами «В. Л.», была, судя по авторскому «Объяснению», предваряющему ее текст, первым самостоятельным опытом Левшина в драматургии: «В первый

© Е. Д. Кукушкина, 1995

раз имею я щастие любителям позорищ служить феатральным сочинением». Однако еще в 1780 г. была напечатана «сочиненная прапорщиком В. Л.» трагедия в пяти действиях «Траян и Лида», о которой в предисловии автор писал: «Сия трагедия еще есть первый опыт моего труда, который я предал печати...». Разрешить это противоречие позволяет пространное «Объяснение» к «Милозору и Прелесте».

Размышляя о том, что побудило его взяться за перо, Левшин писал: «...не тот ли действует мною дух заразительный, который возбудил, яко ночная тень сычей, большую часть твари к стиходеянию по смерти г. Сумарокова? Каждый ныне умеющий разрубить стих на стопы гремит и воет безбоязненно, как обыкновенно случается подобное в обществе, не имеющем начальства». Вопреки традиции, Левшин как начинающий автор просит не об извинении недостатков своего сочинения, а о «строжайшем истязании» его, «ибо ничто больше не открывает сочинителям их погрешностей и служит впредь к поправлению». Высочайшим авторитетом и «судьей» Левшин считает В. И. Майкова: «Нет Сумарокова, но Майков существует; перо его, как солнце нетопырей, прогоняет нас во мрак наших разселин. Но его осуждение, озлобляющее вас до внутренности души, порадует меня больше похвал ваших». [1]

Очевидно, что комическая опера «Милозор и Прелеста» была написана и подготовлена к печати примерно за десять лет до ее опубликования, в период между 1777 (год смерти Сумарокова) и 1778 (год смерти Майкова) годами.

В «Объяснении» Левшина отчетливо слышны отзвуки конфликта между В. И. Майковым и Н. П. Николевым, который был вызван отстаиванием приоритета в создании русской комической оперы и перешел в спор по эстетическим проблемам. Позднее этот конфликт нашел отражение в «объяснении» Николева к комической опере «Розана и Любим» (М., 1781). Николев был возмущен тем, что его пьеса, написанная в 1776 г. и переданная им в театр в 1777 г., была «удостоена представлением» только в 1778 г., после комических опер Майкова «Деревенский праздник» и «Любовник — колдун», сочиненных и отданных на театр позже «Розаны и Любима». По этому поводу он замечал: «Сие подобно той известной притче, в коей хвост пожалован был головой». [2] «Объяснение» Николева изобиловало насмешками над произведениями Майкова и над зрителями — «российскими орангутанами», которые их одобряют.

Левшин в своем «Объяснении» касается тех проблем, которые вставали перед драматургами на первом этапе формирования русской комической оперы, т. е. в 1770-е годы. Одна из проблем — способы включения в текст драматического произведения музыкально-песенных номеров. О своей опере Левшин писал: «...отступил я в ней много от правила, каковое провождало до ныне сии оперы: в них

---

[1] Милозор и Прелеста. М., 1787. С. 4. Далее ссылки на это издание см. в тексте.
[2] См.: Русская комедия и комическая опера XVIII века / Под ред. П. Н. Беркова. М.; Л. 1950. С. 171.

должно безпрестанно петь...» (С. 7). Действительно, «беспрестанно поет» (по замечанию одного из персонажей) Миловид — герой комической оперы Майкова «Любовник — колдун», и «отвечать ему надобно тоже только пением». В комической опере Николева «Розана и Любим» музыка, по замыслу драматурга, «вплеталась в самую суть драматического развития, участвовала в важнейших моментах действия».[3] Песни или «арии» персонажей сопровождали все напряженные эпизоды пьесы, связанные с похищением крестьянки Розаны помещиком и с решением ее жениха Любима и ее отца Излета спасти девушку.

Полемизируя с таким подходом, Левшин отстаивал необходимость психологически достоверно включать песни в драматические произведения. Он писал, что «заставлял петь» героев оперы «тогда, как можно человеку; в чувствованиях же, поражающих сердца лиц представленных, не отважился им то дозволить, ибо сие действие не было б естественно. Возможно ль петь, когда рыдаешь? И в отчаянии не пристойнее ли выть, чем играть своим голосом по музыке?» (С. 7). Уже в 1780-е гг. эта проблема, связанная с изображением внутреннего мира человека, потеряла актуальность, так как выработались многообразные приемы и способы включения музыки и пения в ткань драматического произведения.

Требование «естественности» руководит Левшиным и в его рассуждении о необходимости драм «среднего рода», утверждавшихся в 1770-е гг. на руссской сцене пьесами В. И. Лукина, М. М. Хераскова, М. И. Веревкина. К ним Левшин относит и свою комическую оперу «Милозор и Прелеста». «Чем она (драма. — *Е. К.*) противна правилам феатра, коих совершенство в том, естьли деяния и чувствования лиц подходят к природе? По моему мнению, искусство драмматиста состоит в вышеописанном и чтоб в действиях явления шли без натяжек. Естьли ж мнение сие справедливо, то хорошо расположенные сего среднего рода драммы позволительны. Нет ничего естественнее, как смешивать в действиях забавы с горестию, случаи жизни нашей то подтверждают, и нечаянное смятение чувств посреди позорища веселого более действовать может на зрителей» (С. 6).

Интерес к пьесам подобного рода Левшин сохранил на всю жизнь, о чем свидетельствует его переводческая практика.

Комическая опера «Милозор и Прелеста» создана в русле драматургии 1770-х гг., которая вывела на сцену добродетельных крестьян, а центральными действующими лицами сделала влюбленных, которым грозит разлука.

Опера, действие которой происходит в деревне, начинается традиционной для пьес этого типа сценой: «Милозор рубит дрова. Он перестает рубить и начинает». Так же начиналась комическая опера М. И. Попова «Анюта» (1772): «Мирон один, рубит дрова и голосом следует за ударами: Га!.. га!.. га!.. Бросает топор и несколько отды-

---

[3] *Рабинович А. С.* Русская опера до Глинки. М., 1948. С. 47—48.

хает». [4] Аналогично решена сцена первого появления лесника Семена в опере Николева «Розана и Любим». Это позволяло драматургам придавать пьесе деревенский колорит. Далее следует «ария», в которой Милозор рассказывает о своей любви к Прелесте и о том счастье, которое их ждет. Аналогичными музыкальными номерами, дававшими представление о душевном состоянии персонажей, о гармонии их чувств, начинались комические оперы «Несчастие от кареты» (1776) Княжнина, «Прикащик» (1778) Николева и некоторые оперы 1790-х гг., например анонимная опера «Тирсис и Нина» (1794). Не было оригинальным и включение в оперу разговора о злом приказчике, который, по словам Прелесты, «грабит крестьян и отнимает последние их крохи». Диалоги и монологи о подьяческом взяточничестве, о злом приказчике усиливали остроту произведения, хотя, как правило, не были связаны с развитием основной сюжетной линии. В опере «Милозор и Прелеста» приказчик является основным антагонистом положительных персонажей, так как по его приказу Прелесту намереваются отдать «в подмосковную замуж».

Конфликт оперы, так же как конфликт «Анюты» Попова, основан на социальном неравенстве персонажей. Но в пьесе Левшина он существенно осложнен. Начало событий, изображенных в ней, относится ко времени, когда дворянин Добронрав после смерти жены «с кручины» уехал за границу, оставив годовалого ребенка на попечение своей дальней родственницы. Прошел слух, что барин умер, и родня в ожидании наследства «стала худо мыслить младенцу». Тогда крестьянин Чистосерд спрятал мальчика в своем доме и воспитал его.

Действие оперы сводится к замедленной развязке: выясняется истинное происхождение Милозора и разрешается конфликт между чувствами персонажей и их пониманием долга.

Пьесы-развязки — один из возможных композиционных вариантов «слезной драмы». Такие пьесы позволяли сделать сценическое действие эмоционально насыщенным, уплотненным, не нарушая при этом единства времени. Для подобных произведений характерны эпизоды встречи старых друзей, узнавания по приметам и памятным предметам. По такому типу были написаны комические оперы 1790-х гг. «Винетта, или Тарас в улье» К. Дамского, «Тирсис и Нина» и другие. Как правило, развязка в подобных пьесах не является неожиданной для зрителя и бывает подготовлена многочисленными высказываниями действующих лиц.

В опере «Милозор и Прелеста» реплики персонажей изобиловали намеками на истинное происхождение героя. Когда Прелеста угощает Милозора ягодами, он, «приняв, целует ей руку» (д. 1, явл. 1), а крестьяне Карп и Елистрат размышляют о нем: «Не простая на нем стать. Где, братень, быть рабьему или крестьянску сыну такову. Посмотритко, какой замысловатой. И как рос маленькой, ничуть с

---

[4] Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века / Сост. А. А. Гозенпуд. Л., 1990. Т. 1. С. 98 (Библиотека поэта, большая серия).

ребятами нашими не общался, а все книги читает, да такой догадливой...» (д. 2, явл. 1). Не давая согласия на брак своей дочери и приемного сына, Чистосерд ссылается на какой-то «важный случай» и твердит, что «надобно потерпеть». В разговоре с Милозором он проговаривается: «У покойника дедушки вашего... Тьфу, пропасть, вздор наврал... У покойника старого нашего барина была домовая музыка» (д. 1, явл. 3).

Основное место занимает в опере изображение противоречивых чувств персонажей. Во втором и третьем действиях много пространных патетических монологов — рудиментов трагедии — и «слезных сцен». Зная о социальном неравенстве своей дочери и ее возлюбленного, страдает Чистосерд. Повинуясь «жестокому закону честности», он умоляет Прелесту «собрать все <...> силы превозмочь любовь сию... (иначе. — *Е. К.*) барин подумает, что я нарочно довел его (Милозора. — *Е. К.*) до сей страсти, чтоб тем достигнуть к степени, для коего мы с тобой не рождены» (д. 3, явл. 4). Прелеста готова скорее умереть, чем стать причиной несчастья своего отца. Растроганный страданиями дочери и приемного сына, Чистосерд соглашается в ущерб себе, как он думает, на их брак. Милозор, потрясенный такой самоотверженностью, готов отказаться от Прелесты. Внезапно появившийся Добронрав видит всех рыдающими, узнает сына по родинкам и благополучно разрешает конфликт. Душевное благородство героини заменяет «недостаток счастия в состоянии рода» и дает ей возможность стать женой дворянина.

Такое разрешение сценического конфликта свидетельствовало о новом отношении к социальным проблемам. Однако в значительно большей степени возможность неравного в социальном отношении брака, заложенная в сюжет драматического произведения, являлась тем условным нарушением принятых в обществе норм, которое и порождает драматическую ситуацию в пьесе. Не случайно в большинстве опер мотив «узнавания» приводил к другой развязке. «Крестьянка» оказывалась дочерью богатых дворян («Анюта» М. Попова, «Винетта, или Тарас в улье» К. Дамского, «Тирсис и Нина»).

В соответствии со своими представлениями о роли музыки в драматическом произведении Левшин включил много песен в первое действие оперы. Среди них нет народных песен, но есть стилизации. Песни персонажей дают представление об их чувствах. В начале оперы влюбленные исполняют арии в пасторальном духе. Чистосерд вспоминает, что в молодости был «до песен охотник», и пробует спеть старую песню, но «закашлялся и перестал». По мере нарастания драматического конфликта тон песен меняется. В конце первого действия Милозор в песне выражает намерение защитить возлюбленную от притязаний приказчика ценою собственной жизни.

Во втором и третьем действиях музыкальных номеров почти нет. Исключение составляют ария Добронрава, который, скучая по умершему, по его мнению, сыну, поет песню, сочиненную «как бы нарочно для моего состояния», и традиционный музыкальный финал. Финал знаменовал разрешение всех конфликтов и возвращение ге-

роев к исходному счастливому состоянию. Он демонстрировал торжество общепринятой и вечной морали:

Любовь, верность, добродетель
Увенчайтеся в сей час.
Славе радостный свидетель
Вашей будет всяк у нас.

Особую, двойную функцию выполняли в пьесе второстепенные действующие лица — крестьяне Карп и Елистрат. Их речь, как было принято во многих комических операх, условно воспроизводила крестьянскую речь — они «цокали». Против этого художественного приема также выступал Николев в «Объяснении» к опере «Розана и Любим». Диалог крестьян (д. 2, явл. 2.) расширял временные рамки пьесы, увязывая события, изображаемые на сцене, с их предысторией. Кроме того, эпизод комической перебранки Карпа и Елистрата, замедляя развитие действия, усиливал драматическое напряжение. В комедиографии XVIII в. подобную функцию выполняли, как правило, слуги. В то же время Левшин сумел придать этим персонажам индивидуальные черты. Пьяница и простофиля Карп — человек добрый. Ему не по душе намерение приказчика выдать Прелесту замуж против ее воли. Елистрат жесток и расчетлив. Таким он стал, прослужив десять лет у приказчика. Краткие «биографии» и характеристики второстепенных персонажей, естественным образом раскрывающиеся по ходу действия, обогащали пьесу, углубляя ее содержание. Тем самым Левшин отчасти предвосхищал «Недоросля» Д. И. Фонвизина, где второстепенные персонажи также наделены «биографией».

Комическая опера «Милозор и Прелеста» не была поставлена на профессиональных сценах Москвы и Петербурга. Возможно, ее увидели зрители Калужского или Тульского театра, с которыми был тесно связан Левшин.

Через несколько лет, но не позже 1782 г., Левшин переделал свою первую комическую оперу в произведение другого жанра — драму, дав ей название «Торжество любви». Этот редкий в драматургической практике случай позволяет увидеть те признаки, те сюжетные и композиционные элементы, которые, по мнению драматурга, отличали драму от комической оперы, написанной по типу «слезной» драмы.

Сюжет, место действия, действующие лица драмы в сравнении с оперой почти не претерпели изменений. Только приказчик Толстопузов («Милозор и Прелеста») назван в драме Урываевым. Изменение на первый взгляд незначительное, но характерное. «Говорящая» фамилия указывала теперь не на внешнюю, комическую, черту персонажа, а на его сущностную характеристику. Отсутствует в списке действующих лиц Роза, подруга Прелесты, появлявшаяся в опере в единственном эпизоде. Сцены, в которых участвуют крестьяне Карп и Елистрат, лишены комизма и существенно сокращены. Елистрат, действуя по указанию приказчика, пытается схватить и увести Прелесту. Карп, сочувствующий влюбленным, предупреждает

их об опасности. «Биографии» этих персонажей, как и в опере, различающихся характерами, остаются за рамками пьесы.

Действие еще больше драматизировано. «Торжество любви» начинается пространным монологом Чистосерда, сразу вводящим зрителей в суть конфликта. При этом несколько смещены смысловые акценты пьесы. Страдания Чистосерда объясняются не столько его врожденным благородством, сколько воспитанием. Он рос в семье дворянина и воспитывался вместе с его сыном Добронравом. Характерно начало монолога: «Чем больше просвещения, тем больше огорчений. Естлиб был я, как прочие рабы, воспитан в невежестве, не чувствовал бы я теперешнего волнования в душе моей...» (д. 1, явл. 1).

Таким образом, в драме на первый план выдвигалась одна из важнейших проблем эпохи Просвещения — проблема воспитания. Пьеса на положительных примерах преподавала моральный урок зрителям. Конфликт, изображенный в ней, благополучно разрешался благодаря правильному воспитанию ее героев. Чистосерд рос в дворянском доме. Сам он употребил почти все свое «имение» на воспитание Милозора. Высокие нравственные качества обнаруживает Прелеста, воспитанная в уважении к отцу и покорности его воле. Когда Чистосерд просит ее отказаться от Милозора, в ее душе происходит борьба дочернего долга и чувств, она «упадает в обморок», но потом готова покориться и просит отправить ее в дальнюю деревню или постричь в монастырь.

Внутренний мир персонажей, их чувства, находившие выражение в комической опере через лирическую песню, в драме проявляются в монологах. Драматический конфликт, обозначенный в первой же сцене, с каждым явлением усиливается и больше заострен, чем в комической опере. Милозор защищает свою возлюбленную от Елистрата с ружьем в руках. Взведя курок, он «уставляет ружье в грудь» Елистрату. Чистосерд, закованный в цепи по указу приказчика, бежит, а когда его настигают, «защищается концом цепи». Заметно усилены эмоциональные моменты и в роли Добронрава. Не грусть, а тоска мучает его. Тоскуя по жене и сыну, он готов покончить с собой. Кульминационная сцена драмы — сцена узнавания — значительно растянута по сравнению с аналогичным эпизодом оперы. Это самая трогательная, «слезная» сцена. Узнав, что сын жив, Добронрав «упадает вне себя». Милозор, ничего не зная о своем происхождении, предстает перед отцом как воспитанник Чистосерда и называет себя сиротой, а узнав правду, не может в нее поверить. Сценическое поведение персонажей в этом эпизоде определяется авторскими ремарками: «упав на колено», «вне себя», «вне себя и трепеща». В финале драмы, разрешающем все противоречия, в полном соответствии с ее названием торжествует любовь.

Драма Левшина была его первым оргинальным произведением, представленным на сцене. Спектакль состоялся в Москве 5 октября 1782 г. Других сведений о ее постановке нет.

Новыми опытами Левшина в жанре драмы были «мещанская трагедия» «Гарстлей и Флоринчи» (М., 1784), сюжет которой был

взят «из романов Арнодовых», и опера «Король на охоте» (Калуга, 1793), переделка комической оперы М.-Ж. Седена на музыку П.-А. Монсиньи «Король и фермер». Сюжет, заимствованный из французского водевиля, Левшин существенно русифицировал, наполнил чертами национального быта, как, например, в сцене, когда крестьянка Марфа бранит дочь: «Разгуливай, голубушка! Попевай песенки! У добрых людей холсты вытканы, а у нас еще и клубка нет! Матушка только за порог, а у дочки работа из рук». Одна из героинь пьесы, крестьянка Анюта, против ее воли увезенная графом Ветровым в город, напоминала Розану из комической оперы Н. П. Николева «Розана и Любим», только похищение происходило «за сценой» и о нем рассказывала сама Анюта. Важную дидактическую нагрузку несли рассуждения персонажей о лживости придворных, о лести и предательстве, процветающих при дворе. В монологах и диалогах одобрялись государственные начинания, имевшие прямое отношение к России того времени: учреждение домов «для больных и увечных», открытие училищ, «в кои всяк без платы может отдавать детей своих», и приютов «для несчастных младенцев». Текст финального хора, воспевающего добродетельного монарха, представлял собой акростих, читающийся «Екатерина В». Несмотря на столь злободневную тематику, произведение это на профессиональной сцене не ставилось, так же как и единственная трагедия Левшина «Траян и Лидия» (1780), проникнутая верой в равенство людей.

В отличие от оригинальных произведений Левшина, в 1780—1790-е годы в театрах Москвы и Петербурга большой успех имели пьесы в его переводе. Особенно популярна была комедия Г.-Ф.-В. Гроссмана «Генриетта, или Она уже замужем». В Москве она не сходила со сцены с 1783 по 1799 г. Важным событием в культурной жизни стала трагедия Лессинга «Мисс Сара Сампсон» в переводе Левшина. Образ ненаказанной злодейки Марвуд произвел на публику большое впечатление и послужил поводом для цензурного запрещения трагедии. [5] С одобрением принимали зрители и другие пьесы в переводе Левшина.

В последней трети XVIII в. репертуар русского театра заметно расширился. Помимо пьес западноевропейских авторов появлялось все больше и больше произведений отечественных драматургов. Авторами становились представители различных сословий. Сочиненные ими пьесы не укладывались в рамки традиционных жанров. Новые жанровые формы предъявляли новые требования к драматургии и к актерскому искусству. Все это нуждалось в осмыслении и упорядочении. Попыткой сформулировать законы театрального искусства, определить его меняющуюся специфику стал переведенный Левшиным с немецкого языка трактат «Гаррик, или Аглинский актер. Сочинение, содержащее в себе примечания на драммы, искусство представления и игру театральных лиц...» (М., 1781). Талант Д. Гаррика проявился особенно ярко в мещанской драме. Его актерская манера поражала современников психологической насыщенно-

---

[5] *Присенко Г. П.* Просветитель В. А. Левшин. Тула, 1990. С. 52—54.

стью.[6] Левшин надеялся, что переведенная им книга «может быть полезна для наших театров, оных судителей и тех писателей драмм, кои не могут употреблять к своим сочинениям правил, описанных на иностранных языках».

В книге соседствовали две тенденции, которые были актуальны и для российского театра: описание сценических стереотипов, характерных для драматургии классицизма, и новых утверждающихся в театре драматургических принципов, диктуемых расширяющимся репертуаром. В их числе универсальная категория «естественности», которую Левшин выдвигал в качестве важнейшей в «Объяснении» к «Милозору и Прелесте». Особенно интересны главы «О истине представления», «О истине действия», «О естественной игре», «О естественности в речах». В книге утверждалось: «Предмет театрального представления состоит в начертании природы благородными и приятными обстоятельствами. От актера зависит придавать выдумке всевозможное правдоподобие, и естли достигнет сего, то он нашел, что собственно называется истинною театрального представления. Чрез сие выражение разумеют совокупление правдоподобий, кои на вышнюю степень истины приближаются, причем зритель может думать, что смотрит на истинное приключение» (С. 203). «Естественная» игра требовала от актера перевоплощения. Чтобы правдиво изобразить чувства героев, актер должен был «освободить себя от оков искусства» и забыть «свои собственные чувствования» (С. 219). Новые требования предъявлялись и к сценической речи: «Долго думали, что величество трагического требует великолепного и усильного выражения в речах; но в наши дни усмотрели, что к самому возвышенному почасту надлежит простота разговоров, то есть то, что различает комедианта от оратора» (С. 227).

Новые средства художественной выразительности проявились в комедиях Левшина, написанных им в 1790-е гг. Пьесы имеют различные жанровые определения. «Свадьбу г. Волдырева» (Калуга, 1793) Левшин назвал комической оперой, «Мнимые вдовцы» (Калуга, 1794) оперой, «Кто старое помянет, тому глаз вон» (М., 1791) — лирической комедией, «Молодые поскорее старых могут обмануть» (Труды В. А. Левшина. М., 1796. Ч. 1) — комедией. В предисловии к комической опере «Своя ноша не тянет» (Калуга, 1794) Левшин указал: «За три года перед сим опера эта сочинена была мною под заглавием «Бит небитаго везет». Но как копия оной не знаемо кем у меня похищена, прежде нежели издал я оную в свет, то за благо разсудил я совсем оную переделать вновь и издать под нынешним заглавием». Все эти драматические произведения представляли собой комедии со вставными песенными номерами. Музыку к ним написал капельмейстер Московского театра И.-Ф. Керцелли.

К концу XVIII в. музыкально-драматический жанр потерял социальную остроту, характерную для комической оперы в 1770-е гг. Уступив постановку серьезных общественных проблем сатирической комедии и трагедии, комическая опера сосуществует с ними как

---

[6] *Хализев В. Е.* Драма как явление искусства. М., 1978. С. 141.

особый жанр, задача которого состоит главным образом в том, чтобы смешить, развлекать зрителей, высказывая нехитрую мораль в куплетах

Пьесы Левшина 1790-х гг — это произведения «легкого» жанра, призванные исправлять пороки общества, забавляя и веселя его Действие их сводится к распутыванию уже существующего сюжетного узла Это пьесы-развязки в их комедийном варианте Экспозиция таких произведений излагается в первых же сценах, и поэтому действие развивается динамично, все время удерживая внимание зрителей

В комедии «Молодые поскорее старых могут обмануть» функцию экспозиции выполнял список действующих лиц, в котором сообщалось, что один из персонажей — любовник барышни, переодетый в женское платье Более подробно предысторию изображаемых на сцене событий излагала служанка Аксинья, сообщая зрителям, что любовник живет в доме под видом дальней родственницы, что молодые тайно обвенчались и что они вынуждены скрывать свою тайну, так как барыня влюблена в возлюбленного своей дочери

Опера «Свадьба г Волдырева» обладала экспозицией особого рода в связи с тем, что главным ее героем был известный зрителям комедийный персонаж — купец Волдырев из комической оперы Я Б Княжнина «Сбитенщик», популярность которой в 1790-е гг достигла наивысшей точки Имя этого персонажа, вынесенное в название пьесы, создавало совершенно определенное зрительское или читательское отношение и подготавливало то восприятие, вне которого его поступки были бы не всегда понятны Волдырев снова одурачен и несет заслуженное наказание за свои прошлые грехи «Ахти! Какое горькое бедствие Я во всю жизнь был в амурах несчастен!» — восклицает он в кульминационный момент (явл 13), вызывая смех зрительного зала

Экспозиция комической оперы «Кто старое помянет, тому глаз вон» развертывалась в общей бытовой сцене Хозяин, сидя за столом, «разбирает поколенные росписи», его дочь Лиза «шьет в тамбуре», служанка Груша «вяжет филе» В этом художественном приеме сказалось влияние драматургии Фонвизина Сущность конфликта между персонажами становится ясна из разговора Лизы со служанкой Богатый, но не знатный дворянин Старолесов решает нарушить обещание, данное им жениху дочери Честону, и выдать ее замуж за дворянина с хорошей родословной «в 12-м колене от Фомы Партазанова, которого внук был на Мамаевом побоище» В опере высмеивалось отношение к человеку не по его личным качествам, а по происхождению

Действие оперы «Мнимые вдовцы» держится на интриге, сознательно разыгранной персонажами, и условное художественное время произведения ограничено сценическим временем Скучающая в деревне графиня задумала «нынешний день < > вообще над всеми смеяться» «Первым действующим лицом» своей «комедии» она избирает жену управляющего, молодящуюся старуху Маланью Сидоровну Сговорившись, все уверяют ее, что управляющий умер Такую

особый жанр, задача которого состоит главным образом в том, чтобы смешить, развлекать зрителей, высказывая нехитрую мораль в куплетах

Пьесы Левшина 1790-х гг — это произведения «легкого» жанра, призванные исправлять пороки общества, забавляя и веселя его Действие их сводится к распутыванию уже существующего сюжетного узла Это пьесы-развязки в их комедийном варианте Экспозиция таких произведений излагается в первых же сценах, и поэтому действие развивается динамично, все время удерживая внимание зрителей

В комедии «Молодые поскорее старых могут обмануть» функцию экспозиции выполнял список действующих лиц, в котором сообщалось, что один из персонажей — любовник барышни, переодетый в женское платье Более подробно предысторию изображаемых на сцене событий излагала служанка Аксинья, сообщая зрителям, что любовник живет в доме под видом дальней родственницы, что молодые тайно обвенчались и что они вынуждены скрывать свою тайну, так как барыня влюблена в возлюбленного своей дочери

Опера «Свадьба г Волдырева» обладала экспозицией особого рода в связи с тем, что главным ее героем был известный зрителям комедийный персонаж — купец Волдырев из комической оперы Я Б Княжнина «Сбитенщик», популярность которой в 1790-е гг достигла наивысшей точки Имя этого персонажа, вынесенное в название пьесы, создавало совершенно определенное зрительское или читательское отношение и подготавливало то восприятие, вне которого его поступки были бы не всегда понятны Волдырев снова одурачен и несет заслуженное наказание за свои прошлые грехи «Ахти! Какое горькое бедствие Я во всю жизнь был в амурах несчастен!» — восклицает он в кульминационный момент (явл 13), вызывая смех зрительного зала

Экспозиция комической оперы «Кто старое помянет, тому глаз вон» развертывалась в общей бытовой сцене Хозяин, сидя за столом, «разбирает поколенные росписи», его дочь Лиза «шьет в тамбуре», служанка Груша «вяжет филе» В этом художественном приеме сказалось влияние драматургии Фонвизина Сущность конфликта между персонажами становится ясна из разговора Лизы со служанкой Богатый, но не знатный дворянин Старолесов решает нарушить обещание, данное им жениху дочери Честону, и выдать ее замуж за дворянина с хорошей родословной «в 12-м колене от Фомы Партазанова, которого внук был на Мамаевом побоище» В опере высмеивалось отношение к человеку не по его личным качествам, а по происхождению

Действие оперы «Мнимые вдовцы» держится на интриге, сознательно разыгранной персонажами, и условное художественное время произведения ограничено сценическим временем Скучающая в деревне графиня задумала «нынешний день < > вообще над всеми смеяться» «Первым действующим лицом» своей «комедии» она избирает жену управляющего, молодящуюся старуху Маланью Сидоровну Сговорившись, все уверяют ее, что управляющий умер Такую

же шутку играют графиня и слуги с самим управляющим. Супруги притворно оплакивают друг друга, на самом деле радуясь внезапному вдовству. В кульминационный момент они неожиданно встречаются, не могут скрыть своего удивления и огорчения и тем самым оправдывают ожидания насмешников.

В комической опере «Своя ноша не тянет» сущность драматического конфликта излагается в разговоре служанки Лукерьи с крестьянином Созоном (явл. 2).

Слуги в пьесах Левшина выполняют функцию, традиционную для комедиографии XVIII в. Они являются движущими пружинами действия, организуют и ведут интригу. Служанка Лукерья подговаривает Созона и с его помощью одурачивает незадачливого жениха своей барышни отставного губернского секретаря Хапилова. Служанка Аксюта («Молодые поскорее старых могут обмануть»), обращаясь к зрителям со словами: «Я затеяла дело такое, что вряд ли с рук сойдет», излагала свой план, как помочь барышне. В опере «Свадьба г. Волдырева» действие развивается благодаря слугам Марине и Лоботрясу. В комической опере «Кто старое помянет...» наиболее активными персонажами являются служанка Лизы Груша и слуга Честона Прошлец. Груша посвящает госпожу в свой план: «...Партазанов вас не знает, по счастию батюшка уехал. Я наряжусь в ваше платье, приму вашего жениха и постараюсь его отпотчивать, что он наверное переменит свои мысли и оставит вас в покое». «Позвольте нам действовать, — поддерживает ее Прошлец. — У нас на всякой случай придуманы перевороты, и к каждому новому обстоятельству есть нечто в запасе» (д. 1, явл. 6). В этой комедии Левшин мотивировал неестественно свободное поведение служанки тем, что она «одолжена за то милостям покойной графини», которая воспитала ее вместе со своей дочерью и перед смертью дала отпускную.

Однако и в этих традиционных для комедиографии содержательных рамках жанр продолжал совершенствоваться, создавались новые средства художественной выразительности. Многие стандартные сюжетные ходы получают в пьесах Левшина психологическую мотивированность. Комедийная коллизия в пьесе «Молодые поскорее старых могут обмануть» строится на недоразумении, вызванном двусмысленным содержанием писем, которые Сердечкин пишет своей тайной жене. Попав к ее матери, эти письма невольно истолковываются ею применительно к себе. В комической опере «Своя ноша не тянет» Созон, воспользовавшись жадностью барина Скопидомова, который прячет по мешку зерна от каждого овина в своей конторке, предлагает Милону пробраться в дом к возлюбленной, спрятавшись в мешке. Но из-за недоверчивости Скопидомова, который все мешки переносит сам, секрет едва не раскрывается. Это усиливает напряженность действия и создает дополнительный комический эффект.

Напряженные моменты в комедии «Кто старое помянит...» объясняются особенностями характеров персонажей. Партазанов смущен глупостью своей невесты и как будто уже готов отказаться от нее, но жажда обогащения оказывается сильнее других чувств: «Как ты подумаешь, ведь за Старолесовым тысяча душ, а дочь то у него одна!

<...> Хотя бы коза, да золотые рога <...> Только б много было денег, а прочее все химера и суета» (д. 1, явл. 11). Тем самым рушится план Груши, которая изображала невесту, а ожидаемая развязка отодвигается. Новая задержка действия вызвана тем, что Партазанов и Старолесов отказываются от участия в дуэли, на которую их вызвал возлюбленный Лизы Честон. По мнению Старолесова, Честон не может драться на дуэли с Партазановым, так как он недостаточно высокого происхождения, «он только за 8 колен дворянство доказывает» (д. 2, явл. 2). Так оказывается неосуществимым план Прошлеца, основанный на том, что Партазанов струсит. Интрига, задуманная слугами в начале пьесы и открытая зрителям, оказывается нереализованной, и действие развивается по иному, совершенно неожиданному пути. Так Левшин переосмыслил традиционный сюжет, который в этой комедии развивается не линейно — от завязки к кульминации, а ступенчато, преодолевая несколько мнимых кульминационных моментов. Драматург стремился мотивировать не только сюжетные перипетии, но и сценические обстоятельства действия. Слугам удается осуществить подмену невесты только потому, что Старолесов, будучи рачительным хозяином, вынужден уехать из дому, так как крестьяне соседнего села испортили межу (д. 1, явл. 3).

Характер Старолесова обрисован значительно подробнее, чем это было принято в отношении типичного комедийного амплуа отца невесты. Старолесов — любящий отец, хороший хозяин, он не прочь поухаживать за молоденькой служанкой Грушей, у которой кроме него еще два поклонника — приказчик и слуга Прошлец.

В других пьесах Левшин также стремился логично связать все эпизоды действия, иногда используя для этого внесценические персонажи, что не было характерно для драматургии XVIII века. Так, в опере «Король на охоте» Роза оказывается осведомленной о том, что Илья виделся с Анютой. На вопрос Ильи: «Кто тебе сказывал?» — она отвечает: «Савкина Акулька; она смотрела чрез забор и сказала мне, когда мы с матушкою на холму стояли» (д. 2, явл. 1).

Изображая второстепенных отрицательных персонажей, Левшин следует традиции, используя стереотипный набор сценических масок и их сценического поведения. Бывший солдат Глупилов («Мнимые вдовцы») появляется перед зрителями «в капральском старинного покрою камзоле с рукавами и подпоясан солдатскою портупеею, на которой висит дорожная чернильница» (д. 1, явл. 3). Он ведет себя «на военной ноге». В другом эпизоде Глупилов «напудрен, но виски в бумажках, в сертуке, похожем на мундирный, с тростью и солдатскою шпагою в руках. Выступив несколько шагов, устанавливается в позитуру по-солдатски» (д. 1, явл. 8). В опере «Кто старое помянет...» приказчик выходит на сцену «в старомодном кафтане, в круглом черном парике и с толстым брюхом» (д. 1, явл. 3). В некоторых случаях сценические функции отрицательных персонажей расширялись. Халимон, «дурак домовой в шутовском платье и дурацком колпаке» («Молодые поскорее старых могут обмануть»), обметая мебель, совершает нелепые движения и смешит зрителей. Но Левшин наделил его такими чертами характера, как наблюдательность и

простодушие Халимон первым из непосвященных в тайну замечает обман Когда барыня в шутку обещает выдать за него замуж свою дочь Маремьяну, он отвечает «Она женилась на госте Посмотри-ка, цалуются » (явл 6) Тем самым чуть было не срываются планы заговорщиков, и напряженность действия усиливается

В пределах одного комедийного амплуа «маски» варьировались Изображая в «Мнимых вдовцах» композитора Черкалова, Левшин во многом следовал за И А Крыловым, который в комедии «Проказники» (1777—1778) в образе Рифмокрадова высмеял Я Б Княжнина Черкалов не может сочинить ничего нового «Это есть у Хайдена! < > Это у Плееля Кой черт, все вспадают чужие мысли! Куда ни повернись, хоть в бас, хоть в дискант, все то же у меня в голове лучшие места из их сочинений Пожалуй, завистники скажут, что я выкрал По чести, я несчастлив, что после них родился, они у меня все мысли заграбили» (д 1, явл 10) Однако созданный Левшиным образ оказался шире традиционной комедийной маски бесталанного сочинителя Рассуждения Черкалова о притворстве, составляющем «единственный узел, которым держится всякое общество» (д 3, явл 2), придавали действию оперы, в финале которой персонажи, уверяя друг друга в любви, показывали в сторону «омерзение», а целовались, «кобенясь от отвращения», более глубокий, символический смысл В пространном монологе Черкалова подчеркивалось, что притворство и обман пронизывают отношения между супругами, между друзьями, отношения в высшем свете Это расширяло значение пьесы, не позволяя сводить его к разыгранной комедийной интриге Незадолго до Левшина аналогичный прием использовал А Клушин в стихотворной комедии «Смех и горе» (1793)

Театральные проблемы, активно обсуждавшиеся в обществе, часто становились предметом обсуждения и на сцене Отношение к популярным пьесам служило дополнительным средством характеристики персонажей В образе Черкалова «Левшин дает, в сущности, социально острую пародию на «оперного сочинителя», презирающего демократическое направление всем доступной песенной оперы» [7] Черкалов сетует «Сочинителю и компонисту надобно так себя учреждать, чтоб всякий сбитенщик и всякая коровница с первова разу петь могли < > Лови только знакомые мелодии, поприкрась, и всяк осадит руки хлопавши, а какова экспрессия, какова акция, до этова нет дела» (д 1, явл 10) Т Ливанова полагает, что Левшин, хорошо знавший театральную жизнь, намекал в лице «секретаря графини» Черкалова на секретарей Екатерины II, бывших соавторами ее комических опер « слишком уже явно напоминают дворцовую обстановку ссылки на "поздравительную арию на голос польского", на Сартия, на то, что опера о греческой вдове пишется по идее графини, а идея ее заимствована из "повести о седми мудрецах"» [8]

---

[7] *Ливанова 1* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом Исслед и мат М , 1953 Т 2 С 154

[8] Там же

В комедии «Кто старое помянет » пародировались патетические монологи трагедийных персонажей и некоторых «слезных драм», которые к концу XVIII в стали казаться зрителям неестественными, устаревшими Узнав, что Старолесов нашел своей дочери другого жениха, Честон исполняет арию «В отчаяньи моем я жизнь не уважаю » и выражает намерение убить и соперника, и самого себя «Мне не остается ничего, кроме смерти» На это его слуга замечает «Барин! Послушай-ка, ведь это все хорошо на театре, а не у нас в Руси православной, перерезать горло себе и своему злодею барыш не велик Человека два бешеных скажут Браво, он умер, как герой, а умные подумают, какой он был дурак» (д 1, явл 5) Пародия и авторская ирония разрушали драматургические шаблоны и придавали пьесе новые комические штрихи

Пьесы Левшина изобиловали ассоциациями с самыми популярными комическими операми того времени, и это усиливало их занимательность Особенно часто встречались намеки на комическую оперу Я Б Княжнина «Сбитенщик» (1783) В пьесе «Свадьба г Волдырева» об этой опере напоминает не только главный персонаж, но и слуга Лоботряс, куплеты которого, выражавшие новые нравственные нормы, официально отвергаемые, но фактически действующие в обществе, напоминали куплеты сбитенщика Степана Речь Созона («Своя ноша не тянет») содержит прямые реминисценции из «Сбитенщика» «Слегка душою покривить можно! Понатершись в свете, я научился, как ныне люди живут и как думают

Правдой жить на свете можно
Да не будет барыша
Поступаючи как должно,
Не добудешь ни гроша
Это все уже смекнули,
Разживаться как и чем,
И карманы понадули,
Бросив правду прочь совсем
Мыслят бей хоть по губе,
Только лишь косым мешком!
Плут в собольей ходит шубе,
А правдивый босиком» (явл 6)

Вариации «Сбитенщика» отчетливо слышны и в куплетах Прошлеца в комедии «Кто старое помянет »

С правдой прослывешь болваном
Будешь хлеб с водой жевать,
Всяк когда живет обманом
Так и нам не треснуть стать (д 1 явл 12)

Смысл этих и других песенок, в которых говорилось также о женском коварстве, высмеивались неправильное воспитание девушек или модная свобода супругов в браке, был шире контекста пьес Это характерно для комических опер конца 1780-х—1790-х гг , а для пьес Левшина особенно Легко запоминавшиеся веселые, а иногда содержащие острое словцо куплеты могли отрываться от основного текста и существовать самостоятельно

Непринужденность, динамичность действия, выразительные комедийные конфликты в сочетании с легко запоминающимися куплетами сближали пьесы Левшина с одним из самых популярных театральных жанров XIX в. — водевилем.

Комедии Левшина, написанные в 1790-е гг., предназначались, главным образом, для домашних театров. В 1791 г. «на домашнем театре его сиятельства князя Владимира Ивановича Щербатова в селе Петровском» была представлена комедия «Кто старое помянет, тому глаз вон». Роли исполняли актеры Петр и Герасим Воронкины, Варвара Денисова, Артемий Коновалов, Григорий Бурлаков, Матрена Иванова, Афанасий Катков. Лирическая комедия «Молодые поскорее старых могут обмануть» в первый раз была представлена в 1795 г. в театре В. И. Щербатова «в сельце Литвинове». На этой же сцене шли пьесы в переводе В. А. Левшина: комедия «Явная переписка»(перевод с немецкого), «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Неосновательная ревность» Дальберга. Драма в пяти действиях «Эфельвольф, король английский», переведенная Левшиным с немецкого, и комическая опера Ж.-Ф. Мармонтеля «Сильвен» представлялись в театре князя Петра Михайловича Волконского, большого знатока и поклонника театра, который иногда сам участвовал в спектаклях.[9] В 1806 г. Волконский продал свою труппу в Петербургский театр.[10] В начале XIX в. комедии Левшина ставились и на профессиональной московской сцене. 9 января 1802 г. здесь состоялась премьера лирической комедии «Молодые поскорее старых могут обмануть». В 1809 г. эта пьеса была поставлена и в новом Иркутском театре, которым руководили гарнизонный офицер В. З. Яковлев и ссыльные поселенцы офицер А. П. Шубин и князь Горчаков. Труппа актеров состояла из унтер-офицеров, ссыльных и их жен.[11] Комическая опера «Свадьба г. Волдырева» шла в Москве 16 ноября 1803 г.

Левшин был тесно связан с Калужским театром, новое здание которого было открыто в центре города в 1790 г. Здесь шли его пьесы «Мнимые вдовцы», «Король на охоте», «Свадьба г. Волдырева», «Своя ноша не тянет».[12]

Отмечая «превосходные сатирические возможности» Левшина, которые, по ее мнению, не раскрылись, Т. Ливанова констатирует, что в его операх «встречаются яркие комедийные страницы, он умеет верно и метко сделать сатирический выпад, уловить жизненно характерное в той или иной ситуации». При этом исследовательница сожалеет, что оперы Левшина «остаются более всего смешными, развлекательными комедиями быта, в которых содержатся лишь отдельные сцены, резко выдающиеся над общим уровнем».[13]

Однако, если не предъявлять к произведениям «легкого» жанра

---

[9] История русской музыки. М., 1985. Т. 3. С. 176—177.
[10] История русского драматического театра. М., 1977. Т. 2. С. 215.
[11] Там же. С. 224.
[12] *Бедлицкий К. Б.* Калужский театр. Тула, 1977. С. 32—33.
[13] *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII века... Т. 2. С. 154.

требований, удовлетворить которых они в силу своей специфики не могут, роль комических опер Левшина в развитии русской драматургии представляется более значительной. В его пьесах отчетливо проявились симптомы перехода от канонических сюжетных схем и положений, характерных для комедий XVIII в., к новым эстетическим системам, в которых случайность не обладает всеобъемлющей властью и причиной конфликтов, претерпеваемых персонажами, являются в большей мере характеры этих персонажей. В операх Левшина ощущаются знание театральной жизни и достижений современной ему драматургии, понимание злободневных общественных проблем, тонкое чувство юмора. На фоне блистательной драматургии XVIII в. комедиография Левшина имела свое лицо, а это уже немало.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАРШРУТ Н. А. ЛЬВОВА В 1781 Г.

Основным источником сведений о путешествии Н. А. Львова в Италию в 1781 г. до сих остаются его собственноручные записи, сделанные в изящной книжечке (размер листа 11×16,5 см), хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома.[1] Думаем, за этим текстом должно закрепиться название «Итальянский дневник», хотя в рукописи авторское заглавие отсутствует. Основная, наиболее интересная в историческом, литературном и искусствоведческом отношениях часть представляет собой связный текст и разделена на главки со следующими авторскими пометами:

«В Ливурну в другой раз приехал 1781-го года июля 7-го»[2] (л. 1—6 об.).

«Пиза — 10 июля 1781. Я поехал» (л. 9—11 об.).

«Субота. В Флоренцию в другой раз приехал 1781-го года июля 10-го дня» (л. 14—53 об.).

«Булония, 16 июля 1781» (л. 54—61 об.).

«1781 года 17 июля. Венеция» (л. 62—62 об.).

«В Вену в другой раз приехал 1781 июля 29-е, воскресенье» (л. 65—79 об.).

Как явствует из процитированных помет, Н. А. Львов не предназначал дневник для публикации. Знакомство с рукописью лишь подтверждает это — записи велись поспешно, «на скору руку», видимо, по вечерам, когда дневные впечатления еще были свежи. Почерк поэтому порой крайне неразборчив, русский язык сменяется французским и итальянским, сокращения многочисленны и не всегда поддаются расшифровке, из слов подчас выпадают целые слоги («живосцы» вместо «живописцы», «мраный» вместо «мраморный», «подный» вместо «подобный» и т. п.), а из фраз — слова. В книжечке имеются также рисунки пером (виды Ливорно, Пизы, Флоренции,

---

[1] *Львов Н. А.* Путевые заметки // ИРЛИ, Р. 1, оп. 15, № 166, 99 л. В Пушкинский Дом рукопись поступила 26 июня 1964 г. от П. В. Губара. Об этом библиофиле и собирателе см.: *Казанков Б. Е.* Библиофил Павел Викентьевич Губар // Книга: Исслед. и мат. М., 1985. Сб. 51. С. 168—182.

[2] Дневник велся Н. А. Львовым с указанием дат по старому календарному стилю. Здесь и далее ссылки на эту рукопись даются в тексте с указанием листа.

© К. Ю. Лаппо-Данилевский,1995

Вены и т. д. — часть из них уже воспроизводилась), карандашные наброски и пометы, счета, разрозненные записи на французском языке (в том числе короткое стихотворение к портрету Е. М. Олениной и план письма на садоводческие темы), причем почти все они относятся к более позднему времени.

О существовании «Итальянского дневника» известно уже давно, однако не будет преувеличением утверждение о его фактической неизученности — общая оценка этого исключительно важного документа в ряду русских свидетельств об Италии XVII—XVIII вв. [3] еще не была дана, [4] нет информации о целях путешествия 1781 г., не прослежен маршрут Н. А. Львова, не проанализированы высказывания о европейской живописи и архитектуре и т. д. Вместе с тем путевые записи Н. А. Львова занимают исключительное место в русской культуре — это первое по времени свидетельство столь значительного художника об итальянском искусстве, позволяющее адекватно оценить силу его воздействия на русского путешественника именно благодаря тому, что записи не предназначались для публикации. Порой игривые, порой обманчиво наивные, а в действительности лукавые суждения достаточно полно отражают шкалу ценностей Н. А. Львова, его вкусы и пристрастия, приоткрывая тайну глубоко индивидуального мировосприятия одного из наиболее замечательных деятелей русской культуры XVIII в.

Заслуга первого обращения к «Итальянскому дневнику» принадлежит В. А. Верещагину, поместившему в 1912 г. в журнале «Старые годы» краткую статью о нем. [5] Не обладая достаточными знани-

---

[3] Перечислим наиболее авторитетные издания текстов и работы о них: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697—1699 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992; Записка путешествия генерал-фельдмаршала российских войск графа Б. П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Мальтийский остров. М., 1773; Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы // Русская старина. 1879. Т. 25. Вып. 5. С. 101—132; *Куракин Б. П.* Дневник и путевые заметки // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. С. 101—204; *Шмурло Е. Ф.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сб. Русского института в Праге. 1929. Т. 1/2. С. 5—46; *Ошанина Е. Н.* Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // Сов. архивы. 1975. № 1. С 105—108. Общий обзор источников см. в кн.: *Lo Gatto E.* Russi in Italia. Roma, 1971. Необходимо также указать следующую статью, затрагивающую в той или иной степени интересующие нас проблемы: *Berelowich W.* La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. XXXIV (1—2), janvier-juin. P. 193—210. Из неизданных источников укажем в первую очередь письма Г. А. Демидову его сыновей Александра, Павла и Петра во время их длительного путешествия по Европе (1750-е—нач. 1760-х гг.: Германия, Австрия, Италия, Швейцария, Франция, Англия, Голландия). Они хранятся в Архиве СПб. ОИИ РАН в Петербурге, к печати их в настоящее время готовят Г. А. Победимова и П. И. Хотеев.

[4] В книге Этторе Ло Гатто «Русские в Италии», суммировавшей все известное к тому времени о русско-итальянских связях, дневник Н. А. Львова даже не упомянут.

[5] *Верещагин В. А.* Путевые заметки Н. А. Львова по Италии в 1781 году // Старые годы. 1909. № 5. С. 276—282; республиковано в книге Верещагина «Памяти прошлого». (СПб., 1914. С. 151—157). Далее ссылки даются на книгу.

ями ни о художественном наследии, ни об индивидуальной литературной манере Н. А. Львова, ни тем более об обстоятельствах его поездки, исследователь, процитировав из дневника большое количество отзывов о произведениях искусства, не перестает все же стесняться их свободной формы: «...записки Львова едва ли могут представить для нас какой-нибудь художественный интерес, но необычная, даже для XVIII века, форма, в которой выражены его мысли, настолько теперь кажется забавной, что она одна служит достаточным оправданием помещаемой заметки». [6]

В. А. Верещагин также безосновательно считал, что преобладающей особенностью впечатлений Н. А. Львова от итальянского искусства «был, как это ни странно сказать, благодетельный, но напускной, очевидно, ужас перед изображениями обнаженного женского тела». [7] Далее исследователь вступал сам с собой в противоречие, утверждая, что стиль Н. А. Львова «покажется современному читателю, по меньшей мере, фривольным». Ниже он дает следующее, впрочем не весьма последовательное и убедительное, объяснение особенностей избранной Н. А. Львовым манеры повествования: «Было бы также неосновательно обвинять и Львова в стремлении щеголять в своем дневнике откровенным цинизмом, вовсе не свойственным к тому же его более чем буржуазным наклонностям и вкусам. Львов прибегал к некоторым особенно рискованным, на наш взгляд, определениям и сравнениям, вероятно, только потому, что они, с точки зрения людей XVIII века, могли лишь случайно переходить границы установленных ими приличий». [8]

В написанной спустя много лет после статьи В. А. Верещагина книге Н. И. Никулиной, посвященной архитектурной деятельности Н. А. Львова в Петербурге, итальянская поездка упомянута всего один раз: «В устных преданиях семьи Львова долго хранилось воспоминание о том, что зодчий, будучи в Риме, пленился совершенством пропорций двух древних памятников — круглым в плане храмом Весты и пирамидой Цестия и говаривал, что, пока жив будет, исполнит мечту свою сочетать оба поразивших его архитектурных образа в одной композиции». [9]

В беллетризированном жизнеописании Н. А. Львова, принадлежащем перу А. Н. Глумова, пребыванию в Италии целиком посвящена четвертая глава. Не обладая необходимыми документальными материалами, автор книги выдвинул следующее предположение о целях путешествия 1781 г. (по его мнению, второго по счету в эту страну): «Судя по записям, Львов выполнял чье-то поручение осмотреть картинные галереи в Италии, быть может, закупить что-либо. По всей вероятности, распорядилась направить его в Италию императрица, озабоченная расширением коллекции Эрмитажа...

Что это его вторичная поездка в Италию, узнаем уже на первом

---

[7] Там же. С. 151.
[8] Там же. С. 153—154.
[9] *Никулина Н. И.* Николай Львов. Л., 1971. С. 74.

листе: «В Ливурну в другой раз приехал, 1781-го года, июля 7-го», далее такая же запись, касающаяся Ватикана и Флоренции».[10]

Ниже А. Н. Глумов излагал содержание дневника, не стремясь критически проверить информацию, содержащуюся в нем, или хотя бы соотнести ее с существующими описаниями таких всемирно известных коллекций, как галерея Уффици (Galleria degli Uffizi) во Флоренции и Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum) в Вене, что привело биографа Н. А. Львова к ряду несообразностей. Так, «Голова медузы» неизвестного фламандского художника XVI в. приписана П. Перуджино, а в качестве местонахождения знаменитых картин Рубенса указан Бельведер (ныне они хранятся в Музее истории искусств в Вене) и т. д. Вместе с тем обширные цитаты из дневника и свободная манера повествования в значительной мере способствовали усилению интереса к этому документу и созданию представления о нем, более соответствующего действительности, чем то было ранее.

Для понимания «Итальянского дневника» Н. А. Львова, на наш взгляд, в первую очередь необходимо знание обстоятельств поездки 1781 г., ее целей, маршрута и длительности. Как представляется, в настоящий момент собранный материал дает возможность с достаточной полнотой ответить на эти вопросы. Сам дневник позволяет расширить список мест, в которых побывал русский поэт и архитектор, на что еще не обращали внимания исследователи.

В первую очередь это Рим. Различные ассоциации, связанные с «вечным городом», фиксируются в главках, посвященных Ливорно, Пизе и Флоренции, Вене: «...свод комнаты Ватиканской, где ученик его (т. е. Рафаэль, ученик Перуджино — *К. Л. - Д.*) написал лутче его стены, пожар троянской, а другие не помню»(л. 6).

«Славная картина Тициянова, украшающая ныне алтарь во дворце di monte Cavallo в Риме, представляющая торжество богоматери в Пизу <въезжающей>, свя<таго> Николая и свя<таго> Севастияна голаго с двумя или 3-мя еще фигур<ами> и лутчайшую фигуру мужскую кисти сего мастера...» (л. 6 об.).

«Сей груп (т. е. скульптура Микеланджело «Гений победы» — *К. Л. - Д.*) между множества посредственных и дурных кажется ривалем Лаокоону, будучи, однако, далеко от онаго» (л. 24).

«Гермафродит величиною против того, что nella Villa Borghese, но далеко отстал красотами от онаго...» (л. 29).

«Рисунок школы афинской, за Рафаилов оригинал выдаваемый, но вялой почерк онаго не похож на те смелыя выработанныя рисунки, кои я видел в Риме; особливо на тот, что у князя Aldobrandini» (л. 32 об.).

«Адам, плачущий над убитым Авелем, раб<оты> Карл<а> Лота, коего манер очен подходит под первый черный манер Гверчина, как то в картине «Св. Петронилла» в церкве Madonna degli angeli в Риме» (л. 34 об.).

«Гинии добродетели dans la maison du Principe в Ескурияле,

---

[10] *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. М., 1980. С. 42.

другой в плафоне в Ватикане превосходят все древния статуи, кои мы в юношеском возрасте имеем» (л. 49 об.).

«В Вене у живописца Унтербергера, брата того живописца, которой работает ложи для дворца нашего, есть прекрасная картина Доминикова, причастия Св. Геронима изображающая, ея предпочитают даже той самой, что alla Madonna degli angeli in Roma...» (л. 78).

Думаем, из приведенных выше цитат достаточно ясно видно, сколь свежи были впечатления после встречи с сокровищами «вечного города» — ватиканских коллекций, виллы Боргезе, убранства церквей и т. д. Наша аргументация в пользу пребывания Н. А. Львова в Риме подкрепляется письмом дипломата, жившего в Риме и состоявшего на русской службе, советника И. Ф. Рейфенштейна С. Р. Воронцову. 26 июня (7 июля по н. стилю) он сообщал о недавнем отъезде Н. А. Львова из Рима. [11]

Другим городом, который, несомненно, посетил Н. А. Львов, был Неаполь, блестящая столица королевства двух Сицилий, находившегося в зените своего могущества и великолепия. Длительное правление Фердинанда IV Бурбона (с 1759 по 1825 г.) было ознаменовано культурным и экономическим расцветом государства. Красота Неаполитанской бухты, чаровавшая художников и поэтов, породила крылатую фразу «Увидеть Неаполь и умереть», которую цитирует и Гете в своем «Итальянском путешествии». В политическом отношении Неаполитанское королевство в начале 1780-х гг. было наиболее могущественным на Апеннинском полуострове, его связи с Россией были весьма значительны. [12]

Наиболее ярким было впечатление Н. А. Львова от встречи с неаполитанским театром — посетив во Флоренции театр «Пергола», [13] он вспоминает представление на сцене «Сан-Карло» [14] в Неаполе, поразившее русского путешественника своим великолепием и мастерством участвовавших в нем актеров. При его описании он в порыве воодушевления переходит на итальянский язык (л. 18—19):

«Il teatro nuovo [15] из новейших театров полюбился мне столко, сколко может понравиться посредственная вещь между дурными. Quello poi della pergola non è cattivo ma non l'apparenza di questo, e se io non avessi veduto il grande teatro di St. Carlo a Napoli direi che

---

[11] Архив князя Воронцова. М., 1883. Т.XXIX. С. 322.

[12] *Сибирева Г. А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.

[13] Основан академией «Immobili» 12 июля 1652 г. Построен по проекту Ф. Такка (1652—1656). Первое представление состоялось 26 декабря 1656 г. Существует по сей день.

[14] Торжественно открыт 4 ноября 1737 г., в день именин короля Карла III Бурбона. Здание театра «Сан-Карло» возведено по проекту А. Каразале в 1737 г. за 8 месяцев.

[15] «Новый театр» (*ит.*). Под таким названием в Неаполе существовал в 1724—1934 гг. театр, основу репертуара которого составляли оперы-буфф. На одном из его представлений Н. А. Львов также побывал в 1781 г., однако отсутствие опубликованного репертуарного списка за это время не позволяет уточнить, на каком именно.

il teatro nuovo è il più bello d'Italia, ma veder quello di Napoli, e vederlo per bonna fortuna luminato è una cosa da stupirsi in verità e poi vederlo decorato col ballo di Pic e della Rossi, col canto di Consolini e della Carrara, non si pensa più ai difetti vedendo tanta perfezione — la leggiadra, la gentile Bassi degna emula della Rossi ha il volto di Venere sul corpo della Euterpa la sveltezza della ninfa dell'aria e chi più è la castità della dea di Caccia. Oh! del trovar l'onestà a Napoli, sul teatro, quanto fragile è l'trono di questa divinità, costretta di cercarsi qualche posto essendo vanità della corte e della città si nascose sotto la giupa della bella Bassi degna mille volte di nascondere sotto la giupa sua qualche altro ucello men rado e più convenevole a una sacerdotessa del tempio di piacere». <«Театр «Пергола» неплох, но не внешним видом, и если бы я не видел грандиозного театра «Сан-Карло» в Неаполе, я бы сказал, что «Новый театр» — самый красивый в Италии; но зрелище театра в Неаполе, да еще по счастью освещенного, — это нечто изумительное; если же видишь его к тому же украшенным танцем Пика и Росси, пением Консолини и Каррара, то уже больше не думаешь о недостатках при стольких совершенствах. Грациозная, изящная Басси, достойная соперница Росси с лицом Венеры и телом Евтерпы, обладающая легкостью сильфиды, кто лучше изобразит целомудрие Дианы? О! Найти целомудрие в Неаполе, в театре, сколь непрочен трон этого божества, вынужденного искать себе убежища среди суеты двора и города, укрывшегося под одеждами Басси, в тысячу раз более достойной скрывать под одеждами какую-либо менее редкую птицу, более приличествующую храму наслаждения»>.

Упомянутые Н. А. Львовым актеры достаточно известны, и поэтому было нетрудно найти о них различные по полноте данные в музыковедческих справочниках. «Пиком» Н. А. Львов называет знаменитого французского балетмейстера и танцовщика *Шарля Лё Пика* (1749, Страсбург—1806, Петербург). Впервые он был ангажирован театром «Сан-Карло» в 1773 г., откуда в 1776 г. вернулся в Париж. В 1781—1782 гг. он вновь работал в Неаполе. В 1786 г. Лё Пик переехал в Петербург (не сыграла ли при этом какую-либо роль высокая оценка его искусства Н. А. Львовым?), где возглавлял придворный балет вплоть до последних дней своей жизни. Уже в Петербурге Лё Пик женился на *Гертруде Росси,* вместе с которой ранее он неоднократно выступал в Европе. Певец-сопранист *Томазо Консоли* (1753, Рим—1810, Рим), друг Моцарта, был приглашен к русскому двору в 1783 г. с предложением огромного содержания в 5000 рублей. *Агата Каррара* пела в «Сан-Карло» в 1780—1781 гг. *Джованна Маргарита Басси* (1765, Париж—после 1794) в 1783 г. была приглашена в качестве солистки из Неаполя в Королевский театр Стокгольма.

Персональное упоминание актеров, участвовавших, по всей видимости, в одном и том же представлении, позволило соотнести их имена с вполне определенным спектаклем, состоявшимся в Неаполе 19(30) мая 1781 г. В репертуарном списке театра «Сан-Карло» под этим числом значится следующее представление:

«Опера.
Г. Гадзанига «АНТИГОНА».
Исполнители: А. Каррара (Антигона); Р. Занетти (Гермиона); А. Прати (Креонт); Т. Консоли (Еврисфей).
Постановка К. Камерини.
Сценография Г. Магри, *костюмы* А. Буонкоре.

Балет.
«ОРФЕЙ И ЕВРИДИКА» (возможно, на музыку К. Глюка).
Хореография Ш. Лё Пика.
Сценография Г. Магри, *костюмы* А. Буонкоре». [16]

Сезон в театре «Сан-Карло» начинался обычно весной, после Великого Поста, так что представление, на котором побывал Н. А. Львов, открывало новый сезон и потому, видимо, отличалось особенной пышностью.

Из «Итальянского дневника» явствует также, что русский путешественник осмотрел собрание живописи в королевском дворце Каподимонте (возведен в 1738—1834 гг. по проекту Дж. А. Медрано). Здесь в 1759—1806 гг. экспонировалась коллекция Фарнези (Museo Farnesiano), перемещенная сюда в 1737 г. из Пармы. В 1798 г. французы вывезли ее в Рим, и лишь после наполеоновских войн коллекция, сильно поредевшая, была возвращена в Каподимонте. О том, что видел здесь Н. А. Львов в 1781 г., можно достаточно хорошо представить по весьма подробным записям римлянина Томмазо Пиччини, посетившего Каподимонте в 1783 г. [17]

Помимо упоминаний в тексте дневника римских и неаполитанских реалий для восстановления маршрута 1781 г. важны рисунки, делавшиеся в дневнике с натуры. Почти все они датированы и фиксируют пребывание Н. А. Львова в следующих точках: Пиза («Вид из окна графа Моцениго по реке Арно к стороне Ливурны 1781-го июля 9-го», л. 99 об.), Флоренция («Июля 25 н. с. 1781 в день св. Якова al corso dei navicelli», [18] л. 97 об.), в Венеции близ острова Святого Георгия («Isola di St. Giorgio di alega [19] 1781 июля 17», л. 96), городок Пирано на берегу Адриатики в Истрии («Pirano, 1781 21-е июля с моря», л. 95). Эти указания вместе с краткими записями о выезде и возвращении Н. А. Львова в пределы Российской империи позволяют восстановить маршрут 1781 г. и уточнить его цель: в «Сообщениях о проезжающих через границу Рижскую и Ревельскую» в Архиве внешней политики России в Москве содержатся следующие пометы: «4 <мая 1781 г.> <...> курьером в Варшаву и Вену советник посольства Николай Львов», [20] «14 августа 1781 <...> из-за границы курьером посольства советник

---

[16] Il Teatro di San Carlo: La cronologia 1737—1987/A cura di Carlo Marinelli Rosconi. Napoli, 1987. V. 2. P. 79. За помощь, оказанную при разысканиях о пребывании Н. А. Львова в Неаполе, приношу благодарность Джованне Мораччи.
[17] *Mazzi C.* Tommaso Piccini: un provinciale «cosmopolita» // Bollettino d'arte. 1986. № 37—38. P. 1—31.
[18] Во время лодочного состязания (*ит.*).
[19] Остров Св. Георгия с воды (*ит.*).
[20] АВПР. ф. ВКД. д. 3505. л. 40 (дублируется на л.8).

Николай Львов с находящимися при нем...»[21] Приношу также благодарность А. Б. Никитиной, сообщившей мне следующую выписку из отчета Кабинета ее императорского величества от 18(29) мая 1781 года: «Генрал-майору Безбородко за отправление курьеров в Вену и в Италию 3150 р.». Исследовательницей установлено также, что в письме от 18 июня (ст. стиль) Д. М. Голицын, тогдашний посланник в Вене, сообщал А. А. Безбородко о получении письма «от 26 числа прошедшего апреля через советника посольства господина Львова», а в другом письме, от 3 августа 1781 г., он сообщал, что, «пользуясь возвратом из Италии через здешний город проездом господина советника посольства Львова, посылает через него партикулярную свою реляцию».[22]

Таким образом, 4(15) мая Н. А. Львов пересек границу России с Польшей и вскоре был в Варшаве, а затем в Вене. Через Флоренцию, Ливорно[23] и Рим он с депешами проехал в Неаполь, где 19(30) мая присутствовал на спектакле в театре «Сан-Карло». Выполнив курьерское поручение, как и в других аналогичных случаях, Н. А. Львов не спешил возвращаться в Россию.[24] Более месяца он пробыл в столице королевства двух Сицилий и в Риме. 7(18) июля в Ливорно он стал вести дневник, сначала это были записи, имевшие некоторое прагматическое предназначение, — находясь в доме английского консула Дж. Удни (Giovanni Udny, как его называют в итальянских документах), русский путешественник решил зафиксировать, какие именно полотна есть у этого дипломата, зная, что он занимается посредничеством в торговле картинами. Попутно для памяти Н. А. Львов делает заметки об архитектурных памятниках — таковы краткие описания собора, батистерия и колокольни в Пизе, сделанные, по-видимому, уже в следующем городе. 9(20) июля в Пизе зарисована набережная Арно с видом на церковь деи Спини (Chiesa dei spini) из дома графа Дмитрия Моцениго, русского поверенного при тосканском дворе в 1778—1793 гг. 10(21) июля утром Н. А. Львов выехал из Пизы и в тот же день был во Флоренции.

Главка, посвященная этому городу, начинается с краткого описания архитектурных достопримечательностей и галерей, которое оказывается внезапно прерванным описанием крестного хода и традиционных скачек, проходивших на соседних улицах (единственное вторжение свободной жизненной стихии в дневник, посвященный предметам искусства):

«Приедучи на улицу del Duomo нашли мы ея наполненною людми, дожидающимися с нетерпеливостию чего-то, вдруг после трубнаго сигналу увидели мы шесть лошадей без седоков, без узд

---

[21] Там же, л. 71 (дублируется на л. 74 об.).

[22] РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 3896.

[23] Пометы «в другой раз» в дневнике Н. А. Львова свидетельствуют лишь о том, что он побывал в них по пути на юг. Нет также никаких оснований говорить о посещении Н. А. Львовым Италии до 1781 г.

[24] О курьерских поездках Н. А. Львова в 1770-х гг. в Англию, Испанию, Францию, Германию и Польшу см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Рус. литература. 1988. № 2. С. 135—142.

— бегущих одна за другою из однаго конца улицы в другой, та, которая скорее прибежит к мете, выигрывает хозяину своему кусок материи, от 15-ти до 20-ти черв<онцев> стоющий; но всего любопытнее было, что в самое сие время по другой улице, лежащей поралелно с Корсом, неистовыя попы для сегоднишнаго празника Магдалены делали другой бег, со свечами, с кадилами, с крестами, с богородицею наряженною. Я был в переулке, соединяющем поперек две улицы, и свободно мог ползоваться и тем и другим зрелищем. Признаюся, что, видя с одной стороны без узды бегущия в бешенстве, но в молчании лошадей, с другой — тму рознообразных беснующихся толстогласно попов, ничего так не желал, чтобы концы паралелных улиц, соединясь, заставили моих необузданных встретится. Я видел тут, сколко скоты исправнее попов в своей должности, многие из последних чрез переулок в рясах убегали, оставляя кресной ход тогда, когда ни одна лошать с своей дороги до самой меты своей не свернула» (л. 16 об.—17 об.).

Центральным событием итальянского путешествия стало посещение Уффиц, впечатление от этой художественной галереи, как явствует из дневника, было потрясением, событием большого внутреннего значения. Записи Н. А. Львова бессистемны, об одних и тех же картинах он писал по нескольку раз, возвращался к ним, считая необходимым еще раз поверить бумаге свои мысли (так было, например, со знаменитой «Венерой Урбинской» Тициана). Краткие описания разрастаются в обширные характеристики, порой пристрастные и напоминающие, скорее, суждения художественного критика.

16(27) июля помечена краткая главка, посвященная Болонье. Н. А. Львов лишь упоминает о том, что он побывал в университетском музее, в церквах Св. Петрония, Св. Петра и Мадонны Св. Луки — большая часть текста представляет собой подробное описание двух частных коллекций, принадлежавших сенаторам Сампьери и Ф. Капрара. Оно, скорее, напоминает сжатый перечень, однако и здесь русский путешественник подчас не удерживается от того, чтобы выразить собственное отношение к виденным картинам.

Полстраницы занимает описание пребывания в Венеции, чему, на наш взгляд, две причины. Во-первых, эти строки, как представляется, написаны уже в Вене; тем же объясняется сбой в календарных датах — за один день от Болоньи до Венеции в XVIII столетии вряд ли можно было добраться (над текстом указано 17 июля).

Во-вторых, Н. А. Львов видел Венецию, как нам кажется, только с борта корабля — имеется указание лишь о его высадке на острове Мурано, известном своим стекольным производством: «Мы были на острове Муран, где делают множество хороших всякаго рода стекол и где я купил цветныя обращики. В другом месте на том же острове продаются smalti разных родов» (л. 62 об.).

По Адриатике Н. А. Львов совершил, видимо, водное путешествие, и, высадившись на северном побережье, 29 июля (10 августа) уже был в Вене. Здесь он четырежды обращался к дневнику — 29 и 30 июля, 2 и 3 августа (т. е. 10, 11, 13, и 14 августа н. стиля). Это подробное описание живописи в Бельведере (ныне находится в

Музее истории искусств в Вене), лирическое стихотворение, помета о картинах, которые есть у живописца И. Унтербергера, и страничка, посвященная встрече с П. Метастазио. Как и в других случаях, мы ничего не узнаем об «официальной стороне» путешествия. Посещение русского посланника в Вене осталось бы нам неизвестным, если бы не цитированное выше письмо Д. М. Голицына к А. А. Безбородко от 3(14) августа 1781 г. Наконец, 14(25) августа Н. А. Львов пересек границу Российской империи и вскоре прибыл в Петербург. Такова внешняя, событийная канва путешествия 1781 г. — возможность посетить Италию в качестве курьера, т. е. за счет казны, была предоставлена поэту благодаря его покровителю А. А. Безбородко. Это не была специальная поездка для ознакомления с итальянскими достопримечательностями, однако, как и в других случаях (достаточно вспомнить длительное пребывание Н. А. Львова в Париже с февраля по май 1777 г.), он смог максимально использовать предоставившуюся ему возможность, чему в значительной степени способствовали знание итальянского языка и широкие знакомства в среде итальянских художников и музыкантов, живших в Петербурге.

Как уже указывалось, артоцентризм является основной чертой дневника 1781 г.; кроме того, Львов начал вести его уже на обратном пути в Россию. Весьма показательно поэтому, что в нем не нашел отражения факт встречи с Е. Р. Дашковой в Пизе, о котором она упомянула в своих записках: «Через несколько дней я действительно послала их (план и устав госпиталя. — *К. Л.-Д.*) к государыне с Львовым, возвращавшимся в Петербург. Я написала императрице письмо, в котором, надеясь на ее снисходительность, сказала, что я восемь месяцев тому назад писала военному министру князю Потемкину, чтобы отрекомендовать ему моего сына...» [25]

Укажем также, что в Пизе Е. Р. Дашкова жила в доме графа Дм. Моцениго, [26] из окна которого Н. А. Львов, как уже упоминалось выше, сделал один из своих рисунков. «Записки» Дашковой важны для нас не столько тем, что она посетила Италию в том же 1781 г., сколько подробным описанием людей, с которыми она там встречалась. Все они в той или иной степени были связаны с русским двором или пользовались известностью среди европейской интеллигенции XVIII столетия. Кроме того, они позволяют понять, что показывалось туристам того времени в первую очередь, что считалось наиболее примечательным. «Записки» Дашковой, таким образом, дают дополнительную информацию о том, о чем Н. А. Львов умолчал, что он опустил как второстепенное.

Поэтому, возможно, среди лиц, с которыми Н. А. Львов встречался в Риме, были и знакомые Дашковой — французский поэт и дипломат кардинал Франсуа Берни, шотландский архитектор, археолог и антиквар Джеймс Байерс, английский художник Гевин Гамильтон, испанский дипломат и литератор Х. Н. Азара (одну из его

---

[25] *Дашкова Е. Р.* Литературные сочинения / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М., 1990. С. 162.

[26] Там же. С. 159.

книг Н. А. Львов цитировал в своем переводе Анакреона 1794 г.). Достоверно известно лишь о его встречах с И. Ф. Рейфенштейном и одним из представителей древнего рода Альдобрандини.

В Неаполе Н. А. Львов согласно своему дипломатическому поручению виделся с русским посланником при дворе королевства двух Сицилий графом Андреем Кирилловичем Разумовским — позже он проектировал для этого просвещенного вельможи дом в Москве. [27] Возможно, он также познакомился с английским дипломатом и знатоком античности Вильямом Гамильтоном, неаполитанским государственным деятелем Фернандо Галиани и английским скульптором Анной Деймер. Интересно, что Гете, посетивший Рим и Неаполь в 1787 г., завязал знакомство со многими из тех, с кем встречались Е. Р. Дашкова и Н. А. Львов (Иоганн Рейфенштейн, Вильям Гамильтон и др.). [28]

В 1781 г. в Неаполитанском королевстве были еще памятны события года предыдущего, обильного несчастьями, — 5 февраля 1780 г. в полдень началось землетрясение в Калабрии и Сицилии, новые толчки повторились 28 марта — стихийное бедствие унесло 2 тысячи человеческих жизней, разрушило 18 городов. Несмотря на принятые правительством меры, в стране начались эпидемии. Лишь к весне 1781 г. положение мало-помалу нормализовалось — остается лишь гадать, насколько русские путешественники были в курсе происшедшего.

Особенного внимания заслуживает вопрос о посещении Н. А. Львовым Помпеев, хотя он нигде не упоминает об этом. После начала раскопок в 1748 г. по распоряжению Карла III Бурбона Помпеи приобрели всеевропейскую известность, стали местом паломничества знати и интеллектуалов (Дашкова и Гете посетили и внимательно осмотрели знаменитые руины).

Завершая данную работу, хотелось бы указать, что дневник Н. А. Львова представляет, с одной стороны, несомненный интерес для историков итальянской живописи — в нем перечислены полотна трех частных коллекций XVIII в. (Дж. Удни в Ливорно, сенаторов Сампьери и Капрара в Болонье), [29] впоследствии распылившиеся. Описание собраний Флоренции и Вены вряд ли имеет подобное значение — эти галереи еще в XVIII столетии были каталогизированы, и изменения в их составе тщательно фиксировались. Вместе с тем именно эта часть дневника дает бесценный материал для характеристики воззрений самого Н. А. Львова, причем, отметим сразу, наибольший интерес представляют именно частные замечания. На-

---

[27] *Андреев А. К.* Дом Разумовского в Москве — последнее произведение архитектора Н. А. Львова// Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Л., 1975. Вып. 5. С. 43—59.

[28] См. «Итальянское путешествие» Гете, а также книгу: Goethe in Italien. Meinz, 1986.

[29] Именно они представляют наибольшие трудности при комментировании дневника, ибо, как показывает мой опыт идентификации картин в галерее Уффици, большинство атрибуций Н. А. Львова (как и атрибуций его эпохи) не соответствуют действительности.

пример, общие рассуждения о трех периодах творчества Рафаэля (л. 46—49 об.), цитировавшиеся и анализировавшиеся В. А. Верещагиным и А. Н. Глумовым, не являются оригинальными: по-видимому, это повторение тех общих мест, которые твердили туристам флорентийские чичероне. Достаточно взглянуть в путеводитель по Уффицам, опубликованный в 1783 г.,[30] чтобы обнаружить в нем те же идеи о трех этапах развития живописного искусства Рафаэля. Исчерпывающий анализ художественных вкусов и пристрастий Н. А. Львова на материале «Итальянского дневника» ждет еще своего детального исследования — в настоящей работе мы не ставили перед собой такой цели. Давно назревшей научной задачей, на наш взгляд, является также полное издание «Итальянского дневника» с обширными искусствоведческими комментариями.

---

[30] См.: Description de la Galérie Royale de Florence/Par M. François Zaccherolli Ferrarois. A Florence, 1783. P. 31—37.

Л. РОССИ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА М. Н. МУРАВЬЕВА

(Новые материалы)

Как известно, значительная часть литературного наследия Михаила Муравьева (1757—1807), а точнее, почти вся зрелая проза, связана с его педагогической деятельностью.[1] Кроме исторической повести «Оскольд», задуманной, по всей видимости, в конце 1793 г. как своеобразный вызов обществу, приковывающему писателя к придворным должностям,[2] все тексты, опубликованные в первом посмертном собрании муравьевских сочинений 1810 г., были написаны для обучения великих князей Александра и Константина Павловичей; то же самое можно сказать и о (прозаических!) произведениях, входящих в состав изданий 1815 и 1819—1820 гг.[3]

Большинство этих сочинений, а в особенности, вопреки утверждениям Карамзина,[4] почти все тексты, включенные в издание

---

[1] Как подчеркивает И. Ю. Фоменко, первые прозаические опыты автора восходят уже к 1770-м гг.: кроме опубликованных «Похвального слова Михаилу Васильевичу Ломоносову», «Рассуждения о различии слогов, высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» и «Дщиц для записывания» он написал и три повести из светской жизни. См.: *Фоменко И. Ю.* 1) М. Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 53—56; 2) Из прозаического наследия М. Н. Муравьева // Рус. литература. 1981. № 3. С. 117—120; 3) Проза М. Н. Муравьева: Из истории русской прозы последней трети XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 8.

[2] См.: ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 287, л. 148—149. Муравьев был «кавалером» в. к. Константина и тяжко переносил необходимость часто дежурить во дворце.

[3] Обитатель предместия и Эмилиевы письма, сочинение М. Н. Муравьева. В Санкт-Петербурге. 1815; Полн. собр. сочинений Михаила Никитича Муравьева. СПб., 1819. Ч. 1, 2; 1820. Ч. 3. В этом издании исключение представляют лишь записки отдела «Мысли, замечания, отрывки», восходящие к ранним тетрадям Муравьева (*Фоменко И. Ю.* Проза М. Н. Муравьева. С. 60). Попытка И. Ю. Фоменко истолковать всю зрелую прозу автора независимо от ее педагогического назначения нам кажется неубедительной (*Фоменко И. Ю.* Из прозаического наследия М. Н. Муравьева. С. 121—130).

[4] *Карамзин Н. М.* От Издателей // Опыты истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михаила Никитича Муравьева, изданные по его кончине. М., 1810. Ч. I. С. 3.

© Л. Росси, 1995

1810 г , было напечатано уже самим Муравьевым в начале 1790-х гг , правда, только для закрытого пользования двора Специфический характер этих «публикаций» и круга их читателей (императрица, семейство автора) проявляется в муравьевском письме сестре Федосье и ее мужу Сергею Лунину от 15 января 1792 г «Я полагаю, что трудами моими довольны По крайней мере сказывают, что обо мне вчера говорили Надобно привести в порядок некоторые исторические записки о России Имели снисхождение упомянуть обо мне Вы видите всю мою важность Может быть, брошен когда-нибудь возле Гиллиса и Анахарсиса, разделю я с ними на полках библиотеки величественную честь забвения Простите, что я не успел еще отправить мои печатные безделицы» [5]

Можно сказать уверенно, что шутливое пророчество писателя не оправдалось, главным образом благодаря тем текстам повествовательного и драматического характера, которые, несмотря на их учебное назначение, до сих пор представляют интерес и как литературные произведения В последние годы в ряде работ, посвященных творчеству писателя, было показано, что муравьевская воспитательная проза отличается сложностью и широтой, превосходящими ее непосредственное назначение [6]

К этой области творчества писателя относятся такие сочинения, как «драматическая сказочка» «Доброе дитя» (опубл в 1789 г), рассказ «Утренняя прогулка» и трилогия, состоящая из «Емилиевых писем» (и примыкаюшей к ним «Тетради для сочинений»), «периодического издания» «Обитатель предместия» (опубл в 1790 г) и «Берновских писем» (1787—1789, опубл в 1793 г) [7] Можно добавить и два «путешествия», оставшиеся в рукописи путешествие из Москвы в Архангельск в семи письмах под заглавием «Переписка двух приятелей в училище», [8] и «The idle traveller Путешествие

---

[5] ОПИ ГИМ, ф 141, ед хр 35, л 3 об

[6] Кроме работ И Ю Фоменко, см например *Rothe H* Zur Frage von Einflussen in der russischen Literatur des 18 Jhs // Zeitschrift fur slavische Philologie 1966 Bd XXXIII, H 1 S 33—68, *Орлов П А* Русский сентиментализм М , 1977 С 191—197, *Drage C L* Russian Literature in the Eighteenth Century London, 1978 P 139—141, 197—202, 235, *Bukhs N* Les éléments novateurs dans la prose de M N Murav'ev // RÉS 1985 T LVII/3 P 359—368, *Зорин А Л* Литературное направление как межнациональная общность (Английский и русский сентиментализм) Автореф дис канд филол наук М , 1982 С 17—19

[7] Сводный каталог русской книги граждан кой печати XVIII века 1725—1800 М , 1962—1967 Т 2 С 267—269, № 4371, 4385, 4388, Т 4 С 158, № 194, см *Росси Л* Маленькая трилогия Михаила Муравьева // Russica romana 1994 № 1 С 51—78 По жанру и по своей исторической тематике стоят особняком «Разговоры мертвых» (опубл в 1790 г) См Сводный каталог Т 2 С 268 № 4381, *Marcialis N* Caronte e Caterina, dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo Roma, 1989 P 206—219

[8] Заглавие извлекается из проекта произведения (РНБ, ф 499, М Н Муравьев ед хр 39, л 7) Три центральных письма (из Вологды, Шенкурска и Холмогор) были опубликованы в издании 1819—1820 гг под редакторским заглавием «Три письма» (*Муравьев М Н* Полн собр соч СПб , 1820 Ч 3 С 246—257), а остальные два письма (из Переславля Залесского и Ростова) уже в наше время (*Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 125—126) В

праздного человека», назначение которых, однако, не было выяснено до конца.

Теперь обстоятельные разыскания в многочисленных фондах, где хранятся бумаги писателя, позволили нам не только пересмотреть прежнюю оценку некоторых из этих текстов, но и пополнить список, очерчивая контуры отдельной области творчества Муравьева, которая до сих пор была почти неизвестной.

Часто забывают, что в 1792—1797 гг. Муравьев занимал также должность преподавателя русского языка для иностранных невест, а впоследствии жен великих князей, Луизы Августы фон Баден (в. к. Елизаветы Алексеевны)[9] и Юлианы-Генриетты фон Кобург (в. к. Анны Федоровны), и вопрос о существовании какой-нибудь части литературного наследия писателя, которая соотносилась бы именно с этой деятельностью, до сих пор не ставился.[10] Между тем тематика таких малоизвестных произведений, как «Феона» и «Утро»,[11] и отдельных черновых текстов, находящихся в тетрадях главного муравьевского архива, свидетельствует, что они, в отличие от прежних произведений автора, обращены преимущественно к читателю женского пола; целесообразно поэтому было обращение к архиву в. к. Елизаветы Алексеевны из рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца[12] в поисках данных, подтверждающих наше предположение.

Согласно описи, эта единица (всего 334 л.) содержит: «Записки по русской грамматике и словесности. Курс, пройденный императрицею Елизаветой Алексеевной под руководством Муравьева в 1793 г. и под руководством Левицкого и Глинки с 1810 по 1813 г. Краткий обзор одного из преподавателей о происхождении и разви-

---

тетрадях писателя нам удалось обнаружить еще «заглавие» письма из Ярославля (РНБ, ф. 499, ед. хр. 28, л. 50 об.) и несколько строк последнего письма из Архангельска (РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 25). Так же как и «Емилиевы письма», переписка адресована «Филарету».

9 См.: *Бирюков А. Я.* К биографии М. Н. Муравьева // Русская старина. 1908. Т. IX, сентябрь. С. 548.

10 Лишь недавно, в книге о культурных конфликтах в истории русского литературного языка, В. М. Живов привел цитату из краткого обзора русской литературы, написанного Муравьевым на французском языке в 1792 г. и прочитанного великой княгине Елизавете Алексеевне в 1793 г. (*Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. М., 1990. С. 193, 209—210). Экземпляр (писарская копия), цитируемый ученым, хранится в Гос. архиве Российской Федерации, в Москве (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 1—5). Другой экземпляр курса, копия с пометой автора, находится в С.-Петербурге, в Российской национальной библиотеке, в фонде Жуковского («Essai sur l'origine et les progrès de la Langue Russe», adressé à Son Altesse Serenissime Madame la Princesse Louise de Bade (sic!) en 1792 — РНБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 297, л. 16—19). Там же хранится и «Précis de la Litterature Française», dicté à mad: la G. D. Anne en 1796, en Avril (там же, л. 47—51, 55).

11 Сводный каталог... Т. 2. С. 269, № 4387, 4386. Они переплетены в конволюте мелких анонимных произведений автора («Смешения»), находящемся в Гос. публичной Исторической библиотеке в Москве.

12 ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366. Громадный фонд рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца состоит из разнородных материалов, древнейшие из которых восходят к XIV в.

тии русского языка». [13] Более детальное определение этих материалов отсутствует, но нам было нетрудно опознать серию муравьевских беловых автографов и печатных произведений (они занимают листы 5, 8—15, 17—55, 58—69, 71—73, 75—77, 79, 309—334), среди которых можно выделить три группы: 1) печатные экземпляры отдельных частей уже известных нам произведений, а именно: первое письмо «Емилиевых писем», первое письмо «Берновских писем», произведение под заглавием «Письмо некоторого мореплавателя» [14] и пять разговоров из «Разговоров мертвых»; 2) рукописные беловики произведений, известных до сих пор только по черновику или совсем неизвестных; 3) сугубо дидактические материалы, такие как тексты диктантов, списки русских или церковнославянских слов, сопровождаемых переводом, и главы русской грамматики на французском языке, написанные рукой автора.

Надо предполагать, что Муравьев участвовал в подготовке невесты в. к. Александра к принятию православия и к миропомазанию. К этому предмету несомненно относятся как глоссарий «Explication de quelques mots Slavons» (Истолкование некоторых славянских слов), так и списанный Муравьевым «Exposé des Rites qui ont été observé à la confirmation de la feu Grande Duchesse Natalie Alexeévna» (Описание обрядов, соблюдаемых при миропомазании покойной в. к. Натальи Алексеевны). [15]

Наличие в архиве в. к. Елизаветы Алексеевны отдельных глав опубликованных произведений Муравьева показывает, насколько условно здесь определение «опубликованное». Ведь эти тексты, хотя и создавались как одно целое, печатались и раздавались ученикам не сразу, а в зависимости от потребностей процесса обучения, и только впоследствии собирались и переплетались самим автором или его наследниками. [16] По всей видимости, они использовались для вспомогательного и развлекательного чтения, а также для перевода.

Такую же функцию имели и те литературные тексты, которые не были напечатаны, а остались в рукописи. Они написаны Муравьевым прописью, с ударениями, на листах, сложенных пополам (размер страницы: 18 x 22.5 см.). Объем и сложность этих небольших сочинений обусловлены тем, что они предназначены для иностранки,

---

[13] См. примеч., 10.

[14] Другой экземпляр «Письма» переплетен в конволюте «Смешения» (ср. прим. 11). Ошибка в Сводном каталоге, где оно не отделяется от «Собрания писем различных творцов, древних и новых» (Сводный каталог... Т. 2. С. 286, № 4382). Центральная часть текста была опубликована в «Полном собрании сочинений» с рукописи и под заглавием «Восхождение солнца» (*Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 241—244; ср.: *Жилякова Э. М.* В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 102—103).

[15] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 10—22; 319—324. Ср. черновики РНБ, ф. 499, ед. хр. 84, л. 1—5, 8—11 (в описи фонда описание обряда определяется как «Заметки о религии и церкви»); ед. хр. 76, л. 59 об.

[16] Можно сказать уверенно, что самим Муравьевым были переплетены конволют «Смешения» из ГПИБ и экземпляр «Берновских писем», хранящийся в Научной библиотеке МГУ. Характерно, что на рукописном титульном листе автор отметил потерю двух писем (НБ МГУ, IRy, 19663, л. 1).

слабо владеющей русским языком Тем не менее они представляют интерес и как литературные произведения и проливают новый свет на творчество Муравьева С них и начнется наш обзор новых находок в области его сентиментальной прозы

Текстов, представляющих литературный интерес и так или иначе примыкающих к остальной художественной прозе автора, всего семь Среди них можно выделить три группы два письма, относящиеся к произведению под заглавием «The idle traveller Путешествие праздного человека» («древняя повесть», так определяет ее писатель), «Евандрово младенчество» и четыре эпизода отдельного цикла, сгруппированных вокруг образа идеальной помещицы Феоны

О так называемых «дневниковых заметках» путешествия из Петербурга в Рязань в 1793 г , которым автор якобы собирался «придать форму описания или рассказа и затем выпустить в свет» под заглавием «The idle traveller Путешествие праздного человека», и о «двух письмах, из Новгорода и Твери», которые он якобы писал «какой-то девице М М М », писал уже Н Жинкин в 1913 г в монографической статье, посвященной Муравьеву [17] В 1981 г И Ю Фоменко доказала, что из этих-то писем и составилось произведение, которое следует рассматривать «в ряду литературы русских сентиментальных путешествий, появление которой было стимулировано „Письмами русского путешественника“», хотя оно ориентировалось «скорее не на Карамзина < > а непосредственно на Стерна», [18] тогда же исследовательница опубликовала с черновой рукописи три письма, из Новгорода и Твери от 18, 24 и 30 мая [19]

Тот факт, что первые два из них находятся среди учебных материалов в к Елизаветы Алексеевны, с одной стороны, подтверждает литературный, а не документальный характер этих писем, [20] а с другой — сужает замысел муравьевского произведения Таким образом, оправдывается не только введение исторической и географической информации, что вообще свойственно жанру литературного «путешествия», [21] но и якобы совершаемое автором отступление от главной темы, намеченной в заглавии, идеи «праздности» и свободы литератора как «важного момента в борьбе за профессионализацию литературы, за освобождение писателя от необходимости служить». [22]

---

[17] *Жинкин Н* М Н Муравьев (По поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Изв ОРЯС 1913 Т 18, кн 1 С 294

[18] *Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 127

[19] Там же С 129—130 Тексты взяты из РНБ, ф 499, ед хр 29, л 120—125, 130 (заглавие)

[20] И Ю Фоменко допускает, что в 1790 х гг Муравьев действительно совершил «литературное путешествие» по данному маршруту и даже оставил записную книжку с видами Волги (там же С 127, 129) Между тем сохранившиеся в разных фондах письма единственного короткого путешествия, совершенного писателем в декабре (!) 1791 г , чтобы навестить сестру, отличаются более деловитым тоном и составляют довольно резкий контраст с письмами «праздного человека» О «девице М М М » см ниже

[21] *Batten Ch L* Pleasurable Instruction Form and Convention in Eighteenth Century Travel Literature California U P , 1978

[22] *Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 128

Тема «плодовитой праздности» писателя действительно звучит в муравьевской семейной переписке уже в 1770-е гг.,[23] но думается, что здесь стерновское выражение употребляется, чтобы обозначить невинное, хотя и достаточно новое понятие «турист». 16 апреля 1797 г. Муравьев писал отцу из Москвы, куда он ездил на коронацию царя Павла I в пустой надежде получить награду за долгие годы службы: «Я живу здесь в совершенной праздности и так, как ездят в Лондон и Париж праздные путешественники веселиться и проживаться».[24]

Идея путешествия как «туризма» придает новое звучание той диалектике города и деревни, которая играет такую важную роль во всей муравьевской прозе. Как видно из начала второго письма, здесь деревня является только приятным местом отдыха, после которого и праздному путешественнику придется вернуться к трудовой жизни города.

В беловом варианте первого письма спокойные занятия туристов XVIII века демонстративно противопоставляются фантастическим приключениям Дон Кихота. В этих словах находит отражение недавнее муравьевское увлечение испанским языком и героем Сервантеса:[25] «Ежели Вам угодно знать обстоятельства путешествия нашего *до сего места, то я могу Вам только то сказать, что приключения* наши были столько же просты и обыкновенны, сколько для нас вообще приятны. Вы не можете ожидать от нас славных подвигов Дон Кишота. Мы не встречались ни со странствующими кавалерами, ни с волшебниками и не сражались с ветряными мельницами. Инде завтрак под открытым небом, на берегу чистого источника; в другом месте хороший обед у какого-нибудь уездного дворянина из наших приятелей, гулянье пешком, где нам понравится приятный лужок или роща».[26]

Как видно, по сравнению с текстами, к которым обращалась И. Ю. Фоменко, письма из архива в. к. Елизаветы Алексеевны более полны и обработаны. В конечной части второго письма те элементы, которые в черновике были только названы, развиваются в целую картину, правда, недостаточно индивидуализированную: «Как я рад был, что у нас ось переломилась на самой высокой горе и принудила нас остановиться в близлежащей деревушке, покуда *искали* кузнеца

---

[23] Ср. письмо от 23 октября 1778 г.: «Вместо того чтобы письма мои из Петербурга становились час от часу полнее и достойнее внимания, пустеют они приметно. Самый слог мой заимствует от недвижимости жизни моей. Сия недвижимость одушевляла столько счастливых ленивцев, Горациев и Анакреонов. А меня погружает она в полное бездействие. Тех мудрая леность превосходит многодельность такого множества бесславных имен, которые ценою беспокойствия целой жизни не могли исхитить себя от безызвестности. Вот разность: сии ленивцы были духи особливых дарований и не всяк уподобляется им со стороны разума, кто превосходит их по лености» (ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 18).

[24] ГАРФ, ф. 1153, Муравьевы, оп. 1 разд. I, ед. хр. 1, л. 57 об., (курсив мой. — *Л. Р.*).

[25] Ср.: *Багно В. Е.* Сервантесовские чтения: Хроника // Рус. литература. 1983. № 4. С. 225—227 (*Фоменко И. Ю.* М. Н. Муравьев — читатель Дон Кихота).

[26] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 35—35 об.

и починивали карету. Мы ночевали у доброго старичка в огороде, и я имел удовольствие следующий день видеть восхождение солнца. Неизмеримый горизонт открылся передо мною. Всевозможные положения, так сказать, снесены в одну картину: холмы, долины, пропасти, из глубины которых едва видны верхи высоких дерев. Инде показываются строения, деревни, пашни. В другом месте сияет издали спокойная поверхность озер или ключи бьют с шумом и пеною и извиваются в долинах». [27]

Но иногда в окончательном варианте автору удается придать своим описаниям бóльшую конкретность и настоящую зрительную выразительность. Сравним начало первого письма:

Черновой вариант	Беловой вариант
С чувствованием почтения приближался я к берегам Волхова, которого воды были свидетелями толь многих славных происшествий, и взирал из далека на золотые главы церквей и [1 нрзб.] новгородских. [28]	С чувствованием почтения приближался я к берегам Волхова, которого воды изображали в себе лица древних героев, Владимиров и Александров. Какое величественное зрелище открылось передо мною, когда стали показываться в отдаленности, сквозь синий туман воздуха, золотые главы церквей и остатки белеющихся стен Новгородских! [29]

Сопоставление двух вариантов одного и того же текста другой муравьевской повести, своеобразной «робинзонады» времен Сократа, о которой до сих пор никогда не упоминалось, особенно плодотворно.

В архиве в. к. Елизаветы Алексеевны на разных листках мы нашли начало и «Продолжение» произведения под заглавием «Евандрово младенчество. Древняя повесть». Между тем более полная ранняя редакция этого произведения (под заглавием «Воспитанник немого») помещается в большой тетради, хранящейся в главном муравьевском архиве в Санкт-Петербурге. [30]

Обращение к ученическим тетрадям Александра и Константина Павловичей, написанным ими под диктовку Муравьева, [31] позволило нам установить, что этот текст был создан для обучения великих князей и продиктован им с незначительными разночтениями. Было возможно также определить его точную датировку, так как на полях тетради будущего царя рядом с текстом последней части повести, озаглавленной здесь «Следствия кораблекрушения», сам Муравьев записал: «1788 Генв. 3 д.». [32]

---

27 Там же, л. 63—64.

28 РНБ, ф. 499, ед. хр. 29, л. 120.

29 ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 33—33 об.

30 РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 72—70 (так!); ср.: РНБ, ф. 499, ед. хр. 25, л. 4, 5 об. (черновые наброски).

31 См.: Учебная тетрадь императора Александра Павловича // Русский архив. 1866. № 1. Стб. 111—113.

32 ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I.1, л. 5—8 об. (7 об.); ср.: там же, ф. 1055, Романов Константин Павлович, оп. 1, 1, л. 34—39 об. В многочисленных проектах детских книг, встречающихся в поздних муравьевских тетрадях, чаще всего употребляется заглавие «Следствия кораблекрушения». Заглавие «Евандрово младенчество» входило в неосуществленный план «Карманной книжки для благородных юношей» начала 1800-х гг. наряду с заглавиями некоторых повестей из «Тетради для сочинений» (РНБ, ф. 499, ед. хр. 24, л. 4).

В этой редакции, которую будем называть «вариант 1787 г.», повесть сопровождается «Примечанием», объясняющим цель произведения: «Намерение сей повести состояло в том, чтобы показать стезю, которую разум достигает к познанию собственных своих деяний. Человек с природы получил начало мысли. Она возрастает в младенце с телесными силами. Сперва в послушании чувств она влечется по следам их в рассматривании вещей. Скоро входят в нее понятия образа, числа, протяжения, времени, существования. Она уже применилась к образованию языка и общих мнений. Но ежели от внешних предметов обратит он внимание на самого себя, новый порядок ощущений ему представляется. Понимание, мысль, переход от одной к другой или размышление, память, воображение, хотение, удовольствие, прискорбие суть деяния, которые предполагают существо, производящее их. Оно есть душа. Обогащенный сим понятием, мыслящий человек восходит от согласия и порядка тварей к премудрости творца. И таким образом совершается округ его знаний». [33]

Такая концепция, очень распространенная в XVIII в. и связанная с теориями сенсуализма, лежала в основе курса обучения, составленного Муравьевым для молодых князей: писатель старался подать разные предметы в «естественном» порядке, таким образом, чтобы ученики поняли, какая тесная связь существует между наукой и моралью. [34]

Подобная тема уже затрагивалась Муравьевым в тексте, являющемся, скорее всего, переводом с французского, под заглавием «Ощущения первого человека». [35] Здесь автор заменяет обобщенный и условный образ «первого человека» конкретным героем с определенной биографией, Евандром, и создает достаточно правдоподобные предпосылки ситуации, заставляющей его пройти весь путь человеческого сознания.

Действие происходит в античное время, в эпоху Алкивиада. Маленький ребенок Евандр (имя значит «хороший мужчина») в результате кораблекрушения, в котором погибают его родители, выброшен на необитаемый остров вместе со своим верным рабом. Последнему отведена служебная функция обеспечивать существование ребенка на диком острове, но он лишается речи. Как немой, он не может передать Евандру свои знания и понятия. Таким образом, ребенок вынужден открывать все заново сам.

Тема жизни одинокого человека на необитаемом острове связывает, казалось бы, Евандрову повесть с уже упроченной традицией «робинзонады», но муравьевское произведение полностью посвящено интеллектуальным открытиям героя и не развивает других возможностей жанра (борьба с природой, преодоление бытовых трудностей, неожиданные приключения). [36] Однако в варианте 1793 г. скупая

---

[33] РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 70.
[34] См.: «Обозрение учений» (там же, ед. хр. 83, л. 4—5).
[35] Там же, л. 15.
[36] Впрочем, в черновых тетрадях автора мы не нашли никаких упоминаний о романе Дефо.

хроника успехов человеческого разума обогащается новыми деталями, изображения «дикого» состояния и первобытного «общества» заметно поэтизируются, так что голая «просветительская» схема принимает сентиментальную окраску Сравним

Вариант 1787 г.	**Вариант 1793 г.**
Жалостливый воспитатель мой имел попечение о сохранении моей жизни в тысячи опасностей, которым слабость младенчества подвержена Но, будучи немой, он не мог меня научить наукам и языку греческим Рукодвижения, первый язык дикого человека и наши необразованные вопли служили нам разговором [37]	Конечно, я не могу помнить первых происшествий моего младенчества, но первый предмет, который представился моему понятию и который я сохраняю в сердце моем, есть изображение моего добродушного воспитателя Он не оставлял меня ни одного мгновения Около него ползал я и играл Он последовал за мною, когда я в состоянии был ходить и бегать Нам не было нужды в языке, чтоб разуметь друг друга Я понимал взоры его и рукодвижения, первый язык человеков Самый крик его, выражение страстей, имел для меня известный смысл [38]
Я заметил сие достопамятное место, где я сделал первое наблюдение, и со удовольствием к нему возвращался [39]	Место, на котором первый раз в жизни моей разговаривал я сам с собою, на котором я почувствовал, что я могу делать что нибудь другое, нежели бегать, стало предметом особливого моего внимания В уединении все одушевляется, чтоб разделять с нами наши удовольствия и печали Я думал, что место сие одарено чудесною силою, которая сообщала мне способность мыслить Как можно чаще возвращался я туда [40]

В новой редакции синтаксис несколько упрощается (устранено «самостоятельное» деепричастие), и язык лишается самых явных славянизмов (паки — опять)

Вариант 1787 г.	**Вариант 1793 г.**
Однажды, утомясь играть на песку морском в присутствии моего попечителя, погруженного в размышление, внезапу некоторый луч разума озарил темноту моего понятия [41]	Однажды, играя на песку морском в присутствии воспитателя моего, погруженного в глубокую задумчивость, я почувствовал что нечто необыкновенное происходит внутри меня Я рассуждал [42]
С тех пор природа, которая прежде для меня будто не существовала, приняла на себя самый привлекательный образ Я любил провождать взором солнце	Природа, которая будто не существовала для меня прежде, приняла теперь самый привлекательный образ Я любил провождать взором солнце от того мгно

---

37 РНБ, ф 499, ед хр 39, л 72
38 ГАРФ, ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 60—60 об
39 РНБ, ф 499, ед хр 39, л 71 об
40 ГАРФ, ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 75
41 РНБ, ф 499, ед хр 39, л 72
42 ГАРФ, ф 728, оп 1 ед хр 1366, л 61—61 об

от мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое паки погружается в волны [43]

вения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое опять погружается в волны [44]

Стоит обратить внимание на то, что время действия повести отнесено к античности Как известно, лирическая поэзия в те годы начинала успешно решать задачу воссоздания «античного мира как такового», между тем как в русской прозе «после риторико-сентиментальной «Афинской жизни» (1791) Н М Карамзина вплоть до «Египетских ночей» (1835) и «Повести из римской жизни» (1836) А С Пушкина античная тема < > не ставилась» [45] В этом контексте попытка Муравьева, которая предшествует карамзинскому сочинению, приобретает некоторое значение, хотя в ней античные элементы немногочисленны и достаточно условны

Во всяком случае, «Евандрово младенчество» составляет исключение среди муравьевских повестей, которые обычно представляют картину современного русского общества, хотя и весьма идеализированную Таковы и последние четыре текста из архива в к Елизаветы Алексеевны, которые, однако, следует рассматривать не отдельно, а как часть целого цикла, который можно сопоставить с «Емилиевыми письмами» или «Обитателем предместия», несмотря на то, что он лишен общего заглавия и не обработан до конца

К этому циклу относятся девять коротких повестей и несколько отрывков Первые две повести под заглавием «Феона» и «Утро» были напечатаны, кажется, в одном экземпляре с обильным лексическим комментарием на французском языке и явно были предназначены для упражнений в переводе с русского на французский Из четырех беловиков рассматриваемого нами архива один короткий диалог озаглавлен «После обеда», легко устанавливаются заглавия двух других текстов «Осень» (на основе черновика), [46] и «Общество Феоны» (на основе черновой записи), [47] но даже при наличии черновика в бумагах автора мы не смогли определить заглавие четвертой повести [48]

Листок, идентичный серии Гос архива Российской Федерации, был обнаружен нами в Историческом музее, среди бумаг и писем Муравьева и его жены [49] На нем помещается беловик повести, которую черновая запись позволяет озаглавить «Управитель Феоны» [50] Кроме заглавий и черновиков вышеуказанных произведений в одной из поздних тетрадей писателя сохранились и тексты короткой повести, которую следует озаглавить «Алетов», [51] и диалога, состав-

---

[43] РНБ, ф 499, ед хр 39, л 71 об

[44] ГАРФ ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 75 об

[45] *Кибальник С А* Неоклассицизм в русской лирике конца XVIII—начала XIX в //На путях к романтизму Л 1984 С 139—140

[46] РНБ, ф 499 ед хр 29, л 51 об —52 (черновик с незначительными разночтениями)

[47] Там же, л 130

[48] Там же, л 126 об —129 (черновик с незначительными разночтениями)

[49] ОПИ ГИМ, ф 282, ед хр 287, л 143—144 об

[50] РНБ, ф 499, ед хр 29, л 130

[51] Там же, л 38 об —39, 62 об —63, 130 (заглавие)

ляющего ее «Продолжение».[52] Добавим также, что черновик другой незаконченной повести находится в фонде, где хранятся обзоры русской и французской литературы, написанные для великих княгинь,[53] между тем как черновой отрывок письма, примыкающего, возможно, к «Обществу Феоны», был обнаружен Л. А. Алехиной в фонде Н. С. Тихонравова Российской государственной библиотеки.[54]

Как видно, тексты отличаются друг от друга по форме. Если «Общество Феоны» и вышеуказанный отрывок написаны от первого лица и в настоящем времени, то в большинстве других повествование ведется от третьего лица и в прошедшем времени и часто прерывается непосредственно прямой речью без ремарок («Утро», «Управитель Феоны», «Алетов»), какую употреблял и о какой писал в «Энциклопедии» любимый писатель Муравьева Мармонтель;[55] «После обеда» и «Продолжение» «Алетова», наконец, являются сценками театрального типа. Несмотря на это и на некоторые разночтения,[56] действующие лица отличаются достаточно постоянными и узнаваемыми чертами, и цикл вообще обладает известной цельностью и органичностью, так что вполне закономерным представляется его анализ как отдельного комплекса.

Местом действия является «сельский дом» на берегу Волги, где живет семейство добродетельной вдовы Феоны. Под этим именем Муравьев воспевал любимую сестру Федосью, недавно умершую (11 сентября 1792 г.), между тем как имена дочерей Феоны, Еглея и Зилия, напоминают одну из трех Харит, Аглаю, и героиню романа г-жи Графиньи «Письма одной Перуанки» («Lettres d'une peruvienne», 1747).[57] Как и в «Емилиевых письмах» и «Обитателе предместия», здесь автор рисует портрет идеального помещика и создает небольшие эпизоды, позволяющие герою проявлять или просто провозглашать свои личные и общественные добродетели.

Первые две повести, описывающие повседневную жизнь маленькой семьи Феоны и праздничный момент, день рождения старшей дочери Еглеи, представляют собой торжество семейной любви, до-

---

52 Там же, л. 20—21.

53 РНБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 297, л. 45 об., 46 об.

54 *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // Зап. отд. рукописей. М., 1990. № 49. С. 30, 75. Приведем текст: «Ты спрашиваешь меня, любезный друг мой, как я здесь провожу время свое. Я живу у Феоны. Это слово замыкает в себе прелести общества и уединения вместе, вкус, просвещение, все, чем привлекает разум здравый, сияющий, обогащенный знаниями и все, чем превосходное сердце возвышает ничего не значащие действия обыкновенной жизни. Я позабыл совершенно ваши рассеяния, ваши веселья и суеты. Они не стоят нашего покоя, наших настольных разговоров или чистосердечного болтания. Затем, что не подумайте, чтоб...» (РГБ, ф. 298, Н. С. Тихонравов, разд. IV, карт. 3, папка 56, л. 17—17 об.).

55 В статье «Диалог» (ср.: *Marmontel M.* Contes moraux et Bélisaire. Yverdon, 1781. T. 1. P. VII).

56 В первой повести упоминается маленький сын Феоны, о котором впоследствии больше не говорится; в диалоге «После обеда» господин Алетов является племянником Феоны, а в других повестях («Осень», «Алетов») просто ее соседом.

57 В молодые годы Муравьев отправил эту книгу сестре (ср. письмо от 30 сентября 1779 г. — ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 89).

машней гармонии и кроткого благочестия.[58] В «Управителе Феоны», как прежде в «Добром дитяти», пример Еглеи и Зилии призван научить богатых жертвовать лишним для того, чтобы помочь своим несчастным братьям. Своеобразным «манифестом» просвещенного, благотворительного помещика является повесть «без заглавия», в которой Феона доказывает подруге г-же Осановой общественные преимущества и нравственное превосходство жизни в деревне с крестьянами: «Сельские труды доставляют нам приятное упражнение. Мы соединяем пользу нашу с пользою общества. Сохрани меня Боже! чтоб корыстолюбие и подлая скупость приближались к сердцу моему. Но когда я возвращаюсь с полей моих при захождении солнца, я не могу воспротивиться некоторому чувствованию благородной гордости и не подумать, что я участвовала к обогащению моего отечества. Крестьяне работают охотнее, когда видят помещицу свою, ободряющую их своим присутством и подвергающуюся той же тягости солнечного зноя, которой они терпят».[59]

В повести «Алетов» героиня утверждает, что даже для такого «любезного господина», как он, чувство серьезной ответственности перед своими крестьянами и перед отечеством должно составлять необходимое дополнение к светским интересам, музыке, пению, живописи, являясь единственным залогом настоящего счастья.

Судя по семейной переписке, Муравьев проповедовал примерно такую же мораль и сестре, «реальной Феоне», жившей тогда в Тамбове, вызывая в ней некоторое недоумение. Интересно сравнить письмо от 21 ноября 1791 г. и слегка иронический ответ Федосьи Никитичны в одном из ее немногочисленных сохранившихся писем, от 13 декабря 1791 г.: «Упражнение, приятное спокойство (я не знаю, как сие последнее всегда мне встречается), прекрасные дети: чего же вам хочется более. <...> Искание честей, которые иногда уничижают, владение сокровищ, которые уходят или нами владеют, шум веселий, который оглушает или прискучивает, могут ли сравняться с постоянным здоровьем души и тела, с твердостью, которая умеет утешать нас в минуты смущения, с дружбой, с супружеской, родительской любовью, с сладостным уверением, что я не злой человек, что меня никто не ненавидит? Скука, но вам некогда скучать между ласканий детских и упражнений домашних, скука может быть отгоняема беседой, чтением, благотворительностью. Вы имеете к ней более способов нежели мы, мещане столицы».[60]

«Милый мой друг и брат Михайло Никитич!

Нет ничего для меня приятнее, как последнее письмо твое, в котором так трогательно и притом справедливо описал ты мне самой мое собственное положение, ты заставляешь меня любить мое уеди-

---

[58] См.: *Drage C. L.* Russian Literature in the Eighteenth Century. P. 140—141.

[59] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 311 об. Примечательно, что сам Муравьев почти никогда не видел своих мужиков и, когда они стали бунтовать, принял довольно крутые меры и обещал в будущем поступать «без малейшего милосердия» (РНБ, ф. 499, ед. хр. 4, л. 2 об.).

[60] ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 55, л. 65—66.

нение. Однако же завтра *приятное спокойство* наше прервано будет выездом к знатной барыне». [61]

С другой стороны, почти во всех повестях подчеркивается, какую важную культурную роль играют «легкие произведения веселости и остроумия» («Осень»), переводные песенки (там же) и даже «шутки, острые слова, тонкие ответы, сказочки, были и небылицы», украшающие беседу «благовоспитанных» и просвещенных людей («Общество Феоны»). На самом деле, тот факт, что главным героем является не мужчина, а женщина, позволяет Муравьеву наделить этот портрет новыми чертами и тем самым ввести новые темы, чрезвычайно важные для его культурной программы: ведь щедрая помещица, добродетельная и благочестивая мать является в то же время законодательницей вкуса блестящего салона.

В таких повестях, как «После обеда», «Осень», «Алетов», «Продолжение» последней и «без заглавия», семейный круг расширяется и включает добрых соседей Феоны, остроумного Алетова, только что возвратившегося из Англии, отца и сына Тополовых, госпожу Осанову, бывшую ученицу итальянского композитора Паизиелло... В «Обществе Феоны» взгляд автора явно переходит от ее провинциального салона к обществу вообще, облагороженному влиянием женщины: «Такова прелесть обхождения ее, что она умеет соглашать вещи, самые противные. Приятною улыбкою своею сгоняет она морщины со лба советника, который, кажется, не растворяет иначе рта, как для того, чтоб произнести приговор. Благородною важностью взоров своих и поступков она приводит в состояние самого ветреного щеголя говорить полчаса дело. Воин, приказной, купец, ученый, невежа, охотник, игрок, все выходят из присутствия ея довольны сами собою и еще более в том согласны между собою, что Феона превосходит их столько качествами разума и сердца, сколько старается сравняться с каждым ласкою и снисхождением. Владеть приятностью, это ее таинство». [62]

Подобный идеал женщины как «нравственного компаса общества и его художественного законодателя» играл важную роль и в культурной программе Карамзина. [63] Для Муравьева светский салон, в центре которого должны были находиться просвещенные и рафинированные женщины, имел принципиальное значение как потенциальная колыбель той «легкой поэзии», которую он хотел насадить в России по образцу Франции уже с конца 1770-х гг. [64] Желание увидеть и в своем отечестве общество, в котором возможно было «стихотворцем быть и светским человеком /И удержать в согласье неком /Со философией рассеяния вкус», [65] т. е. вкусы которого достигли высокого интеллектуального и эстетического уровня, звучит в программном стихотворении «Послание о легком стихотворении»

---

[61] Там же, ф. 282, ед. хр. 287, л. 137 об.
[62] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 40—40 об.
[63] *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 271.
[64] См.: *Зорин А. Л.* «Вслед шествуя Анакреону...» // Цветник: Русская легкая поэзия XVIII—XIX веков. М., 1987. С. 7—15.
[65] *Муравьев М. Н.* Стихотворения. М., 1967. С. 219.

1783 г и связывается с идеей о необходимости развития салонной культуры

Дух такого идеального собрания и легкого, утонченного юмора, царящего в нем, сквозит в речи повествователя в эпизоде под заглавием «Общество Феоны», в единственном полном тексте цикла, написанном от первого лица «Я хотел бы иметь дарование этих скорописцев, которые записывали, сказывают, в римском сенате все, что ни говорили красноречивейшие члены его Но по несчастью, когда я имею удовольствие ужинать у Феоны, я так занят всем тем, что кругом меня происходит, что не имею времени вынуть из кармана записной книжки и карандаша, хотя я и уверен, что она простила бы мне сама и именем гостей своих эту странность, извинительную только в Рихардсоновых романах, записывать, что говорят другие» [66]

В повести «Осень» Алетов по предложению хозяйки развлекает друзей пением «песни, которую он недавно перевел с Аглинского» [67] это известное читателям Муравьева замечательное лирическое стихотворение «Приглашение», включенное писателем в список «Собрания стихотворений М Муравьева» начала 1800-х гг [68] Все это показывает, какая тесная связь существует между самыми серьезными задачами муравьевской поэзии и скромными учебными текстами, написанными для великой княгини

Черновые записи свидетельствуют о том, что Муравьев намеревался включить эти повести («Феона», «Утро», «После обеда», «Общество Феоны», «Управитель», «Алетов», «Праздный путешествователь», «Следствия кораблекрушения», «Утренняя прогулка») в сборник под заглавием «Забавы воображения Собрание повестей и явление, или Дом (?)» [69] К этому проекту, видимо, относится и предисловие, написанное 14 (19?) июля 1797 г в форме письма к некоей фиктивной «Девице М М М »

«Девице М М М

Вы никак не воображали, нашедши меня однажды за моим письменным столом, что я приготовляю в печати книжку для Вас Вы пользуетесь позволением возраста и ничего не знаете, кроме удовольствия Но я надеюсь, что пришло время для размышления Пускай книжка сия будет Вашим товарищем в сии важные минуты и послужит мне свидетельством перед Вами, что я давно имею честолюбие занимать Вас приятным и полезным образом

Издатель» [70]

---

[66] ГАРФ, ф 728, оп 1 ед хр 1366, л 39—39 об

[67] Там же, л 59 об Не исключено, что это утверждение является только мистификацией, во всяком случае, черновые наброски данного стихотворения, находящиеся в тетрадях автора, не помогают установить подлинник перевода Ср РНБ, ф 499, ед хр 25, л 4, 5 об , Там же, ед хр 29, л 18 об

[68] ОПИ ГИМ, ф 445, ед хр 154, л 9 См *Муравьев М Н* Стихотворения М , 1967 С 243, 353

[69] РНБ, ф 499, ед хр 29 л 130

[70] Там же, л 61—60 об

Как известно, из-за новых официальных должностей, занимаемых им в 1800-е гг., а также вследствие преждевременной смерти, Муравьеву не удалось вернуться к «настоящей» писательской деятельности и напечатать свои сочинения; многочисленные планы, которые он строил до конца своей жизни, остались нереализованными. Это предисловие, однако, сохраняет свое значение, так как им писатель как бы узаконивает рассмотренные нами тексты как законченные литературные произведения.

На самом деле «цикл Феоны» включается в комплекс, еще более широкий, чем задуманная книга для молодых девушек; в него входят «Доброе дитя», «Емилиевы письма», «Обитатель предместия» и «Берновские письма». Это приводит нас к одной очень важной особенности прозы Муравьева, на которую до сих пор не обращали достаточного внимания.

Для «повествователя-нравоучителя», воспринявшего идеи сентиментализма, главная цель состояла в том, чтобы «воздвигать чувствительность в пользу добродетели». [71] Поэтому «вместо того, чтоб *сказать*, что долг человека есть добро делать своему ближнему», следовало «*показать* добро сие совершаемое и благодетеля и одолженного действием: таким же образом правосудного и неправосудного, щедрого и низкого, Героя и слабого сластолюбца». [72] Но при этом изображения похвальных и порочных дел должны были обладать особыми качествами выразительности, да и само повествование следовало строить таким образом, чтобы способствовать нравственному сочувствию читателя-ученика к писателю-воспитателю.

Этому служит, например, преобладающая в педагогической прозе Муравьева эпистолярная форма, благодаря которой события не преподносятся «сами по себе, а <...> преломленными через сознание наблюдателя, дающего образец эмоциональной реакции на увиденное и услышанное». [73] Так, именно форма писем-дневника сентиментального человека, обращенных к другу, который не принимает участия в действии, обеспечивает отождествление читателя с адресатом и его стремление в этом статусе понять и сочувствовать пишущему, стать на его точку зрения. [74]

Поэтому в «Емилиевых письмах», например, образ героя-рассказчика может стать объединяющим и организующим элементом серии небольших поучительных эпизодов, в которых он, собственно, не играет почти никакой роли. Благодаря скудной информации о его преждевременной смерти, которую мы получаем в «Предуведомлении», события, сами по себе лишенные драматизма, получают патетическое освещение, [75] и письма воспринимаются как «роман» Емилия. Аналогично как периодическое издание («Обитатель предместия»), так и литературная переписка («Берновские письма» при-

---

[71] Там же, ед. хр. 28, л. 49.
[72] Там же, л. 49—49 об. (курсив мой. — *Л. Р.*).
[73] *Зорин А. Л.* Литературное направление как межнациональная общность. С. 9.
[74] *Jost F.* Problèmes de srtucture narrative de la «Nouvelle Héloïse» à «Werther» // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 1967. T. X, z. 1 (18). S. 57.
[75] *Drage C. L.* Russian Literature in the Eighteenth Century. P. 198—199.

писываются Обитателю предместия, приятелю покойного Емилия и его друзей Алетова, графа Благотворова и Иринеева), и тем самым как бы включаются в его духовный мир и становятся частью одного романа. [76]

Найденные нами тексты показывают, что к Феоне приезжают Алетов [77] и Осанов (здесь с женой и дочерью) из «Емилиевых писем», а также господин Тополов, отец Ванюшки из «Доброго дитяти». Связь этого героя с трилогией проявляется в черновых вариантах, где он упоминается как дядя Филарета (адресата «Емилиевых писем») и, кажется, как сосед Обитателя. [78] Наличие такой сложной сети сквозных персонажей едва ли случайно и прямо соотносится с основным приемом творчества Муравьева-прозаика, т. е. с использованием, по выражению Ю. Н. Тынянова, «фрагмента как средства конструкции». [79]

Можно сказать, что муравьевская воспитательная проза вся состоит из «фрагментов», из маленьких, самих по себе не очень значительных «единиц». Но эти самостоятельные единицы объединяются в комплекс, все более и более расширяющийся как благодаря смысловым ассоциациям, [80] так и путем сквозных персонажей. Именно они обеспечивают «циклизацию» отдельных эпизодов. Нельзя сомневаться в том, что это входило в намерения автора. Так, набрасывая на трех языках план «Берновских писем» как «литературных чтений» и «критических опытов», Муравьев решительно прикрепляет их к героям своих предыдущих повестей: «Elements of criticism. Lectures ou Belles Lettres. Берновские Письма. Древние и новые. Гомер, Гораций, Виргилий, Софокл, Тасс, Буало, Расин, Мольер, Вольтер. Ce sujet peut être repris sous une autre forme: Иринеев, прельщенный спокойствием своего предместия, Емилиев перевод Гесснера, эпизод...» [81]

Для воспитательных целей писателя особенно принципиальное значение имел тот факт, что в процессе циклизации должен был принимать участие сам ученик, узнавая действующих лиц и вспоминая связанное с ними нравоучительное правило Процесс происходил только в сознании читателя, но это еще более способствовало его проникновению в предлагаемые ему нравственные истины или принципы «вкуса».

С другой стороны, именно в работе над такой прозой, которая предназначалась для учебных целей и которую не предполагалось распространять среди публики, Муравьев, возможно, почувствовал себя более раскованным и захотел провести формальные эксперимен-

---

76 *Росси Л.* Маленькая трилогия Михаила Муравьева. С. 72—74.

77 Алетов также участвует в «утренней прогулке» одноименного рассказа и в другой прогулке, описанной в «письме», иллюстрирующем спряжение глагола «идти» (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 315—316).

78 РНБ, ф. 499, ед. хр. 28, л. 56, 47 об.

79 *Тынянов Ю. Н.* Поэтика, история литературы, кино. М., 1977. С. 43.

80 *Bukhs N.* Les éléments novateurs dans la prose de M. N. Murav'ev. P. 367.

81 Основы критики (*англ.*). Чтения или художественная литература. Можно развивать этот сюжет и в другой форме (*фр.*) (РНБ, ф. 499, ед. хр. 37, л. 23 об.).

ты в духе современной европейской литературы, «поиграть» реминисценциями из своих излюбленных сочинений, воспоминаниями о молодости, [82] милыми сердцу героями.

В самом деле, найденный писателем механизм действует и на современного читателя, и если задуматься, переходя от отдельного письма к серии писем, от одной серии к трилогии, от нее ко всему комплексу повествовательной и драматической прозы Муравьева 1790-х годов, мы находим, что, по сути дела, она представляет собой один роман, гораздо глубже и интереснее, чем любая из его составляющих частей, потому что он бесконечен, как и сама жизнь.

С этой точки зрения интересную параллель прозе представляют стихотворные тексты, написанные в начале 1770-х гг. и переработанные в последние годы жизни для публикации в книге «Собрание стихотворений М. Муравьева». Именно таким сочинениям, как басни и эклоги, которые принадлежат к определенным жанрам классицизма и, как правило, лишены каких-либо автобиографических оттенков, в последней редакции автор предпослал короткие посвящения особам, принимавшим непосредственное участие в его поэтическом воспитании, ссылаясь на конкретные обстоятельства их знакомства («Суд Момов. К А. М. Засодимскому», «Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову», «Еклога. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву»). [83] Таким образом, Муравьев ввел лирического героя, наделенного автобиографическими чертами, внешнего, но как бы присутствующего во всех стихотворениях. Вследствие этого отдельные сочинения и их специфический жанр отступают на второй план как таковые и представляются фрагментами более широкий структуры: автобиографического «романа».

Нельзя, конечно, преувеличивать значение муравьевских неопубликованных и незавершенных экспериментов. Тем не менее мы не ошибемся, поставив их в начале той линии, которая ведет к таким гениальным созданиям, как «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени».

Ниже мы публикуем неизданные тексты М. Н. Муравьева, печатные, беловые и черновые, в «логическом» порядке. Пунктуация, орфография и нормы в написании прописных букв приближены к современным, за исключением орфографии личных имен и названий. В квадратных скобках даются восстановленные нами заглавия, слова или буквы.

---

[82] О литературных реминисценциях и автобиографических элементах в прозе Муравьева см.: *Росси Л.* К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. Trieste, 1994. V. 2: Studia russica. P. 91—115.

[83] *Муравьев М. Н.* Стихотворения. С. 53 (ср. 293), 68—69 (ср. 295), 85—88.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рукописные беловики, с ударениями Государственный архив Российской Федерации, ф 728 Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп 1, ед хр 1366

[THE IDLE TRAVELLER
ПУТЕШЕСТВИЕ ПРАЗДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Новгород, Тверь, Москва, Коломна, Рязань]

Новгород, мая 18

Вы видите, что я исполняю слово мое и сообщаю вам журнал *л 33*
моего путешествия Вчера приехали мы в Новгород, который наполнял некогда весь Север славою своею (затем, что надобно верить преданиям истории) и теперь только одна тень великого имени С чувствованием почтения приближался я к берегам Волхова, которого воды изображали в себе лица древних героев, Владимиров и Александров Какое величественное зрелище || открылось передо мною, когда стали показываться в *л 33 об*
отдаленности, сквозь синий туман воздуха, золотые главы церквей и остатки белеющихся стен Новгородских[1]

Древность имеет нечто важное для человека, и Новгород есть совершенно историческая земля для Русских Он воспоминает начало Монархии Российской Около тысячи лет назад сей город процветал уже торговлею и страшен был оружием соседственным народам На этой площади говорил Гостомысл || с важным красноречием Отсюда были посланы послы, *л 34*
чтобы призвать Рюрика на владение Здесь был воспитан Владимир великий На этом берегу Волхова стоял дворец Ярослава, сего любимого Государя, который был законодателем Новгородцев В сем священном храме, украшенном греческими искусствами, почивает тело владимировой супруги На этом мосту царь Иван Васильевич Грозный, который нес с собою страшную месть, был встречен духовен || ством с крестами и *л 34 об*
образами

Нет места в Новегороде, которое не приводило бы на память какого-нибудь важного происшествия Наш славный трагический писатель, Сумароков, умел искусно пользоваться сим пристрастием зрителей своих, представив в своем «Синаве» первые происшествия российского народа, украшенные баснями, и выдумав, между прочим, будто озеро Ильмень наречено по имени Гостомысловой дщери

А ты, где, озеро, ни будешь глашено,
Что именем моей драгой наречено[1]
Повсюду возвещай мою несносну муку
И именем своим тверди мою разлуку ||

---

[1] Неточная цитата из трагедии «Синав и Трувор», действие V, явление 3 «А ты где, озеро ни будешь глашено / Которо именем драгим украшено »

л. 35 Тверди и то, что я для той, кого любил,
Близ устья Волхова сей меч в себя вонзил.

Ежели вам угодно знать обстоятельства путешествия нашего до сего места, то я могу вам только то сказать, что приключения наши были столько же просты и обыкновенны, сколько для нас вообще приятны. Вы не можете ожидать от нас славных подвигов Дон Кишота. Мы не встречались ни со странствующими кавалерами, ни с волшебниками и не сражались с ветряными
л. 35 об. мельницами. Инде завтрак || под открытым небом, на берегу чистого источника; в другом месте хороший обед у какого-нибудь уездного дворянина из наших приятелей, гулянье пешком, где нам понравится приятный лужок или роща.

Таким образом в Тосне, между тем как переменяли лошадей, застала нас ужасная буря на поле, с версту от деревни. Я никогда не слыхал таких сильных ударов грома. Молния то и
л. 36 делала, что пробегала тучи. Вы || конечно бы испугались. Но я был так занят зрелищем бури, что не имел времени бояться. Дело кончилось тем, что мы были перемочены дождем и что воздух сделался гораздо чище.

Пожелайте нам доброго пути, затем что теперь подвозят нашу карету. Я надеюсь писать к вам из Твери. Прощайте. ||

л. 62 Вторник 24 мая. Тверь.

С тех пор, как я вам писал последний раз, сколько полей, лесов, гор, долин поместилось между обоими нами! В то время, как вы проводите вечера ваши в сияющем обществе, на великолепных берегах Невы, я сижу уединен, при самих струях Волги, на диком камне, который природа, кажется, нарочно бросила для такого праздного путешествователя, как я. Оттуда гляжу я
л. 62 об на барки, которые одна другой последуют || и поспешают принести изобилие полей вам, спокойным обитателям столицы.

Мне это движение чрезвычайно нравится. Все живет, все действует. Разносится шум весел, крик работников; прохладное течение реки занимает мое внимание: кроме всего этого, такой прекрасный день, что кажется, будто чувства имеют двойную силу наслаждаться счастьем. Между тем как все трудятся, я один ничего не делаю. Что я говорю? Разве это ничего не делать, что жить? Я наблюдаю спокойно, что кругом меня про-
л. 63 исхо||дит, я отдыхаю от забот и волнений света и принимаю новые силы, чтобы возвратиться опять к трудолюбивой жизни.

Я привезу к вам в моей записной книжке виды Волги, которые я рисовал карандашом, и другие местоположения, которые мне понравились по дороге, особливо проезжая Валдайские горы. Они представляют поражающее противуположение с печальными болотами новгородскими. Здесь природа оживляется переменою и производит виды важные и жи-
л. 63 об. вописные. Как я рад был, что у нас ось переломилась на || самой высокой горе и принудила нас остановиться в близлежащей

деревушке, покуда искали кузнеца и починивали карету. Мы ночевали у доброго старичка в огороде, и я имел удовольствие следующий день видеть восхождение солнца. Неизмеримый горизонт открылся передо мною. Все возможные положения,|| так сказать, снесены в одну картину: холмы, долины, пропасти, из глубины которых едва видны || верхи высоких дерев. Инде *л. 64* показываются строения, деревни, пашни; в другом месте сияет издали спокойная поверхность озер, или ключи бьют с шумом и пеною и извиваются в долинах.

Протекающие речки маловажны, но они одарены от природы особливым преимуществом: они производят жемчуг. Хозяин наш показывал нам несколько, набранного детьми его. Вы легко отгадаете, что мы старались || друг перед другом приобрести *л. 64 об.* сие сокровище, и вы можете без сомнения ожидать в нем участия. Продержав вас так долго Валдайскими горами, я прохожу в молчании остаток путешествия. Города так похожи друг на друга. Везде стараются подражать обычаям столицы, и вы не имеете нужды в списках, когда видите образец. Но Тверь заслуживает исключение. Пожар, который || разорил ее, стал *л. 65* причиною нынешней красоты ее. ||

ЕВАНДРОВО МЛАДЕНЧЕСТВО *л. 60*

Древняя повесть

Меня зовут Евандром: родители мои скончали жизнь свою в кораблекрушении, переплывая пролив моря, что между Сицилии и Италии. Я был младенцем. Немой невольник отца моего был спасителем жизни моей. Волны бросили нас обоих на берег пустого маленькаго острова. Травы, дикия коренья, служили нам пищею.

Конечно, я не могу помнить первых происшествий моего младенчества, || но первый предмет, который представился мо- *л. 60 об.* ему понятию и который я сохраняю в сердце моем, есть изображение моего добродушного воспитателя. Он не оставлял меня ни одного мгновения. Около него ползал я и играл. Он последовал за мною, когда я в состоянии был ходить и бегать. Нам не было нужды в языке, чтобы разуметь друг друга Я понимал взоры его и рукодвижения, первый язык человеков. Самый крик его, выражение страстей, имел для меня известный смысл. || Я *л. 61* не мог вздумать тогда, что люди умеют изобразить словами все свои мысли. Мне и то было неизвестно, что есть еще люди кроме нас. Пространством нашего острова ограничивал я вселенную. Без попечения, от утренней зари до вечерней, бегал я по холмам и долинам. Но, нечувствительно мне самому, разум мой приходил в состояние мыслить.

Однажды, играя на песку морском в присутствии воспитателя моего, погруженного в глубокую задумчивость, я почувствовал, что нечто необыкновенное происходит внутри меня. || *л. 61 об.*

Я рассуждал. Новое зрелище открылось передо мною. Я приметил, что особливое существо живет внутри меня. Я стал для самого себя предметом любопытства. С тех пор все мои действия стали мне примечательны. Я пожелал встать: и ноги мои, во мгновение ока и сами собою, исполняли повеление сего существа невидимого, которого я признал владычество в себе самом. Я хотел ходить: и ноги мои переступали поочередно с легкостью, которую получили они от привычки и повторенных опытов. Мне случалось упадать нечаянно, и рука спешила сама собою к защищению головы моей. Таким образом, уединяясь в самого себя, старался я различать способности души моей.||

л. 75

Продолжение

ЕВАНДРОВОЙ ПОВЕСТИ

Место, на котором первый раз в жизни моей разговаривал я сам с собою, на котором я почувствовал, что я могу делать что-нибудь другое, нежели бегать, стало предметом особливого моего внимания. В уединении все одушевляется, чтобы разделять с нами наши удовольствия и печали. Я думал, что место сие одарено чудесною силою, которая сообщала мне способность мыслить. Как можно чаще возвращался я туда. Там переставал
л. 75 об. я быть дитятею и упражнялся в собирании || новых понятий. Оттуда рассматривал я окружающие меня предметы.

Природа, которая будто не существовала для меня прежде, приняла теперь самый привлекательный образ. Я любил провождать взором солнце от того мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое опять погружается в волны. Ночь, сияющая несчетными звездами, вливая спокойствие в чувства, возводила душу мою к величественным мечтаниям. Примечая порядок природы, видя солнце, беспрестанно возвращающееся в установленный час для осве-
л. 76 щения вселенной, помрачающиеся || звезды, бледнеющий месяц, непрерывающееся биение ключей, растение древес, я готов был отгадать создателя их. *Солнце и Луна повинуются законам; без сомнения есть законодатель*, рассуждал я сам в себе.

Между тем округ понятий моих становился каждый день обширнее. Я различал вещи, я примечал движение, которое переменяет их образ беспрестанно. Я сравнивал два понятия, видел сходство их или несходство и выводил из них следствия. Часто я обманывался, но наблюдение сих самых ошибок слу-
л. 76 об. жило мне вперед к || поправлению рассуждений моих.

Однажды, в знойный полдень, внезапу горизонт помрачился, свирепый ветер пробежал землю и возмутил поверхность вод. Громы ударяли друг за другом. Молния освещала страшным светом пространную темноту небес. Я трепетал, поверженный на землю; но самый трепет мой нарицал, кажется, во глубине

сердца моего имя того Существа вышнего, которого благость обожал я в спокойствии прекрасной природы. Скоро буря утихла. По рассеянии темноты воздушной несколько кораблей появилось перед нами. Они отнесены были от флота Никия, полководца Афинского, который с воинством направлял плавание свое к берегам Сицилии. ||

Черновики. Российская национальная библиотека, ф. 499, М. Н. Муравьев, ед. хр. 39.

ВОСПИТАННИК НЕМОГО [2] *л. 72*

Меня зовут Евандром: родители мои погибли в кораблекрушении, плывя из Сицилии в Италию. Я был младенцем. Немой невольник отца моего спас меня чудесным образом, прибит будучи волнением к пустому острову. Дикие прозябения сего острова служили нам пропитанием. Жалостливый воспитатель мой имел попечение о сохранении моей жизни в тысячи [3] опасностей, которым слабость младенчества подвержена. Но, будучи немой, он не мог меня научить наукам и языку греческим. [4] Рукодвижения, первый язык дикого человека, и наши необразованные вопли служили нам разговором. [5]

Однажды, утомясь играть на песку морском в присутствии моего попечителя, погруженного в размышление, внезапу некоторый луч разума озарил темноту моего понятия. Я помню, что я почувствовал, обратив на || себя внимание, что существо *л. 71 об.*
некоторое, отдельное от тела, внутри меня присутствует. Я приметил в себе действие размышления. [6] После сего наблюдения все мои действия стали мне примечательны. Я пожелал встать: и ноги мои во мгновение ока и сами собою исполняли повеление сего существа невидимого, которого я признал владычество в себе самом. Я хотел ходить: и ноги мои переступали поочередно с легкостью, которую получили они от привычки и повторенных опытов. Мне случалось упадать нечаянно, и рука спешила сама собою к защищению головы моей.

Таким образом, уединяясь в самого себ[я], я научился познавать действия души моей, собственным своим откровением и прежде, нежели я воображал, что есть слова, знаменования

---

[2] Вариант заглавия: «Следствия кораблекрушения. Повесть» (ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I. 1, л. 5; там же, ф. 1055, Романов Константин Павлович, оп. 1, 1, л. 34). Далее приводятся наиболее значительные разночтения в этой редакции.

[3] ...оберегал жизнь мою от тысячи... (ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I. 1, л. 5).

[4] Но нем будучи от природы, не мог он научить меня языку и наукам, без которых самая жизнь не приятна (там же).

[5] Я понимал взоры его, ласки, необразованный вопль. Но сие только и рукодвижения, первый язык дикого человека, составляли весь наш разговор (там же).

[6] ...в глубокое размышление, я обратил внезапу внимание на самого себя. Некоторый луч света озарил темноту моего понятия. Я ощутил внутри самого себя присутствие некоторого существа, отдельного от тела, которое мыслит и желает (там же, л. 5—5 об.).

мыслей. Я заметил сие достопамятное место, где я сделал первое наблюдение и со удовольствием к нему возвращался. С тех пор природа, которая прежде для меня будто не существовала, приняла на себе самый привлекательный образ.

Я любил провождать взором солнце, от мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое паки погружается в волны. Ночь, сияющая несчетными звез-
л. 71 дами, || вливая спокойствие в чувства, возводила душу мою к величественным мечтаниям. Внимая только порядку природы, видя в уреченный час беспрестанно возвращающееся солнце, по-мрачающиеся звезды, непрерывающееся биение ключей, растение древес, я готов был отгадать создателя их. Солнце и луна повинуются законам: конечно есть законодатель, рассуждал я сам в себе...

Между тем округ понятий моих становился час от часу обширнее. Я различал вещи: я постигал движение, которое беспрестанно переменяет их образ. Я сравнивал два понятия, совокуплял их и делал заключения. Я часто обманывался, но наблюдение сих самых ошибок служило мне вперед к поправлению моих рассуждений...

Однажды, в знойный полдень, внезапу горизонт помрачился. Свирепый ветер пробежал землю и всколебал воды. Громы ударяли друг за другом. Бедственная молния проражала тьму мгновениями... Я трепетал, поверженный на землю, но самый
л. 70 об. трепет мой || нарицал, кажется, во глубине сердца моего, имя того Существа *вышнего*, которого благость обожал я в спокойствии прекрасной природы...

Скоро буря утихла. По рассеяннии мглы воздушной несколько кораблей появилось перед нами. Они отнесены были от флота Никия, полководца Афинского, который с воинством обходил Сицилию. Добрые мореходцы сжалились над нами и взяли нас на корабль. Мы были признаны уроженцами Афинскими.

Какое удивление может сравниться с моим, когда я в первый раз увидел сии великие громады, движущиеся по волнам; но еще более, когда предоставилось мне человеческое общество, которое прежде заключалось в нас двоих, когда услышал я голос и разговор человека? Долго казалась мне речь слитною и непрерывною. Мало-помалу зачал я различать отдельные образования голоса, или слова. Я понял, что к каждому из оных присоединено некоторое понятие. Тогда все способности души моей перенеслись, кажется, в чувство слуха, и средством памяти и внимания я научился понимать и говорить.

л. 70 Всем известно, что Алкивиад был отозван от начальства обратно в Афины. Он взял || с собою меня и попечителя моего, который перестал уже быть невольником, стал избавителем моим и другом. Народ пожаловал его правом гражданства и ввел меня во владение родительских имений. Препоручен Алкивиадом мудрому Сократу, я рассказал ему постепенные усилия и успехи разума моего в познании самого себя. ||

ПРИМЕЧАНИЕ
(Прибавление)

Намерение сей повести состояло в том, чтобы показать стезю, которою разум достигает к познанию собственных своих деяний. Человек с природы получил начало мысли. Она возрастает в младенце с телесными силами. Сперва в послушании чувств она влечется по следам их в рассматривании вещей. Скоро входят в нее понятия [с][7] образа, числа, протяжения, времени, существования. Она уже применилась к образованиям языка и общих мнений. Но ежели от внешних предметов обратит он внимание на самого себя, новый порядок ощущений ему представляется. Понимание, мысль, переход от одной к другой или размышление, память, воображение, хотение, удовольствие, прискорбие суть деяния, которые предполагают существо, производящее их. Оно есть душа. Обогащенный сим понятием, мыслящий человек восходит от согласия и порядка тварей к премудрости творца. И таким образом совершается округ его знаний.

Государственная публичная Историческая библиотека, Отдел редких книг, Детская коллекция, конволют «Смешения», 1789 г., без сплошной пагинации или нумерации листов. Пагинация библиотеки. Текст повести напечатан на обороте листа (левой странице); слова пронумерованы, и на правой странице помещается лексический комментарий.

ФЕОНА *с. 1*

В приятной долине, на берегу Волги, был сельский дом, *с. 2*
которого благородная простота привлекала взоры путешествующих. Это был дом Феоны. Нежная мать, добрая госпожа, она делала счастие всех тех, которые ее окружали. Муж ее, офицер отличного достоинства, умер сражаясь за отечество перед || *с. 4*
полком своим. Каждый день Феона оплакивала смерть его. Но дети ее умели отирать слезы ее своими невинными ласками.

Еглея, старшая дочь ее, вступала на пятнадцатый год и она уже была другом своей почтенной матери. Она разделяла попечения хозяйства. Она надсматривала за воспитанием младшей сестры своей, Зилии, и молодого своего брата. || Часто ма- *с. 6*
маленький брат ее резвился, вместо того чтобы учиться. Она умела приводить его к должности тихостью. Часто он был виноват. Еглея заступала за него: и не было более способа сердиться. Столь свойственно матери прощать, и особливо, ежели виновный имеет доброе сердце.

Целые дни проходили в чтении, в поучительных разговорах. Иногда обедали на лугу, посреди сельских трудов. || Смотре- *с. 8*

[7] Отсутствует в продиктованных экземплярах (там же, л. 8—8 об.).

ли жатву, сенокос. Гуляли под тенью дерев. Пили чай на каком-нибудь острову Волги. Под вечер крестьяне и крестьянки приходили толпою праздновать счастие свое песнями и плясками.

Там же. Страницы пронумерованы. Текст повести напечатан на левой странице; слова пронумерованы, и на правой странице помещается лексический комментарий.

с. 1 *УТРО*

с. 2 В один прекрасный день в мае месяце (это был день рождения Еглеи) Феона встала поутру очень рано. Тень ночи исчезала мало-помалу. Тихий свет зари вливал новую жизнь в чувства. Птички пробужались на ветвях дерев и сладостью пения своего встречали раждающийся день. Солнце явилось во всей красоте своей и осветило неизмеримое пространство воз-
с. 4 духа. Сердце Феоны восхи || щалось сею картиною прекрасной природы, но оно присоединяло к сему удовольствию глубокое чувствование собственного своего счастья.

Первое дело ее было молиться Богу и принести благодарения Вышнему Существу за бесценное благодеяние, которым благоволило оно означить день сей в жизни ее. Она не столько благодарила небо за то, что оно даровало ей дочь, сколько за то, что оно сотворило сердце ее для добродетели и благотворительности. Чувствительность Еглеи была столь нежна, что она не могла видеть несчастных, не страдая сама и не желая
с. 6 помочь им. || И в самое сие время родительница ее окружена была теми, которых несчастья облегчены были стараниями Еглеи.

Сердце матери не в состоянии было перенести всей своей радости. Сперва было она не хотела будить детей своих. Но нетерпеливость обнять Еглею превозмогла сие намерение. Тихонько приближается она к дверям спальни ее, тише отворяет и на цыпочках входит. Приближается к Еглее, которую сон уже оставил. Сердце ее угадывало приближение родительницы. Объ-
с. 8 ятия их || выражают всё, что природа имеет сладостнейшего и священнейшего. С нежнейшим почтением целует Еглея руку матери. Поздравляю тебя, душа моя, говорит Феона, со днем рождения твоего. Несчастные друзья твои пришли тебя поздравить. Но первый друг твой хотел иметь преимущество. Зачем не имеем мы с собою того, который в лучшем свете наслаждается наградою добродетели! — Несколько слез из глаз Еглеи упало на руку Феоны. — Я тебя опечаливаю, я виновата. Наша должность сносить без роптания все то, что угодно было муд-
с. 10 рому Прови || дению. Станем наслаждаться дарами его с благодарностью и не позабудем, что мы на земле не навсегда. Посмотри, какой прекрасный день сегодня. Пора вставать, душа

моя. пора одеваться. Скоро восемь часов. Надобно ехать к обедне. А там гости приезжать будут. Не увидишь, как пройдет время.

Между тем как они разговаривали, Зилия проснулась и, вслушавшись в разговор их, хотя они и говорили вполголоса, чтобы не разбудить ее: *это вы, матушка, зачем вы не разбудите вашей Зилии*? — Мне жаль было помешать твоему спокойствию, ответ||ствовала Феона, поздравляю тебя, душа моя, *с. 12*
с именинницею. Мы станем завтракать. Девушка! Прикажи чай подать. Вносят столик. Вся семья соединена около завтрака. Еглея разливает чай сама. Приказчица, добрая старушка, принесла ей сливки, самые вкусные. Еглея подносит ей чашку чаю, и добрая старушка восхищена от радости.

Между тем пора была убираться. Еглея входит в уборную свою. Какое удивление! Прекрасное платье, шитое || без ве- *с. 14*
дома ее в Москве, лежало на креслах. Картоны с флерами, лентами, новомодная шляпа. Первые взоры Еглеи были для любопытства; но скоро возвратились они, наполнены слезами умиления, на ту, которая доставляла ей сии удовольствия. — Эти суеты для меня драгоценны, говорит Еглея, потому что я их имею от любви вашей. Сказав, поверглась она в руки ее. Этого довольно, перервала Феона с важностью, мы можем опоздать к церкви. Тебе пора волосы чесать, а я пойду давать приказания по хозяйству.

Рукописный беловик, с ударениями. Отдел письменных источников, Государственный Исторический музей, ф. 282, ед. хр. 287.

/УПРАВИТЕЛЬ ФЕОНЫ/ *л. 143*

Управитель Феонин приехал из дальней деревни, чтобы подать счеты свои барыне. Феона рассматривала его бумаги, расспрашивала о состоянии крестьян своих. Она знала многих по именам. Посторонний человек подумал бы, что она спрашивает о друзьях своих, а не о подданных. Столько полагала она снисхождения в речах своих. Строга ко злым, она находила удовольствие выискивать и награждать добродетель в состоянии самом низком. Но более всего прилагала она все свои попечения помогать бедности. В хорошие годы наполняла она житницы свои хлебом и отворяла их мужикам своим во время недостатка.
И соседи участвовали в милостях ее. За то везде ее || благо- *л. 143 об.*
словляли. Это наша общая мать, говорили они. Пусть Бог продлит жизнь ее, чтобы наши внучата могли еще видеть нашу благотворительницу.

Но, между тем как Феона была совсем занята своею экономиею, торговка возле Еглеи раскладывала товары свои, прелестные безделицы, кружева самые тонкие, ленты всех цветов.

Она продавала очень дешево, ежели ей поверить; а вместо того все было чрезвычайно дорого. Зилия забавлялась развертывать вееры. В самый сей день Феона подарила дочерям своим
л. 144 несколько денег, || которые она оставляла совершенно на их расположение. Зилия уже накупила себе множество лоскутков. Еглея еще выбирала. Между тем разговор продолжался с обеих сторон.

— Так, Сударыня, говорил управитель, Яков совсем разорился. У него пало две коровы и лошадь. От молнии сгорела у него житница, и крестьянин самый зажиточный просит милостыни... — Зилия спрашивала в то же время: Сколько стоит эта записная книжка? — Тридцать рублей, Сударыня. Это последняя цена. — Еглея, тронута тем, что сказывал управитель,
л. 144 об. говорит сестре своей: Отдай лучше мне, || сестрица, эти тридцать рублей, чтобы с моими пятидесятью помогли они бедному Якову. Как сказано, так и сделано. Феона обнимает их обеих. — Мне осталось только завидовать доброму делу и подражать вашему примеру.

Рукописные беловики, с ударениями. Государственный архив Российской Федерации, ф. 728, Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, ед. хр. 1366.

л. 317

ПОСЛЕ ОБЕДА

Только что отобедали. Феона сидела в гостиной перед столиком, оканчивала письмо. Еглея смотрела новые аглинские эстампы, Зилия разбирала ноты у клавесин. Вдруг входит лакей и сказывает, что один молодой человек приехал. Двери отворяются. Феона видит племянника своего, Господина Алетова, который был четыре года в Англии, и только что возвратился из чужих краев.

Феона

Давно ли здесь?

Алетов

Две недели в России и вчера ввечеру в вашем соседстве. Наполнен нетерпеливости вас видеть, я не хотел терять времени
л. 317 об. на переписку и вздумал || уведомить вас изустно о моем приезде.

Феона

Ничего не может быть для меня приятнее. — Дети! Вот Господин Алетов, о котором я вам так часто говаривала. — Вы их не можете узнать теперь. Тогда они были дети. — Теперь большие дети.

Алетов

Извините меня, но я не вижу более детей

Феона

Я надеюсь, что вы отложите церемонии, когда познакомитесь более Моя Еглея чистосердечна и может принять учтивства ваши за истину — Довольны ли вы вашим путешествием?

Алетов

Чрезвычайно Я имел случай в Лондоне || удивляться великолепию и вкусу, искусствам и знаниям, а в провинциях домашнему благополучию сельских жителей Я учился хозяйству у их приказчиков, как наукам у их ученых *л 318*

Феона

И вы хотите жить с нами, в деревне?

Алетов

Это мое намерение

Феона

Простите мою нескромность, но я с трудом могу поверить, чобы наши деревенские избы, наши овцы и коровы могли удержать вас долго от веселий московских и петербургских

Алетов

О! вы увидите, тетушка Я не требую, чтобы мне верили наперед, но мне бы хотелось нарочно удариться об || заклад, ежели бы я уверен был, что вы не будете попрекать мне подражанием Агличанам *л 318 об*

/ОБЩЕСТВО ФЕОНЫ/ *л 39*

Я не знаю ничего приятнее ужина, где царствует благопристойная веселость и где хозяйка позволяет гостям своим всю свободу, которой благовоспитанные люди не могут никогда во зло употребить

Шутки, острые слова, тонкие ответы, сказочки, были и небылицы обращаются с невероятною скоростью по всему кругу, который составляет общество Я хотел бы иметь дарование этих скорописцев, которые записывали, сказывают, в Римском сенате все, что ни говорили красноречивейшие члены его Но по несчастью, когда я имею удовольствие ужинать у Феоны, || я так занят всем тем, что кругом меня происходит, что не имею *л 39 об*

времени вынуть из кармана записной книжки и карандаша, хотя я и уверен, что она простила бы мне сама и именем гостей своих эту странность, извинительную только в Рихардсоновых романах, записывать что говорят другие

Но, правду сказать, труд мой был бы бесконечен, затем что в нашем обществе один день не похож на другой Ничто не исключено из разговоров наших и особы, которые составляют обыкновенную нашу беседу, так различны между собою нра-
л 40 вами, упражнениями, || мнениями своими, что они бы не могли нигде инде ужиться друг с другом, как в доме Феоны Такова прелесть обхождения ее, что она умеет соглашать вещи самые противные Приятною улыбкою своею сгоняет она морщины со лба советника, который, кажется, не растворяет иначе рта, как для того, чтобы произнести приговор Благородною важностью взоров своих и поступков она приводит в состояние самого ветреного щеголя говорить полчаса дело Воин, приказ-
л 40 об ной, купец, || ученый, невежа, охотник, игрок, все выходят из присутствия ее довольны сами собою и еще более в том согласны между собою, что Феона превосходит их столько качествами разума и сердца, сколько старается сравняться с каждым ласкою и снисхождением

Владеть приятностью, это ее таинство Однако она не столько скупа, чтобы скрывать его Еглея и Зилия украли большую часть его и Феона ничего не потеряла этою кражею

л 58

[ОСЕНЬ]

Погода очень худа, говорила Феона, посмотрите, какой ветер и дождь отложим наше гулянье до другого времени и останемся дома Неужто мы не можем заняться чем-нибудь приятным, не выходя из покоев? Мы имеем работу, книги, музыку, общество

Господа Осанов и Алетов были тогда в гостях у Феоны еще несколько других соседей Предложение хозяйки принято единодушно, и кареты, которые подвезены были к крыльцу, отпущены назад в конюшню Прохаживаясь по комнатам, нечув-
л 58 об ствительно все общество нашлось в библи || отеке Феона приказала принести туда чай, который хотела сама разливать гостям своим

Между тем каждый схватил первую книгу, которая попалась ему в руки Феона имела их множество, и превосходных Иной, сидя в креслах важным образом, углублен был в чтении философической книги, другой пробегал глазами легкие произведения веселости и остроумия Можно было угадать содержание книги по насмешливому и довольному виду чтеца Еглее попа-
л 59 лась неподражаемая поэма || Томсонова «Годовые времена» и черты лица ее одушевлены были нежнейшею чувствительностью Зилия имела перед собою на круглом столе пребольшое

Путешествие в Южное море [8] и разбирала эстампы, представляющие виды островов и хижины и обычаи диких

Сие внимание читающих производило общее молчание, как вдруг Феона дала знак Алетову сесть к клавесинам и удивить их приятным образом какою-нибудь песенкою. Алетов тотчас послушался и, препро || вождая голос свой на клавесинах, пел *59 об*
следующую песню, которую он недавно перевел с аглинского

В спокойствии природы
Луны приятен свет,
Когда молчат погоды
И туч на небе нет.

Теперь утихли страсти,
Движение людей,
Душа не знает власти,
Окроме что своей.

Приди, в сии явленья
Со мной перенесись,
Емилий! размышленья
Мгновением насладись.

Черновики. Российская национальная библиотека, ф. 499, М. Н. Муравьев, ед. хр. 29.

[АЛЕТОВ] *л. 38 об.*

У Феоны были гости Госпожа Осанова с дочерью, Г. Тополов с маленьким его сыном, Господин Алетов, молодой человек, который тогда только что приехал из чужих краев. Он видел деревню в первый раз. Он был умен, хорош, немножко ветрен, но, впрочем, очень доброе сердце. Он не говорил худо ни о ком, не желал зла никому: напротив того, он делал добро столько, сколько мог, а часто и больше, нежели мог.

Il savait la musique, il dansait fort bien, et dessinait [?] passablement. Sa conversation était très amusante. Il savait une quantité de petites historiettes fort jolies qu'il racontait agréablement || et n'était jamais aussi gai, que lorsque il fesait *л. 39*
rire les autres... Mais il n'entendrait rien dans son ménage. Il avait un intendant qui faisait tout pour lui.

Thêone le grondait bien souvent: Ты один совсем разоришься, lui disait elle. [9] Ты ни о чем не думаешь, живешь в деревне и

---

[8] Довольно распространенное заглавие книг о путешествиях в Тихий океан и в Австралию. Ср. например: *Bligh W.* A Voyage to the South Sea, Undertaken by Command of His Majesty, for the Purpose of Conveying the Breadfruit to the West Indies, in His Majesty's Ship The Bounty... London, 1792.

[9] Он знал музыку, танцевал очень хорошо и неплохо рисовал. Его беседа была очень забавной. Он знал много маленьких анекдотов, очень хороших, рассказывал их приятно и никогда не был таким веселым, как в тех случаях, когда заставлял других засмеяться. Но он ничего не понимал в своем хозяйстве. У него был управитель, который все делал для него. Феона очень часто бранила его <...> говорила она ему (*фр.*).

не знаешь, что надобно делать господину. — Простите мне, Сударыня, я знаю счастье, которое я имею быть вашим соседом. Каждый день я вас вижу, я вас слушаю и каждый день выучиваю что-нибудь в обществе вашем. — Я вам очень обязана
л. 62 об. за вашу учтивость. Однако это || не мешает, чтобы соседка ваша не напоминала вам беспрестанно, чтобы вы думали о делах ваших. Вы очень любезны, но этого и довольно. Вы дворянин, вы имеете крестьян, которыми вы должны управлять. Вам надобны деньги, чтобы жить в городе, при дворе или в армии. Но деньги не приходят сами собою. Надобно немножко экономии. — Разве надобно запереться со своим управителем, считая доходы свои, или ходить по полям? Я люблю лучше разбирать прекрасные ноты, которые я получил из Петербурга, или оканчивать картину, в которой я нарисовал прекрасный дом ваш, маленький ваш садик и высокий берег Волги. Как сходно! А вы сами перестанете бранить меня, когда увидите картину. Все засмеялись. ||
л. 63 И на самом деле Феона не имела сердца бранить Алетова, который тотчас сел за клавесины и зачал играть и петь итальянскую арию.

л. 20 *Продолжение*

Г. Тополов

Ария очень хороша. Позвольте спросить мне, чья она, кто сочинитель?

Г. Алетов

Паизиелло. Это из последней его оперы

Г-жа Осанова

Паизиелло! Мой учитель. Он бывал у нас каждый день в Петербурге. [10] Я не могу вспомнить его уроков без особливого удовольствия. Какой любезный человек кроме дарования его! Какой веселый! Как жаль, что он не остался в России!

Г. Алетов

Ему теперь очень хорошо в Неаполе. Король его жалует, все его любят. Сочинения его нравятся обществу. Чего ж ему желать более, когда он все это находит в своем отечестве? В прекрасном климате, и в таком большом городе, как Неаполь. ||

[10] Знаменитый итальянский композитор Джованни Паизиелло (1740—1816) жил в Петербурге с 1776 по 1783 г. в качестве придворного капельмейстера и директора итальянской оперы.

Феона *л. 20 об.*

Особливо в отечестве. Я с вами совершенно согласна. Не помните эти прекрасные стихи Бернисовы: нигде солнце не сияет так ясно, нигде нет такого чистого воздуха, такой прозрачной воды, [11] как в том месте, где мы увидели свет.

Алетов

А я на это скажу вам, Сударыня, отечество в тех местах, где сердце заключено.

Еглея

Так мое отечество, маменька, везде, где вы.

Зилия

А мое, где вы и где сестрица.

Алетов

Я боюсь, чтобы и мое не было назначено здесь, нет ничего, что я [?] обещал моему майору приехать к новому году в Петербург.

Топ[олов]

Не прогневайтесь, я не нахожу в этом своего счету. Вы не позабыли, || я думаю, что вы обещали мне взять сына моего *л. 21* с собой по первому пути. Может быть, ему достанется в офицеры.

[Алетов]

Thêone fait des miracles, elle me fait aimer la campagne à moi. [12]

Рукописный беловик, с ударениями. Государственный архив Российской Федерации, ф. 728, Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, ед. хр. 1366.

[БЕЗ ЗАГЛАВИЯ] *л. 311*

Итак, вы думаете, говорила Феона Госпоже Осановой, продолжая разговор, который имели за обедом, что мне бывает скучно в деревне! Правда, у нас нет ваших балов, зрелищ, роскоши, но мы имеем здоровье, спокойствие, простоту жизни

[11] Было: «воздух не имеет такой чистоты, вода прозрачности».
[12] Феона творит чудеса. Она заставляет меня любить деревню (*фр.*).

и нравов Мы не знаем ни тщеславия, ни зависти Честолюбие наше имеет в виду своем другие предметы Мы хотим остаться достойными почтения в собственных глазах наших и во мнении наших добрых соседей ||

л 311 об Сельские труды доставляют нам приятное упражнение Мы соединяем пользу нашу с пользою общества Сохрани меня Боже! чтобы корыстолюбие и подлая скупость приближились к сердцу моему Но когда я возвращаюсь с полей моих при захождении солнца, я не могу воспротивиться некоторому чувствованию благородной гордости и не подумать, что я участвовала к обогащению моего отечества Крестьяне работают охотнее, когда видят помещицу свою, ободряющую их своим присут-
л 312 ством и подвергающуюся той же тягости || солнечного зноя, которой они терпят

— Я очень согласна с вами, — перервала Осанова, — что вы найдете удовольствия в деревне летом Но чем займете вы долгие ночи осени, зиму, которая снегом покрывает любимые поля ваши? Скажем еще более первые дни весны, когда трава еще не смеет показаться и воды шумят потоками? — Чем занять? Госпожа, хозяйка, мать, живучи с людьми, которым вся-
л 312 об кий час может быть полезна, с соседями, || которых дружество ей драгоценно, с детьми, которых она более жизни своей любит (Еглея и Зилия, которые сидели позади кресел ее, преклонились к ней с нежностью и целовали руки ее)

Нет, я уверяю вас, — продолжала Феона, — такой счастливой женщине остается только просить небо удвоить дни ее, чтобы иметь довольно времени для исполнения приятных должностей ее Самые заботы мои и неприятные чувство-
л 313 вания || (как пробыть без них совершенно?) обращаются терпением в удовольствия, затем что причина их не имеет ничего стыдного и что я не могу попрекнуть их сердцу моему Что касается до телесной скорби, то рано в жизни моей поставила я себе за правило сносить ее с терпеливостью

В рассуждении чувствительности я никогда не могла и не хотела ожесточить сердца моего к несчастьям других людей
л 313 об Часто печальные || воспоминания покрывают лицо мое слезами, но есть некоторая сладость плакать, которой я не хотела бы ни из чего лечиться Уверение, что правосудное Провидение управляет светом, наполняет меня надеждою, что непорочное сердце не может быть оставлено несчастьям, которых оно не заслужило Я не знаю, обманывает ли меня самолюбие мое, но я не почитаю себя злою, и спокойствие, первое из благ зем-
л 314 ных, || неразлучно со мною Однако я не примечаю, что так долго занимаю вас собою И вот кстати несут кофе Не изволите ли приблизиться к столику и сами налить себе чашку?

М Г ФРААНЬЕ

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА М. В. СУШКОВА

(О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века)

1

В московских архивах недавно найдены материалы, касающиеся самоубийства Михаила Васильевича Сушкова (1775—1792), автора повести «Российский Вертер»,[1] в том числе письма, написанные Сушковым перед смертью Два из них были уже известны исследователям, другие до сих пор остались незамеченными Все эти материалы позволяют по-новому взглянуть на своеобразное явление культуры конца XVIII века под не очень точным, как кажется, названием — «бытовой вертеризм»

До сих пор было мало известно о жизни М В Сушкова Сведения о нем большей частью были основаны на предисловии к повести «Российский Вертер», где указывается, в частности, что Сушков покончил с собой «точно таким же образом, как он описал конец мнимаго Вертера» [2] Впоследствии считалось, что повесть вполне автобиографическая, что Сушков по примеру романа Гете описал собственную жизнь, сам Сушков стал «русским Вертером»

Автор предисловия, написав, что «многие знают его нещастную историю»,[3] намекает на то, что самоубийство Сушкова не прошло незамеченным в русском обществе конца XVIII в Сушков принадлежал к знатной семье Его дед, тоже Михаил Васильевич (1704—

---

[1] Российский Вертер Полусправедливая повесть, оригинальное сочинение М С, молодого, чувствительного человека, нещастным образом самоизвольно прекратившего свою жизнь СПб, 1801 Перепеч в кн Русская сентиментальная повесть // Сост П А Орлова М, 1979 С 203—222, Ландшафт моих воображений Страницы прозы русского сентиментализма // Сост В И Коровина М, 1990 С 110—130 О повести см *Жирмунский В М* «Российский Вертер» // Сб статей к 40 летию ученой деятельности А С Орлова Л, 1934 С 547—566

[2] Российский Вертер С I В цитатах сохраняем в основном старую орфографию, опускаем ъ в конце слова, вместо ѣ пишем е, вместо і — и

[3] Там же

© М Г Фрааньс 1995

1790), служил главным судьей сибирского управления Мать, Мария Васильевна, урожденная Храповицкая (1752—1803), в свое время была известной переводчицей Брат ее, дядя Сушкова, Александр Васильевич Храповицкий (1747—1801), был приближенным Екатерины II Вероятно, именно родство с последним явилось причиной того, что самоубийство Сушкова привлекло к себе внимание самой императрицы

Подробности о самоубийстве Сушкова мы узнаем из донесения оберкоменданта Москвы к Екатерине II [4] и из неопубликованных воспоминаний его брата, Николая Васильевича Сушкова (1796—1871) [5] В 17 лет, т е 9 августа 1792 г (ст ст), Михаил Сушков должен был вступить в Преображенский полк Сушков приехал в Москву под предлогом подготовки к военной службе и остановился со своим слугой в доме слепой тетки, где ночью 15 июля 1792 г он покончил с собой

В день самоубийства Сушков написал всего 4 письма одно Николаю Федоровичу Хитрово, другое некоему Никите Петровичу и два письма своим дядям Александру и Михаилу Храповицким Чтобы письма достигли своих адресатов, Сушков выбрал своеобразный путь Первое письмо, к Николаю Хитрово, сопровождалось пакетом, адресованным Никите Петровичу В нем находились наряду с письмом к Никите Петровичу два письма к Храповицким Возможно, что Сушков надеялся таким образом избежать перлюстрации писем Однако Управа благочиния, нашедшая после смерти Сушкова запечатанные им письма, не замедлила их открыть и сделать с них копии Именно эти копии до сих пор хранятся в московских архивах

Николай Федорович Хитрово (ок 1770—1819) был братом Натальи Федоровны Хитрово, любовь к которой, как указывается в воспоминаниях Николая Сушкова, [6] якобы описана Михаилом Сушковым в «Российском Вертере» Семья Хитрово была богата Отец, Федор Александрович Хитрово, участвовал в дворцовом перевороте 1762 г , за что Екатерина II наградила его имением, состоявшим из 800 душ Неравенство состояний Натальи Хитрово и относительно бедного Михаила Сушкова находит параллель в неравенстве состояния любящих в повести «Российский Вертер» Однако Наталья Хитрово не была замужем, в отличие от Марии в повести Так и Сушков, в отличие от своего героя, еще не служил в гвардии, хотя он был записан в нее уже с колыбели

О характерах Натальи Хитрово и ее брата можно судить из материалов дела, возбужденного против них в 1794 г за жестокое обращение с крепостными Екатерина II лично потребовала провести следствие, в письме к тверскому губернатору Н П Архарову она с негодованием пишет о том, «что гвардии преображенского полку порутчик Николай Хитрово и сестры его девицы Катерина и Наталья,

---

[4] РГАДА, ф 16, ед хр 582, л 132—132 об , ЦИАМ, ф 16, оп 1, ед хр 404, л 13

[5] ОР РГБ, ф 297 к 4, ед хр 6

[6] Там же, л 12

живущия в Москве <...> отягощают крестьян своих выше меры...» [7] Дело кончилось тем, что заставили Хитрово продать все их имение брату губернатора И. П. Архарову. [8]

Однако в дворянском обществе Николай Хитрово играл совсем другую роль. Как пишет П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке», он был «умен, блистателен и любезен», участвовал в дружеском и несколько разгульном обществе под именем «Галера» и слыл «счастливым волокитой». [9] Позже, в 1811 г., Хитрово женился на дочери Кутузова, Елизавете Михайловне, известной своими отношениями с Пушкиным.

Холодно-остроумный характер письма Сушкова к Хитрово, которое написано по-французски, безусловно, определяется в некоторой степени характером адресата: [10] «Vous serez bien surpris, Monsieur, que c'est à vous que je m'adresse dans une affaire, qui vous touche si peu, mais c'est un droit que me donne l'excellence de votre coeur, et si je vous connoissois encore moins je ne balancerois pas un moment de le faire. Au nom de l'amitié qui vous unit à Nikita Petr. apprenez lui secrètement ma mort et remettez le paquet y joint. — Je ne doute pas que vous ne le fassiez. — Mes respects à vos aimables soeurs [11] auquelles je souhaite des maris qui ne me ressemblent pas. Comme elles sont fort dévotés je les supplie de prier quelque peu pour moi les barbus apôtres, qui éxauceront leurs voeux plutôt que ceux de nos ivrognes de prêtres. Adieu. Voyez que je ne manque pas de politesse envers le beau sexe, même sous les faux de la mort. — Surtout un bon panégirique, je vous prie dans le style de Barkow.

Jeudi à 7. heurs du soir.

Votre serviteur, qui bientôt ne le sera plus,

Michel de Souchekow».

«Вы, наверно, удивитесь, милостивый государь, что я обращаюсь к Вам с одним делом, которое Вас так мало касается; но превосходство вашего сердца дало мне это право, и если б я Вас даже меньше знал, то и тогда я бы не колебался ни минуты им воспользоваться. Во имя дружбы, которая связыает Вас с Никитой Петровичем, сообщите ему втайне о моей смерти и передайте ему прилагаемый пакет. Не сомневаюсь, что Вы исполните мою просьбу. Я хотел бы выразить свое почтение вашим любезным сестрицам, которым желаю обрести супругов, не подобных мне. Так как они очень набожны, я прошу их обратиться к бородатым апостолам, чтобы немного помолиться за меня. Они исполнят их желания лучше, чем наши пьяницы-священники. Прощайте. Как видите, я сохраняю видимость приличия

---

7 Русский архив. 1864. С. 909.
8 РГАДА, ф. 16, ед хр. 975, л. 134—141 об.
9 *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 492—493.
10 ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 3.
11 Т. е. Катерина и Наталья Хитрово.

к прекрасному полу даже под косой смерти Особенно хорош будет панегерик, прошу Вас, в стиле Баркова

Четверг, в 7 часов вечера,

Ваш слуга, который скоро им больше не будет,

Михаил Сушков»>

Как было намечено Сушковым, Николай Хитрово должен был передать упомянутый пакет Никите Петровичу Под последним, несомненно, подразумевался Никита Петрович Хитрово, [12] который был женат на двоюродной сестре Сушкова Наталье Николаевне Каковинской, дочери бывшего московского оберкоменданта Николая Никитича Каковинского и Марии Михайловны Сушковой Наталья Николаевна была известной дамой в московском светском обществе конца XVIII—начала XIX в Граф М Толстой вспоминает, что ее дом на конце Пречистенки, который находился в роде Хитрово еще с половины XVII в , «был всегда открыт для всех, и утром, и вечером, и каждый приехавший был обласкан хозяйкою так, что можно было подумать, будто бы он был для нее самый дорогой из всех и самый желанный гость» [13] Благодарность за гостеприимство, с которым Сушков, несомненно, был принят в доме Хитрово, звучит в его письме к Никите Петровичу, свидетельствующем о более тесных отношениях между писателем и адресатом [14]

«Милостивый государь Никита Петрович!

Известная мне чувствительность вашей души решила меня написать к вам сии строки, которыя вы не прежде прочтете, как меня уже не будет на свете Я не скажу да и не умел бы сказать вам причину моего предприятия, которое покажется всякому отчаянным, однако ж оно не что иное как плод моего пасмурного характера, который рано иль поздно необходимо привел бы меня к сему предприятию Но какова б ни была причина, следствие оной невозвратно Знаю, что ваше человеколюбивое сердце не снесет равнодушно известия о таком поступке, однако ж вы будете в силах сохранить тетушку Прасковью Михайловну, [15] в чем состоит все теперь мое желание Я всегда умел чувствовать ея милости, но доказать благодарность соразмерную оным превосходило мои силы Что мне сказать вам больше? Живите в непрерывном благополучии, и вспоминайте иногда меня, который был к вам истинно привязан, таковое воспоминание утешает меня заранее, хотя я и не буду тогда его чувствовать — Когда я воображаю, что в последний раз видел

---

[12] Николай Федорович Хитрово — троюродный племянник Никиты Петровича

[13] Русский архив 1894 Т 1 С 210

[14] ЦИАМ, ф 16, оп 1, ед хр 404, л 4—5

[15] Прасковья Михайловна Сушкова (1745—1833), слепая В ее доме Михаил Сушков покончил с собой

всех вас, то и слезы против воли моей выступают из глаз, и я чувствую что не все нити, привязывавшие меня к жизни, разорваны, но хотя с некоторым усилием превозмогу последний остаток слабости — приготовляться в другой раз к смерти было б для меня тягостно, а теперь половина дела исполнена. Теперь 3 часа пополудни, чрез 12 часов все силы мои исчезнут, и хотя я не охотно готовлю такой сюрприз к приезду Анны Петровны, [16] но ето неизбежно. Впрочем, я спокойно провожу последние часы моей жизни, а завтра день наступит, и я его не увижу. — Примите труд переслать к дядюшкам [17] приложенныя при сем письма, если не теперь, то когда разсудите. Сто рублей моих денег принадлежат тетушке, у которой я занимал, и я доволен, что и во гробе не буду никому должным. При сем приложенныя 35 рублей составляют все то, что у меня осталось, а больше не извольте требовать от Алексашки, [18] на котораго могли бы иметь подозрение. — Простите, кланяйтесь всем тем, которыя меня любили; любезную Настасью Николаевну в мыслях целую и желаю всем тем того щастия и спокойства, коего мне недоставало. — К Рязанцам своим не пишу за тем, что им такое послание не приятно, но всех в сию минуту воспоминаю...» [19]

Письмо к Никите Петровичу Хитрово сопровождалось двумя письмами к братьям Александру и Михаилу Храповицким. Первый из них, Александр Васильевич (1747—1801), был, как уже сказано, приближенным Екатерины II. С 1782 по 1793 г. он исполнял должность ее секретаря, читал царице донесения и исправлял ее литературные сочинения. Александр Храповицкий и сам занимался литературой; он переводил с французского языка, обменивался стихотворениями с Державиным, вел свой известный дневник. После смерти Храповицкого его бумаги достались племянникам Петру и Николаю Сушковым. Через последнего они попали в Румянцевский музей, ныне РГБ. Среди этих бумаг находится автограф прощального письма Михаила Сушкова, адресованного «Милостивому государю дядюшке Александру Васильевичу Его Превосходительству Храповицкому в С. Петербург». [20]

На письме приписано рукой Александра Храповицкого: «В летних месяцах 1792 года». Само письмо на французском языке:

«Mon cher oncle!

Quand vous lirez cette lettre, votre neveu ne sera plus, et le bonheur comme le malheur de ce monde n'auront plus de pouvoir sur lui. En un mot, ma résolution est prise: je veux mourir. Il a le spleen des

---

[16] Возможно: Анна Петровна Румянцова, жена Петра Михайловича Сушкова.
[17] Т. е. Храповицким.
[18] Слуга Сушкова.
[19] Приписка на копии: «На подлинном подписано тако: Петр Сушков».
[20] ОР РГБ, ф. 323, № 1351. 1 (письмо не раз просмотрено исследователями). Копии этого письма: ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 12; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 2.

anglois [21] direz vous, il a le diable au corps, diront quelques fanatiques — point du tout je n'ai ni l'un ni l'autre J'ai décrit mes idées a mon oncle Michel, qui à la vérité sont en partie assez singulières, mais je veux vous épargner la paine de lire une pareille relation Je n'aurois pas pris même la hardiesse de vous incommoder par la présente, si je ne voulois vous témoigner ma reconnaisance pour la bonne disposition que vous parûtes avoir pour moi Peu m'importe qu'elle n'eut pas lieu pour moi, mais aussi en vous témoignant ces dernières obligations, je vous supplie de nourrir ces généreux sentimens que vous avez eu pour moi, — de les nourrir pour mes frères et soeurs, qui en auront besoin plus que tout autre Je suis bien assuré que vous exaucerez les voeux d'un malheureux qui bientôt ne pourra plus avoir l'honneur de se nommer votre très humble neveu

Michel de Souchekow»

<«Дорогой дядюшка!

Когда вы прочтете это письмо, вашего племянника уже не станет, ни благополучие, ни злополучие этого мира больше не будет иметь власти над ним Одним словом, мое решение принято, я хочу умереть Вы скажете все это «английский сплин», некоторые фанатики скажут это вселился в него дьявол — ничего подобного нет во мне нет ни того, ни другого Я изложил дядюшке Михаилу свои мысли, которые в самом деле в некоторых отношениях довольно своеобразны, но я хочу Вас избавить от труда читать подобное Я даже не осмелился бы побеспокоить Вас настоящим письмом, если б не хотел Вам высказать мою благодарность за ваше доброжелательное отношение ко мне Не важно, что в конце концов оно не имело никакой пользы для меня, но оказывая Вам этот последний долг, я Вас умоляю питать эти благородные чувства, которые Вы имели ко мне, — питать их и к моим братьям и сестрам, ваша благосклонность им нужнее всего другого Я уверен, что Вы исполните желание несчастного, который скоро уже не будет иметь чести называть себя
вашим покорнейшим племянником

Михаилом Сушковым»>

Брат Александра Храповицкого Михаил является адресатом последнего приведенного здесь письма Михаил Васильевич Храповицкий (1758—1819), оставшийся, как и старший брат, холостым, вел жизнь «философа-поэта» в уединении своей деревни Там он писал стихотворения и философский дневник под названием «Плод моего уединения» [22] Как Сушков пишет в письме к Александру Храповиц-

---

[21] В XVIII в считалось, что пасмурный климат Англии способствовал особенной склонности ее жителей к меланхолии и к самоубийству Причину этого мифа следует искать в более свободной информации о самоубийствах в тогдашних английских газетах См *Bartel R* Suicide in Eighteenth Century England The Myth of a Reputation // The Huntington Library Quarterly V XXIII (1959—1960) P 145—158

[22] В кн «Раут» Историко литературный сборник // Изд Н В Сушкова М , 1852 Кн 2 С 225—259

кому, он считал письмо к Михаилу Храповицкому своим завещанием; в нем он излагает, как сам говорит, «свои своеобразные идеи». Заметно, что он осмыслил письмо как литературный текст, при этом рассчитывая, может быть, на широкую публику. Немудрено, что некоторые отрывки в письме Сушкова напоминают отрывки в прощальном письме его литературного создания — «Российского Вертера».

После смерти Сушкова списки его прощального письма к Михаилу Храповицкому ходили по рукам. Среди его читателей были Екатерина II и Н. М. Карамзин. Еще в начале XIX в. письмо вместе с завещанием другого самоубийцы было включено в рукописный литературный сборник. [23] Мы можем считать это письмо своеобразным образцом рукописной литературы конца XVIII в.: [24]

«Милостивый Государь Дядюшка Михайло Васильевич.

Могли ли вы ожидать такова известия, вы, которой видели меня за несколько недель; мне наскучила жизнь, и прежде, нежели дойдет к вам сие письмо, я уже не в силах буду писать другое. Однако ето все для вас загадка, и так вот пояснее. — Состояние мое давно меня тяготило, но тяготило так, как философа. Я видел мои недостатки [25] и невозможность батюшкину [26] мне помочь; словом сказать, я видел, что не могу жить в свете, где предразсудки велели бы меня презирать, и где бедность весится наравне с злодейством. — Конечно, надлежало бы мне презреть мысли таких людей, но простите пылкости моих лет, которые дозволяли мне разпознавать мечту нами водящую, но понуждали, однако ж, бродить зажмурившись с другими. — Долго я строил замки на воздухе; то полагался на выгодную женитьбу, то надеялся на личныя приятности, то ожидал произойти способностью ума; однако ж все ето еще далеко, не говоря что, может быть, и никогда бы не было; но сколько ж бы жолчи я выпил

---

[23] ОР РГБ, ф. 179, ед. хр. 2805, л. 109—111. Завещание другого самоубийцы, И. М. Опочинина: л. 111 об.—112 об. Об этом завещании см.: *Трефолев Л. Н.* Предсмертное завещание русского атеиста // Исторический вестник. 1883. Янв. С. 224—226.

[24] В московских архивах сохраняются не менее 5 списков этого письма, которые, несмотря на небольшое различие в правописании, все одинаковы: РГАДА, ф. 16, ед. хр. 582, л. 134—136 об.; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 9—11; ОР РГБ, ф. 323, к. 1353, ед. хр. 21, л. 1—4; ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 12 об.—15; ф. 178, ед. хр. 2805, л. 109—111 (Рукописный сборник). Здесь текст приводится по копии РГАДА. Некоторые списки были уже известны исследователям. Еще в 70-х гг. XIX в. Н. П. Дуров, сотрудник журнала «Русская старина», ознакомившись с копией в рукописном сборнике, подготовил статью о нем. Впрочем, Дуров более интересовался также включенным в сборник завещанием Опочинина. Статья никогда не печаталась (рукопись: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3757). Письмо Сушкова цитируется в кн.: *Коган Л. А.* Крепостные вольнодумцы. М., 1966. С. 177; *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо как явление литературы: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 99, 102—103, а также упоминается в сносках в кн.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 56.

[25] Т. е. денежные недостатки.

[26] Василий Михайлович Сушков (1746—1819); при Павле I симбирский губернатор.

прежде, нежели достигнул бы моих предприятий, и тому, кто в ребяческих летах начал его чувствовать, гораздо лучше принять минутное лекарство, нежели ожидать чрез сорок лет облегчения, когда уже меня ничто не будет льстить — Я не был создан чтобы пресмыкаться, или, как говорят по-французски, croupir dans le néant [27] Иногда приходило мне в мысль влюбиться, и подлинно ето единственное средство могло бы меня привязать к свету, в котором я бродил, как в лесу Просыпавшись, не иметь приятной цели для наступающего дня, ложиться, не надеясь быть веселея завтра, — ето довольно тяжкое положение К нещастию и етова способа мне недоставало Я не нашел предмета, который бы мог заменить мне вселенную, и сему причиной было, как я воображал, мои лета, мои недостатки, не допускавшие меня блистать пустяками, [28] а может быть, и недостаток моих достоинств А когда такая мысль мне приходила, то раздражала мое самолюбие, разрывала мне сердце — Ныне, оставшись один в Москве, я имел время довольно обдумать все сии обстоятельствы, окружающая меня пустота, уединение, в котором ничто меня не разсеевало, — ето подкрепило меня в намерении умереть, которое несколько времяни уже приходило мне в голову Может быть, и Вертер помог мне от части, но для Бога не почитайте меня обезьяною Вертера, а еще менее безумным — Право, во мне нет ни безумия, ни меланхолии, от которой тетушкина Агафья спрыгнула в колодезь В самую ту минуту, как я пишу, я принужден слышать глупости Алексашки и хохотать с ним во все горло Итак, свеся с холодным духом все причины говорящие pour и contre, я выбрал то, что казалось мне лучше При сем прилагаю как охотнику стихи недавно мною зделанные [29]

Что наша в свете жизнь? она претяжко бремя
Что сей прекрасный свет? училище терпеть
Что каждый миг есть? зло и будущих зол семя
Зачем родимся мы? поплакав умереть
Что злато почести? младенчески игрушки
Которыми всегда играет смертный род
Щастлив кто в жизнь свою не покидал гремушки
Взглянул, и зрит себя могилы у ворот
Но пусть бы оными играли мы без спора
Насильством не чиня один другому слез
Напротив, кто достал сего побольше сора
Тот всех пятой гнетя главу свою вознес
Почто же цепь сию спокойным оком вижу?
Сего дня ль завтра ли она должна упасть
И так коль я себе свободы час приближу
Могу ли новую тем заслужить напасть?
Не оскорблю тебя сей мыслию владыко

---

27 погрязнуть в ничтожестве (*фр*)

28 Может быть, намек на неравенство в состояниях препятствовавшее любви Сушкова к Наталье Федоровне Хитрово

29 Эти стихи являются исправленной редакцией стихотворения вошедшего в «Российский Вертер», с 72—74 (письмо XXXIII декабря 14)

Незлобив ты, и я отца в тебе найду,
А хоть на век умру, то бедство не велико:
К тебе или к земле с отвагою иду...

Никогда и никто не был столько уверен в небытии души, как я, прочтя то место, где Волтер хотел доказать, что она существует. [30] Когда сам Волтер не мог меня убедить, то какие же богословы то бы зделали. — Однако ж очень видно, что я надеюсь мало говорить на том свете, когда столько заврался теперь на прощанках. Никогда я не был так плодовит! — Мне хотелось объявить вам подробно свой символ веры, однако ж le jeu ne vaut pas la chandelle, [31] а когда вы сами того же мнения, то ето будет также пустое повторение. — Желал бы также зделать возражение тем, которые будут врать, что не должно отнимать того, что возвратить не можешь; что больше духа снести бремя жизни, нежели скинуть и проч., [32] но ети люди не стоят опровержения. Скажу только, что, конечно, Катон великодушнее каторжника, которой мучится и живет, [33] и что я волен сбросить ношу, хотя и не могу опять поднять ее, тем более, что рано или поздно ей назначено упасть. По крайности, я уверен, что вы не в числе сих людей, — да и по словам ханьжей всякой праведник семь раз в день согрешает, но не лутче ли я согрешу один раз чтобы не грешить уже вечно: скольких грехов себя избавлю? — Однако ж не примите сего иначе как в шутку. —

Когда время все успокоит, то вы можете сообщить ето письмо к батюшке для странности его слога. Скажите ему, чтобы он не лишал своей милости Алексашку за то, что он не усмотрел за мной: peut on me garder de moi même? [34] Уверьте братцев и сестриц, что я не забывал их до последнего часа, и теперь прошу дядюшку Александра Васильевича, чтоб он обратил на них ту милость, которою, как казалось, был ко мне расположен. — Для блага их желаю, чтоб они начали разсуждать позднее, нежели я: жизнь их отравилась бы огорчениями, или надлежало бы всем перестреляться. — Не правда ли что ета мысль довольно забавна? родиться девяти человекам на то, чтобы всем застрелиться? Однако ж все милионы людей не на то ли родятся, чтобы всякими манерами умирать? У дядюшки Алексея Васильевича [35] ручки целую. Ежели не выберу другой смерти,

---

[30] Возможно: «Traité de Métaphysique, chapître V: Si l'homme a une âme, & ce que ce peut être. Oeuvres complètes de Voltaire. [De l'imprimerie de la société littéraire typographique], 1784. T. XXXII. P 43—50. В вопросе о том, бессмертна ли человеческая душа, Вольтер остается скептиком.

[31] игра не стоит свеч (*фр.*).

[32] Ср.: Российский Вертер. С. 70 (письмо XXXIII, декабря 14): «Между прочими софизмами ты говоришь, что больше твердости сносить бремя жизни, нежели оное свергнуть».

[33] Ср. там же: «Возьми тысячу злодеев, которые несут достойную казнь, быв лишены чести, свободы и всех удовольствий — они ропщут и живут, и ты неужли найдешь в них больше твердости, нежели в Катоне, который добровольно прешел к неизвестной вечности».

[34] можно защищать меня от самого себя? (*фр.*).

[35] Алексей Васильевич Храповицкий (ум. 1819), сводный брат Александра и Михаила; бригадир, жил в Твери.

то пистолеты его выпрошены мною не напрасно. — После меня осталось множество сочинений, но они так перемешаны, что надлежало бы мне воскреснуть, чтобы привести их в порядок. Многие неокончены, а иные и без начала. — Итак, дозволяю в целом уме и памяти истопить оными печь; в сем состоит все мое завещание и наследство. Однако ж пора окончить. Желаю вам здоровья, которое одно могло бы разстроить ваше благополучие. — Живите долго, потому что жизнь вам в утешение, и иногда вспоминайте племянника, которой умел ценить ваши милости

Михайло Сушков».

Вышеприведенные письма были написаны и запечатаны 15 июля. 17 июля оберполицмейстер Глазов сообщает в своем рапорте к главнокомандующему Москвы А. А. Прозоровскому «об удавившемся гвардии сержанте Сушкове». [36] Прозоровский знал, что такая необыкновенная смерть, которой умер племянник приближенного Екатерины II, не может не интересовать ее. Поэтому, основываясь на рапорте Глазова, Прозоровский поместил в своем донесении к императрице между еженедельными известиями о пожарах и ценах на хлеб подробное описание всего, что произошло вокруг молодого самоубийцы: [37]

Всемилостивейшая государыня! <...>

На прошедшей недели Гвардии Сержант Михайла Сушков от роду 16ти лет, приехавши в Москву из деревни тетки своей в Московской ея дом с одним своим человеком, и по приезде в дом был тут человек тетки его, управляющий домом, — при которых он писал весь день и печатал письма, потом выслал людей под предлогом, что он хочет спать, по выходе их, запершись, лег спать. На другой же день, когда после ожидания до первого часу пополудни его пробуждения наконец прежде бывшая его мамка подошед к дверям спальни стучала, [38] и как ничего в ответствие не получила, то люди отворили у окошка ставень и увидели его повесившагося на сплетенном толстом снурке, привязанном за гвоздь в стене. [39]

Управа благочиния при следствии сего происшествия забрала письмы, писанныя им накануне, в которых, как он описывает причины сего поступка к Михайле Васильевичу Храповицкому, брату родному Действительнаго Статскаго Советника Храповицкаго, как он племянник родной вышеписаннаго, то я с письма к нему всеподданейше прилагаю к Вашему Императорскому Величеству копию, из котораго Всемилостивейшая Государыня! усмотреть изволите образ развратнаго суждения и беззакония, видно, что он воспитан был как

---

[36] ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 1.

[37] РГАДА, ф. 16, ед. хр. 582, л. 132—132 об.; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 13.

[38] Ср. рапорт Глазова: «...подошед к дверям спални с ягодами бывшая Ево мамка...».

[39] В рапорте Глазова еще: «По осмотру ж частнаго штаблекаря на оном теле никаких других, кроме на и вокруг шеи от снурка, знак не сказалось».

либо развратным французом, как правил прямых человека в нем заложено не было. Он вывезен за город и погребен. Письмы ж по надписям к родне его, в числе котором и Действительному Статскому Советнику Храповицкому, препоручены доставить Управы благочиния <...>

июля 19 дня 1792 года <...>

всеподданнейший
князь *А. Прозоровский*».

В XVIII в. самоубийство относилось к категории самых тяжелых преступлений. Тех, кто пытался покончить с собой, осуждали к смертной казни. Если самоубийство удавалось, то наказывали труп. В Воинском уставе, изданном Петром I в 1716 г. и действовавшем для большинства дворян, говорилось: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу». [40] Делали исключение тому самоубийце, который явно страдал душевными болезнями (например, меланхолией): его труп не подвергался наказанию; хоронили его, хотя вне кладбища, «но не в безчестном месте». Это, очевидно, произошло и с телом Сушкова.

2

Самоубийство Сушкова получило разные оценки в тогдашнем русском обществе. Чаще всего оценки были более или менее отрицательны. Несчастному молодому человеку не сочувствовали, а осуждали его, посылали друг другу списки прощального письма к Михаилу Храповицкому, чтобы выразить негодование по поводу его содержания. Прозвучал один сочувственный отклик, в духе меланхолической сентиментальной литературы.

Донесение Прозоровского о смерти Сушкова было получено царицей 26 июля. В этот день Александр Храповицкий написал в своем дневнике: «За несносною зубною болью не ходил вверх. Почту Московскую читал Попов [41] и приходил ко мне, по приказу Ея Величества, показать рапорт князя Прозоровского о смерти племянника моего Михайла Сушкова. Он в комнате своей повесился, и тут же копия с его письма к брату Михайлу Вас. Храповицкому. Буде верить словам Попова, то сказано: вот какое воспитание! не вкоренен закон христианский». [42]

Последние слова, по указателю Н. Барсукова, — слова Екатерины II. Известно еще другое замечание Екатерины по поводу смерти

---

[40] Полн. собр. законов Российской империи. Собрание первое (1649—1825). СПб., 1830. Т. V. С. 370.

[41] Попов Василий Степанович (1745—1822).

[42] Дневник А. В. Храповицкаго, 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Н. Барсукова. СПб., 1874. С. 405—406.

Сушкова. В воспоминаниях Николая Сушкова указывается, что она сказала Александру Храповицкому при первой встрече с ним после его болезни: «Жалею об отце и матери, которые потеряли такаго сына. Но еще больше жаль его самого. Если бы он остался жив, то мы скоро бы забыли о Вольтере». [43]

Отмечаем, что сам Александр Храповицкий не высказывает никакого мнения о смерти своего, как оказалось, любимого племянника. Так и Михаил Храповицкий в своем дневнике в это время (30 июля 1792 г.) записывает только свои обычные отвлеченные размышления. [44] Для поколения Храповицких дневник, и литература вообще, не являлись средством выражений личных чувств; границу между такой общественной областью, как литература, и частной жизнью не преступали. К этому представлению о благопристойности мы можем отнести и поведение их сестры, матери Сушкова, Марии Васильевны. Но тут молчание, вероятнее всего, может быть объяснено слишком сильной болью, причиненной гибелью сына. Николай Сушков пишет о матери в своих воспоминаниях: «Что ни случалось с нею в жизни печальнаго и радостного, не любила говорить ни о печали, ни о радости: все, так сказать, слагала в сердце, и единому небу открывала свои внутренния чувства и помышления. Даже тяжелый крест — самоубийство первенца своего <...> в котором чаяла себе утехи и опоры в старости, могла понести: никому, никогда ни слова о семейной беде, точно ее не бывало». [45]

Поступок Сушкова мог восприниматься как нарушение общественных правил, и некоторые видели его причины в той же склонности ума, которая была присуща французским революционерам. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский, архивариус в Министерстве иностранных дел, который снабжал новостями из Москвы живущего в деревне князя А. Б. Куракина, пишет ему 8 сентября 1792 г.: «Что это во Франции? Может ли просвещение довести человека в такую темноту и заблуждение! Злодейство в совершенстве. Пример сей да послужит всем, отвергающим веру и начальство. Говоря о чужих, скажу слово и о своем уроде Сушкове, который Иудину облобызал участь. Прочтите его письмо: сколько тут ругательств Творцу! Сколько надменности и тщеславия о себе! Такова большая часть наших молодцов, пылких умами и не ведущих ни законы, ни веры своей». [46] Сдержанный, но все-таки отрицательный отзыв о Сушкове слышится у Карамзина. 6 сентября 1792 г. он пишет своему другу И. И. Дмитриеву: «Для чего по сие время не получаешь ты Мифологию? [47] Для того, что издатель (т. е. издатель Мифологии, а не Московского Журнала) возненавидел жизнь и удавился. Вообрази,

---

[43] ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 16.
[44] См.: «Раут». 1852. Кн. 2. С. 253—254.
[45] ОР РГБ, ф. 297, к. 4 ед. хр. 6, л. 3 об.—4.
[46] Русский архив. 1876. Ч. III. С. 274.
[47] Имеется в виду: Полная баснословная история со включением истолкования оной. Собрал из разных французских писателей Михайло Сушков. М., 1792. Ч. 1—3; Владимир, 1799. Ч. 4.

какой удар для матери, переводчицы Инок! [48] Естьли хочешь, то я пришлю к тебе письмо, писанное им к дяде за несколько часов перед смертию. Ты удивишься!» [49]

Возможно, откликом на самоубийство Сушкова является «Письмо к издателям Новых ежемесячных сочинений», напечатанное в 1794 г. в ноябрьском номере этого журнала. [50] Автор письма, подписавшийся инициалами И. З. (под которыми скрывается Иринарх Завалишин, 1770—1821), приводит якобы попавшееся в его руки письмо самоубийцы и дает собственный обширный комментарий. Завалишин представляет общественное мнение, которое защищается от обвинения самоубийцы, разочарованного в жизни и, следовательно, в обществе. Он ищет причины поступка в дурном воспитании, распущенности и заблуждениях рассудка. В приведенном Завалишиным письме встречаются такие же рассуждения о жизни, такая же рационализация самоубийства, такая же ложная, по мнению комментатора, религиозность, как в письме Сушкова к Михаилу Храповицкому. Не находим намека на любовную историю. Первый абзац письма самоубийцы (с инициалами С... П...) кажется парафразом письма Сушкова: «Уже давно жизнь была мне тягостна; но теперь, когда начинает являться недостаток в подкреплении моего состояния, соделывается она мне ненавистною! — Я вижу, что скоро буду приведен в положение иметь нужду в других, и следственно, найду себя принужденным унижаться — И так решился я лучше умереть от собственныя руки своей. В то самое мгновение, когда получите вы мое письмо, сие ужасное предприятие будет уже совершено». [51]

Некоторые обороты в комментарии Завалишина могут подтвердить предположение, что образцом его мистификации служило именно письмо Сушкова. Такова, например, следующая грамматическая ошибка: «Естьли бы П... с измаленька приобучился заключать свои хотения в пределы строгой умеренности <...> не возмог бы он сказать, что жизнь мне наскучила». [52] Ошибка (несогласованность личных форм он — мне), несомненно, вызвана непосредственной цитатой. При этом фраза «жизнь мне наскучила», отсутствующая в письме у Завалишина, встречается в первых строках письма Сушкова к Михаилу Храповицкому.

Сочувственный отклик на поступок Сушкова принадлежит поэту Г. А. Хованскому (1767—1796). Он почтил молодого самоубийцу эпитафией в духе сентиментализма:

---

[48] Мария Сушкова перевела книгу Мармонтеля: Инки, или Разрушение Перуанской империи. М., 1778 (переизд.: 1782, 1801, 1819).

[49] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб., 1866. С. 30.

[50] Новыя ежемесячныя сочинения. 1794. Ч. CI. С. 5—33; Ч. CII С. 18—60.

[51] Новыя ежемесячныя сочинения. Ч. CI. С. 6.

[52] Там же. С. 14.

«Эпитафия

М. В. С.

Он в нежной юности жизнь кроткую скончал;
Любил на свете всех и сам был всем любезен,
Не быв отечеству, нещастным был полезен;
Чтил добродетель — пороки презирал». [53]

В сентиментальной литературе самоубийство оценивалось более или менее положительно. Оно считалось доказательством выскокой степени чувствительности. Самоубийца становится сентиментальным героем, другом по несчастью, объектом идентификации и катарсиса для других несчастных молодых людей («нещастным был полезен»).

3

Вскоре после того, как повесть «Российский Вертер» смогла выйти в свет (это было лишь в 1801 г., после смерти Павла I, в период временного смягчения цензурного режима), Карамзин опубликовал в своем журнале «Вестник Европы» короткую статью о самоубийстве. Статья является переводом рецензии мадам де С.-Ф. Жанлис на книгу М.-Н.-С. Гийона, в которой последний выступает против самоубийства. [54] Одобряя намерения писателя книги, Жанлис в то же время находит в ней некоторые недостатки: «В книге Г. Гильона много прекрасных чувств и разсуждения <...> Он, однако, не доказал <...> что книги, в которых оправдывается самоубийство, умножили число сих преступников. Нещастный, ненавидя жизнь, легко решится умертвить себя, когда писатели, им уважаемые, хвалят такое дело». [55] Далее следует анекдот об одном англичанине, который под «бедственным влиянием» пьесы «Катон» Дж. Аддисона решился покончить с собой. Возможно, что Карамзин, переведя эту статью, имел в виду конец героя «Российского Вертера» и кончину самого его создателя: ведь на подоконнике в комнате повесившегося «российского Вертера» обнаружили трагедию Аддисона.

В повести Сушкова книжка с трагедией раскрыта на первом явлении пятого действия, т. е. на монологе Катона, решившегося покончить жизнь самоубийством. В XVIII в. этот драматический отрывок пользовался значительной известностью и несколько раз был

---

[53] *Хованский Г.* Жертва музам, или Собрание сочинений, подражаний и переводов в стихах. М., 1795. С. 95. Эпитафия Сушкову упомянута в воспоминаниях Николая Сушкова: ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 16.

[54] *Genlis S. F.* Entretiens sur le suicide, ou Courage philosophique, opposé au courage religieux... / Par Marie-Nicolas-Silvestre Guillon // Nouvelle Bibliothèque des romans. Paris, an X (1802). T. 15. P. 194—197.

[55] Вестник Европы. 1802. Ч. 2, октябрь, № 19. С. 207—209.

переведен на русский язык.[56] В своей повести Сушков приводит следующие строки:

Сомненьями объят, отвергнуть должно их,
(*Берет кинжал.*)
Живот и смерть моя теперь в руках моих.
Вот изцеление, или отрава люта —
Из света изведет меня одна минута.
Катонов твердый дух весь должен страх презреть!
И равно для него заснуть, иль умереть.[57]

Приведенные Сушковым строки являются обработкой нескольких стихов из перевода его матери, М. В. Сушковой. Ее перевод монолога Катона, т. е. всего первого явления пятого действия, был опубликован в 1772 г. в сборнике «Вечера».[58] В своем переводе Сушкова не только заменила белый стих Аддисона александрийским стихом, но и в некоторой степени модифицировала смысл оригинала.

Дело в том, что монолог Катона является апологией бессмертия души. Аддисон приводит один из аргументов, актуальных в английских философских прениях конца XVII—начала XVIII в., т. е. так называемый «аргумент желания».[59] Этот аргумент состоит в том, что представление о бессмертии в человеческом сознании само по себе уже доказательство его истины. Но Катон, держа в руке «Федона», книгу Платона о бессмертии души, ведет свой монолог с вопросительной интонацией, в которой, особенно в первых словах, слышен последний отголосок сомнения:

It must be so — Plato, thou reason'st well!
Else whence this pleasing hope, this fond desire,
This longing after immortality?
Or whence this secret dread, and inward horror,
Of falling into nought? why shrinks the soul
Back on herself, and startles at destruction?
'Tis the divinity that stirs within us;
'Tis heav'n it self, that points out an Herafter,

And intimates eternity to man,
<...>[60]

---

[56] Монолог из трагедии «Катон», сочиненный г. Аддисоном // Новыя ежемесячныя сочинения. СПб., 1788. Ч. XXV. С. 74—76. Радищев поместил отрывок из монолога Катона в главу «Бронницы» «Путешествия из Петербурга в Москву» (*Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. С 269). Полные русские переводы трагедии см.: Смерть Катона, или Рождение римскаго единоначалия // Иппокрена. 1801. Ч. 8. С. 90—229; Катон, трагедия / Пер с английского Алексей Колмаков. СПб., 1804.

[57] Российский Вертер. С. 84—85.

[58] Вечера: Еженедельное издание на 1772 год. СПб., 1772—1773. Ч. II. С. 196—197.

[59] См.: *Walker R. G.* Eighteenth-Century Arguments for Immortality and Johnson's Rasselas. Univ. of Victoria, 1977. P. 27.

[60] Miscellaneous Works, in Verse and Prose, of the Late Right Honourable Joseph Addison, Esg. London, 1753. Vol. II. P. III.

Ты праведно, Платон, о смерти разсуждаешь,
О смертный! ты себя надеждой услаждаешь,
В желаниях своих последуешь ты ей
И жизни новыя по смерти ждешь своей.
Тебя объемлет страх, когда воззришь ко гробу,
Не хочешь заключен в земную быть утробу,
И мыслишь восприять там ново бытие:
Но как имеешь ты предвестие сие?
И кто иный, как Бог, страх смерти истребляет,
И в вечности тебе жизнь нову представляет? [61]

В переводе Сушковой вопросительные предложения оригинала стали утвердительными. То, что у Аддисона ответ, у Сушковой приобрело форму вопроса; однако этот вопрос только формальный, уже содержащий в себе ответ. Тон монолога в русском переводе более уверен, более догматичен, почти не допускает сомнения в истине бессмертия души. К тому же у Аддисона ответ на предыдущие вопросы состоит в том, что надежда, желание, страх человека должны быть «предвестием, данным от Бога». У Сушковой «предвестие» не предмет вопроса; у нее вопрос о том, «как?» и «кто?» Философская аргументация оригинала теряет в переводе свою последовательность.

В соответствии с английским оригиналом, Катон не так легко убедился в истине бессмертия души, на что указывает уже первая из следующих строк:

I'm weary of conjectures — This must end'em;
(Laying his hand on his sword.)
Thus an I doubly arm'd: my death and life,
My bane and antidote are both before me:
This in a moment brings me to an end;
But this informs me I shall never die.
<Пропускаем 13 строк.>
Let quilt or fear
Disturb man's rest, Cato knows neither of 'em,
Indifferent in his choise to sleep or die. [62]
(Берет кинжал.)

Почто мне умножать сомнения в час сей?
И жизнь и смерть моя теперь в руке моей:
В ней исцеление или отрава люта.
Из света изведет меня одна минута
<В обработке в «Российском Вертере» пропущено 16 строк.>
Катонов твердый дух возможет страх презреть.
И для него равно заснуть иль умереть. [63]

Так как в переводе Сушковой всякая оговорка убрана, упомянутые у нее «сомнения» кажутся не на месте. К тому же обстоятельства, при которых Катон произносит свои слова, в ее переводе неясно обрисованы; теряется из виду, что «жизнь» и «смерть», «исцеление»

---

[61] Вечера. Ч. II. С. 196.
[62] Miscellaneous Works... Vol. II. P. 112.
[63] Вечера. Ч. II. С. 197.

и «отрава» означают книгу Платона, доказавшую вечную жизнь человеческой души, и меч, которым Катон покончит с собой. У Сушковой, в отличие от Аддисона, Катон очутился в гамлетовском положении — он стоит перед выбором: быть или не быть. В изолированном отрывке, помещенном М. В. Сушковым в его «Российском Вертере», первоначальные обстоятельства еще больше теряются из виду. В рамках повести слова Катона связываются с высказываниями «российского Вертера» и таким образом могут приобрести совсем другое значение. Например, значение стихов: «Живот и смерть моя теперь в руках моих» — модифицировано фразой из писем российского Вертера: «... в моей воле разрушить теперь мой состав или жить далее...» [64] О книге Платона уже нет речи. Стихи: «Вот изцеление, или отрава люта» — могут выразить такое же скептическое отношение к загробной жизни, как последние стихи другого входящего в повесть стихотворения: «К тебе или к земле с отвагою иду...» Не случайно Сушков пропустил всякий намек на основную тему монолога: бессмертие души.

4

Образ Катона, введенный в повесть «Российский Вертер», изменяет образ самого ее героя. В рамках повести слова Катона — это в то же время слова «российского Вертера»; их образы сливаются. При этом «российский Вертер» присваивает важность, театральное величие Катона. Такое театральное величие присваивает себе и сам Сушков. Как тот, включая в свой текст другие тексты, расширяет и увеличивает значение всего в нем происходящего, так и этот, приравнивая свою судьбу к судьбам литературных или исторических героев, хочет увеличить значение собственных поступков.

Подобная театрализация личной судьбы у людей конца XVIII—начала XIX в. описана Ю. М. Лотманом в его статьях о «программах бытового поведения». [65] Под последним термином Ю. М. Лотман понимает формы поведения, которые более или менее сознательно моделированы по историческим и художественным образцам. Его теория основывается на наблюдении, что человек, сознающий, что он в поле зрения другого человека, делает свое поведение средством коммуникации. Поведение сверх его очевидной целенаправленности приобретает знаковый характер; оно, так сказать, представляет собой текст. Человек, сознательно или несознательно, является автором собственного поведенческого текста. Наблюдатель только может правильно читать этот текст, если разделяет с автором знаковую систему, если знает значение определенных жестов, фраз и поступков.

---

[64] Российский Вертер. С. 76 (письмо XXXIV, декабря 17).

[65] *Лотман Ю. М.* Избр. статьи. Таллин, 1992. С. 248—385. (Культура и программы поведения). См. также: *Лотман Ю. М.* Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: (Сб. в честь академика Д. С. Лихачева). М., 1976. С. 292—297.

Особенно важна при этом эстетическая функция поведения: автор украшает свою личность чужими свойствами.

Одна из программ поведения, актуальных для людей конца XVIII в., давно была известна под названием «бытового вертеризма». Казалось очевидным, что волна самоубийств в конце XVIII в. была возбуждена романом Гете, что были когда-то самоубийцы, которые реализовывали в своей жизни сюжет «Вертера». «Вертер» казался ключом к значению культа самоубийства в тогдашней европейской культуре.

Но в этот период были актуальны и другие образцы самоубийц. Это были герои старого Рима: Брут, Тразей, Сенека и, самый важный среди них, Катон Утический.[66] Жизнеописания их — и сценарий для личного поведения — находили в произведениях Плутарха и Тацита (прокомментированную обработку которых дали Роллен и Кревье в своей «Римской истории», переведенной на русский язык Тредиаковским), в так называемых «галереях знаменитых самоубийц»[67] и в трагедиях. Для восприятия образа Катона особенно важна одноименная трагедия Аддисона 1713 г.

Фигура Катона представляла русским дворянам XVIII в. программу поведения, которой часто следовали. Эта программа подразумевала демонстрацию нескольких героических свойств: радикальная, стоическая мораль; мнение, независимое от общего (т. е. придворного, государственного); невозмутимость при лишениях; неустрашимость перед смертью. В среде русских состоятельных дворян, боровшихся за политическое влияние, подобное поведение было связано с новыми представлениями о дворянском достоинстве.[68] Это делало актуальным образ римской республики вместе с образом главного ее героя, погибшего в борьбе с первым императором-деспотом. Актуальность и в то же время условность «катонского амплуа» отмечены Д. И. Фонвизиным. В своей «Всеобщей придворной грамматике» он называет «подлыми душами шестого рода» тех, которые притворяются «Катонами», но в решительные моменты демонстрируют старое, раболепное и, по мнению Фонвизина, уже нечестное

---

[66] Образ Катона представлял собой программу поведения для самоубийц уже в старом Риме. Сам Катон ориентируется на самоубийство Сократа; он «цитирует» его своим чтением «Федона», в котором описана смерть философа. См.: *Griffin M.* Philosophy, Cato, and Roman Suicide // Greece and Rome. V. XXXIII. № 1 (April 1986). P. 64—77; № 2 (Oct. 1986). P. 192—202.

[67] Ср.: *Rost H.* Bibliographie des Selbstmords. Augsburg, 1927. Здесь упоминаются 4 многотомные биографии самоубийц, изданные на немецком языке в 1785—1805 гг. Самой известной из них была, кажется: *Spiess Chr. H.* Biographien der Selbstmörder. Leipzig, 1786. 4. Bände. Произведение Х. Шписа было переведено на французский язык в 1798—1807 гг. и два раза на русский язык, т. е. в 1808 г. (*с фр.*) и в 1812 г. (*с нем.*). См.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Т. II. С. 229.

[68] Ср.: *Гуковский Гр.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 47—56 (глава: Дворянская честь и воспитание дворянства). Образцом этого поведения являлась также фигура Якова Долгорукого. Так, П. И. Панин осознавал себя новым Долгоруким и Катоном (там же. С. 55—56; 132—134).

для дворянина поведение.[69] Лишь немногие развивали «катонское амплуа» в сюжет, доводили это поведение до рокового конца.[70] Вероятно, гибель Радищева должна была восприниматься как героическая смерть в духе Катона.[71]

Хотя М. В. Сушков озаглавил свою повесть «Российский Вертер», мы можем сказать, что образцом его реального поведения служил не Вертер, а Катон. В письме к Михаилу Храповицкому он просит решительно не посчитать его «обезьяною Вертера, а еще менее безумным», чем он старается предотвратить истолкование своего поступка как подражание Вертеру. Образ Вертера ассоциировался с такими чертами, которые Сушков не хотел придавать собственному облику. Вертер — сентиментальный любовник, водимый страстями, иррациональные мотивы которого близки к безумию. В противоположность этому Сушков хочет представить свой поступок хорошо обдуманным шагом, итогом рациональных, бесстрастных рассуждений. Показательно, что в своих письмах он избегает всякого намека на любовную историю и чувства считает «слабостями». Шутливый тон должен был служить доказательством его равнодушия к смерти. Упоминая имя своего образца, Сушков рассчитывал, что его поступок будет истолкован именно как следование Катону.

Однако его современники не восприняли поступок Сушкова так, как сам он, кажется, того желал. Они видели в нем нарушение благопристойности, признак болезни или, как предвидел сам Сушков, дело дьявольское. Последним образом, т. е. по традиционной христианской знаковой системе, понимает и оценивает его Н. Н. Бантыш-Каменский. Он связывает самоубийство Сушкова с концом Иуды: по преданию, Иуда покончил повешением. Способ, якобы употребленный Иудой, оценивался и во времена Рима (т. е. время раннего христианства), и в XVIII в. как неблагородный. Если способ самоубийства у Сушкова должен был восприняться знаком, то факт, что он повесился, представляет собой проблему. Ведь, как Сушков пишет в одном из своих писем, он располагал пистолетами. Почему он их не употребил? Может быть, он боялся, чтобы его не поставили на одну доску с застрелившимся Вертером. Или веревка — традиционное средство самоубийства для бедных — должна была подчеркнуть его (относительную) бедность. Также возможно, что Сушков хотел уподобить свое самоубийство недавно описанному им

---

[69] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 48—49.

[70] В революционной Франции обстоятельства способствовали сюжетности героического поведения; здесь часто происходили самоубийства по образцу римских героев. Героическим самоубийством покончили все руководители партии жирондистов. Знаменитое самоубийство Борепэра, коменданта осажденного роялистскими войсками города Вердена, 1 сентября 1792 г. во многом повторило историю Катона. Книгу Сенеки, открытую у похвалы о самоубийстве Катона, нашли возле трупа покончившего с собой генерала Пишегру (1804 г.).

[71] *Лотман Ю. М.* Избр. статьи. С. 262—267. Подобный подвиг представлял себе Адам Люкс, намереваясь застрелиться на трибуне французского национального собрания, чтобы придать убедительность своей речи о преступности революционных лидеров. Подвиг не состоялся. Смерть Адама Люкса на эшафоте в 1793 г. явно спровоцирована им самим.

самим самоубийству «российского Вертера» То, что Сушков хотел уподобиться Иуде, не очень вероятно, потому что для него христианский мир представлений не был актуальным

Так, мы видели, что можем различить в русской культуре конца XVIII в два типа самоубийств 1) самоубийство, связанное с любовной историей, образцом этого типа является Вертер, и 2) рационалистичное, стоическое самоубийство главный образец этого типа — Катон

Первый тип — часто употребляемый мотив в русской художественной литературе того времени Мы находим его в повестях «Бедная Лиза» (1792) и «Сиерра Морена» (1793) Карамзина, в «Несчастном М « (1793) А И Клушина и «Аптекарском острове» (1800) В В Попугаева, как и в повести «Инна» (1804) Г П Каменева Двойное любовное самоубийство встречается в повестях «Бедная Маша» (1801) А Е Измайлова и «Спасская лужайка» (1812) И И Лажечникова [72]

Ко второму типу можем отнести самоубийства Радищева, Сушкова и И М Опочинина Самоубийство, представленное в письме Завалишина, тоже последнего типа

Мы видели, что в действительности Сушков не подражал и не хотел подражать Вертеру Сушков не является русским Вертером и его повесть — не автобиографическая Отношение реального самоубийства Сушкова к самоубийству, описанному в его повести, выясняется при сравнении реального поведения Гете с поведением Вертера Издавна думали, что роман «Страдания молодого Вертера» — автобиографический, и что его герой — изображение самого автора Однако в тринадцатой книге своих воспоминаний «Поэзия и правда» Гете пишет о том времени, когда создавал «Вертера», и здесь оказывается, что причиной его навязчивой идеи о самоубийстве явилось не любовное разочарование, а восхищение образом римского императора Отона Гете восхищается именно тем, что Отон при совершении своего самоубийства (в 69 г н э) сохранил хладнокровие и самообладание до самого последнего момента Некоторое время молодой Гете пытался подражать Отону, но после нескольких половинчатых попыток с кинжалом он решил избавиться от своей навязчивой идеи художественным актом Решив написать роман о теме самоубийства, он, однако, долго не мог придумать сюжет Желаемый сюжет, так пишет Гете, дало ему самоубийство его друга Иерузалема, покончившего с собой из-за несчастной любви к замужней женщине [73]

В XVIII в литературная форма повести или романа требовала любовной истории Поэтому если интерес к самоубийству в реальности касался самоубийства римского, героического типа, то в рома-

---

[72] «Сиерра Морена» опубликована в кн *Карамзин Н М* Избр сочинения В 2 т М , Л 1964 Т 1 С 674—679 Все остальные повести напечатаны в кн Ландшаф моих воображений Страницы прозы русского сентиментализма М 1990

[73] *Goethe J W* Samtliche Werke (Gedenkausgabe) Zurich, 1949 T 10 (Dichtung und Wahrheit) S 638—639

нах и повестях мотивы поступка могли представляться в искаженной форме — самоубийство по типу Вертера. Так и Сушков из-за литературных условностей не смог представить проблему самоубийства в своей повести иначе, чем с помощью романического сюжета. Из этого мы можем заключить, что «вертеризм» конца XVIII—начала XIX в. был прежде всего внутрилитературным явлением. Ряд реальных самоубийств в это время определяется типом поведения, который можем обозначить как «бытовой катонизм».

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ДВА ИЗДАНИЯ «МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА» Н. М. КАРАМЗИНА

«Московский журнал» (1791—1792), с которого началась литературная слава Карамзина, был одним из наиболее значительных русских периодических изданий и многократно привлекал к себе внимание исследователей.[1] По наблюдению П. Н. Беркова, «ни у одного из журналов конца XVIII в. (за исключением «Трутня» и «Живописца», выдержавших по нескольку изданий) не было такого количества подписчиков.[2] Самый факт переиздания «Московского журнала» в полном объеме (с первой по восьмую часть) в 1801—1803 гг. — явление замечательное.

Между тем до сих пор почти не изучен процесс работы Карамзина над этим вторым изданием: лишь эпизодически сопоставлялся его текст с первым изданием. Имеющиеся разночтения последовательно учтены только по тексту «Писем русского путешественника».[3]

Оба издания разделяет достаточно большой хронологический промежуток — десять лет, которые были для Карамзина годами самой интенсивной литературной и издательской работы. Почти одновременно со вторым изданием «Московского журнала» писатель выпускал и новый журнал — «Вестник Европы» (1801—1803). Благодаря этому читатель мог сравнить два разных типа издания и вместе с тем проследить творческую эволюцию Карамзина.

---

[1] См.: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 497—521; *Кряжимская И. А.* Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 262—275; *Орлов П. А.* Литературная программа «Московского журнала» Карамзина // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1966. № 2. С. 136—146; *Брискман М. А.* Критическая библиография в «Московском журнале» Н. М. Карамзина // Книга: Исслед. и мат. М., 1972. Вып. 23. С. 211—217; *Пирожкова Т. Ф.* Н. М. Карамзин — издатель «Московского журнала» (1791—1792). М., 1978; *Кафанова О. Б.* Переводы Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1985. Вып. 11. С. 58—75; *Cross A. G.* Karamzin's Moskovskii Zhurnal: Voice of a Writer, Broadsheet of a Movement // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1987. Avr.-juine. XXVIII (2). P. 121—126.

[2] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 500.

[3] См.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 391—448.

© Н.Д. Кочеткова, 1995

Возвращение писателя к изданию десятилетней давности можно рассматривать и как важный факт самооценки: достаточно критически относясь к своим юношеским литературным опытам, Карамзин признает «Московский журнал» достойным нового внимания публики. Интересно в связи с этим свидетельство Г. П. Каменева, рассказывавшего о своей встрече с Карамзиным в октябре 1800 г. В состоявшемся между ними разговоре Карамзин «признавался, что до издания Московского журнала много бумаги им перемарано и что не иначе можно хорошо писать, как писавши прежде худо и посредственно». [4] Одновременно Каменев сообщал интересные подробности: «Журнал его скоро выдет новым тиснением; но только цензура не пропустила некоторые пиесы, находящиеся в старом издании, как то: Барух или Варух и протчее». [5]

Во втором издании сохранено членение на части и месячные выпуски. Однако они вовсе не приурочены к соответствующим месяцам 1801—1803 гг. Более того, первые две части помечены 1802 г., а третья и четвертая — 1801 г.; пятая и шестая — снова 1802-м, наконец, седьмая и восьмая — 1803 г. Таким образом, можно полагать, что Карамзин отдавал в типографию сразу несколько подготовленных им частей, по крайней мере сперва четыре части 1791 г., а затем остальные (с четвертой по восьмую) 1792 г.

В воспоминаниях, относящихся к февралю 1801 г., И. А. Второв так рассказывает о работе Карамзина над вторым изданием: «На столе у него лежали напечатанные листы «Московского журнала», издаваемого им в 1791 и 1792 годах. Книгопродавцы перепечатывали его вновь, с позволения издателя, и он сам рассматривал корректуру». [6] Очевидно, в процессе этого просмотра корректуры и вносились поправки самого разного характера, содержащиеся во всех восьми частях издания.

Многие произведения Карамзина, появившиеся впервые в «Московском журнале» (в частности, повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Прекрасная Царевна и счастливый Карла» и целый ряд других сочинений), перепечатывались затем и в сборнике Карамзина «Мои безделки» (М., 1794; 2-е изд. М., 1797), причем сравнение этих публикаций позволяет выявить немало интересных разночтений, свидетельствующих об изменении стилистических принципов писателя. [7] Однако обращает на себя внимание тот факт, что правка, осуществленная Карамзиным в период подготовки сборника, осталась совершенно не учтенной им при работе над вторым изданием «Московского журнала», как показывает обращение к этим текстам. Возможно, у Карамзина просто не было времени возвращаться к своей правке, предпринятой для «Моих

---

[4] Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову // Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Казань, 1902. Т. 3. С. 134.

[5] Там же.

[6] *Второв И. А.* Записки // Русская старина. 1891. № 4. С. 7.

[7] См.: *Виноградов В. В.* О стиле Карамзина и его развитии: (Исправление текста повестей) // Процессы формирования лексики русского литературного языка: (От Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 237—258.

безделок». Итак, второе издание журнала явно печаталось непосредственно с первого, а правка вносилась заново — или прямо по тексту экземпляра, передававшегося в типографию, или при чтении корректуры.

О том, что Карамзину действительно приходилось спешить, свидетельствует еще одна мелкая деталь, впрочем, достаточно характерная. Во второй части июньского выпуска журнала в разделе «Московский театр» была помещена рецензия на постановку пьесы А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». В первом издании в рецензии содержалась отсылка к соответствующему письму из «Писем русского путешественника», в котором описывалась постановка этой же пьесы в Берлине (письмо было напечатано в апрельском выпуске). В «Московском журнале» 1791 г. дана совершенно точная отсылка: «апрель, стр. 15—20». В этом же виде она воспроизведена и в издании 1802 г., хотя нумерация страниц обоих изданий, разных по формату, существенно смещена и не совпадает ни в одной части. Отсылку следовало исправить, но Карамзин оставил это незамеченным или просто не счел нужным выверять страницы по второму изданию.

В то же время, перепечатывая восьмую часть журнала, где была опубликована повесть «Наталья, боярская дочь», Карамзин, видимо, обратил внимание на несуразность отсылок с указанием несовпадающих страниц и просто вычеркнул их. Тем не менее и в этом случае заметна спешка: повесть была начата печатанием в октябрьско-ноябрьском выпуске, а окончание появилось в декабрьском все той же восьмой части. Ссылки в декабрьском выпуске первого издания (с. 237, 248, 249) помогали читателю найти соответствующие эпизоды повести и лучше понять ход событий. Во втором издании в ссылках (с. 238, 249, 250) указывалось только: «См.: Москов. Жур. Часть VIII». «М. Ж. Часть VIII». Подобные примечания, помещенные в той же самой восьмой части без указания страниц, теряли всякий смысл.

Вместе с тем каждая часть журнала подверглась весьма существенным изменениям. Как уже упоминалось, второе издание отличается от первого прежде всего по составу: новых произведений не вносилось, но исключен целый ряд, причем, можно полагать, по разным мотивам — не только из-за цензурных ограничений, но и по воле самого писателя.

По разным причинам не были перепечатаны списки подписчиков на первое издание. Исключены или частично сокращены некоторые примечания издателя. Из «Предуведомления» изъяты фразы, не имевшие уже отношения ко второму изданию: «Кому угодно будет сообщать мне свои сочинения или переводы, того прошу присылать их в Университетскую книжную лавку, с надписью: Издателю Московского журнала. Фронтиспис к первой части журнала гравируется: но почтенные субскрибенты могут получить его не прежде, как месяца через два». [8]

---

[8] Московский журнал. 1791. Ч. 1, январь. С. 5.

Интересные отличия можно заметить и в подписях под публикациями. Наконец, самые тексты подверглись значительной правке. Иногда она имеет смысловой характер, но особенно многочисленны стилистические исправления.

Прежде чем анализировать все эти изменения, остановимся на публикациях, которые не вошли во второе издание. Перечислим их в том порядке, как они помещались в «Московском журнале» 1791—1792 гг.

1) Выздоровление. — Ч. 1, февраль. С. 146—148. Подпись: К. <Н. М. Карамзин>.

2) Театр графа Прованского. — Ч. 1, февраль. С. 222—223. Без подписи.

3) Барух, или Ученик мудрости. Повесть. — Ч. 2, июнь. С. 223—252. С примечанием: «Сею повестию, переведенною из Bagatellen von Anton Wall обязан я любезному... Но он не хочет, чтобы я наименовал его. — К.».

4) Стихи госпоже АН. — Ч. 3, август. С. 128—129. Подпись: — въ. С примечанием: «Сообщены от неизвестной особы».

5) Ответ ее. — Ч. 3, август. С. 129—131. Подпись: Ан.

6) Подражание Проперцию. — Ч. 5, январь. С. 10—12. Подпись: И. <И. И. Дмитриев>.

7) О русских книгах. Палефата греческого писателя о невероятных сказаниях, предложил и примечаниями своими изъяснил Федор Туманский. СПб., 1791. — Ч. 5, январь. С. 137—148. Подпись: В. П. <В. С. Подшивалов>. С примечанием: «Реценсия прислана издателю от одного из его знакомых. — К.».

8) О суждении книг. — Ч. 5, февраль. С. 277—290. Подпись: Ф. Т. <Ф. О. Туманский>. С примечанием: «Сия пиеса прислана ко мне из Петербурга при следующих строках: «Угодно вам было в январе месяце Московского журнала поместить реценсию на перевод Палефата: надеюсь от вашего беспристрастия, что не откажете и в помещении влагаемого здесь возражения», — Я с великим удовольствием помещаю оное, желая, чтобы критика и антикритика приносила пользу нашей литературе. — К.».

9) Письмо к издателю от писавшего реценсию на Палефатовы сказания. — Ч. 5, март. С. 379—390. Подпись: В. По. <В. С. Подшивалов>.

10) Разные отрывки. (Из записок одного молодого Россиянина). — Ч. 6, апрель. С. 65—73. Без подписи. Атрибутируется Н. М. Карамзину.

11) К Милости. — Ч. 6, май. С. 117—119. Подпись: Ц. Ы. <Н. М. Карамзин>.

12) Утешение дружбы. — Ч. 7, сентябрь. С. 357—359. Подпись: А. М. С примечанием: «Те, к которым писано сие письмо, желали, чтобы оно было напечатано в журнале. Я с удовольствием исполнил их желание. — К.».

Среди этих двенадцати публикаций произведения очень разные, принадлежащие как Карамзину, так и другим авторам. Из-за цензурных препятствий, как мы знаем по свидетельству Г. П. Каменева,

была изъята повесть «Барух, или Ученик мудрости», принадлежащая немецкому писателю Х. Л. Гейне, выступавшему под псевдонимом Антон Валль и достаточно известному в России в конце XVIII в.[9] Перевод повести, напечатанный в «Московском журнале», В. В. Фурсенко и Ю. М. Лотман с основанием атрибутируют А. А. Петрову.[10] Это сочинение, имеющее ярко выраженный сатирический характер (в частности, царь назван здесь «измозглой фигурой» и т. п.), конечно, могло вызвать беспокойство усердных цензоров павловского времени. Кстати, может быть, именно из-за изъятия повести первые две части второго издания «Московского журнала» вышли из печати после третьей и четвертой — уже не в 1801-м, а в 1802 г.

Что же еще могло быть запрещено и имелось в виду Каменевым под словом «прочее»? Из приведенного списка прежде всего обращает на себя внимание известное стихотворение Карамзина «К Милости», явившееся в свое время смелым выступлением в защиту только что арестованного Н. И. Новикова и подвергнутых репрессиям его товарищей (И. П. Тургенева, И. В. Лопухина и других участников масонского кружка). Учитывая, что Карамзин ценил это стихотворение и включал его в свои сборники и собрания сочинений, помещая в самом начале,[11] невозможно предположить, что поэт по собственной воле изъял его из второго издания «Московского журнала». Едва ли стихотворение подверглось запрещению при Павле I, который после восшествия на престол покровительствовал тем, кто был гоним Екатериной II. Явно, что шестая часть, в которой напечатана ода «К Милости», проходила цензуру уже после воцарения Александра I. В это время могло уже вновь показаться нежелательным произведение, в котором Екатерина II представала далеко не в самом лестном виде, поскольку «милости» к обвиненным, как известно, проявлено не было.

Другие пропуски публикаций во втором издании едва ли можно связывать с цензурными затруднениями. Лишь весьма предположительно это может быть отнесено к статье «Разные отрывки. (Из записок одного молодого Россиянина)». Атрибутируя эту статью Карамзину, В. В. Виноградов убедительно показал, что здесь затронуты «все те проблемы, которые выдвигались перед молодыми питомцами новиковской школы».[12] Правда, трактовались эти проблемы совершенно самостоятельно, многое даже вступало в противоречие со взглядами масонов — участников новиковского кружка. Статья решительно не понравилась А. А. Петрову, который писал Карамзину 19 июля 1792 г.: «Что я разумел под *человекоугодничеством,*

---

[9] См.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и Антон Валль // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 245—258. (XVIII век. Сб. 8).

[10] См.: *Лотман Ю. М.* Примечания // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 385. (Библиотека поэта, большая серия).

[11] Там же. С. 386.

[12] *Виноградов В. В.* Неизвестные сочинения Н. М. Карамзина // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 268.

писавши к тебе об отрывках из Записок одного молодого Россиянина, теперь, право, сам не знаю. Знаю только, что хотел тогда сказать тебе, что я не почитаю этой пиесы твоею, или, по крайней мере, не желал бы, чтоб она была твоя». [13] Вполне возможно, что после такого отзыва близкого друга, мнением которого он очень дорожил, писатель и сам отказался от публикации статьи во всех последующих изданиях своих сочинений. [14] Во всяком случае, спустя десятилетие Карамзин во многом уже совсем по-другому относился к тем вопросам, которые были затронуты в «Разных отрывках». [15]

Менее всего можно обвинять цензуру, если говорить о стихотворении «Выздоровление» — еще одном карамзинском произведении, не вошедшем во второе издание. Его тексту была предпослана ритмическая схема, а в конце сделана помета: «13 декабря 1789 г. Женева». Позднее Карамзин вообще не перепечатывал этого стихотворения, очевидно считая его недостаточно совершенным.

Возможно, подобные же соображения заставили и И. И. Дмитриева настоять на исключении принадлежавшего ему стихотворения «Подражание Проперцию». Маловероятно, чтобы Карамзин сделал такой пропуск по собственной инициативе. Дмитриев же, проявив строгую взыскательность прославленного автора к своему творчеству, отказался от включения этого стихотворения в последующие издания.

Особую группу изъятых из второго издания публикаций составляют достаточно бесцветные сочинения случайных авторов: «Стихи госпоже АН», «Ответ ее», «Утешение дружбы». Видимо, по поводу «Ответа», напечатанного в августовском выпуске 1791 г., Карамзин писал Дмитриеву: «Август дней через семь может отправиться в Петербург. Тут увидишь сочинение одной девицы, в котором есть гладкие стихи, но нет поэзии». [16] Объясняя необходимость печатать подобные произведения, Карамзин признавался: «Люди, мною уважаемые, иногда просят, чтобы я помещал в журнале вялые рифмосплетения или детей их, или племянниц, или племянников. Иногда бываю принужден исполнять их желания». [17]

Наконец, три публикации, непосредственно связанные между собой, являют любопытнейший пример литературной полемики в «Московском журнале»: рецензия В. С. Подшивалова на перевод Ф. О. Туманского, его ответ и заключительный отклик рецензента.

В рецензии речь шла и о выборе книги для перевода, и о самом переводе. Отмечая, что Палефат «часто выводил сам нелепые басни», [18] критик писал: «Для чего ж бы догадки Древних препочитать

---

[13] Письма А. А. Петрова к Карамзину. 1785—1792 // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 510.

[14] См.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. С. 270.

[15] См.: *Лотман Ю. М.* 1) Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1957. № 51. С. 122—162; 2) Сотворение Карамзина. М., 1987.

[16] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866. С. 21.

[17] Там же. С. 22—23.

[18] Московский журнал. 1791. Ч. 5, январь. С. 140.

догадкам Новейших <...> Мы по крайней мере можем рекомендовать при сем отлично сочинения Новейших, Английскую Митологию, в четырех томах в Лондоне вышедшую, и Морицево о богах учение на немецком языке».[19]

Перевод Туманского Подшивалов критиковал за «неприличную смесь славянского с русским» («уста» и «глотка» и т. д.), за «многие славянские слова, некстати употребленные, напр. *дондеже, весь, якобы он могл видеть* и проч.», за грамматические ошибки и ошибки в написании греческих имен. Вместе с тем рецензент достаточно корректно высказал свои замечания, заключив их пожеланием, «чтобы погрешности, вкравшиеся в книгу сию, были выправлены при втором издании».[20]

Помещая в следующем выпуске ответ раздраженного Туманского, Карамзин снабдил его статью столь многочисленными примечаниями, что они не только отразили позицию издателя, целиком поддержавшего Подшивалова, но и составили своеобразный этюд, содержавший заявления программного характера. Приведем отрывки из статьи Туманского, вызвавшие несогласие Карамзина и соответствующие издательские примечания.

Не судите, да не судимы будете. *

* Но неужели вы хотите, чтобы совсем не было критики? Что была немецкая литература за тридцать лет перед сим, и что она теперь? И не строгая ли критика произвела отчасти то, что немцы начали так хорошо писать? — К. (С. 278).

Собрание ученых, конечно, здравее судить может, нежели один человек, обуреваемый страстию гордости, самомнения, зависти и пр. Но и самые сии общества весьма часто ошибаются в их суждениях,* как то опыт разных веков доказал.

* Целое общество не может писать резенсии на сочинение или перевод; пишет ее всегда один человек, хотя и под именем общества. — К. (С. 279).

Частных людей суждения, в газетах, журналах и пр. сообщаемые, никогда от людей умных уважаемы не были...*

* Для чего, если оные справедливы? Один человек может сказать: это хорошо, это дурно — сказать беспристрастно и не ошибиться. По крайней мере, не все писатели за подарки истощевают хвалы. — К. (С. 279).

Объявляющий свое мнение должен соблюдать учтивость, благопристойность,* кротость.

* Или я грубо ошибаюсь, или в реценсии на Палефата нет никакой неучтивости и неблагопристойности: иначе я не поместил бы ее в Москов. Журнале. — К. (С. 280).

---

[19] Там же. С. 142—143. Очевидно, это пожелание имело влияние на дальнейший подбор публикаций Карамзина для «Московского журнала», где были вскоре помещены следующие статьи: «Нечто о мифологии», глава из «Учения о богах» («Götterlehre») К. Ф. Морица (Ч. 6, июль. С. 277—285) и сочинение Ф. Бутервека «Аполлон. Изъяснение древней аллегории» (Ч. 8, октябрь и ноябрь. С. 118—131).

[20] Там же. С. 148.

Каково бы показалось, если бы кто выписал мелочи из трудного и конечно хорошего перевода Виргилиевой Энеиды...*	*Перевод Энеиды не имеет никакой связи с рецензиею на Палефата: в сем могу я уверить особу, писавшую возражение. Многие фамилии начинаются с одной буквы. — К. [21] (С. 280).
Находить погрешности в сочинениях или переводах, конечно, легче,* нежели сочинять или переводить, и охота к суждению трудов чуждых была всегда пищею мелких умов.**	*Однако ж не всякий может находить их; для сего надобно иметь вкус и знания. — К. **Лессинг, Мендельзон судили книги; но можно ли назвать их мелкими умами? — К. (С. 281).
Не может быть хорошее расположение сердца у того, кто бранит* и прячется; дело решит, но в подписи имя свое скрывает.**	*Это слишком сильно сказано. Мне кажется, что в рецензии нет брани. Справедливы ли или нет замечания рецензента, но оне касаются только до книги, а не до особы господина переводчика. — К. (С. 282). **Зная лично г. рецензента, я уверен, что он не побоится сказать своего имени — и если угодно господину переводчику, то он может узнать оное от издателя журнала. — К. (С. 282).
По надутому его (рецензента. — *Н. К.*) суждению видно, что он себя всех умнее считает; что есть лучший российского языка знаток, во всех науках и знаниях превосходнейший и ни в чем не ошибается.*	*Я не знаю, из какого места рецензии можно вывести такое заключение. — К. (С. 289).
Если бы между тем благоволил он объявить свое имя и фамилию, легко бы можно было тогда изъяснить, что подвигло его к рецензии на Палефата и что за причина разлития его желчи.*	*Это опять слишком сильно сказано, и я уверен, что рецензент никак не думал сделать зла господину переводчику. — К. (С. 290).

Характерно, что все это, так же как и статью Подшивалова, которой завершалась полемика, Карамзин не захотел включать во второе издание «Московского журнала». Самые взгляды его на критику и ее задачи в начале 1800-х гг. существенно изменились. Как бы оспаривая свои собственные былые утверждения, в «Вестнике Европы» Карамзин писал: «Что принадлежит до критики новых русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностию нашей литературы (не говоря уже о неприятности иметь дело с беспокойным самолюбием людей). В авторстве полезнее быть судимым, нежели судить». [22]

Между тем интерес к критике в это время существенно возрос, и благодаря второму изданию «Московский журнал» снова оказался в центре внимания. А. А. Писарев поместил в журнале «Северный

---

[21] Ф. О. Туманский заподозрил, что автором рецензии был переводчик «Энеиды» В. П. Петров.

[22] Вестник Европы. 1802. № 23. С. 228—229. Об эволюции взглядов Карамзина на критику см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 61—63.

вестник» «Рассмотрение рецензий из Московского журнала». [23] Можно с полным основанием полагать, что Писарев пользовался вторым изданием: в его «Рассмотрении» обойдена молчанием вся полемика вокруг перевода «Палефатовых сказаний». Впрочем, эта полемика явно не может вызвать сочувствия Писарева. Карамзин должен был предстать как образцовый журналист и рецензент, в суждениях которого «нет ни пристрастной похвалы, ни колких насмешек, ни решительных определений» и который «поправляет ошибки со всею скромностью истинного любителя и знатока в словесности». [24]

Видимо, и самому Карамзину импонировал такой образ, складывавшийся в глазах современников. Писатель демонстративно отказался и от полемики с А. С. Шишковым. Та же вполне определенная тенденция прослеживается и в исключении ряда примечаний во втором издании «Московского журнала» — стремление всячески приглушить или устранить полемику, изъять слишком резкие критические высказывания. Показательно, что писатель не поместил в новом издании журнала заметку «Театр графа Прованского», в которой итальянская комическая опера «Il cavaliere errante» была названа «слишком холодной и скучной». [25]

Особенно интересны изменения, произошедшие с публикацией анонимной прозаической «басни» «Соловей и Ворона» (ч. 3, август). Ворона, «глупая, но честолюбивая тварь», пытается затмить славу «любезного Соловья» и терпит поражение. Кончалась басня фразой: «Безграмотные русские стихотворцы! и вы поете: но — — ». [26] К слову «безграмотные» осторожный Карамзин еще в первом издании сделал следующее примечание: «То есть те, которые ни читать, ни писать не умеют; но я, нижеподписавшийся, не знаю ни одного русского стихотворца, который бы не умел ни читать, ни писать, и потому думаю, что сочинитель сей басни говорит о фантомах своего воображения. — Издатель». [27]

Во втором издании отсутствуют и приведенная фраза, и примечание. Басня лишается, таким образом, своей ярко выраженной полемической направленности. Это было тем более существенно, что у читателя могли возникнуть совершенно определенные ассоциации: Г. Р. Державин в стихотворении «Прогулка в Сарском селе», напечатанном в том же самом августовском выпуске «Московского журнала», писал:

Пой, К<арамзин>, и в прозе
Глас слышен соловьин. [28]

Хотя Карамзин полностью не назвал своего имени ни в первом,

---

[23] Северный вестник. 1804. № 8. С. 141—158.
[24] Там же. С. 149, 153.
[25] Московский журнал. 1791. Ч. 1, февраль. С. 222—223.
[26] Там же. Ч. 3, август. С. 198.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 127.

ни во втором издании, совсем не трудно было догадаться, о ком шла речь. [29]

Карамзин снял и ряд примечаний к переведенной с немецкого языка статье «Жизнь и дела Иосифа Бальзама так называемого графа Калиостро». [30] При этом сокращению подверглись не все, а лишь наиболее язвительные примечания. Приведем текст «Предуведомления немецкого переводчика», к которому в первом издании было сделано два следующих примечания:

Сочинитель в предисловии своем делает жестокие упреки нашему просвещенному веку. Он <...> думает, что невежество Древних* было гораздо безвреднее, нежели многоведение Новых.**	* Каких Древних? Неужели древних греков? неужели римлян? Но сочинитель говорит, конечно, о средних веках, когда папы правили почти всею Европою. ** Да, г. Патер (или как тебя зовут иначе)! тебе очень досадно, что люди стали умнее и что вы не можете ныне делать то, что прежде делали. [31] (С. 206).

Сохранив первое из приведенных примечаний, Карамзин исключил второе, так же как и саркастическое примечание к тексту итальянского биографа Калиостро: «Римский теолог сказывает здесь, какие женщины ему нравятся». [32]

Исключая из второго издания слишком резкие оценки, Карамзин вместе с тем изъял и некоторые хвалебные отзывы. Так, стихотворение «Перемена судьбы моей» появилось с примечанием, впоследствии снятым: «Кто не порадуется тому, что у нас есть девицы, которые так чувствуют, и так выражают свои чувствования!» [33]

Самая разительная перемена произошла в рецензии на роман Т. Холкрофта «Анна Сент-Ив». Первоначально отзыв Карамзина был самый восторженный: «Роман, каких мало! произведение истинных дарований, произведение любимца Аполлонова! Характеры Анны Ст. Айвс, Франка Генлея и Клифтона изображены почти так, как Шекспир изображал характеры. Ричардсон есть конечно великий писатель; но некоторым кажется он холоден: никто не скажет сего о Голькрофте, который пишет как вдохновенный, как Поэт. В приключениях много чудного, или лучше сказать, удивительного; но нет ничего невозможного или совсем невероятного — любопытство читателей кончится на последней странице. — Таким образом английская литература снова возвышается. Сеерс и Голькрофт являются на сце-

---

29 Полностью имя Карамзина появилось впервые в державинском издании 1798 г. По убедительному предположению Я. К. Грота, Державин написал это стихотворение специально для «Московского журнала». См.: *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1868. Т. 1. С. 303—304. Впоследствии Карамзин вернулся к этой теме в стихотворениях «Соловей, Галки и Вороны» (1793) и «Филины и Соловей, или Просвещение» (1803).

30 Источник перевода указан О. Б. Кафановой. См.: *Кафанова О. Б.* Библиография переводов Карамзина (1789—1800) // XVIII век. Л., 1988. Сб. 16.

31 Московский журнал. 1791. Ч. 4, ноябрь. С. 205. Ср.: Московский журнал. 1801. Ч. 4, ноябрь. С. 197—198.

32 Там же. 1791. Ч. 4. С. 226. Ср.: Там же. 1801. Ч. 4. С. 218.

33 Там же. 1791. Ч. 2, июнь. С. 221.

не, и публика увенчевает их лаврами» [34] Вместо всех этих тирад во втором издании появился самый краткий убийственный отзыв «Сла бый роман, каких много!» [35]

Анализируя отношение Карамзина к произведению английского романиста, К С Рукшина показала, как оно было связано с эволюцией его общественных взглядов [36]

Наконец, есть группа примечаний, не попавших во второе издание по не совсем ясным причинам Так, к последней фразе повести «Райская птичка» первоначально было сделано следующее приме чание «Мысль сей пиесы взята из русской народной сказки и показывает, что у нас на Руси давно уже имели понятие о чудесном действии гармонии на сердце человеческое Я нахожу в сей выдумке нечто пиитическое» [37] Может быть, Карамзин не захотел подсказывать читателю оценку повести, может быть, он решил не указывать источника сюжета, чтобы подчеркнуть романтический характер повести [38]

По каким-то мотивам писатель изъял и примечание к переведенной им мнимой переписке П Бейля и А Шефтсбери, представлявшей собой в действительности сочинение И А Эберхарда [39] При публикации первого письма, озаглавленного «Бель к Шафтебури», Карамзин указал «Сие и следующее письмо переведены из Lettres choisies de Mr Bayle T III» [40] Возможно, за время, разделявшее первое и второе издания «Московского журнала», он узнал, что это вымышленная переписка, потому и снял примечание

В примечании к рубрике «Парижские спектакли» оказалась сокращена часть текста, а именно «Впредь известия сии, переводимые из Mercure de France, будут сообщаемы если не во всякой книжке, то, по крайней мере, через нумер» [41]

Карамзину не удалось выполнить это обещание Вначале рубрика появлялась действительно «через нумер» после февраля — в апреле, затем в июне Но потом перерыв получился уже в два месяца (июнь — сентябрь — декабрь) В 1792 г издатель смог только дважды рассказать о парижских спектаклях (в марте и в мае) Таким образом, Карамзин снял примечание с полным основанием

Изымая некоторые публикации и примечания, писатель, как правило, не менял заглавий тех произведений, которые включались им

---

[34] Там же 1792 Ч 7, август С 256—257

[35] Там же 1803 Ч 7, август С 261

[36] См *Рукшина К С* Н М Карамзин и английская демократическая литература 90 х годов XVIII века (К вопросу об эволюции мировоззрения Н М Карамзина) // Изв АН СССР Сер лит и яз 1976 Т 35 № 2 С 131—143

[37] Московский журнал 1791 Ч 3, август С 201

[38] См *Крестова Л В* Древнерусская повесть как один из источников повестей Карамзина // Исслед и мат по древнерусской литературе М , 1961 С 205—208

[39] См *Rothe H* N M Karamzins europäische Reise Der Beginn des russischen Romans Berlin, Zürich, 1968 S 123, *Кафанова О Б* Библиография переводов Н М Карамзина // XVIII век Сб 16 С 325

[40] Московский журнал 1791 Ч 3, август С 150

[41] Там же Ч 1, февраль С 207

во второе издание. Исключение составляет отказ от двойного заглавия «Бедный с собакою. Отрывок из Стернова сочинения» (ч. 3, сентябрь. С. 277). Очевидно, заглавие принадлежало не Карамзину, а некоей «переводчице». Издателю, видимо, название отрывка не показалось удачным, потому оно и было снято при перепечатке. [42]

Особого внимания заслуживает вопрос об изменениях подписей под публикациями.

В 1791—1792 гг. Карамзин печатал большинство своих произведений без подписи. Этот же принцип в основном сохранен и в издании 1801—1803 гг. Некоторые, причем наиболее значительные сочинения писателя появились в «Московском журнале» под экзотическими инициалами. Так, «Бедная Лиза» впервые была напечатана за подписью «Ы» (1792. Ч. 6, июнь. С. 277). Во втором издании знаменитая повесть появилась уже без подписи. За это время «Бедная Лиза» приобрела необыкновенно широкую популярность, и в объявлении об отдельном издании повести (1796) сообщалось, что в продажу поступило «известное сочинение г. Карамзина». [43]

Повесть «Наталья, боярская дочь» также пользовалась известностью, но автор не издавал ее отдельно. Может быть, поэтому Карамзин и сохранил при переиздании «Московского журнала» свою первоначальную подпись: «Ы. Ц. Ч.» (ч. 8, октябрь—ноябрь). Точно так же во втором издании воспроизведена и его подпись «Ч. Ш. Щ.» под повестью «Прекрасная Царевна и счастливый Карла» (ч. 7, август), подпись «—нъ» под повестью «Лиодор» (ч. 5, май).

Ряд своих публикаций писатель помечал буквой «К.», и в некоторых случаях эта подпись была снята: стихотворение «Филлиде» (ч. 1, январь), «анекдот» «Самоубийца» (ч. 1, январь), прозаический этюд «Невинность» (ч. 2, апрель). Подпись «К.» сохранилась, однако, в «Предуведомлении» к поэме барда Оссиана «Картон» (ч. 2, май) и в ряде примечаний издательского характера. Есть примеры, когда подпись «К.» изъята и из примечаний: примечание к переводу из «Психологического магазина» К. Ф. Морица «Чудный сон» (ч. 1, февраль), примечание к тексту «Сцен из Саконталы» Калидасы (ч. 6, май), примечание к «Русской песне» («Вечерком румяну зорю...») Н. П. Николева (ч. 7, сентябрь), примечание к переводу статьи «Аполлон» Ф. Бутервека (ч. 8, октябрь—ноябрь). Во всех остальных случаях (а их значительно больше) подпись «К.» сохранена.

Значительная часть произведений Карамзина печаталась в «Московском журнале» без подписи («Письма русского путешественника», книжные и театральные рецензии, мнгочисленные переводы, стихи и проч.), и ни в одном случае при перепечатке он не стал означать своего авторства и во втором издании. По-видимому, Карамзин стремился сделать так, чтобы его подпись, в том числе легко узнаваемая буква «К.», не бросалась в глаза читателю. Слишком уж значителен был вклад самого издателя в «Московский журнал» по

---

[42] Об эволюции стернианства Карамзина см.: *Канунова Ф. З.* Карамзин и Стерн // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 258—264.

[43] *Прибавление к Московским ведомостям.* 1796. № 93, 19 ноября.

сравнению с другими сотрудниками. Очевидно, с течением времени у Карамзина лишь усилилось стремление представить свое периодическое издание как результат коллективного, а не индивидуального труда.

Особенно интересны изменения в подписях под публикациями И. И. Дмитриева. Вносились они, по всей видимости, по согласованию с автором. В первом издании «Московского журнала» его произведения помещались за подписью «И.» Карамзин писал другу в 1791 г.: «Пожалуй, скажи, знает ли наш любезный Державин, что И в московском Журнале означает Ивана Ивановича Дмитриева? <...> Сколько мне известно, то никто из читателей журнала не восстает против стихотворений под буквою И. Их читают и хвалят». [44]

Спустя несколько лет в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» с 1796 г. стали появляться многочисленные публикации за этой же подписью, но принадлежавшие явно не Дмитриеву, а, скорее всего, В. С. Подшивалову, одному из издателей журнала. [45] Возможно, современники (как и позднейшие исследователи) продолжали приписывать эти публикации Дмитриеву. Чтобы избежать путаницы, поэт стал по-новому подписывать свои стихи, печатавшиеся в «Приятном и полезном препровождении времени»: «—ъ», «—въ» и др.

Сопоставляя два издания «Московского журнала», можно заметить здесь следующие изменения в подписи Дмитриева. В январском выпуске первой части вместо «И.» появилась подпись «И. Д.»: «Истукан дружбы», «Червонец и Полушка»; в февральском и мартовском — вместо «И.» — «Дм.»: «Счет поцелуев», «Письмо к Прелесте», «Я», эпиграммы («Поверю ль я тебе, Кащей...» и «Почто ты Мазона, мой друг, не прочитаешь...»). Во второй части подпись «И.» сохранена: «Надежда и Страх. Притча», «Надпись к статуе Юпитера», «На смерть попугая». В третьей части «И.» последовательно заменено подписью «—въ.»: «Быль», «Эпиграмма» («Кто хочет, тот несчастья трусь...»), «Надпись к портрету Ефрема Живописца», «Любовь и дружество». В четвертой части в октябрьском выпуске подпись «И.» оставлена без изменений: «Разговор прохожего с горлицей», «Надпись к портрету господина...», «Эпитафия» («Он врал, теперь уже не врет...»). Однако в следующем, ноябрьском, выпуске этой же части снова все публикации Дмитриева вместо «И.» подписаны «—въ»: «К лире», «Эпиграмма» («Мне лекарь говорил: "Нет, ни один больной..."»), «К Климене». В декабрьском же выпуске «И.» было заменено на «Д.»: «Письмо к ***» («Какое зрелище для нежныя души...»). В пятой части традиционная подпись «И.» осталась опять-таки без изменений: «Модная жена», «Песнь на кончину князя Потемкина-Таврического», «К честному человеку», «На мир с Оттоманскою Пор-

---

[44] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 21.

[45] См. об этом подробнее: *Кочеткова Н. Д.* Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 61—72.

тою», «Отставной вахмистр. Баллада». В шестой части впервые в одном и том же апрельском выпуске получился разнобой: стихотворение «О слабость» напечатано без подписи (в первом издании было «И.»), а под переводом из Рейналя «Похвала Элизе Драпер» стоит неизменное «И.». В майском выпуске подпись «И.» снова повторена: «Весна»; в июньском же снята после самого известного стихотворения Дмитриева — «Сизый голубочек». В седьмой части «И.» последовательно сохраняется: «Отъезд», «Пчела, Шмель и Я», «Гимн восторгу», «Бабушкина песня» («Ах, когда б я предузнала...»). В восьмой части в октябрьско-ноябрьском выпуске сохраняется: «Картина»; в декабрьском под стихотворением «Быль» стоит вместо «И.» — «Д.», а во всех остальных многочисленных публикациях — снова «И.»: «К Хлое», «Голубок (Подражание Анакреону», «К младенцу», «Наслаждение», «Песня» («Тише, ласточка болтлива...»), «Пустынник и Фортуна. Сказка». Единственное стихотворение Дмитриева, напечатанное без подписи в первом издании — «Плач супруги» («Нежной страсти плод любезный...»), — появилось во втором издании за подписью «Д.» (ч. 2, май).

Таким образом, из приведенного материала можно сделать следующие выводы. Во-первых, Дмитриев, а вместе с ним и Карамзин стремились развеять представление читателей о том, что публикации поэта неизменно означаются буквой «И.». Вместо этой подписи стали появляться самые разные: «И. Д.», «Дм.», «Д.», «—въ». В то же время Дмитриев не хотел совсем отказываться от подписи «И.». Чаще всего одна и та же подпись повторяется под стихами, печатаемыми подряд в одном и том же выпуске. Характерно, что, меняя подпись, Дмитриев, однако, предпочитал как-то означать свои публикации, и без подписи появились всего два его произведения, одно из них — знаменитый «Сизый голубочек», который давно уже был у всех на устах. Анонимная публикация в этом случае должна была лишь подчеркнуть известность автора.

Напечатанное в «Московском журнале» (ч. 2, июнь) стихотворение «К текущему столетию» за подписью «Ф.» современные исследователи также приписывают Дмитриеву. [46] С той же подписью стихотворение появилось во втором издании журнала. Больше ни одно произведение Дмитриева не было так подписано. Подпись «Ф.» стоит как бы в одном ряду с карамзинскими псевдонимами («Ы.», «Ы. Ц. Ч.», «Ч. Ш. Щ.») «Московского журнала»; той же буквой подписаны и некоторые сочинения Карамзина в «Вестнике Европы». [47] Учитывая все это, нельзя исключить и такое предположение: если стихи принадлежали Дмитриеву, которому они не нравились, судя по упоминанию в письме Карамзина к Дмитриеву («Стихи на деньги в сво-

---

[46] См.: *Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Мат. и исслед. по истории русского литературного языка. М., 1949. Т. 1. С. 190—194; *Макогоненко Г. П.* Примечания // Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 469. (Библиотека поэта, большая серия).

[47] На этом основании А. И. Лященко и В. В. Сиповский приписывали стихи Карамзину. См.: *Сиповский В. В.* Примечания // Карамзин Н. М. Сочинения. Пг., 1917. С. 333—334; 484—485.

ем роде никак не худы, и ты напрасно их не любишь»),[48] то Карамзин, защищая их, решил напечатать стихи без согласия автора, а потому и поставил не традиционную подпись «И.», а таинственное «Ф.».

Любопытные изменения произошли и с подписью М. М. Хераскова. Его стихотворение «Время» открывало «Московский журнал». В первом издании оно было подписано «И. К.« (ч. 1, январь. С. 9); во втором — «М. Х.» (ч. 1, январь. С. 10). При перепечатке басни «Осел и лира» (ч. 1, февраль. С. 151) вместо подписи «И. К.« появилось «Х.» (ч. 1, февраль. С. 138). Обращая внимание на эти публикации, В. В. Виноградов полагает, что «И. К.» нельзя истолковать иначе, как «Истинный Каменьщик».[49] Одновременно исследователь с полным основанием говорит о принадлежности Хераскову прозаического этюда «Альфида», к которому Карамзин сделал следующее примечание: «Хотя почтенный сочинитель и не сказывает нам своего имени, однако ж читатели легко могут узнать его по слогу пиесы».[50] Во втором издании «Московского журнала» в подзаголовке указано: «Сочинение Х.». Между тем в первом издании было сказано: «Сочинение Из. К.». Таким образом, расшифровка, предложенная В. В. Виноградовым, не может быть принята: скорее всего, «И. К.» или «Из. К.» означает «Издатель Кадма» — того самого знаменитого романа Хераскова «Кадм и Гармония», который рецензировался Карамзиным в «Московском журнале».

Изменилась по сравнению с первым изданием и подпись Ф. П. Ключарева, напечатавшего в «Московском журнале» свой «перевод с польского» — «Праздник старца. Сочинение епископа Нарушевича» (ч. 3, август) с подписью «Ф. Ключ.» вместо «Р.».

Незначительное расхождение есть в одной публикации Ю. А. Нелединского-Мелецкого. После стихотворения «Ниса» (ч. 5, январь) вместо подписи «Ю. Н. М.» поставлено только две буквы: «Ю. Н.». В других случаях подпись этого автора осталась неизмененной.

Наконец, превращение подписи «Ст.» в «См.» после статьи «Сила воображения» (ч. 1, февраль) связано, скорее всего, с исправлением опечатки, а может быть, как раз представляет собой опечатку во втором издании.

Подводя некоторые итоги, можно заметить, что во втором издании «Московского журнала» подписи стали более разнообразны. Это создавало для непосвященного читателя представление о том, что круг сотрудников значительно шире, чем это было в действительности. С другой стороны, в расчете на «посвященных» были сняты подписи при публикации самых популярных произведений, авторство которых было хорошо известно. Наконец, в ряде случаев (например, подпись Ф. П. Ключарева) подписи стали более конкретны, более «узнаваемы».

---

48 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 21.
49 *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. С. 249.
50 Московский журнал. 1791. Ч. 4, декабрь. С. 258.

В. Д. РАК

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Основную массу библиографических заметок этой серии составляют, как и в двух предыдущих, [1] уточнения к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века» [2] в части, касающейся установления авторов, подлинников, промежуточных посредствующих трансформаций, оригиналов и источников [3] переводных книг, а также статей и художественных произведений в составе сборников, антологий, хрестоматий. Кроме этих сведений, собранных в процессе целенаправленных, систематических разысканий, представлены разрозненные данные о тиражах, месте и годе издания, типографиях и др., всплывшие по ходу разных литературоведческих исследований, главным образом при работе над статьями для «Словаря русских писателей XVIII века». Учтены также и уже опубликованные материалы, введенные в научный оборот после выхода дополнительного тома СК (1975); в этих заметках приводится лишь минимальная библиографическая информация со ссылкой на более полную исходную справку о соответствующей книге. С пометами «Дополнение к СК VI Уточн.», «Исправление к СК VI Уточн.» и т. п. включены коррективы к некоторым ранее опубликованным сведениям, вошедшим в раздел «Уточнения» дополнительного тома СК.

Неполнота установленных сведений не служила препятствием для включения их в «Заметки». Разумеется, идеальное решение эвристической задачи предполагает выявление по крайней мере всех ключевых звеньев цепочки от подлинника до русского перевода. Однако во многих случаях приходится какое-то, может быть очень продолжительное, время довольствоваться частичным решением, ко-

---

[1] *Рак В. Д.* Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века // Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 11. С. 145—156. Эти заметки были учтены в разделе «Уточнения» дополнительного тома «Сводного каталога», и там же были опубликованы еще 96 новых заметок подобного содержания, составивших вторую серию.

[2] Далее сокращенно: СК.

[3] Пояснение терминов «подлинник», «трансформация», «оригинал», «источник» см.: *Рак В. Д.* Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 230.

© В. Д. Рак, 1995

торое должно обязательно доводиться до сведения исследователей и библиографов, поскольку дает направление и стимул дальнейшему поиску, приглашая участвовать в нем всех, кто может ему способствовать.

Заметки расположены в последовательности номеров СК. Кроме порядкового номера СК приводятся краткие описания русских книг.

Переводы сличались с подлинниками и(или) оригиналами. В случаях, когда сверку текста произвести не представилось возможности, в заметке отмечается предположительный характер информации.

Фамилия и имя автора приводятся в написании, принятом в СК. Иностранная форма фамилии и имени, а также годы жизни указываются лишь в случаях, если автор не представлен в СК.

37. *Псевдо-Августин.* Сокращенная псалтирь учителя Августина. [М., не позднее 1779].

Год выхода: 1774. Книга рекламировалась как «новонапечатанная» в «Санктпетербургских ведомостях», 1774, 4 ноября (*Фундаминский М. И.* Материалы по истории книги в книготорговых объявлениях газеты «Санктпетербургские ведомости» XVIII в. // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1989. С. 140).

93. Аллегорические и критические сновидения. СПб., 1783.

Сновидение первое. О незнании будущего. Перепечатано из: ЕС. 1762. Сент. С. 269—282. Источник указан в ЕС: «Переведено из нравоучительных сочинений, Der Bewunderer называемых, лист 4» (Der Bewunderer. Hamburg, 1741. Bl. 4).

Сновидение второе. О правосудии. Перепечатано из: ЕС. 1761. Май. С. 513—523; Сент. С. 278—287. Пер. В. И. Лебедева. Автор и подлинник см.: Левин. Материалы. № 43—44; СК VI Уточн.

Сновидение третие. О чувствительности бездушных вещей. Перепечатка анон. соч.: Сон // ЕС. 1755. Март. С. 248—254.

Сновидение четвертое. Храм натуры и счастия. Перепечатано из: ЕС. 1757. Апр. С. 322—328. Пер. М. А. Красильникова.

248. *Ариосто Л.* Неистовый Роланд... М., 1791—1793. Кн. 1—3.

По-видимому, четвертую книгу переводил по заказу М. Пономарева в 1795—1796 гг. В. М. Протопопов. (Письма протопопа В. М. Протопопова к С. И. Селивановскому // Библиограф. зап. 1858. Т. 1. № 24. С. 759, 761).

292. *Арно Ф. Т. М. де Бакюлар д'.* Сказка и повесть... М., 1778.

Атрибуция ошибочная.

Оракул, или Предсказатель: Сказка. Подлинник: L'Oracle: Anecdote grecque // MF. 1765. Mars. P. 49—75. Подпись: M. F. D. L. J***. Рассказ был переведен на англ. яз. и напечатан в начале 1766 г. в неустановленном изд., откуда был вольно переведен обратно на фр. яз.: L'Oracle // Le goût de bien de gens ou recueil de contes tant en vers qu'en prose. Amsterdam; Paris, 1769. T. 2. P. 45—93. Др. пер.: 1. № 1731 (см.: СК VI Уточн.); 2. Чт. для вкуса. 1791. Ч. 4. № 78—80. С. 3—45.

Эмилия, или Усиленная жертва. Предполагаемый подлинник: Emilie ou les voeux forcés // Le goût de bien de gens ou recueil de contes tant en vers qu'en prose. Amsterdam; Paris, 1769. T. 3. P. 1—49. Рассказ перепечатывался в кн.: *Dubois-Fontanelle, Jean-Gaspard* (1737—1812). Nouveaux mélanges sur différens sujets, contenant des essais dramatiques, philosophiques et littéraires. Bouillon, 1781. T. 3. P. 136—159 — и, по-видимому, принадлежит этому автору.

(Martin et al. № 69.3, 81.16).

357. Ацем, или Мечтающий о благополучии своем человек. СПб., 1775.

Автор: Пфейль, Иоганн Готтлоб Беньямин (Рус. культура XVIII в. С. 103, 109, указаны др. пер.; Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 91—92).

446. Безвинное и увеселительное препровождение праздного времени... М., 1770.

Нусбаум, Амброзиус (Nussbaum, Ambrosius). Angenehme und erlaubte Zeitverkürtzung im Winter bestehend in einem neu-vermehrten Orakel oder Glücks-Rad, welches curieusen Gemüthern auf ihre aufgeworffene Fragen, über allehand, im menschlichen Leben vorkommende Fälle, richtige Antwort ertheilet. Mit 26 hierzu gehörigen Kupfer-Tafeln, samt einer Anweisung, wie dieses Wercklein zu gebrauchen. Augsburg, 1761.

535. Бесполезно излишне умствовать. Кострома, 1793.

Автор: Пиго-Лебрен, Шарль-Антуан-Гийом (Рус. культура XVIII в. С. 104). Др. пер.: № 3027, 5301.

536. Бетти или несчастия от безрассудной ревности происшедшие. СПб., 1774.

Дополнение к СК VI Уточн. Более ранняя (первая?) публикация фр. переделки: Betty, ou l'imprudence et la jalousie: Histoire traduite de l'anglois par M. Arnaud // Journal des dames / Par Madame de Maisonneuve. 1765. Juillet. P. 2—36. Судя по загл. русского перевода, его источн. была указанная в СК VI Уточн. перепечатка.

572. Бильбилистон, или Долина соловьев. М., 1793.

Сб., составленный русским переводчиком из произведений, взятых из разных источников и объединенных им подобием сюжета.

Отд. 1—4. Письмо Ахмеда сына Солиманова к молодому Гали Ибрагимову сыну; История о Селиме; Наставление молодому Гали; История о неправо разделенных состояниях. Bilbilistan, oder Schreiben des Achmets, eines Sohns Solimans an den jungen Hali, Ibrahims Sohn // Der Freund. 1754. Nos. 4—5. Подпись: L. u Oront. Переизд.: Der Freund: Eine Wochenschrift. Anspach, 1773. S. 46—75. Др. пер.: 1. Письмо Ахмета, сына Солиманова, к молодому Али, сыну Ибрагимову // ЕС. 1758. Янв. С. 50—83; 2. Мекафа, то есть, Наука познавать человеческие нравы и мысли и об оных размышлять // Утренний свет. 1778. Ч. 4. Дек. С. 317—359. Перепечатка: см. № 4525 (повесть 10).

Отд. 5. Путешествие Ацибово к источнику жизни. Автор: Спенс, Джозеф (Spence, Joseph, 1699—1768; псевд.: Beaumont, Harry). Англ. подлинник в кн.: *Beaumont, Harry*. Moralities: or, Essays, Letters,

Fables and Translations London, 1753 Нем пер Die Reise des Sapuch zu Aufsuchung der heilsamen Quelle Eine morgenländische Erzählung // Beaumont, Heinrich Abhandlungen, Briefe, Geschichte und Fabeln aus der Sittenlehre Zum Vergnügen und zur Erbauung Liegnitz, Leipzig, 1761 S 76—90

Отд 6 Оправданный путь Провидения Автор Уортон, Джозеф (Warton, Joseph, 1722—1800) Англ подлинник The Adventurer 1753 July 28 № 76 Др пер см Левин Материалы № 149, 357, 386, 405, ср Рус культура XVIII в С 108—109, ср также ниже № 993, ч 2, № XV

Отд 8 Высокомерие наказывается Eine Erzählung von der Ungerechtigkeit eines vornehmen Mannes gegen einen armen Korbmacher // Der Kinderfreund 1780 Th 19 № 249 April 8 S 17—28 Др пер Корзинщик // Дет чт 1786 Ч 5 № 13 С 198—206

Отд 9 Солиман и Альмена Краткое изложение (с фрагментами перевода) фабулы поэмы Langhorne, John Solyman and Almena an Oriental Tale London, 1762 Источн не установлен Полн рус пер № 3841

Отд 10 Саледин и Фатьма Нем источн не установлен Др пер (с фр яз) Саладин и Фатьма // Утренний свет 1778 Ч 2 Март С 278—282 (см XVIII в Сб 13 С 250)

Отд 12 История об Альмамулине Автор Джонсон, Самюэл Англ подлинник The Rambler 1751 May 11 № 120 Др пер см Левин Материалы № 327

Отд 14 Басни о Тифоне и Эндимиоре Автор Бэкон, Фрэнсис Две главки (XV Tythonus, sive Satias, VIII Endymion sive Gratiosus) из его кн De sapientia veterum (1609) Др пер Тифон или Сатиа // Утренний свет 1780 Ч 9 Май С 58—59

Отд 15 Истинная история Источн не установлен Др пер 1 О разности между любовию и дружеством // Парнасской щепетильник 1770 Авг С 170—182, 2 Разность между любви и дружбы // *Кудрявцев И* Собрание достопамятностей или Плоды уединения СПб , 1772 С 28—39 (СК 3342), 3 Любовь и дружба // Ежемесячное сочинение 1787 Март С 145—155 Ср тот же сюжет № 1037

Отд 18 Сила веры Die Macht der Religion Eine orientalische Geschichte // Mannigfaltigkeiten 1769 Jg 1 December 16 Woche 16 S 252, Petersburgisches Wochenblatt, zur Aufnahme der Oekonomie, und zu Ausbreitung anderer gemeinnütziger Kenntnisse 1778 May 24 St 4 S 62—63 Др пер 1 Сила веры Восточная повесть // Санктпетербургское еженедельное сочинение 1778 24 мая Л 4 С 62, 2 Могущество религии // Чт для вкуса 1793 Ч 9 № 30 С 473—474, 3 № 8169 С 166—167 (без загл)

587. *Благодаров Я И* Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста М , 1788

1 Амурат или глас совести Автор Хоксуорт, Джон Англ подлинник The Adventurer 1753 January 13, 16, 20 № 20—22 Фр пер Amurat, ou la voix de la conscience // MF 1773 Juin

P. 28—44. Др. пер. см.: СК VI Уточн. № 2425. (Левин. Материалы. № 411).

2. Великодушие и благодарность. Отрывок из соч.: Auszug aus einem arabischen Manuscript // Das Reich der Natur und der Sitten. 1758. Th. 4. № 114. S. 95—96. Подпись: M. Др. пер.: Выписки из арабского манускрипта // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 14. № 30. С. 38—44.

7. Естественная повесть о львах. Eine Geschichte von einem Löwen und Hundchen in London; Naturgeschichte des Löwen // Der Kinderfreund. 1777. Th. 6. St. 88—89. März 8—15. S. 147—176.

8. Разговор с самим собою при вступлении в новый год. Christliches Selbstgespräch eines Hausvaters beym Eintritt eines neuen Jahren // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 1. Januar 6. Woche 19. S. 285—292. Не переведены два заключительных абзаца.

10. Нравственные размышления. Moralische Gedanken // Mannigfaltigkeiten. 1769. Jg 1. November 4. Woche 10. S. 160; November 11. Woche 11. S. 175—176. Не переведено изречение № 6.

11. Благодетель и мудрец: Китайская повесть: [Пер. с нем.]. Фр. подлинник: Le Bienfaiteur et le Philosophe: Conte chinois// MF. 1768. Décembre. P. 37—49 (без подписи). Нем. пер.: Der Wohlthäter und der Weltweise: Eine chinesische Frzählung // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 1. Julius 28. Woche 48. S. 745—758. Подпись: C. L. G. A. Перепечатки: 1. № 589; 2. Чт. для вкуса. 1791. Ч. 1. № 7—9. С. 107—131.

12. Пример истинного правосудия и великодушия. Фр. оригинал: Trait extraordinaire de justice de la part du Sultan Sanjar // Cardonne D.-D. Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits turcs, arabes et persans de la Bibliothèque du Roi. Paris, 1770. T. 1. P. 49—55 (переизд.).

18. Восточные повести: Добродетельный муж; Удаление от света; Предрассуждение. Фр. оригинал и подлинник: Сен-Ламбер, Жан Франсуа. Рассказы «L'Homme vrai», «La Retraite», «L'Erreur» из раздела «Fables orientales» в кн.: Saint-Lambert J.—F. Les saisons, roëme. Paris, 1769 (мн. переизд.). Нем. источн.: Orientalische Fabeln aus dem Saadi: I. Der tugendhafte Mann; II. Die Entfernung von der Welt; III. Der Irrthum // Mannigfaltigkeiten. 1770. Jg 1. Februar 17. Woche 25. S. 393—396. Перс. подлинник рассказа «Предрассуждение» см.: *Са'дӣ*. Гулистан / Критич. текст, пер., предисл. и примеч. Р. М. Алиева. М., 1959. С. 122—123 (гл. 2, рассказ [46]). Др. пер.: 1. См. СК 6419; 2. Добрый министр [«La Retraite»] // Санктпетербургский вестник. 1780. Ч. 5. Март. С. 189—190; 3. Без загл. [«L'Homme vrai»] // Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798. с. 152—154; То же. М., 1799. С. 152—154. (СК 8169—8170).

23(4). «Али-Ибе-Аба, любимец калифа Мамуна и надзиратель полиции под правительством сего государя, рассказывал следующее приключение...» Фр. оригинал и др. пер. см.: Рус. культура XVIII в. С. 111.

25. Семнон и Оракул; Живописец; Котил; Соловей и Кукушка; Обезьяна. Геллерт, Христиан Фюрхтеготт. Басни «Semnon und das

Orakel», «Der Maler», «Cotill», «Die Nachtigall und der Kuckuck», «Der Affe» из кн.: *Gellert C. F.* Fabeln und Erzählungen. Leipzig, 1746—1748.

28. Сокращенные записки или Собрание анекдотов г-на Графа Сент П. ... из Ф. А. Извлечение из соч.: Extrait du mémorial, ou du recueil d'anecdotes de M. Duc ... S. P. de l'A. F. et H. de F. // Pièces intéressantes et peu connues, pour servir à l'histoire et à la littérature / Par M. D. L. P. [P.—A. de La Place]. Bruxelles; Paris, 1781. T. 1. P. 81—143 (переизд.)

589. Благодетель и мудрец: Китайская повесть. М., 1788.

Дополнение к СК VI Уточн. Нем. пер. см. выше, № 587 (11).

596—597. Блаженный день, послание к моему другу. М., 1789; То же. М., 1790.

Анон. соч.: L'Heureux jour, épître à mon ami. Paris, 1768.

652. *Богомолов Ф.* Нравственный пластырь... М., 1792. Ч. 1.

Каков должен быть человек с достоинствами? Автор: Кальер, Франсуа де. Перепечатано из: Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. Февр. С. 121—124. Фр. подлинник и источн. см.: XVIII в. Сб. 16. С. 101.

Пчела и муравей. Перепечатано из: Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 37. С. 204—206. Нем. подлинник: Die Biene und die Ameise // Kinderfreund. 1777. Th. 8. № 107. Julius 19. S. 33—36.

Прощающий Дион. Перепечатано из: Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. Янв. С. 50—51.

Плачевные следствия пристрастия к игре. Перепечатано из: Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 33. С. 129—137.

Анекдот («Иосиф II, Римской император, прогуливаясь некогда в вечеру...»). Перепечатано из: Дет. чт. 1786. Ч. 7, № 31. С. 110—111. Самые ранние выявленные публикации этого анекдота на западноевропейских языках: 1. Anecdote relating to the present Emperor of Germany contained in an Extract of a Letter from Vienna, June 7 // The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1770. Vol. 46. The Supplement. P. 368—369; 2. JE. 1772. Janvier. T. 1. Pt. 1. P. 117—119. Источник рус. пер. в «Дет. чт.» не установлен. Др. пер. и перепечатки из «Дет. чт.» см.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4. С. 405—406.

Три басни: 1. Садовник и деревья; 2. Виноград; 3. Счастливое знакомство. Перепечатано из: Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 31. С. 111—112; 1785. Ч. 2. № 17. С. 63.

Надписи: 1. Боярское целование; 2. Лекарь; 3. Разбойник. Перепечатано из: Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. Март. С. 295.

Сонет. Придворная жизнь. Сен-Мартен, Луи Клод де. «La vie de la cour: Sonnet irregulier». Пер. с фр. С. А. Тучков. Перепечатано из: Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. Март. С. 296. Ср.: *Пухов В. В.* Конец одной загадки // Рус. лит. 1969. № 1. С. 181—182.

Все перечисленные выше произведения, кроме сонета «Придворная жизнь», были перепечатаны из «Нравственного пластыря» в журн.: Прохладные часы. 1793. Ч. 2. Дек. С. 433—459.

993. *Виноградский И.* Картина нравов... М., 1789. Ч. 1—2.

Один из основных источников: *[Berenger, Laurent-Pierre; Guibaud, Eustache]*. La morale en action, ou Élite de faits mémorables et

d'anecdotes instructives, propres à faire aimer la vertu et à former les jeunes gens dans l'art de la narration. Lyon, 1783 (мн. переизд.; за недоступностью фр. подлинника в первом или хронологически близком к нему изд. для сверки использовано позднее, неполное изд.: Paris, 1850, а также рус. пер.: СК 8809). Из этого сб. переведены: **Часть 1. I.** [Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д']. Отважность дружбы. Первую публикацию фр. подлинника и промежуточную посредствующую перепечатку см.: Рус. культура XVIII в. С. 114. Пер. И. Виноградского перепечатан в кн.: Нравоучение. Ч. 2. С. 124—135. Др. пер.: 1. См. ниже № 1837; 2. Пример истинной дружбы // Дет. чт. 1785. Ч. 2, № 17. С. 49—56; 3. Антонио и Рожер: Исторический анекдот // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Июль. С. 36—48. См.: Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.): (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1976. С. 62. **II.** Великодушный поселянин. Первая публикация французского подлинника в кн.: *Marmontel J.-F.* Poétique françoise. Paris, 1763. T. 2. P. 144—145; промежуточная посредствующая перепечатка: Le généreux villageois // [Pfeffel G. K.]. Magazin historique pour l'esprit et le coeur. Strasbourg, 1764. Pt. 2 (liv. IV, № 46). Пер. И. Виноградского перепечатан в кн.: Нравоучение. Ч. 2. С. 33—34. Др. пер.: 1. Великодушный крестьянин // Пфеффель Г. К. Собрание разных забавных и веселых повестей, или Исторический магазин для разума и сердца. М., 1779. Ч. 2. С. 49—50; 2. Повесть о трех добрых мужах... 3. Безыменной // Кампе И. Г. Детская библиотека. СПб., 1779. Ч. 2. С. 75—76 (переизд.). 3. Черты великодушия и добродетели. 1. «Разлитие реки Адиги, сопровождаемое свирепейшею бурею...» // Утренние часы. 1789. Ч. 4. 29 марта. Неделя 50. С. 166—168; 4. «Во время разлития реки Адижа...» // Курганов Н. Г. Писмовник, содержащий в себе науку российского языка... 4-е изд. М., 1790. Ч. 1. С. 243. № 322 (переизд.); 5. Анекдот // Чт. для вкуса. 1792. Ч. 5. С. 289—291; 6. «Во время одного большого разлития реки Адижи...» // Библиотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч. 1. С. 158—160; 7. Великодушие // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 50—52. **III.** Отмщение великой души. Рассказ из кн.: Le Prince de Beaumont, Marie. Magasin des enfans, ou Dialogues entre un sage gouvernante et plusieurs de ses éleves de la premiere distinction. London, 1756. T. 4. Dialogue 27; промежуточная посредствующая перепечатка: La vengeance d'une grande âme // [Pfeffel G. K.]. Magazin historique... (liv. I, № 14). Др. пер.: 1. Отмщение великия души // [Арндт Б. Ф.]. Треязычная книга... СПб., 1779. С. 43—46; То же. Рига, 1786. С. 42— 45; 2. Отмщение великой души // [Пфеффель Г. К.]. Собрание разных забавных и веселых повестей... М., 1779. Ч. 1. С. 29—31; 3. Редкие примеры великодушия и добродетели // Зрелище деяний человеческих... М., 1795. Ч. 1. С. 100—104. **IV.** Пример: Действительное наставление. **V.** Способ сражаться со страстьми и побеждать их. **VI.** Мудрый довольствуется малым. **VII.** Редкий пример терпения и умеренности одного гофмейстера. **VIII.** Разные патриотические поступки. **IX.** За-

висть различна от соревнования. **X.** Неустрашимость Генриха IV и любовь его к храбрым людям. **XI.** Честность без благочестия не может быть. **XII.** Остроумный поступок одного победителя. **XIII.** Рассуждение о роскоши. **XV.** Почитать себя рожденными для делания добра означает превосходное свойство. **XVI.** Презрение богатства. **Часть 2. I.** Добрый сын. Первую публикацию подлинника и промежуточную посредствующую перепечатку см.: Рус. культура XVIII в. С. 114. Перепечатано: Добрый сын // Нравоучение. Ч. 2. С. 27—30. Др. пер. см. ниже № 1837.

Следующие произведения перепечатаны из кн.: [*Мейснер А. Г.*]. Собрание разных нравоучительных повествований и басен: Пер. с нем. М., 1785; 2-е изд. М., 1788 (СК 6638—6639):

Часть I. XVII. Анекдоты Ну-си-рва-на. **Часть II. XIII.** Какое лучшее украшение девиц. (В «Собрании...» под загл.: Зевксис).

Перепечатаны из журн. «Утренний свет» (1777. Ч. 1):

Часть II. XIV. Мнение Сенеки о честности и добродетелях. (В журн. под загл.: Рассуждение Сенеки о честном житии, в котором преподается учение, как жить добрым человеком / Пер. И.П. Тургенева). **XV.** [Уортон, Джозеф (Warton, Joseph, 1722—1800)]. Все небесами ниспосылаемое служит к нашему же счастью: Восточная повесть. (В журн. под загл.: Бозальдаб: Восточная повесть. Англ. подлинник и др. пер. см.: Левин. Материалы. № 149, 357, 386, 405; Рус. культура XVIII в. С. 108—109; ср. выше № 572, отд. 6). **XVI.** Картина добродетельной и честной жизни во всех степенях человеческого возраста. (В журн. под загл.: Четыре степени возраста человеческого / Пер. с нем яз. Т. Кириака).

1037. Влюбившийся римлянин, или Щастливая жизнь друзей. М., 1789.

Гомес, Мадлена Анжелика Пуассон де. Новелла: Les effets de l'amitié // Gomez M.-A. Poisson de. Les cent nouvelles nouvelles. La Haye, 1735. T. 5. P. 137—362 (переизд.). Сильно сокращ. пер.; возможно, обработка рукописного перевода, напр.: «Гистория о действии дружбы, которую промеж себя неразрывно имели Римлянин Тит и Грек графской сын Гезипп» (см.: *Пыпин А.Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. С. 59). Ср. тот же сюжет: № 572, отд. 15.

1078. Волшебная палата... СПб., 1771.

Кн. вышла в 1770 г. Первое объявление о поступлении в продажу: Санктпетербургские ведомости. 1770. 21 дек. № 102.

1195. Выбранныя из языческих писателей истории. СПб., 1764—1765. Ч. 1—2.

Сост.: Эзе, Жан (Heuzet, Jean, 1660—1728). См.: XVIII в. Сб. 13. С. 246.

1257. Гаррик. Или аглинский актер. М., 1781.

Автор: Стикотти, Антонио Фабио (Sticotti, Antonio Fabio, ? — 1772). Нем. оригинал, с которого сделан рус. пер., был в свою очередь переведен с фр. яз.: Garrick, ou les acteurs anglois, contenant des observations sur l'art dramatique, sur l'art de la représentation, et le

jeu des acteurs. Paris, 1769. Это соч. А. Ф. Стикотти было переводом-переделкою анон. англ. брошюры, указанной в СК V, с. 296. (Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 58—59).

1286. *Гейне Х. Л.* Антония, дочь графа О... Калуга, 1793.

Дополнения к СК VI Уточн.

Все включенные в книгу произведения переведены из фр. сб.: «Antonie» ou l'auteur de «Caroline», suivie de plusieurs pïeces intéressantes trad. de l'allemand par Madame la chanoinesse de P... [Marie Elisabeth de Polier]. Lausanne, 1787; переизд.: «Antonie», suivie de plusieurs pïeces intéressantes, trad. de l'allemand par M-me la chanoinesse de P... Paris, 1787.

Рассказ В. Г. Беккера был впервые опубликован в журн.: Für Aeltere Litteratur und Neuere Lectüre: Quartal-Schrift. 1783. St. 2. S. 175—191. Загл. фр. перевода: Qui sait à quoi cela peût être bon?

Загл. фр. оригиналов др. соч.:

Опыт превосходного воспитания нашего века: Essai sur la sublime éducation de notre sïecle, traduit d'un journal allemand intitulé Révélation sur l'Allemagne.

Ни много, ни мало: Ni trop, ni trop peu, traduit d'un journal allemand par M. Meissner.

(CBN CCXVII, стлб. 424; MF. 1787. Décembre 8. P. 90; 1788. Septembre 27. P. 191).

1645. *Громов Г. И.* Любовники и супруги. СПб., 1798.

Напечатано на счет Г. И. Громова тиражом 1212 экз. (Арх. РАН, ф. 3, оп. 1, д. 569, л. 364 об. (18.XI.1797, ст. 1062); оп. 4, д. 96/1, л. 122—128).

1646. *Громов Г. И.* Позорище странных и смешных обрядов. СПб., 1797.

Напечатано в Тип. Академии наук на счет Г. И. Громова тиражом 1212 экз. (Арх. РАН, ф. 3, оп. 4, д. 96/1, л. 47—53).

1668. Гуртадо и Миранда. СПб., 1788.

Дополнение к СК VI Уточн.

Др. изд. фр. подлинника: Hurtado et Miranda ou les premiers colons espagnols du Paraguay // Alexandrine de Ba** ou lettres de la princesse Albertine, contenant les aventures d'Alexandrine de Ba**, son aïeule, traduites de l'allemand de Dom Gus..., par mademoiselle de***. Paris, 1786. P. 157—201; Paris, 1787. P. 105—135. (Martin et al. № 86.1).

1732. *Дворяшев С. А.* Веселая книжка для путешествующих людей... М., 1790.

XIX. Великодушие дикого. Автор: Сен-Ламбер, Жан-Франсуа. Первая публикация фр. подлинника: Aventure d'un jeune Officier Anglois chez les Sauvages Abenakis; tirée de Mémoires particuliers // Gazette littéraire de l'Europe. 1765. T. 4. Février 3. № 59. P. 230—233. Под загл. «L'Abenaki» перепечатано в кн.: Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme. Paris, 1769 (мн. переизд.). Др. пер.: 1. Великодушие дикого человека: Повесть / Пер. из Берлинского Магазейна Ф. Л. [Федором Лазинским] // Ни то ни сио в прозе и стихах. 1769. 30

мая. Л. 14. С. 105—108. 2. Абенаки // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Май. С. 369—373. 3. Абенаки // [Арндт Б. Ф.]. Треязычная книга... Спб., 1779. С. 49—52; То же. Рига, 1786. С. 47—51. 4. Абенакизец: Нравоучительная повесть / Пер. с нем. Д. Рыкачева // Утренний свет. 1780. Ч. 8. Февр. С. 172—176. Под загл. «О диком абенакизце» перепечатано в кн.: Небылицы в лицах... М., 1793. С. 76—80. 5. Абенаки, или Пример чувствительности индейцев // Чтение для вкуса. 1793. Ч. 12. № 103. С. 296—301. 6. Абенаки: Американская повесть / [Пер.] с фр. И. Вшслвсв [Вышеславцев] // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 19. № 62. С. 151—156. 7. Без загл. в кн.: Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798. С. 17—24; То же. М., 1799. С. 17—24. 8. Человеколюбие дикого: Американской анекдот // Нравственные картины. М., 1800. С. 7—15.

LVII. Суетность человеческих расположений. Др. пер.: Прожекты: Нравоучительная повесть, переведенная с аглинского // Библиотека ученая, економическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч. 4. С. 155—157.

1757. *Демидова Е. П.* Время непраздно провожденное в чтении... СПб., 1787.

Следующие произведения переведены из кн.: [*Choffin, David-Etienne,* 1703—1783]. Amusemens philologiques; ou Mélange agréable de diverses pïeces... Halle, 1749—1761. Т. 1—3. (переизд.; переводчица определенно не пользовалась изд.: [СПб.], 1776—1777).

Из т. 1: Доброта императора Рудольфа; Размышления Цицероновы о вере; Опыт естества: Взято из сочинения г. Фенелона о бытии божием: О общем здании мира; Истинное благородство; Дружба с корыстолюбием сопряженная (загл. подлинника: Amitié intéressée); Способ отмщать; О различных веках мира по мнению стихотворцев; Спасительной ответ (загл. подлинника: Réponse salutaire); Размышления Цицероновы о дружбе; Удовольствие превосходит богатство; О Эпиктете; Благочестие и великодушие; Превосходные чувствования Фокиона; Рассуждения Цицероновы о вере; Нравы Эпиктета (загл. подлинника: Caractères d'Epictète).

Из т. 3: Цицероновы размышления; Достопамятное изречение господина Гарлея, первого президента во Франции; О внешней красоте Иисуса Христа; Превосходное изречение кавалера Боярда; Равнодушие в оклеветании.

Переведены из кн.: [*Choffin D.-E.*]. Nouvelle grammaire à l'usage des dames et des autres personnes qui ne savent pas de Latin=Neue französische Grammatik zum Besten des Frauenzimmers, und anderer Personen die das Latein nicht verstehen... Berlin, 1747. Т. 2 (переизд.): История о патриархе Иосифе, преложенная в стихах и разделенная на четыре песни с рассуждениями; Верность непреодолимая всеми опытами (в подлиннике без загл., сверено по изд.: Berlin, 1776. Т. 2. P. 39. № XIII).

Переведены из Berquin или источн., опиравшегося на эту хрестоматию: [*Геснер, Саломон*]. Счастлив отец, имея доброго сына!

(см. ниже № 1838); Пример сыновней любви (см. ниже № 1838). (Рус. культура XVIII в. С. 113).

1821. Детская книга, или Собрание нравоучительных повестей... М., 1796.

Благополучие состоит не в богатстве и честях, а в добродетели. Фенелон, Франсуа де Салиньяк де Ла Мот. Histoire d'Alibée, Persan // Fénelon F. Recueil des fables composées pour l'éducation de Monseigneur le Duc de Bourgogne. Впервые в кн.: *Fénelon F.* Dialogues des morts anciens et modernes, avec quelques fables, composez pour l'éducation d'un prince. Paris, 1718. T. 2. P. 211—223. В некоторых переизд. имя персонажа Alibég. Др. пер. см. ниже № 2694.

Злодеяние одно другим наказывается. Сен-Ламбер, Жан Франсуа. Le crime // Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme. Paris, 1769 (переизд.). Источн.: перепечатка в Berquin под загл. «Les crimes punis l'un par l'autre». Др. пер.: 1. См. ниже № 1837; 2. Беззакония, наказанные одно другим // Нравоучение. Ч. 1. С. 206—207. (Рус. культура XVIII в. С. 113).

1836. Детский советник, преподающий юношеству правила, как благоразумно в свете поступать. СПб., 1789.

Раздел «Maximes, pour se conduire sagement dans le monde» из анон. кн.: «Règles de la bienséance, ou la civilité qui se pratique parmi les honnêtes gens. Avec la manière de faire des compliments. Strasbourg, 1754 (переизд., в т. ч. под загл.: Elemens de politesse et de bienséance, ou la civilité qui se pratique parmi les honnêtes gens... Strasbourg, 1766). Др. извлечение из «Règles de la bienséance» см. СК 5599.

1837. Детское чтение, или Отборные небольшие повести. СПб., 1779.

Фр. источник: Berquin.

Надобно любить и быть любиму. Сен-Ламбер, Жан-Франсуа. Le besoin d'aimer // Saint-Lambert J.-F. Fables orientales. 1772. В Berquin под загл.: Le besoin d'aimer et d'être aimé. Др. пер.: 1. Любовь за любовь // Дет. чт. 1785. Ч. 1. № 12. С. 188—192. 2. Потребность любить и быть любиму // Уединенный пошехонец. 1786. Ч. 2. Дек. С. 777—781. 3. О нужде любить / Пер. с фр. А. Стахиев // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 73. Июль. С. 59—63. 4. Нужно любить и быть любимым / Пер. с фр. Кн[яжн]а Н[ата]лья Об[оленск]ая // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 18. № 31. С. 76—80.

Злодеяния наказуются одно другим. Автор: Сен-Ламбер, Жан-Франсуа. См. выше № 1821.

Цена верности. Летурнер, Пьер. Le ministre berger // Letourneur P.-P.-F. Choix de contes et de poësies erses, traduits de l'anglois. Amsterdam; Paris, 1772. P. 103—113. Пересказ соч. Ф. Фенелона «Histoire d'Alibée, Persan» (см. выше № 1821). В Berquin под загл. «Le prix de la fidelité». Др. пер.: 1. Алибей, восточная повесть // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 448—455. Перепечатки: Алибей, восточная повесть // [Арндт Б. Ф.]. Треязычная книга... СПб., 1779. С. 61—71 (в оглавлении ошибочно указано: «с французского Г. Фенелона»); То же. Рига, 1786. С. 60—68. Пе-

репечатка (со стилистич. изменениями) из «Треязычной книги»: Награждение верности // Нравоучение. Ч. 1. С. 155—163. 2. Цена верности // Детское чтение или отборные небольшие повести... Спб., 1779. С. 18—25.

Награжденная честность. Дюбуа-Фонтанель, Жан-Гаспар. La probité villageoise // MF. 1770. Janvier. T. 2. P. 18—30. Рассказ перепечатан в кн.: *Dubois-Fontanelle J.-G.* Nouveaux mélanges sur différens sujets, contenant des essais dramatiques, philosophiques et littéraires. Bouillon, 1781. T. 3. P. 113—121. (Martin et al. № 81.16). В Berquin под загл.: La probité récompensée. Др. пер.: 1. Награжденная честность // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Апр. С. 279—290. Перепечано в № 2425 (см. ниже). 2. Пиррин и Лусетта // Утренний свет. 1780. Ч. 9. Июнь. С. 119—135. 3. Вознагражденная честность // Нравоучение. Ч. 1. С. 176—189.

Добрый сын. Анон. Рассказ. См. выше № 993. Ч. 2 Рассказ I.

Мужество дружелюбия. Автор: Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. См. выше № 993. Ч. 1. Рассказ I.

1838. Детское чтение, или Собрание повестей... Спб., 1783. Большинство переводов из Berquin. Ввиду отсутствия полного комплекта выпусков Berquin в библиотеках, где проводились разыскания, наличие в составе этого изд. оригиналов ряда указанных ниже переводов устанавливалось по Berquin, Choix.

Добрый сын. Первая публикация фр. подлинника не выявлена. Одна из перепечаток: Anecdote françoise, extraite des papiers publics // JE. 1778. T. 1. Pt. 3. Février 1. P. 521—522. В Berquin, Choix под загл.: Le bon fils. Др. пер.: 1. Добрый сын: Трогательной анекдот // Нравоучение. Ч. 1. С. 72—74. 2. Добродушный сын // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 105—109.

Смелость и великодушие поселянина. Анон. Публикация в журн.: MF. 1770. Juillet. T. 2. P. 182—183. В Berquin, Choix под загл.: Courage et bienfaisance d'un paysan. Др. пер.: 1. Утренние часы. 1788. Ч. 1. Нед. 8. 8 июня. С. 126—128. 2. Отважность и благотворительность одного поселянина // Нравоучение. Ч. 1. С. 238—240. 3. Великодушный крестьянин // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 109—111.

Верный друг. Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. Le besoin d'être aimé. // Arnaud F.-T.-M. de Baculard d'. Délassements de l'homme sensible. Paris, 1783. T. 1. P. 160—164. По видимому, существовала более ранняя публикация этого рассказа. В Berquin, Choix под загл.: L'ami fidèle.

Есть везде добрые люди, и между дикими. Анон. рассказ: Le sauvage // Journal de lecture. 1775. T. 1. Pt. 3. В Berquin под загл.: On trouve par-tout de bonnes gens, même parmi les sauvages. Др. пер.: 1. Дикарь: Повесть («Journal de lecture») // Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Янв. С. 36—39. 2. Дикий: Повесть из «Journal de lecture» // [Арндт Б. Ф.]. Треязычная книга... СПб., 1779. С. 46—48; То же. Рига, 1786. С. 45—47. 3. Дикой американец // Дет. чт. 1785. Ч. 4. № 42. С. 46—48. 4. Дикой // Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М., 1788.

С. 92—94. 5. Дикий человек // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. Окт. С. 146—149. 6. Дикой // Нравоучение. Ч. 1. С. 163—165. 7. И между дикими есть добрые люди / С фр. Кн[яжн]а Н[ата]лья Об[оленск]ая // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 18. № 31. С. 74—76. 8. Люди добрые находятся везде, даже и между дикими // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 111—114.

Долг человечества. Анон, публикация в журн.: JE. 1772. T. 6. Pt. 1. Aoust 15. P. 133; MF. 1772. Octobre. T. 2. P. 191—192. В Berquin, Choix под загл.: La dette de l'humanité. Др. пер.: 1. См. ниже № 2429. 2. Анекдот // Дет. чт. 1786. Ч. 5. № 6. С. 95—96. Перепечатано: Добродетельный слесарь: Италианский анекдот // Разные анекдоты... / Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 101—102. 3. Долг человеколюбия // Нравоучение. Ч. 1. С. 71. 4. Долг человечества // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 114—115. 5. Без загл. в кн.: Дополнение к Чувствительным анекдотам, посвященным душам благородномыслящим. М., 1799. С. 239—241.

Сыновья любовь. Анон. публикация: Trait de tendresse filial // MF. 1772. Juillet. T. 1. P. 182—183. В Berquin под загл.: La piété filial. Др. пер.: см. выше № 1757.

Правосудие. См. выше № 652 («Анекдот»). В Berquin Choix под загл.: Trait de justice.

Братская любовь. Рассказ на сюжет, заимствованный из журн.: The Spectator. 1711. 14 November. № 248 (автор: Аддисон, Джозеф). Фр. трансформации: Exemple de générosité // [Contant d'Orville, André-Guillaume]. Les nuits anglaises... Paris, 1770. T. 2. P. 153—154; Bienfaisance // MF. 1772. Aoust. P. 172—173; JE. 1772. T. 7. Pt. 2. Octobre 1. P. 300—301. В Berquin, Choix под загл.: L'amitié fraternelle. Др. пер.: 1. Пример братской дружбы // Дет. чт. 1785. Ч. 3. № 36. С. 157—158. 2. См. ниже № 2425. 3. Поступок братской дружбы // Нравоучение. Ч. 1. С. 257—258. 4. Братняя любовь // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 116—117. (Рус. культура XVIII в. С. 114).

Великодушие меньшего брата. Летурнер, Пьер. Le cadet généreux // Letourneur P.-P.-F. Choix de contes et de poësies erses, traduits de l'anglois. Amsterdam; Paris, 1772. P. 147—153. В Berquin, Choix под тем же загл. Др. пер.: 1. Великодушный меньший брат // Нравоучение. Ч. 1. С. 208—214. 2. Великодушный брат // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 1—11.

Новый год: Маленькая комедия. В Berquin, Choix под загл.: Les étrennes: Proverbe.

Счастлив отец толь доброго сына. Нем. подлинник: Геснер, Саломон. Mirtil. В Berquin под загл.: Heureux le père d'un si bon fils. Др. пер.: 1. См. выше № 1757. 2. Утренние часы. 1788. Ч. 2. Неделя 17. 10 авг. С. 54—57. (Рус. культура XVIII в. С. 121. № 44). 3. См. ниже № 3145.

Картошный дом: Басня. Нем. подлинник: Геллерт, Христиан Фюрхтеготт. Das Kartenhaus.

Выгоды посредственности. Мариво, Пьер Карле де Шамблен де. Le spectateur françois. 1722. № 21—22, 24—25. Промежуточная посредствующая перепечатка: Les avantages de la vertu: Ouvrage de

sentiment // L'esprit de Marivaux. Paris, 1769. P. 161—180. В Berquin под загл.: Les avantages de la médiocrité. Др. пер. см. ниже № 2425.

Необоснованный страх: Малая комедия. Беркен, Арно. Les revenants: Proverbe. В Berquin, Choix под тем же загл. (Brenner 3669).

1928. Добрада волшебница. М., 1788.

Перевод неустановленного иностр. соч. Др. пер.: Человеческие желания: Сказка // Дет. чт. 1786. Ч. 5. № 4—6. С. 49—79, 81—95.

1995. Дораст и Селонта. М., 1780.

Уточнение к СК VI Уточн.

Источн. рус. пер. — анон. соч.: Doraste et Celonte ou l'inconstance peut-être louable. Wezlar, 1768. Не представилось возможности проверить сверкою текстов, является ли эта кн. переизданием кн.: Les amours de Doraste et de Célonte / Par M. P*** Cologne; Rouen, 1747 — указанной в СК VI Уточн. в качестве предположительного источника рус. пер., или это разные соч. (Martin et al. № 68.5 bis).

2045. Друзья нынешнего века. М., 1790.

Бонуар (псевд., наст. фамилия: Робино), Александр-Луи-Бертран (Beaunoir Alexandre-Louis-Bertrand Robineau, dit, 1746—1823). Les amis du jour: Comédie en 1 acte et en prose. Paris, 1786. (Brenner 3367; CBN IX, стлб. 542). Др. пер. под загл. «Светские друзья» в изд.: Собрание некоторых театральных сочинений... М., 1790. Ч. 3. С. 1—71 (отд. паг.).

2070. *Душ И. Я.* Нравоучительные письма для образования сердца. М., 1788. Ч. 1—2.

В составе кн. перепечатаны переводы ряда писем, опубликованные ранее в журн. «Московское ежемесячное издание» (1781): № 5 (пер. Дм. Рыкачев), № 10—11 (пер. Мих. Жуков), № 18 (анон. пер.), № 22 (пер. Мих. Жуков), № 24 (пер. Вас. Данилов), № 25—26, 31—33 (пер. Алексей Жилин), № 36 (пер. Вас. Данилов), № 49—50 (пер. Илия Мещеринов). Письмо № 12 (пер. Вас. Данилов) перепечатано из журн.: Утренний свет. 1780. Ч. 9. Авг. С. 172—192.

2289. Забава в уединении, или Собрание достопамятных происшествий. СПб., 1792.

Рассказы № 1—3, 5, 7—9 переведены из кн.: Leprince de Beaumont, Marie. Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction. London, 1756. Pt. 1—4 (мн. переизд.).

2295. Забавные, печальные и любовные истории, для увеселения женского полу... М., 1765.

Дополнения к СК VI Уточн.

Histoire d'une dame, qui aima mieux se bruler avec son mari, que de le voir infidèle. Перепечатано из журн.: MG. 1672. T. 1. Janvier-mars. P. 92—109

Histoire de la famille visionnaire. Перепечатано из журн.: MG. 1672. T. 1. Janvier-mars. P. 114—128

Histoire de la fille soldate. Перепечатано из журн.: MG. 1672. T. 1. Janvier-mars. P. 131—147

Histoire du cabinet des miroirs. Перепечатано из журн.: MG. 1672. T. 1. Janvier-mars. P. 189—207.

L'amante fidèle: Histoire. Перепечатано из журн.: MG. 1678. Mai. P. 39—67.

Histoire des faux cheveux. Перепечатано из журн.: MG. 1678. Juin. P. 129—152.

2357. Знатная корсиканка Содина. М., 1777.

Предположительно: анон. роман «Die vortreffliche Corsicanerin Sodina». Frankfurt; Leipzig, 1755. (Catalogus bibliothecae selectae... quam ex omni eruditionis generis summa cura collegit atque adornavit B. Ioann Ioachim Schwabe... pars altera, cuius auctio publica in aedibus Breitkopfiis... absoluta prioris partis venditione subsequetur. Lipsiae, 1785. P. 313. № 13786).

2373. Зрелище деяний человеческих. М., 1795. Ч. 1—2.

Дополнение к СК VI Уточн.

Часть 1. Мечта: Справедливая повесть. La réalité de l'illusion: Histoire véritable // MF. 1766. Juin. P. 11—22. Подпись: M. de V...

Часть 2. Др. пер. рассказа Никола Брикера де Ла Димери «Взаимное удивление» см. также № 2978.

Рассказы, подлинники которых были первоначально напечатаны в MF, были переведены предположительно из сб.: Lecture du soir, ou nouvelles historiettes en prose / Par M. M***. Paris, 1782. (Martin et al. № 82.6). Содержание сб.: Les deux amis: Historiette; La réalité de l'illusion: Histoire véritable; L'inconnue: Nouvelle angloise; Les rivaux sans le savoir; Les trois amies et les trois frères: Conte moral; Angélique: Anecdote qu'on auroit rendu plus intéressante si elle étoit moins vrai; Adelaïde: Mémoires d'une jeune sauvage; Les mariages heureux et malheureux: Conte moral; La véritable amie: Nouvelle; Ibrahim et Gemille: Histoire turque; Azakia: Anecdote huronne; Il ne faut jurer de rien: Anecdote angloise; L'étonnement reciproque: Nouvelle orientale; Qu'en doit-il arriver? Anecdote historique; Rosalie: Anecdote françoise. Сб. ошибочно приписывается: Imbert, Barthélemy (1747—1790) (Barbier A.-A. Dictionnaire des ouvrages anonymes. 3-e éd., rev. et augm. Paris, 1874. T. 2. P. 1078) и Charpentier, Louis (Godenne R. Histoire de la nouvelle française au XVIIe et XVIIIe siècles. Genève, 1970. P. 283); как явствует из сведений, приведенных в СК VI Уточн., ни тому, ни другому писателю не принадлежит во фр. сб. ни одного рассказа.

2377. Зритель мира и деяний человеческих. СПб., 1784.

Благоразумный владелец. Перепечатано с незначительными стилистическими изменениями из кн.: Три полезноувеселительные повести нынешнего века. СПб., 1777. С. 17—20. Ю. Д. Левин ошибочно предположил, что эта статья представляет собою «собственную социальную утопию» Л. И. Сичкарева, включенную им в сборник «под видом перевода с английского» (*Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исслед. и мат. Л., 1990. С. 43).

2425. Избранная библиотека арабских, турецких, китайских, английских, французских, пастушеских, волшебных и других повестей и анекдотов... М., 1788. Ч. 1—2.

Дополнения и уточнения к СК VI Уточн.

Сост. и пер.: Розанов, Фома Филимонович (1767—1810). Обо-

снование атрибуции — в подготавливаемой к печати статье автора данных «Библиографических заметок», посвященной переводческому кружку Славяно-греко-латинской академии.

ЧАСТЬ 1

Мирза: Арабская нравоучительная повесть: [Пер. с фр.]. Автор: Пфейль, Иоганн Готтлоб Беньямин. Нем. подлинник, фр. перевод-посредник и др. русские переводы см.: Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 92.

Разумный муж: Анекдот. Автор: де Варжемон. Предполагаемый источн.: Le mari sensé // La bagatelle d'un moment. S. 1., 1785 (Martin et al. № 85.6). Др. пер.: Осторожный муж: Анекдот // Сосуд разных творений маркиза де Варжемонта. СПб., 1786. С. 90—96.

Тронувшаяся нечувствительность. Др. пер.: Нечувствительный тронут: История // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 4. Окт. С. 57—70.

Изрядное врачество: Истинная повесть. Др. пер.: Хорошее лекарство: Справедливая и любовная повесть // Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 4. Окт. С. 70—81.

И несчастье к чему-нибудь полезно: Сельской анекдот. Предполагаемый источн.: A quelque chose malheur est bon: Conte // La bagatelle d'un moment. S. 1., 1785. (Martin et al. № 85.6).

Земин и Гулинда: Восточная повесть. Пер. этого рассказа К. М. Виланда (см.: СК VI Уточн.) выполнен, очевидно, по фр. пер.: Zemin et Gulhindy: Conte // Contes moraux, dans le goût de ceux de Mr Marmontel, recueillis de divers auteurs / Publ. par Mademoiselle Uncy. Amsterdam; Paris, 1763. T. 1. P. 161—180. Фр. пер. был первоначально опубликован в «Journal étranger» (1756. Juillet. p. 51-76), перепечатан без первых трех абзацев в журн. «Choix littéraire» (1756. T. 6. P. 182—204), а отсюда — в сб. «Contes moraux» со след. отличительной особенностью: «Tes yeux se promenent avec timidité autour de *moi*» (p. 177). Др. пер.: 1. См. ниже № 2978. 2. Земин и Гулинда: Повесть // Санктпетербургский вестник. 1781. Ч. 7. Июнь. С. 387—410. 3. Симпатические души: Повесть // Протопопов В. М. К чему может служить досужное время? М., 1789. С. 14—39. 4. Изотим, благодетельный гений: (Из Мерсье) // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 10. № 40. С. 193—211 (пер. вольного переложения на фр. яз.).

ЧАСТЬ 2

Приятное мщение: Французская повесть. Автор: де Варжемон. Предполагаемый источн.: La douce vengeance: Conte moral // La begatelle d'un moment. S. 1., 1785. (Martin et al. № 85.6). Др. пер.: Приятное отомщение: Нравоучительная повесть // Сосуд разных творений маркиза де Варжемонта. СПб., 1786. С. 51—62.

Обед: Анекдот. Предполагаемый источн.: Le diné: Anecdote // La bagatelle d'un moment. S.l., 1785. (Martin et al. № 85.6).

Награжденная честность: Повесть. Автор: Дюбуа-Фонтанель, Жан-Гаспар. См. выше № 1838.

Изображение братской дружбы: Анекдот. См. выше № 1838 (рассказ «Братская любовь»).

Выгоды посредственности: Французская повесть. Автор: Мариво, Пьер Карле де Шамблен де. См. выше № 1838.

Великодушный нищий: Анекдот. Ленобль, Эсташ. Histoire du donneur d'eau benite // [Le Noble E.]. Le gage touché: Histoires galantes et comiques. Paris, 1696—1698. T. 1—2 (переизд.). Др. пер.: Сказка о подавателе святой воды // [Ленобль Э.]. Новые забавные сказки... 2-е изд. М., 1782. Т. 2. С. 3—11; 3-е изд. М., 1790. С. 129—139.

2429. Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей. СПб., 1786.

Дополнения к СК VI Уточн.

Переводчик: Чашников, Иван Александрович (1772—1818).

Благодетельность: Восточная повесть. Сен-Ламбер, Жан-Франсуа. La bienfaisance // Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme. Paris, 1769 (мн. переизд.). Др. пер.: Благодеяние: Восточная повесть // Утренний свет. 1780. Ч. 8. Март. С. 281—286.

Долг человеколюбия. См. выше № 1838.

Пример правосудия. См. выше № 652 («Анекдот»). В Berquin, Choix под загл.: Trait de justice.

2694. История Алибега Персидского. СПб., 1780.

Фенелон, Франсуа де Салиньяк де Ла Мот. Histoire d'Alibég, Persan. См. выше № 1821.

2842. *Каржавин Ф. В.* Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. СПб., 1794.

Один из источн.: [Bardou, Jean, 1729—1803]. Amusemens d'un philosophe solitaire, ou Choix d'anecdotes, de dits et des faits de l'histoire ancienne et moderne, des singularités remarquables, d'observations curieuses et utiles, de descriptions, de récits, de portraits, de réflexions morales, de sailles et de bons mots, de poésies sérieuses et badines, et généralement de tout ce qui peut nourrir l'esprit et orner la mémoire. Par ordre alphabétique. Bouillon, 1775—1776. T. 1—3. По сведениям «Dictionnaire de biographie française» (Paris, 1949. T. 5. P. 419) этот сб. представляет выборку из издававшегося автором «Journal d'un homme de lettres» (T. 1—6).

Из этого источн. Ф. В. Каржавин включил в свою кн.:

II. Taytsong, Empereur chinois qui vivoit... (с. 175): T. 3. P. 325 (предположительно).

III. Le même Empereur se promenant... (с. 176): T. 3. P. 323—324 (предположительно).

VI. Artaxerce, Roi de Perse... (с. 178): T. 1. P. 153 (предположительно).

X. Un jour on demandait à Thales... (с. 182—183): T. 3. P. 346 (предположительно).

XII. L'antimoine, remède célèbre... (с. 184): T. 1. P. 408.

XVI. Надгробие, изображенное на столпе в приходской церкве села Аленкура, что подле города Париса (с. 189): Т. 1. Р. 400.

XVII. [1]. Dieu est un être... (с. 190): T. 3. P. 66.

XXIV. Sur la Pipe (с. 197—198): T. 3. P. 322 (под загл.: Sonnet d'un Chartreux sur le Tabac).

В разделе «Разные мысли»:

Vous n'avez rien à donner à ce pauvre... (с. 262): T. 3. P. 44.

Ne fais ni ne dis jamais rien... (с. 262—263): T. 3. P. 44—45.

Ordinairement, les gens qui sçavent peu perlent beaucoup (с. 262—263): T. 3. P. 44.

О Голландии (с. 263): T. 3. P. 52.

Жизнь модной женщины (с. 263): T. 3. P. 52.

О Париже (с. 263): T. 3. P. 62—63.

Il y a trois sortes d'ignorance... (с. 263): T. 3. P. 66.

О слугах (с. 264): T. 3. P. 70—71.

О смерти (с. 264): T. 3. P. 100.

Иносказание (с. 264): T. 3. P. 105.

Sçavez-vous... (с. 264): T. 3. P. 106—107.

Un fripon obtient une place...(с. 264): T. 3. P. 107.

О смехе (с. 264—265): T. 3. P. 51.

О приписаниях книг (с. 265): T. 3. P. 60.

Транкебарская молитва, из книги Варабаду (с. 265): T. 3. P. 374.

Посредственное состояние (с. 266): T. 2. P. 339—340.

Un ignorant qui parle beaucoup... (с. 266): T. 3. P. 55.

Пример бескорыстия (с. 267): T. 3. P. 183.

О Диогене (с. 267—268): T. 1. P. 368—369, 366, 367, 369—370 (компиляция с переменою порядка следования и переделкою текста).

Les Turcs dépensent... (с. 268): T. 3. P. 59.

Les pompes funébres... (с. 268): T. 3. P. 56.

Каков был 14-й век (с. 269): T. 3. P. 277—278.

Прощание с Парижем (с. 270): T. 3. P. 32.

Gouverner avec sagesse (с. 270): T. 3. P. 46.

Les crimes des enfants... (с. 271): T. 3. P. 93—94.

Un Grec et un Italien disputaient... (с. 272): T. 2. P. 409.

Un bossu en ayant rencontré un autre... (с. 272): T. 2. P. 401.

On a mis au nombre des sept sages... (с. 272): T. 3. P. 67.

Историк должен писать правду (с. 272): T. 2. P. 412.

2860. Картина всемогущества, премудрости и благости божиея... СПб., 1796.

Напечатано 1210 экз. на счет Г. И. Громова (Арх. РАН, ф. 3, оп. 1, д. 411, л. 27 об. (ст. 552), 49 (ст. 1076); д. 568, л. 137 (6. III.1796, ст. 249), 202 об.—203 (13.V.1796, ст. 458)).

2944. Ключ коммерции. СПб., 1783.

Переиздание в полном и отредактированном виде незавершенной печатанием кн.: Ключ купечества. [СПб., 1768] (см. ниже № 2945).

Тит. изд. с доп.: Российский бухгалтер, или Ключ торговли... СПб., при 1-м Кадет. корпусе, 1810.

2945. Ключ купечества. [СПб., 1768].

Пер. с англ. яз. неустановленного пособия по бухгалтерскому учету. (Бухгалтерский учет. 1983. № 11. С. 45—47). См. выше № 2944.

2961. Книга Разум политики. СПб., 1790.

Сокращенный выборочный пер. анон. кн.: L'esprit de la politique. Rotterdam, 1778.

2978. Книжка, содержащая в себе разные любовные повести. СПб., 1774.

Ит. оригинал-посредник не установлен.

Цемин и Гулхинда. Автор: Виланд, Кристоф Мартин. На ит. яз. переведено с фр. яз. по тексту: Zemin et Gulhindy: Conte // Contes moraux, dans le goût de ceux de Mr Marmontel, recueillis de divers auteurs / Publ. par Mademoiselle Uncy. Amsterdam; Paris, 1763. T. 1. P. 161—180. См. выше: № 2425. Ч. 1.

Солиман и Цульма: Восточная повесть. Фр. подлинник: Soliman et Zulma: Conte // MF. 1769. Avril. T. 2. P. 26—44.

Постоянная любовь с помощию невинности. Фр. подлинник: L'innocence à Cythere // Le nouveau magazin françois, ou bibliothèque instructive et amusante. 1750. Décembre. P. 448—451. На ит. яз. переведено по перепечатке: L'amour constant par l'innocence // Contes moraux... / Publ. par Mademoiselle Uncy. Amsterdam; Paris, 1763. T. 1. P. 327—335. Др. пер.: СК 7179 (см. СК VI Уточн.).

Алпиская пастушка. Мармонтель, Жан-Франсуа. La bergère des Alpes // MF. 1759. Octobre. P. 16—54. Перепечатывалось во всех изд. сборника Ж.-Ф. Мармонтеля «Contes moraux». Др. пер.: СК 4076. Т. 2; 4077. Ч. 1.

Взаимное удивление: Восточная повесть. Брикер де Ла Димери, Никола. L'étonnement réciproque: Nouvelle orientale // MF. 1763. Août. P. 31—56. Др. пер.: СК 2373. Ч. 2 (см. СК VI Уточн.); 4117. Ч. 1 (см.: Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 11. С. 150—151).

Алонз и Карл: Испанская повесть. Фр. подлинник: Alonzo et Carlos: Histoire espagnole // MF. 1769. Décembre. P. 18—31.

3027. Колесо щастия. СПб., 1788.

Опасность быть весьма мудрым. Автор: Пиго-Лебрен, Шарль-Антуан-Гийом (Рус. культура XVIII в. С. 104). Др. пер.: № 535, 5301.

О различии судьбы человеческой: Восточная повесть. Фр. оригинал см.: Рус. культура XVIII в. С. 97.

3094. Кондиции... о содержании на откупу нижеписанных канцелярских сборов... [СПб., ок. 1771].

Первое объявление о поступлении в продажу: Санктпетербургские ведомости. 1770. 22 окт., № 85, прибавл.

3145. Корнильев Д. В. Исторической журнал... Тобольск, 1790. Ч. 1.

1. О Сибири. Выписка из кн.: Фишер. С. 2—3.

2. Пример братней любви. Перепечатка анекдота под тем же загл. из кн.: Смеющ. Демокрит. С. 10.

3. О качестве Сибири. Выписка из кн.: Фишер. С. 4—7.

4. О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали. Выдержка из переведенного с фр. яз. рассказа под тем же загл. в журн.: Праздное время. 1759. 30 окт. С. 284—286. Автор: Стиль, Ричард. Англ. подлинник см.: Рус. культура XVIII в. С. 112. Дополнение к указанным там же др. пер.: 1. Хорошее мщение одного молодого солдата // Нравоучение. Ч. 1. С. 272—275. 2. Великодушные неприятели // Моск. ведомости. 1809. 6 нояб. № 89. С. 2028—2029.

5. О бурятах и телеутах. Выписка из кн.: Фишер. С. 20—21, 51—52.

6. Анекдот. Перепечатка рассказа «Анекдот из испанской истории» из журн.: Дет. чт. 1786. Ч. 6. № 22. С. 143—144. Др. перепечатка из Дет. чт.: Великодушной африканец: Испанский анекдот // Разные анекдоты... / Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 69—71. Др. пер. в кн.: Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798. С. 195—199; То же. М., 1799. С. 195—199. Нем. подлинник: Der Kinderfreund: Ein Wochenblatt. (Leipzig), 1779. Th. 14. Februar 20. St. 190. S. 122—123.

7. О китайских деревьях, произносящих цветы. Выписка из кн.: Дю Гальд Ж.-Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския: С фр. [СПб.], 1774. Ч. 1. С. 37—39.

8. Люди последуют щастию. Перепечатка анекдота под тем же загл. из кн.: Смеющ. Демокрит. С. 37—38.

9. О якутах и тунгусах. Выписка из кн.: Фишер. С. 64—69.

10. О долговременной жизни. Перепечатка анекдота под загл. «Откуда долговременная жизнь» из кн.: Смеющ. Демокрит. С. 33.

11. Великодушие в любви. Выдержка из переведенного с фр. яз. рассказа под тем же загл. в журн.: Праздное время. 1759. 6 ноября. С. 293—298. Автор: Стиль, Ричард. Англ. подлинник: The Tatler. 1709. August 23. № 58.

12. О самояди. Выписка из кн.: Фишер. С. 72—74.

13. Баснь. Перепечатка перевода: Баснь Дриопы: Из девятой книги Овидиевых превращений / Пер. А. Н... [Нартов] // Праздное время. 1759. 18 сент. С. 184—188. Посредствующий англ. оригинал: Поп, Александр. The Fable of Dryope: From Ovid's Metamorphoses, Book IX [II.324—393].

14. О китайских деревьях, произносящих чай. Выписка из кн.: Дю Гальд Ж.-Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския: С фр. [СПб.], 1774. Ч. 1. С. 32—37.

15. О вогуличах. Выписка из кн.: Фишер. С. 74—78.

16. Любовь сына к отцу. Автор: Геснер, Саломон. См. выше № 1838.

17. О остяках. Выписка из кн.: Фишер. С. 82—86.

18. Приключение пустынника. Перепечатка переводного рассказа: Приключение пустынника. Из 3 тома: Das Reich der Natur und der Sitten // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч. 3. Июль—сент.

С. 113—120. Англ. подлинник: The Parable of the Eremite and the Angel // [More, Henry 1614—1687]. Divine Dialogues, Containing sundry Disquisitions and Instructions concerning the Attributes and Providence of God... Collected and compiled by the care and industry of F. P. London, 1688. P. 320—327 (сюжет из «Gesta romanorum»; ср.: О коварстве диавола и о том, сколь неисповедимы суды божии // Средневековые латинские новеллы XIII в. / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1980. С. 97—101. № 38(80)). Нем. оригинал в журн.: Das Reich der Natur und der Sitten. 1758. Th. 3. № 83. S. 158—160. Ошибочно признавалось: самостоятельной переработкой Д. В. Корнильевым «Приклада» из рус. пер. «Римских деяний» (*Małek E.* Staropolska prosa narracyina w procesie literackim Rosij wieku XVII i XVIII. Lódz, 1983. S. 165); переводом поэмы англ. поэта Томаса Парнела (Parnell, 1679—1718) «Отшельник» (Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 126).

19. О татарах. Выписка из кн.: Фишер. С. 86—90.

20. Пример честности. Перепечатка переводного рассказа под тем же загл. из журн.: Дет. чт. 1786. Ч. 6. № 22. С. 141—143. По-видимому, переработка рассказа: Le cri de la justice // Arnaud F.-T.-M. de Baculard d'. Délassements de l'homme sensible. [Paris, 1783]. T. 3. Pt. 6. P. 393—400. Др. пер.: Глас справедливости // Полезное упражнение юношества. М., 1789. С. 304—308.

21. Известие о старинных татарских князьях в Сибири и о введении Кучумом в Сибири махометанской веры. Выписка из кн.: Фишер. С. 90—95, 97.

23. Описание прежде бывшей крепости в Сибири. Выписка из кн.: Фишер. С. 130—132.

24. «Иосиф II, Римской император, прогуливаясь некогда ввечеру...» Перепечатка переводного рассказа: Анекдот // Дет. чт. 1786. Ч. 7, № 31. С. 110—111. См. выше № 652.

25. О разности земли в Сибири, по сю и по ту сторону реки Енисея, и описание Барабинской степи.

I. О разности земли. Выписка из кн.: Фишер. С. 300—301.

II. О Барабинской степи. Выписка из кн.: Фишер. С. 187—188.

3245. Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивиля... М., 1791. Оригинал: Extrait de l'Histoire mémorable du capitaine François de Civille / Ecrite par lui-même // [Misson, François-Maximilien, ум. 1722]. Nouveau voyage d'Italie, avec un mémoire contenant des avis utiles à ceux qui voudront faire le mesme voyage. 5-me éd. Utrecht, 1722. T. 3. P. 361—368. Первое изд.: La Haye, 1691. Выписка была сделана в 1698 г. и в первые изд. книги не входила. Др. пер.: Повесть достопамятная капитана Франца де Цивилла, писанная им самим // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 82. Апр. С. 65—75. См.: XVIII в. Сб. 16. С. 102. № 17.

3264. Краткое описание семи бывших чуд в свете. СПб., 1782. Предполагаемый источн. см.: XVIII в. Сб. 16. С. 101. № 11.

3337. *Ксенофонт Эфесский.* Торжество супружеской любви над злосчастиями, или Приключения Аврокома и Анфии. М., 1793.

Фр. оригинал-посредник: Les amours d'Abrocome et d'Anthia:

Histoire éphésienne / Par Xenophon le jeune, trad du grec par M J** [J -B Jourdan] Paris, 1748 Предполагаемый переводчик Протопопов, Василий Михайлович (1760-1810) (обоснование атрибуции — в подготавливаемой к печати статье автора данных «Библиографических заметок», посвященной переводческому кружку Славяно-греко-латинской академии)

3374. *Курганов Н Г* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие СПб , 1769

С учетом дополнений во втором изд 3366 *Курганов Н Г* Книга писмовник СПб , 1777

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ II

№ 246 «Я друга твоего люблю, зрак твой любя » Сумароков А П ТП 1759 Июнь С 371

№ 247 «По смерти откупщик, сошед в подземную страну » Сумароков А П Праздное время 1760 [Т 4] 23 сент С 201

№ 280 «Напрасно муж грустишь » Сумароков А П ТП 1759 Июль С 418

№ 286 «Во всю готовит жизнь имение скупой » Сумароков А П ТП 1759 Июль С 417

№ 316 «На белых волосах у Аппия зима » *Ломоносов М В* Эпиграмма напечатана Ломоносовым как «пример из Марциала» в «Кратком руководстве к красноречию» (1748), § 133 Перевод анон лат стихотворения «In niveis Appi iam regnat bruma capillis » (См Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX вв / Вступ статья Л Ф Ершова, сост , подгот текста и примеч В Е Васильева, М И Гиллельсона, Н Г Захаренко Л , 1975 С 631, *Мурьянов М Ф* История одной эпиграммы из «Риторики» М В Ломоносова // Рус речь 1986 № 6 С 28—34)

№ 318 «Пожалуй, не зови меня безверным боле », «Преподлый суевер от разума бежит » Сумароков А П ТП 1759 Июнь С 370

№ 320 «Впадете вскоре » Сумароков А П Море и вечность // ТП 1759 Авг С 481

Забавные стихи разных рифмачей

«Ты будущей себя женою утешаешь » Сумароков А П ТП 1759 Июнь С 369

«Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку » Сумароков А П ТП 1759 Май С 311

«Вчера свершился мой, жена, с тобою брак « Сумароков А П ТП 1759 Июль С 418

«Не раз ты мне, жена, неверность учинила » Сумароков А П ЕС 1756 Сент С 275

Загадки:

2. «Мы равны естеством...» Сумароков А. П. ЕС. 1758. Окт. С. 381. У Курганова допущена опечатка, повторенная во всех переизданиях «Письмовника»; следует: «Мы разны естеством...»

3. «Всех бытность наших дел...» Ржевский А. А. СЧ. 1763. Дек. С. 731—732.

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ III

II. Выбранные правила Епиктетова нравоучения из Белегардова французского переводу с некоторым толкованием. Источн.: Эпиктет. Енхиридион и апофегмы и Кевита Фивейского Картина... СПб., 1759; 2-е изд. СПб., 1767.

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ IV

III. Разговор Кевита, ученика Сократова, о картине или о образе жития человеческого... Источн.: Эпиктет. Енхиридион и апофегмы и Кевита Фивейского Картина... СПб., 1759; 2-е изд. СПб., 1767.

«Клиа точны бытия...» (с. 242). Тредиаковский В. К. Способ к сложению российских стихов, гл. 6, § 24. См.: *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы. СПб., 1752. Т. 1. С. 152—153.

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ V

Молитва 1. «Господь небесный и зиждитель...» Карин А. Г. ПУ. 1760. Авг. № 6. С. 58.

Молитва 2. «Боже! зри мое смиренье...» Санковский В. Д. Молитва // ПУ. 1761. Февр. № 6. С. 54—55. Курганов заменил четвертую строфу второй строфой из другой «Молитвы» того же автора, напечатанной там же (с. 53—54).

Молитва 3. «Не терпи, о Боже, власти...» Сумароков А. П. Молитва // ТП. 1759. Июль. С. 391.

Псальма 1. «Хвалите Господа во святости его...» Сумароков А. П. Псалом CL // ТП. 1759. Июль. С. 387—388.

Псальма 2. «Я горько плачу и рыдаю...» Карин А. Г. ПУ. 1760. Авг. № 5. С. 47.

Епитафия Царице Наталье Кириловне. Сумароков А. П. ЕС. 1756. Июль. С. 65.

Надпись к статуи Императора Петра I. Сумароков А. П. ЕС. 1756. Июль. С. 65.

К образу Петра Великого. Автор: Мотонис Н. Н. Пер с лат. А. П. Сумароков. Праздное время. 1760. 21 окт. С. 260.

К ботику. Сумароков А. П. ЕС. 1756. Июль. С. 66.

Ода о благочестии. Ода // ПУ. 1760. Янв. № 3. С. 45—46.

Ода о добродетели. Ржевский А. А. ПУ. 1761. Сент. № 10. С. 91—93.

Ода на страшный суд. Майков В.И. СЧ. 1763. Март. С. 148—152.

Еклога («Уже осенние морозы гонят лето...»). Богданович И. Ф. ПУ. 1761. Окт. № 14. С. 125—126.

Идиллия («В те дни, когда со мной моей любезной нет...»). Херасков М. М. ПУ. 1761. Дек. № 22. С. 208.

Рондо 1 («Чтоб книги нам читать...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Сент. С. 538—539.

Рондо 2 («И всякой так живет...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Май. № 18. С. 154.

Елегия («Престанешь ли моей докукой услаждаться?»). Сумароков А. П. ТП. 1759. Июль. С. 447—448.

Сонет о добродетели. Тредиаковский В. К. Сонет из сея греческия речи *Στέφει τιμῶντας ἀυτὴν ἀρετὴ*. То есть: Добродетель почитающих венчает // ТП. 1759. Март. С. 187—188; то же (с изменениями) без загл. в кн.: *Роллен Ш.* Римская история. СПб., 1765. Т. 12. С. XIX.

Стансы 1 («Смертный в жизни представляет...»). Станс г. Руссо. Пер. М. Х[ерасков] // ПУ. 1760. Янв. № 4. С. 63—64. Перевод стихотворения французского поэта Жана-Батиста Руссо (Rousseau, 1670—1741) «Stances».

Стансы 2 («Только явятся солнца красы...»). Херасков М. М. ПУ. 1761. Июнь. № 22. С. 186—188.

Стансы 3 («Всегда свои кладем на Бога мы вины...»). Сумароков А. П. ЕС. 1756. Май. С. 425—426. Курганов взял только первую и последнюю строфы, опустив четыре средние.

Благодарность. Херасков М. М. Благодарности // ПУ. 1760. Ноябрь. № 18. С. 167.

Кротость. Херасков М. М. Кротости // ПУ. 1760. Ноябрь. № 18. С. 167—168.

Честность. Херасков М. М. Надежда // ПУ. 1760. Ноябрь. № 18. С. 168—169.

Вечность. Херасков М. М. ПУ. 1760. Ноябрь. № 18. С. 168.

Деньги. Нартов А. А. ПУ. 1761. Февр. № 5. С. 46.

Понеже. Богданович И. Ф. ПУ. 1761. Июль. № 2. С. 15.

Поцелуй. Сумароков А. П. Поцелуи // ТП. 1759. Авг. С. 482.

Надежда. Хераскова Е. В. ПУ. 1761. Дек. № 22. С. 202—203.

Польза от терпения. Тредиаковский В. К. В крайностях терпение пользует // ЕС. 1755. Февр. С. 139—140. То же без загл. в кн.: *Роллен Ш.* Римская история. СПб., 1765. Т. 13. С. XXX.

К неправедным судьям. Сумароков А. П. ТП. 1759. Май. С. 282—283.

К Евтерпе. Херасков М. М. СЧ. 1763. Окт. С. 593—596.

Новизна. Херасков М. М. ПУ. 1760. Сент. № 12. С. 106—107.

Разумный человек. Херасков М. М. СЧ. 1763. Ноябрь. С. 670.

Стихи на великолепное сдание соборной Исакиевской церкви с приделом храма святых Кира и Иоанна, сооружаемое в Санкт-Петербурге. *Рубан В. Г.* Стихи на великолепное здание соборной Исакиевской церкви... [СПб., 1770].

Надпись 1 («Колосс Родийский...»). *Рубан В. Г.* Надписи к кам-

ню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого. [СПб., 1770]; *Рубан В. Г.* Сочиненные и переведенные надписи на победы Россиян над турками, одержанные в 1769 и 1770 году, и на другие достопамятности. СПб., 1771. С. [15].

Надпись 2. На положение Екатериною Великою пред надгробие Петра I. флага, взятого у Турок в Архипелаге Августа 29 дня, 1772 года. *Рубан В. Г.* Надпись на положение Екатериною Великою пред надгробие Петра I флага, взятого у Турок на Архипелаге Августа 29 дня, 1772 года. [СПб., 1772].

Злато. Херасков М. М. ПУ. 1760. Апр. № 16. С. 161—162. Нечетные строки оригинальной публикации составляют первый столбец перепечатки, четные — второй.

Время. Херасков М. М. ПУ. 1761. Ноябрь. № 20. С. 179—180.

Часы. Сумароков А. П. ТП. 1759. Авг. С. 480. У Курганова опущены строки 7—8.

Небо. Ломоносов М. В. Строфы 3 и 2 стихотворения «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743) по редакции в «Кратком руководстве к красноречию» (1748), § 270.

Апреля первое число. Сумароков А. П. ТП. 1759. Май. С. 310—311 (строфа 1, строки 1 и 3; строфа 3).

Сон. Сон г. Патрикса // Смесь. 1769. Л. 2. С. 16. Фр. подлинник: Patrix, Pierre (1583—1671). «Je rêvais cette nuit...» Стихотворение было известно под загл.: «Songe de Patrix», «Songe».

Вымышленная опись царства любви. Ломоносов М. В. Строфы 5—7 (строки 45—70) «Оды на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны» (1745). Кургановым взято из «Краткого руководства к красноречию» (1748), § 294.

Утро. Херасков М. М. СЧ. 1763. Апр. С. 253—255.

Имн солнцу. Сумароков А. П. Гимн солнцу // Праздное время. 1760. 2 сент. С. 152—153.

Имн беспорочной приятности деревенской жизни. Тредиаковский В. К. Стихотворение, являющееся подражанием Горацию (Эподы, V, 2), входит в статью В. К. Тредиаковского «О беспорочности и приятности деревенския жизни» (ЕС. 1757. Июль. С. 80—84). Строфы 21 и 25 заимствованы Кургановым из другого перевода, приведенного в той же статье (соответственно строфы: 12, строки 3—6; 13, строки 1—4) (там же, с. 87).

Притча Фортуна. Ржевский А. А. Счастие // СЧ. 1763. Окт. С. 588—590.

Свинья в лисьей коже. Ломоносов М. В. Первая публикация притчи.

Перевод прошения в стихах, кое акцизный секретарь Ганкен подал польскому королю. Из *Академ. Примеч.* 1729 году. См.: Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях. 1729. 1 ноября. № 87. С. 349—357. Строки 1—23, 42—47.

Бездна по Овидиеву превращается в четыре стихии. Май-

ков В. И. (пер.). Превращения Овидиевы, с Российской прозы, преложенные в стихи. Баснь I. Бездна превращается в четыре стихии // СЧ. 1763. Апр. С. 221—223. Опущены строки 29—34 журнальной публикации, заменены две последние строки.

Век златой. Майков В. И. (пер.). Из Превращений Овидиевых. Баснь III. Век златой // СЧ. 1763. Май. С. 271—272. Опущены строки 15—24, 39—42 журнальной публикации.

Епитафия 1 («Прохожей, обща всем...»). Сумароков А. П. ЕС. 1755. Июнь. С. 538.

Епитафия 2 («Как жизнь та ни гнусна...»). Херасков М. М. Последние три строки стихотворения «Сонет и эпитафия» (ЕС. 1755. Авг. С. 166).

Епитафия 3 («Читатель, знай...»). Дубровский А. И. ЕС. 1755. Дек. С. 566.

Епитафия 4 («На месте сем лежит презнатной дворянин...»). Сумароков А. П. ЕС. 1755. Июнь. С. 538.

Епитафия 5 («Здесь доктор погребен врачебныя науки...»). Сумароков А. П. ЕС. 1756. Июнь. С. 522.

Епиграмма 1 («Зачем невежа тот счастлив...»). ПУ. 1762. Апр. С. 177.

Епиграмма 2 («Ученых несколько на память бредя слов...»). Херасков М. М. ПУ. 1761. Ноябрь. № 18. С. 160.

Епиграмма 3 («То очень хорошо...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Май. № 18. С. 160.

Епиграмма 6 («Три вещи для меня...»). Херасков М. М. ПУ. 1760. Ноябрь. № 18. С. 172.

Епиграмма 7 («С насмешкой разуму богатство говорило...»). Сумароков А. П. ЕС. 1756. Сент. С. 274.

Епиграмма 8 Пригожей мальчик. Авзониевы эпиграммы. 105. На пригожева мальчика // ЕС. 1755. Окт. С. 381.

Епиграмма 9 («Мужик, не забывайся, что ты рожден мужик...»). Чулков М. Д. И то и сьо. 1769. Май. Неделя 20. С. [8].

Епиграмма 10 («Негодный лицемер...»). Попов М. И. И то и сьо. 1769. Май. Неделя 21. С. [7].

Епиграмма 11 («Брат был игрок...»). Сумароков А. П. ЕС. 1755. Июнь. С. 536—537.

Епиграмма 12 («Клеон раскаялся...»). Сумароков А. П. ЕС. 1755. Июнь. С. 538.

Епиграмма 13 («Не спрашивай меня о смерти ничего...»). Дубровский А. И. (пер.). Овеновы епиграммы. Смерть // ЕС. 1756. Дек. С. 585.

Епиграмма 14 («Прикащик в деревнях...»). Аблесимов А. О. ТП. 1759. Сент. С. 575.

Епиграмма 15 («Пророки говорят...»). Дубровский А. И. (пер.). Овеновы епиграммы. Пророки, стихотворцы // ЕС. 1756. Дек. С. 585.

Епиграмма 16 («Богатой, будь дурак и враль...»). Смесь. 1769. Л. 14. С. 112.

Сказочка 1 («Бояре кушают...»). Чулков М. Д. И то и сьо. 1769. Май. Неделя 21. С. [3].

Сказочка 2 («Один поселянин...»). Чулков М. Д. И то и сьо. 1769. Май. Неделя 21. С.[3].

Сказочка 3 («Кривой, проснувшись рано...»). Чулков М. Д. И то и сьо. 1769. Май. Неделя 21. С. [4].

Загадка 1 («Не создал тот меня...»). Дубровский А. И. ЕС. 1756. Окт. С. 379.

Загадка 2 («Ни рта, ни языка, ни горла не имею...»). Дубровский А. И. ЕС. 1756. Окт. С. 379.

Загадка 3 («Есть братьев у меня великое число...»). Дубровский А. И. ЕС. 1756. Окт. С. 379.

Загадка 4 («Я вдруг из ничего рождаюсь....»). Херасков М. М. Загадка // ЕС. 1755. Ноябрь. С. 444.

Загадка 5 («Что лучшего ни есть....»). Дубровский А. И. ЕС. 1756. Дек. С. 584—585.

Загадка 6 («Мы пятеро друзья...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Май. № 18. С. 160.

Загадка 7 («Хотя я не хожу...»). Сумароков А. П. ЕС. 1758. Окт. С. 381.

Загадка 8 («Что больше я верчусь...»). Сумароков А. П. ЕС. 1758. Окт. С. 381.

Загадка 9 («На месте я одном весь век свой проживаю...»). Дубровский А. И. ЕС. 1756. Дек. С. 584.

Загадка 10 («Готовое я пью и ем...»). Богданович И. Ф. Третья строфа загадки «На свете меж людьми живу...» (ПУ. 1760. Дек. N 24. С. 222).

Загадка 11 («Похоже на хамелеона...»). Попов М. И. И то и сьо. 1769. Март. Неделя 12. С. [4].

Загадка 12 («Родитель подлость мой...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Дек. С. 731.

Загадка 13 («Всего превыше здесь тебя я поставляла...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Дек. С. 732.

Загадка 14 («Родился мертвым я...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Дек. С. 732.

Загадка 15 («Ты я, а я есмь ты...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Дек. С. 732.

Загадка 16 («Что редко видит царь...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Апр. № 13. С. 120.

Загадка 17 («Ты давши мне живот...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Июль. С. 432. В «Письмовнике» объединены в одну две загадки (вторая начинается строкою «Что мучусь я теперь...»).

Загадка 18 («Подобно как Адам...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Июль. С. 432.

Загадка 19 («Где ты, и что есть ты...»). Ржевский А. А. СЧ. 1763. Июль. С. 432.

Загадка 20 («Ни зверь, ни человек...»). Ржевский А. А. ПУ. 1760. Апр. № 13. С. 120.

Загадка 21. («Как рассуждать мы начинаем...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Авг. № 6. С. 55.

Загадка 22 («Едва начнусь...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Июнь. № 24. С. 204.

Загадка 23 («Хоть всяк меня на свете презирает...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Июнь. № 24. С. 204.

Загадка 24 («За то я почтенна на свете пребываю...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Июнь. № 24. С. 205.

Загадка 25 («О чем печалюсь я...»). Ржевский А. А. ПУ. 1761. Июнь. № 24. С. 205.

Загадка 26 («Я прежде всех была...»). ПУ. 1761. Июнь. № 25. С. 216.

Загадка 27 («Я сделан как Адам...»). ПУ. 1761. Июнь. № 25. С. 216.

Загадка 28 («Один раз родился...»). ПУ. 1761. Июнь. № 25. С. 216.

Загадка 30 («Я в доме среди волн плывущем обитаю...»). Фонвизин П. И. ДН. 1764. Сент. С. 399.

Загадка 32 («Без грубости коснуться не умею...»). Сумароков А. П. Праздное время. 1760. 2 сент. С. 155.

Загадка 33 («Как хочешь сделайся...»). Херасков М. М. СЧ. 1763. Май. С. 311.

Загадка 34 («Хотя меня никто не просит...»). Херасков М. М. СЧ. 1763. Май. С. 311. Последние две строки добавлены Кургановым.

Загадка 35 («Геройской храбрости я часто подражаю...»). Херасков М. М. СЧ. 1763. Май. С. 311.

Древнее суеверство. Чулков М. Д. Стихи на семик [строки 133, 135—138, 17—32, 153—158] // И то и сьо. 1769. Июнь. Неделя 22. С. [1—2, 5]. Строка 2 сочинена Кургановым вместо строки 134 поэмы Чулкова; в строках 1 и 7 Кургановым произведены замены.

Политическое известие. Чулков М. Д. Стихи на семик [строки 44, 47—50, 53—62, 65—66] // И то и сьо. 1769. Июнь. Неделя 22. С. [2—3]. Строка 2 сочинена Кургановым.

Псалмы или духовные песни:

1. «Кто крепок на Бога уповая...» Феофан Прокопович. Переложение псалма 124. Первая публикация стихотворения.

2. «Уже прекрасно светило....» Ломоносов М. В. Утреннее размышление о Божием величестве. Опущена третья строфа.

3. «Блажен, кто к злым в совет не ходит...» Ломоносов М. В. Преложение псалма I.

5. «Всяк себя в помощь Вышняго предавый...» Феофан Прокопович. Metaphrasis psalmi 90. Первая (неполная, стихи 1—8, 37—46) публикация стихотворения.

7. «Коль дождуся весела ведра...» Феофан Прокопович. Песнь Плачет пастушок в долгом ненастьи. Первая публикация стихотворения.

8. «Житье в море неспокойно...» Предположительно атрибутируется А. Д. Кантемиру. См.: *Глаголева Т.* Материалы для полного

собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906. С. 58—59; *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 281, 483.

9. «О суетный человече, рабе неключимый...» Феофан Прокопович. Первая публикация стихотворения.

Светские песни, или Дело от безделья:

1. «Невелик хотя удел, но живу спокоен...» Предположительно атрибутируется А. Д. Кантемиру. См.: *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 288, 483.

15. «От несклонности твоей дух во мне мятется...» Сумароков А. П.

17. «Я люблю тебя и стражду...» Попов. С. 5—6. N 3. См.: *Гусев В. Е.* Михайло Попов — поэт-песенник // XVIII в. Сб. 7. С. 136.

18. «Все, что сердце ни терзало...» Попов. С. 6—7. № 4. См.: *Гусев В. Е.* Михайло Попов — поэт-песенник // XVIII в. Сб. 7. С. 136.

23. «Позабудь дни жизни сей, как о мне вздыхала...» Сумароков А. П. ТП. 1759. Ноябрь. С. 682—683.

26. «Что я прельщен тобой, чему тому дивиться...» Херасков М. М. Песенка // СЧ. 1763. Апр. С. 252.

27. Ответ. «Прекрасное любить хоть сердцу и природно...» Херасков М. М. Ответ на песенку // СЧ. 1763. Апр. С. 252—253.

28. «Полюбя тебя, смущаюсь...» Попов. С. 11. № 9.

36. «Достигнувши тобою желанья моего...» Попов. С. 12. № 10.

38. «Окончай бесплодны мысли...» Попов. С. 18—19. № 15.

40. «Как сердце ни скрывает...» Попов. С. 3—4. № 1.

42. «Что сердце устрашало...» Попов. С. 10. № 8.

49. «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» Сумароков А. П. ТП. 1759. Ноябрь. С. 685—686.

56. «Взором ты меня прельщаешь...» Попов. С. 9. № 7. См.: *Гусев В. Е.* Михайло Попов — поэт-песенник // XVIII в. Сб. 7. С. 136.

Злая жена. Беляев О. П. Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 31. Январь. С. 92—93.

ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ VI

Обстоятельное изъяснение порядка знаний человеческих, или всеобщий чертеж наук и художеств. Отдел I. Происхождение человеческих знаний. Перепечатка (с языковыми изменениями, перестановками и дополнениями) статьи: Обстоятельное изъяснение системы знаний человеческих. Переведено из сочинений г. д'Алемберта: Mélanges de Littérature, d'Histoire et de Philosophie. [Amsterdam, 1763]. Tome I. P. 214 // ЕС. 1763. Авг. С. 134—156. Вставка «Истинная добродетель» является перепечаткою статьи: Истинная добродетель: Из Голберговых нравоучительных рассуждений // Сочи-

нения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Апр. С. 376—383.

Станс («Всё философии ты должен человек...») Нарышкин С. В. Станс, переведенный с французского языка («Mortels, vous devez tout à la Philosophie...») // ЕС. 1755. Дек. С. 538.

Наказ медицинской. [Оксеншерна Ю. Т.]. Средства, к сохранению здравия служащие / [Пер. С. А. Порошина] // ЕС. 1757. Нояб. С. 478—479. Пер. раздела «De moyens de se conserver la santé» из кн. Ю. Т. Оксеншерны «Recueil de pensées du comte J. O. sur divers sujets». Francofort sur le Main, 1725. T. 4. P. 88—91 (мн. переизд. под измененными загл.). Авторство приписывается также Габриелю Турессону Оксеншерна (1641—1707). В «Письмовнике» перепечатано с изменениями.

4665. *Новиков И.* Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785—1786. Ч. 1—2.

Отчество автора: Васильевич (Арх. РАН, ф. 3, оп. 1, д. 343, л. 352).

ЧАСТЬ 1

Похождение Ивана Гостиного сына. Фрагмент «В одну осеннюю ночь, будучи погружен я в крепком сне ~ однако нашел себя на своей постеле» (с. 26—40) является переработкою ст.: Сон // ДН. 1764. Март. С. 113—127. Автор: Фордайс, Дэвид (Fordyce, 1711—1751). Англ. подлинник: The Temple of Virtue: A. Dream. London, 1757 (переизд.: 1759, 1775; то же // The Gentleman's Magazine. 1757. Vol. 27. June. P. 261—265). (Левин. Материалы. № 68, 96).

О рыболове, исповедавшем глубину моря и пучину. Перепечатка со стилистическими изменениями рассказа: О водолазе // ДН. 1764. Янв. С. 6—11.

О дервише Гараме и о турчанине, недовольном своим состоянием. Перепечатка со стилистическими изменениями рассказа: Всяк жребием своим доволен быть должен / Пер. с аглинского С[тудент] М. Пермской // ДН. 1764. Июль. С. 329—335; Авг. С. 353—357. Автор: Хоксуорт, Джон. Англ. подлинник: The Adventurer. 1753. February 24. № 32. (Левин. Материалы. N 111).

О правосудном султане, наказавшем подданного за обругание крестьянской жены. Перепечатка с изменениями рассказа: О правосудии, которое самым делом с строгостию исполнять должно // ДН. 1764. Июнь. С. 273—278. Автор: Аддисон, Джозеф. Англ. подлинник: The Guardian. 1713. July 4. № 99. (Левин. Материалы. № 108; др. пер. № 206, 224, 415).

О кривом и изменившей жене его. Перепечатка с изменениями рассказа: Выдумка одной женщины, которая сыскала способ уйти своему любовнику, когда муж ее, будучи крив, думал ее с ним найти вместе: Пер. с фр. // ДН. 1764. Июль. С. 326—328. Сюжет шестой новеллы из «Гептамерона» Маргариты Наваррской.

О содержании тайны, не доверяя никому. Перепечатка с изменениями рассказа: Тайны своей никому открывать не должно: Из аглинского журнала // ДН. 1764. Май. С. 209—217. Автор: Спенс, Джозеф (Spence, Joseph, 1699—1768; псевд.: Beaumont, Harry). Англ. подлинник в кн.: Beaumont, Harry. Moralities: or, Essays, Letters, Fables and Translations. London, 1753. На рус. яз. переведено по перепечатке без загл. и указания автора в журн.: The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1756. Vol. 18. April. P. 161—163. (Левин. Материалы. N 103; Das verrathne Geheimniss: Eine Geschichte // Beaumont, Heinrich. Abhandlungen, Briefe, Geschichte und Fabeln aus der Sittenlehre: Zum Vergnügen und zur Erbauung. Liegnitz; Leipzig, 1761. S. 146—153).

О паше Ахмете Египетском и о злодеянии его любовницы. Перепечатка с изменениями ст.: Известие о пожаре, случившемся в городе Каире на 1755 // ДН. 1764. Май. С. 225—228. Англ. подлинник: Relation of the Late Fire at Grand Cairo // The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. 1756. Vol. 18. February. P. 89—90. (Левин. Материалы. № 104). Др. пер. с фр. оригинала-посредника: Действие ревнивости // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1790. Янв. С. 13—16. (См.: Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.): (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1976. С. 59. № 11).

О Цесаре Карле Великом и его секретаре. Перепечатка со стилистическими изменениями рассказа: Не должно иметь зверского сердца / Пер. с аглинского Михайло Пермской // ДН. 1764. Янв. С. 19—23. Автор: Аддисон, Джозеф. Англ. подлинник: The Spectator. 1711. September 27. № 181. (Левин. Материалы. № 88).

О происшедших на свете двух фамилиях: заблуждении и радости. Перепечатка с изменениями ст.: Нет совершенного человека на свете // ДН. 1764. Янв. С. 43—45. Автор: Аддисон, Джозеф. Англ. подлинник: The Spectator. 1711. September 29. № 183. (Левин. Материалы. № 91).

О купецком сыне и американской девушке. Перепечатка с изменениями рассказа: История о некотором купце // ДН. 1764. Март. С. 131—135. Автор: Стиль, Ричард. Англ. подлинник: The Spectator. 1711. March 13. № 11. (Левин. Материалы. N 99; др. пер. № 54, 163; *Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 257—266).

6026. Розанов Ф. Ф. Приятные и любопытные повести... М., 1789. Ч. 1—3.

Компилятивное произведение, построенное по традиционной и для конца XVIII в. уже архаичной схеме авантюрного романа, в котором перемежаются, обрываясь и возобновляясь, рассказы встречающихся друг с другом во время своих странствий и приключений персонажей. В заглавии компилятор признал, что подобным образом соединил в некое рыхлое целое «повести, выбранные из разных французских авторов», скрыв, однако, то обстоятельство, что не

обращался к текстам на языке подлинника, но имел дело с печатными переводами и даже с оригинальными сочинениями своих соучеников по Славяно-греко-латинской академии.

Источники Ф. Ф. Розанова (в последовательности первого появления в «Приятных и любопытных повестях»):

Повесть о Селеме и Ксамире // Дет. чт. 1785. Ч. 1. № 1—3. С. 8—42. (В дальнейшем: Селем и Ксамира).

Четыре времяна года // Там же. № 4. С. 58—60.

Дамон и Пифиас: Драма для детей в одном действии // Там же. Ч. 4. № 45. С. 81—95.

Ла Поплиньер А.-Ж.-Ж. Ле Риш де. Даира: Восточная повесть. М., 1766—1767. Ч. 1—4. (В дальнейшем: Даира).

[Беркен А.]. Канарейка // Дет. чт. 1785. Ч. 3. № 32—33. С. 95—96.

[Геснер С.]. Чувствования после грому // Там же. Ч. 2. № 26. С. 204—205.

Лесаж А.-Р. Повесть о хромоногом бесе. СПб., 1763. Ч. 1—2. Розанов мог пользоваться вторым изданием: СПб., 1774—1775. Ч. 1—2. (В дальнейшем: Хромой бес — с указанием страниц по первому изданию).

Протопопов В. М. Лабиринт волшебства. М., 1786. (В дальнейшем: Лабиринт).

Одушевленная статуя, или Приключения маркиза де Алфонса и Луизы / Сочинена П.А. М., 1786.

В трех томах компилятивного произведения Ф. Ф. Розанова насчитывается в общей сложности 482 страницы, включая титульные листы; из них приблизительно 410, т. е. около 85%, заняты текстом, заимствованным из указанных девяти источников дословно или с минимальными необходимыми для «подгонки» изменениями. Нет никаких оснований полагать, что остальные 70 страниц были сочинены хотя бы частично самим Розановым. Вероятнее всего, ему как автору принадлежат лишь мелкие соединительные вставки, подобные имеющимся на некоторых стыках текста из различных источников или разных фрагментов одного.

Заимствованные тексты скомпонованы следующим образом:

ЧАСТЬ 1

С. 11—31. «Де П*** жил при дворе сего государя ~ и вспомним о своей молодости». Селем и Ксамира. С. 11—29.

С. 31. «Увидим окружающие нас луга ~ Какая радость для нас будет!» Четыре времяна года. С. 58—59.

С. 31—34. «Какое удовольствие съесть яблоко ~ А Пизистрат со своею партиею никогда у него не бывал». Селем и Ксамира. С. 29—35.

С. 54—73. «Селедон. Посмотрим, кого должно сего дня казнить. ~ (Он снимает с них цепи и обнимает их обоих)». Дамон и Пифиас. С. 81—95.

С. 75—79. «Великодушной избавитель! ~ и думала в такой спокойной жизни окончать дни свои». Даира. Ч. 1. С. 21—23.

С. 79—87. «В один день сидела я в своей комнате ~ отправился в загородной дом». Канарейка. С. 95—101.

С. 88—111. «В один день, о день! ~ просила ее вытти вон». Даира. Ч. 1. С. 23—42.

С. 114—115. «...а беспокойство мое ни мало не уменьшалось ~ я желала оные скорее окончать своею жизнию». Даира. Ч. 1. С. 47—50.

С. 115—122. «Ралла подошедши села подле моей кровати ~ при тяжких вздохах катились слезы из глаз его». Даира. Ч. 1. С. 47—50.

С. 136—138. «Наконец страшная гроза прошла ~ от оживляющего солнца до самой малейшей травки!» Чувствования после грому. С. 204.

С. 139—140. «В одну ночь случилось ~ не спустился с балкона по шелковой лестнице». Хромой бес. Ч. 1. С. 199—200.

С. 140. «...и он начал протирать глаза ~ открыл ему крайнее бесчестие...» Хромой бес. Ч. 1. С. 73.

С. 140. «Какое позорище ~ злобного человека!» Хромой бес. Ч. 1. С. 200.

С. 140—141. «Смущен будучи и исполнен гневом ~ Он вошел с яростным видом...» Хромой бес. Ч. 1. С. 73—74.

С. 141—143. «...и взглянув на меня сверкающими гневом глазами ~ к получению вашего желания!» Хромой бес. Ч. 1. С. 200—202.

С. 143—144. «...милостивой государь! удостойте по приготовленной нам казни ~ столь жестокое оказывала отчаяние и печаль...» Хромой бес. Ч. 1. С. 74—76.

С. 144—145. «Я, лишившись сил, упала без чувств ~ претерпевать во всю мою жизнь». Хромой бес. Ч. 1. С. 83.

С. 145—146. «Герцог В*** с своей стороны препроводил весь тот день ~ для отмщения за обиду, ему нанесенную». Хромой бес. Ч. 1. С. 90.

С. 147—148. «Завтра должно мне оставить ~ стараюсь о сохранении нашей любви до гроба. Оримена». Хромой бес. Ч. 1. С. 87.

С. 148—149. «Любезнейший Фелис! ~ будете ожидать ночи, как и я. Оримена». Хромой бес. Ч. 1. С. 202.

С. 149—160. «Филидор, так назывался сын герцога ~ за подлое снисходительство». Хромой бес. Ч. 1. С. 91—99.

С. 160—161. «...вбежали тотчас три лакея ~ кроме одного моего брата...» Хромой бес. Ч. 1. С. 203.

С. 162. «...нашел его в каменном глыбоком и темном погребу ~ благодарил его за избавление». Хромой бес. Ч. 1. С. 207—208.

С. 163—164. «В то же самое время увидела я на полу своей комнаты ~ я принуждена была их оставить на руках...» Даира. Ч. 1. С. 53.

С. 164—169. «...потом развернула книжку, в которой нашла письмо ~ захотела утаить внутреннее мое движение». Даира. Ч. 1. С. 44—47.

С. 169—171. «О злосчастная слабость, от которой вся моя пла-

чевная повесть начало свое имеет. ~ сие он сделал для уведомления, чтоб я приготовилась к уединенной жизни». Даира. Ч. 1. С. 53—55.

С. 171—183. «О несчастная! вскричала я ~ упала без чувств на полу в своей комнате». Даира. Ч. 4. С. 107—113.

ЧАСТЬ 2

С. 4—12. «Давно уже, продолжал мой отец ~ некоторое слабое действие надежды от того меня удерживало». Даира. Ч. 1. С. 55—59.

С. 14—30. «Фелис, имея при себе одного только нанятого камердинера ~ которую вы мне оказываете». Хромой бес. Ч. 2. С. 21—32.

С. 31—33. «Я отвечал Филидору словами, исполненными благодарности ~ достоин был большего еще сожаления, нежели Филидор». Хромой бес. Ч. 2. С. 44—46.

С. 34—51. «...я родился в местечке Ц*** ~ вы мне попались». Хромой бес. Ч. 2. С. 33—44.

С. 51—96. «Хотя я, по сказываемой мною истории ~ купил меня для своего господина». Хромой бес. Ч. 2. С. 46—70, 85—91.

С. 98—162. «Когда корабль наш бежал по жидкости вод ~ <продолжение см. в ч. 3>.

ЧАСТЬ 3

С. 1—28. <Начало см. ч. 2> ~ не столь великое имели стремление к умерщвлению меня». Даира. Ч. 1—2. С. 59—115.

С. 35—99. «...который меня определил в работники ~ и теперь живет в довольствии». Хромой бес. Ч. 2. С. 91—138.

С. 101—102. «На другой день вообразилось мне сие кровопролитное сражение ~ мне уже несколько только часов осталось быть в числе живущих на земле». Даира. Ч. 2. С. 116.

С. 104—111. «Соплетшиеся древеса, возвышенные холмы, ядовитые гады ~ Я не знаю, что она ему говорила...» Лабиринт. С. 94—110.

С. 113—114. «...красавицу, на лице которой были все приятности! ~ на ней была белая полотняная одежда, которую препоясывала розовая широкая лента...» Одушевленная статуя. С. 23—24. Бóльшая часть текста совпадает дословно, тем не менее имеющиеся сокращения и перефразировки не позволяют считать источник установленным окончательно.

С. 114—119. «Когда еще он был обладателем города Алепа ~ Оримену отнесла в Форментер и положила под кипарисное дерево...» Лабиринт. С. 10—14.

С. 121—127. «...в продолжение сих минут все многочисленное собрание ~ беспредельная страсть, виновница ваших злосчастий». Даира. Ч. 4. С. 141—146.

С. 132. «Фелис и Оримена, толь страстные и счастливые любовники ~ О судьба! вскричал Филидор: почто меня злосчастного тем же за мои мучения не наградит!» Даира. Ч. 4. С. 148.

С. 134—135. «Весь пространный город ~ кроме подобных им счастливейших людей, нет средства». Даира. Ч. 4. С. 149.

Список сокращений

Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит.	—	Взаимосвязи русской и зарубежных литератур / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1983.
XVIII в.	—	XVIII век. М.; Л., 1935—1993. Сб. 1—18.
Дет. чт.	—	Детское чтение для сердца и разума (журнал).
ДН	—	Доброе намерение (журнал).
ЕС	—	Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие (журнал).
Левин. Материалы	—	*Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. Приложение: Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в. // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исслед. и мат. Л., 1990. С. 76—102.
Нов. басни и повести	—	Новые басни и повести, с присовокуплением нравоучительных примечаний, служащих приятным и полезным препровождением времени: Подарок благородно воспитывающемуся юношеству / Пер. с нем. яз. девица Марья Базилевичева. М., 1799. Ч. 1—2.
Нравоучение	—	[*Беранже Л.-П., Гибо Э.*]. Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов, могущих внушить любовь к добродетели и усовершенствовать молодых людей в искусстве повествования / Пер. с фр. ... М. В. [М. М. Вышеславцевым]. М., 1790. Ч. 1—2.
Попов	—	*Попов М. И.* Песни, вновь испр. и умноженные. 2-е изд. СПб., 1768.
Праздное время	—	Праздное время, в пользу употребленное (журнал).
ПУ	—	Полезное увеселение (журнал).
Рус. культура XVIII в.	—	Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1980.
СК VI Уточн.	—	Уточнения к I—IV томам «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» // Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800: Дополнения; Разыскиваемые издания; Уточнения. М., 1975. С. 99—139.
Смеющ. Демокрит	—	[Ланге И. П.]. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии: Пер. с лат. яз. М., 1769.
СЧ	—	Свободные часы (журнал).
ТП	—	Трудолюбивая пчела (журнал).

Фишер — *Фишер И. А.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием... СПб., 1774.

Чт. для вкуса — Чтение для вкуса, разума и чувствований (журнал).

Berquin — *[Berquin A.]*. Lectures pour les enfans, ou Choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu. Paris, 1775 (изд. продолжалось; многочисл. переизд.).

Berquin, Choix — *Berquin A.* Oeuvres complètes. Paris, 1803. T. 12—13. Choix de lectures pour les enfans, ou recueil de contes, d'anecdotes et de traits de vertu, choisis des meilleurs auteurs. T. 1—2.

Brenner — *Brenner C. D.* A bibliographical list of plays in the French language. 1700—1789. Berkeley (Calif.), 1947.

CBN — Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897—1981. T. 1—231.

JE — Journal encyclopédique ou universel.

Martin et al. — *Martin A., Mylne V. G., Frautschi R.* Bibliographie du genre romanesque français, 1751—1800. London; Paris, 1977.

MF — Mercure de France.

MG — Mercure galant.

Э. Г. КРОСС

ПОЕЗДКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ (1770 И 1776—1780 ГГ.) И ЕЕ "НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРНУЮ ШОТЛАНДИЮ" (1777)

1

Страстная дружба между двумя Екатеринами — молодой императрицей Екатериной II и еще более юной княгиней Дашковой — охладела в первые же годы нового царствования. Императрицу раздражала преувеличенная уверенность Дашковой в своей роли наиболее находчивой и деятельной ее сторонницы, а княгиня была возмущена растущим влиянием Григория Орлова, которое тот отнюдь не скрывал. Овдовев в 1764 г. в 21 год, Дашкова в следующем же году переехала в Москву, чтобы начать там уединенную, строго экономную жизнь. Однако желание странствовать и мечта дать своим детям европейское образование побудили ее в конце 1769 г. выехать из России и совершить путешествие сперва через Пруссию в Берлин, затем в Спа, откуда ей предстояло отправиться в Англию. [1]

За несколько лет до этого она говорила британскому послу в России: «Как это я не родилась англичанкой? Я обожаю свободу и пылкость этого народа», [2] и такой восторг поддерживался положительными отзывами об Англии ее старшего брата Александра Воронцова, когда он был русским послом в Лондоне. Однако едва ли в ходе первого ее европейского путешествия состоялась бы поездка в Англию, если бы еще во время пребывания в Спа у нее не завязались некоторые новые и важные знакомства. Там она, в частности, встретила двух ирландок — миссис Кэтрин Гамильтон, дочь тьюамского епископа и вдову ирландского священника, и миссис Элизабет Морган, дочь генерального прокурора Ирландии, и обе они стали ее

---

[1] В посвященной Е. Р. Дашковой специальной монографии в серии «Страницы истории нашей родины» о ее путешествиях в Великобританию говорится весьма кратко (См.: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 42—43, 65—67; 2-е изд. М., 1983. С. 42—43, 65—67).

[2] The Dispatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador of the Court of Catherine II of Russia: 1762—1765. London, 1902. V. 2. P. 38.

© Э. Г. Кросс, 1995
© Ю. Д. Левин, перевод, 1995

близкими и дорогими подругами. К тому же она познакомилась с доктором Джоном Хинчклифом, епископом Питерборо, и вскоре заручилась его согласием перевести проповедь архиепископа Платона о русской морской победе при Чесме на английский язык через французский перевод.[3] Именно Хинчклиф рекомендовал ей Вестминстерскую школу, которую прежде возглавлял, как подходящее место для обучения ее сына Павла, и, таким образом, она покинула Спа в конце сентября 1770 г. с твердым намерением последовать его совету.

Назвавшись госпожой Михайловой, соответственно моде на инкогнито, начало чему положил еще Петр Великий, которому подражали бесчисленные русские путешественники 1770—1780-х гг., Дашкова с двумя детьми и гувернанткой П. Ф. Каменской приехала в Лондон, поселилась в Джентльменской гостинице и начала поспешно наносить светские визиты, готовясь одновременно к двухнедельной поездке в Западную Англию. Ранним утром 15 октября в сопровождении дочери, гувернантки и двоюродного брата Ивана Алексеевича Воронцова (который был связан с русским посольством в Лондоне еще в 1750-е гг.), но без сына, оставленного, видимо, для занятий, княгиня покинула столицу Англии и пустилась в странствия, которые последовательно привели ее в Гилфорд, Портсмут, Саутгемптон, Солсбери и, наконец, в Бат. Из Бата она совершила поездку в Бристоль и из Бата же вернулась обратно через Вудсток, Оксфорд, Виндзор и Хэмптон Корт. Пять лет спустя она опубликовала описание этого путешествия — первое сообщение такого рода в русской печати.[4] В нем ясно отразился ее восторг по отношению ко всем сторонам английской жизни, начиная с формы правления: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях».[5] Когда она посещала поместья лорда Клайва в Клермонте, почтенного Чарльза Гамильтона в Пейнсхилле близ Кобема, лорда Пемброка в Уилтоне, лорда Веймаута в Лонглите и герцога Мальборо в Бленхейме, ей чувствовалось, что нужен эпический поэт, дабы отдать должное великолепию пейзажных парков. Пренебрежительно отозвалась она о знаменитом соборе в Солсбери: «...здание сие преогромное Готической архитектуры; однако отменно примечательного ничего не имеет, кроме древности своей и живописи в сводах...»; зато ее очаровали «остатки древнего храма Друидов» в Стонхендже.[6] Она постоянно посещала музеи, фабрики, лавки, и ее особенно поражало, что даже в самых маленьких деревушках можно было

---

[3] An Oration Preached by Order of Her Imperial Majesty, on the Tomb of Peter the Great, in Cathedral Church of St Petersburg. London, 1770.

[4] Путешествие одной Российской знатной Госпожи по некоторым Англинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.

[5] Там же. С. 106.

[6] Там же. С. 117, 119.

купить все необходимое. Два города, где она останавливалась дольше всего и описала их наиболее подробно, — Бат и Оксфорд. Ее пребывание в Бате было заполнено посещениями галереи минеральных вод, концертов, вечеринок и на страницах ее записей запечатлены типичные представители светского общества того времени: леди Керри, герцогиня портландская, герцог нортумберлендский, друг ее епископ Питерборо, знаменитый доктор Листер и даже Федор Лудрес, в прошлом служащий русского посольства, который, выйдя в отставку, поселился в Бате. Находясь в Оксфорде, она встретилась с возглавляемой инспектором Василием Никитиным группой русских студентов, учившихся в разных колледжах университета. [7] В церкви Христа ее любезно принял декан Вильям Маркем, который в первый же день провел ее по своему колледжу, а по некоторым другим — на следующий день, когда она также посетила Музей Ашмола, издательство Кларендон и Бодлианскую библиотеку, где ознакомилась с хранившимися там русскими рукописями. Перед отъездом из Оксфорда в Лондон ее, как она писала, посетил «Канцлер Университетской с жезлом своим и в мантии и во всем церемониальном виде, которой именем своим и всего Университета поднес мне книгу с эстампами всех у них хранящихся статуй и барельевов древних, которую честь, сказывают, редким приезжающим делают». [8]

После возвращения в Лондон вечером 29 октября ей еще предстояло провести в Англии около двух недель и дать возможность весьма любопытному Хоресу Уолполу внимательно рассмотреть ее у герцогини нортумберлендской: «Что ж! я видел княгиню Дасчоф, и вполне стоит на нее посмотреть — не за внешность, хотя совершенная татарка, она отнюдь не уродлива; улыбка ее приятна, но глаза сверкают самой катилинской яростью. Ведет она себя необычайно открыто и непринужденно. Она говорит на все темы, причем легко и без навязчивого педантизма, очень быстро и очень живо. Она не снисходит до забот о нарядах и всяких женских хлопот и в то же время нежно и мило поет приятным голосом. Она и сопровождающая ее русская дама спели две народные песни, весьма музыкальные; одна была печальной, а другая веселой, но с очень нежными переливами, и обе весьма напоминали венецианские баркаролы. Она немного говорит по-английски и свободно понимает; французский язык ей вполне привычен, и она знает латынь». [9]

Упомянув слова Дашковой, обращенные к какой-то даме после посещения собрания квакеров, как «пример ее сообразительности и способностей», Уолпол заключает, что «она — особа весьма необычная». Но к тому времени, когда ему довелось увидеть ее вновь в конце ее второго посещения Англии, восторг его значительно остыл. В промежутке между этими двумя посещениями Дашкова продолжа-

---

[7] См.: *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, Mass., 1980. P. 92—117. (Ch. 4: Russian Students at Oxford and Cambridge).

[8] Путешествие одной Российской знатной Госпожи... С. 141.

[9] Horace Walpole's Correspondence/Ed. by W. S. Lewis. London, 1967. V. 23. P. 248—249.

ла свои странствия и очень сблизилась в Париже с Дидро, который тем не менее заметил: «Она весьма расположена к английской нации, и я немного опасаюсь, как бы такое пристрастие к этому антимонархическому народу не помешало бы ей верно оценить его преимущества». [10]

Поехав на юг со своими ирландскими подругами, Дашкова провела зиму в Экс-ан-Прованс, а следующей весной отправилась в Швейцарию и в Ферней на встречу с Вольтером. В Россию она вернулась в 1773 г., но вскоре начала экономить средства для новой поездки в Великобританию, чтобы отдать сына в Эдинбургский университет

2

В октябре 1776 г. Дашкова вновь приехала в Лондон, на этот раз уже не инкогнито, а пользуясь признанием, какое принесли ей слава и титул. 3 октября княгиня была представлена королю и королеве, а спустя несколько дней ее сын — королю. [11] Она, ее сын и дочь (теперь уже г-жа Щербинина, но расставшаяся с мужем) сразу же увлеклись светской жизнью. Например, вечером того же 3 октября Дашкова «была в сценической ложе театра Дрюри-лейн и привлекала к себе взгляды всей публики», в то время как сама она, надо думать, следила за судьбой «Красивой грешницы» Николаса Роу. [12] Она возобновила дружеские отношения с известным корсиканским патриотом генералом Паоли и тщетно пыталась повидаться с президентом Королевского общества сэром Джозефом Бэнксом. [13] В течение трех недель ее пребывания в Лондоне русский художник и гравер Гавриил Скородумов, занимавшийся в Королевской академии с 1773 г., нарисовал портрет княгини и ее детей. Сделанная по рисованному портрету княгини гравюра пунктиром была отпечатана в Лондоне с датой 22 октября 1777 г. и стихотворной надписью:

Polite as all her Life in Courts had been,
Yet Good as She the World had never seen. [14]

Гравюра же всей семьи осталась незаконченной. [15] Примерно в середине ноября Дашкова отправилась в Шотландию, но путешествие было прервано остановкой в Истон Модит в Нортгемптоншире — имении ее друзей герцога и герцогини суссекских. Там она повстречала ирландца Эдуарда Вильмота, с дочерьми которого, сперва

---

[10] *Diderot Denis.* Sur la princesse Dashkoff // Oeuvres completes. Paris, 1876. T. 17. P. 487.

[11] London Chronicle. 1776. 1—3 October. V. 40. P. 328; 8—10 October. P. 350.

[12] Ibid. 3—5 October. P. 335. Пьеса, которую видела Дашкова, установлена по кн.: The London Stage. Carbondale, 1968. V. 5. P. 22.

[13] См. письмо д-ра Соландера сэру Джозефу Бэнксу: Banks Correspondence, Department of Botany, British Museum (Natural History), D.T.C. 1, f. 133—134.

[14] Любезная, какой была вся ее жизнь при дворах, однако такой доброй, как она, мир никогда не видел *(англ.)*.

[15] См.: *Комелова Г. Н.* Русский гравер Гавриил Иванович Скородумов: 1755—1792//Тр. гос. Эрмитажа. Л., 1974. Т. 15. С. 44—45.

Мартой (1775—1873), а затем Кэтрин (ум. 1824), были так тесно связаны ее последние годы.[16] Из Нортгемптоншира Дашкова отправилась на север, задержавшись по пути в замке Олнуик — усадьбе герцога нортумберлендского.[17] В Эдинбург она прибыла 8 декабря и сняла дом в Новом городе вблизи или на Джордж стрит, хотя в своих воспоминаниях она предпочла заявить, будто поселилась в более романтическом обиталище — замке Голирудхауз, осененном тенью Марии Стюарт.[18]

Еще находясь в Спа в августе 1776 г., Дашкова начала переписку с Вильямом Робертсоном, известным историком и ректором Эдинбургского университета, и за первым письмом последовали еще два из Лондона от 9 октября и 10 ноября.[19] Она излагала причины, по которым ею был избран Эдинбург, пыталась уговорить Робертсона, чтобы он лично наблюдал за занятиями ее сына, и отводила мысль о том, что ей следовало бы отложить его поступление в университет и обстоятельнее выяснить степень его образованности и возможности. Во втором письме она кратко излагала ход предшествовавших занятий сына, которые, по ее мнению, ему следовало продолжить в Эдинбурге в течение двух лет, или пяти семестров, чтобы обеспечить быстрое продвижение в последующей военной службе. Ее первое письмо сопровождалось письмом их общего знакомого Александра Уеддерберна, впоследствии первого графа Росслина, который предоставил Робертсону такой набросок характера княгини: «Тогда представьте себе благоразумную, открытую, добродушную женщину, сердечную в дружбе, не скрывающую своих антипатий, без подозрительности или страха, короче говоря, такую, что вы едва ли поверите, будто не знали ее всю жизнь, и добавьте к этим свойствам ясный и образованный разум».[20] Тот же Уеддерберн вновь писал 25 ноября, заверяя Робертсона, что у того «нет никаких оснований волноваться по поводу приезда княгини», но далее добавлял к своей предыдущей характеристике ее «некоторую долю тщеславия, особенно в двух вопросах: во-первых, по поводу силы своего ума и, во-вторых, — ее положения», и замечал, что с нею «желательно соблюдать некоторую церемонность».[21]

Робертон по получении первого письма княгини решил обратиться за советом к одному из профессоров своего штата, который

---

[16] См.: The Russian Journals of Martha and Catherin Wilmot / Ed. by Marchioness of Londonderry and H. M. Hyde. London, 1934.

[17] London Chronicle. 1776. 14—17 December. V. 40. P. 584.

[18] См.: Scots Magazine. 1776. December. V. 38. P. 476; см. также: Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 170. В этой книге «Архива» опубликованы написанные на французском языке автобиографические записки Дашковой (Mon histoire), которые неоднократно переводились на русский язык; ниже они цитируются по последнему переводу, опубликованному в кн.: *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России/Под ред. С. С. Дмитриева; сост. Г. А. Веселая. М., 1987. Далее в ссылках: Записки.

[19] National Library of Scotland, Edinburgh. Ms. 3942, f. 269—270, 281—282, 287.

[20] Ibid., f. 271.

[21] Ibid., f. 291, 292.

наиболее подходил для этого, — к Джону Робисону (1739—1805). Робисон до этого пробыл в России около четырех лет, сперва личным секретарем адмирала сэра Чарльза Ноулеса, которого Екатерина II пригласила реорганизовать руский военный флот, а затем профессором математики в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. После избрания на кафедру физики в Эдинбурге он возвратился летом 1774 г. в сопровождении трех юных кадетов, ставших первыми русскими студентами в университетских списках. Отвечая Робертсону, Робисон дал вполне взвешенную оценку роли Дашковой в «революции» 1762 г. и ее «весьма необычного характера, проявляющегося как в больших врожденных способностях и умственном развитии, так и в благородных принципах». [22] Далее он высказал суждение, что для юного Павла было бы лучше, если бы его княжеский титул оставался неизвестным для окружающих и он жил бы у него вдали от матери; Дашкова, однако, не была склонна следовать этим советам. На самом деле она предвидела для себя роль всесторонней любящей матери-покровительницы, заменяющей упорного, гордого отца, мудрого наставника и ментора.

Вскоре князь приступил к своим занятиям и в течение последующих трех лет он заносился в списки слушателей курсов, которые читали Хью Блэр (дважды), Робисон (дважды), Брюс (дважды), Дугалд Стюарт (дважды) и Адам Фергюсон. Предметы, преподававшиеся этими профессорами: риторика, логика, физика, этика, математика — все они предусматривались в первоначальном честолюбивом плане Дашковой, равно как и химия, которую преподавал Джозеф Блек. В письме к Блеку, написанном по возвращении в Россию, Дашков упоминал получение от него «многие добрые наставления и всевозможные одолжения». [23] В ответном письме Блек назвал профессора Фергюсона и другого старого знакомого Дашковой — Вильяма Гринфильда, красноречивого проповедника, которому предстояло сменить в 1784 г. Блэра на кафедре риторики и литературы. [24] О близких Дашкову друзьях-студентах сведений не сохранилось, за исключением молодого ирландца Вильяма Дреннана, стяжавшего впоследствии известность поэта и политика. Дреннан замечал: «Князь Дашков весьма прилежно посещает занятия и совершенно растопил русскую грубость во французской учтивости». [25] По общим отзывам, Дашков был образцовым студентом, прилежным и вежливым, но не производил впечатления сильной личности. Он постоянно находился под бдительным оком своей матери, внимательно следившей за каждым мгновением его жизни. «Чтобы у сына был некоторый отдых от занятий и практика в танцах, еженедельно я давала балы. Кроме того, по моему настоянию он ходил в манеж поупражняться в верховой езде и через день брал уроки фехтования у превосходного

---

22 Ibid., f. 301.
23 Edinburgh University Library, Ms. Gen. 873/II, f. 90.
24 Ibid., f. 92.
25 Цит. по: *Hyde H. M.* The Empress Catherine and the Princess Dashkov. London, 1935. P. 148.

учителя, случайно оказавшегося в Эдинбурге». [26] Дом Дашковой был открыт для друзей: «Два раза в неделю незабвенный Робертсон, Блэр, Смит и Фергюсон приходили ко мне обедать и провести время». [27] Ее восхищение эдинбургскими учеными было искренним и безграничным: «Я познакомилась с профессорами, достойными уважения за ум, просвещенность и нравственность. Им были чужды самомнение и зависть — удел мелких душ, они жили между собой, как любящие и уважающие друг друга братья, и было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всем согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний». [28]

Прибытие Дашковой взволновало эдинбургское общество. Через неколько дней Джин, вдовствующая графиня Файф, писала сыну: «Здесь у нас русская княгиня, многие ходят посмотреть на нее, пожалуй, любопытство заставит и меня тоже пойти. Вчера она была на спектакле, дамы остались недовольны ее внешним видом, так как они ожидали увидеть нечто необыкновенно изящное, а она презирает наряды». [29] Сама же Дашкова в январском письме следующего года говорит с нескрываемым восторгом о своем присутствии на спектакле «Школы злословия» Шеридана: «Я была принята публикою с великим биением в ладоши». [30] Помимо театра Дашкова питала пристрастие к висту; один из корреспондентов Робертсона писал о ней: «Она умеет и любит играть несколько больше, чем это обычно принято в вашем (эдинбургском. — *Э. К.*) обществе». [31] В своих записках Дашкова вспоминает с особым чувством о добрых отношениях с герцогиней Беклю, леди Френсис Скотт, леди Лотиан и леди Мэри Ирвин. [32] Джозеф Блек впоследствии в письме к одному из своих корреспондентов отмечал «уважение и любовь», с какими вспоминали о ней в Эдинбурге, добавляя к списку ее друзей в университетском городе миссис Хантер Блэр и доктора Джеймса Хаттона, «который помогал вам составлять каталог вашей прекрасной коллекции дербиширских ископаемых». [33]

Несмотря на ее постоянные заявления о своей нужде, она тем не менее желала показать себя на словах, а при случае и на деле, великодушной и заботливой. В годы ее пребывания в Эдинбурге в эти «Северные Афины» приезжали и другие русские для занятий, и они попадали в поле ее зрения. Два весьма различных примера представляют Евстафий Зверев и Иван Шешковский. Зверев прибыл в Англию в 1776 г. в составе группы студентов для изучения сельского хозяйства, находившейся под наблюдением замечательного священника русской миссии в Лондоне Андрея Афанасьевича Самбор-

---

[26] Записки. С. 115.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 114.
[29] Aberdeen University Library, Ms. 2727, Tayler Papers 1/155.
[30] ИРЛИ, ф. 620 (А. А. Самборский), ед. хр. 92, л. 1 об.
[31] National Library of Scotland, Ms. 3942, f. 292v.
[32] См.: Записки. С. 115.
[33] Edinburgh University Library, Ms. Gen. 873/III, f. 36.

ского (1732—1815), но истинным его призванием была медицина, и это привело его в Эдинбург в 1777 г. Он страшно нуждался и голодал. С сочувствием не без примеси похвальбы Дашкова писала о нем Самборскому: «Жалость, коя главной состав в моральной части моего существа, не дозволила мне оставить умирать голодною смертию бедного Зверева, лихорадка и не имея пищи, окроме земленых яблок, его совсем почти сломила с ног. Я ему дозволила перейти жить у меня, почему он ни за квартиру, ни за пищу платить не будет; денег я дать не в состоянии, потому что и маленькие наши доходы не присылаются, а пока имею угол и краюху хлеба, всегда с удовольствием с земляком разделю, каков бы человек он ни был, но человечество не допустит его предать такой злой судьбине...» [34]

Зверев, получивший в мае 1779 г. gratis — степень доктора медицины в старейшем шотландском университете города Сент-Андрус и затем вернувшийся в Россию, чтобы долгие годы служить там врачом, был по справедливости охарактеризован Дашковой как «человек обстоятельной и прилежной к наукам». [35] Не таким был Шешковский, сын жестокосердого обер-секретаря Тайной экспедиции Екатерины. Шешковский-отец, очевидно, просил Дашкову позаботиться о его сыне во время пребывания того в Эдинбурге. Но еще до прибытия в Шотландию Шешковкий-сын успел разгневать русского посла, устроив себе увеселительную поездку из Лондона в Париж, а стоило ему поселиться в Эдинбурге, как он принялся искать развлечений в ущерб занятиям. Дашкова вскоре писала, что он игнорировал все ее советы, избегал встреч с нею и погряз в долгах; в пример его дурачеств она рассказывала, как «он на репетиции веревочного прыгуна, затеив сам по веревке танцовать, упал и себе лоб содрал и разбил, почему он и в Университет три недели не ходил...» [36] В глазах Дашковой положение ухудшилось еще тем, что Шешковский нанял прежнего репетитора ее сына, возбудившего против нее судебную тяжбу по поводу несправедливого, как он считал, увольнения. [37]

После первого года занятий Павла Дашкова во время летних каникул Дашковы «совершили путешествие в Шотландские горы». [38] Это было во всех смыслах замечательное путешествие, необычное не только для русских того времени или иных иностранцев, но и для англичан. В самом деле, прошло только четыре года, с тех пор как Босуэлл уговорил сопротивлявшегося Джонсона совершить «путешествие на Гебридские острова». Рассказ Дашковой о ее путешествии, изложенный во французских письмах к ее подруге госпоже

---

[34] ИРЛИ, ф. 620, ед. хр. 92, л. 6—6 об.

[35] Там же, л. 12. Подробнее о Е. Ф. Звереве см.: *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»... P. 62—63, 66, 136—137.

[36] ИРЛИ, ф. 620, ед. хр. 92, л. 6. Подробнее об И. С. Шешковском см.: *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»... P. 134—135.

[37] См.: *Cross A. G.* Dispute with a Tutor: An Episode from Princess Dashkova's Residence in Edinburgh // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1991. September. № 19. P 22—29.

[38] Записки. С. 114.

Морган, в сущности, еще неизвестен, и его перевод публикуется впервые в приложении к этой статье.[39]

Дашковы выехали в двух каретах рано утром 25 августа 1777 г. и к вечеру достигли Инча, где остановились у Ситона, друга Дашковой. До этого они ехали вдоль залива Ферт оф Форт до Линлитгау, где хорошо позавтракали «в трактире, который англичанин счел бы отвратительным, француз — весьма посредственным, а шотландец назвал бы clean and comfortable».[40] Затем они отправились посмотреть две промышленные, а не исторические достопримечательности современной Шотландии — большой канал Клойд-Форт, до завершения которого тогда оставалось семь миль, но рытье было приостановлено из-за недостатка средств, и знаменитый железоплавильный завод в Карроне, где ее больше всего поразили античные барельефы, украшающие чугунные каминные доски и печи, весьма притом дешевые. На следующий день путники отправились в замок Стерлинг, рассматривая по пути руины замка графа Мара в Оллоа и попытавшись встретиться с лордом Кеймзом, знаменитым философом и писателем, о котором княгиня с присущей ей язвительностью писала: «...известный множеством и изяществом своих сочинений, большая часть которых забыта». Кеймз отсутствовал, но княгиня и ее спутники обошли его имение Блэр Драммонд, «прогуляв несколько часов». Интересно отметить, что описание ландшафта у Дашковой весьма согласуется с преромантическими тенденциями эпохи. Она пишет: «Прогулки здесь очаровательны и места очень красивы. То тут, то там открываются руины старых замков, которые в самые отдаленные времена, полагаю, были столь же полезны, как необходимы теперь, придавая пейзажу романтический колорит. Прибавьте ко всему еще речку, что извивается так, будто стремится вернуться назад, и картина будет полной». На следующий день, когда они ехали в направлении Перта — проникнуться тем же духом ландшафтной эстетики, она отметила в одной из английских вставок, которые подчас делала: «Природа начинает менять свой облик, становясь мрачной и сухой». В Перте им была предоставлена хорошая гостиница, одна из лучших в Шотландии, из окон которой открывался вид на величественный новый мост через Тэй. В следующий раз они остановились в Инвере, где, взяв лодку, пересекли Тэй, чтобы обозреть обширные владения герцога Атолла в Данкелде. Долгий утомительный поход с целью посмотреть расхваливаемое здесь жилище отшельника был вознагражден видом поистине впечатляющего водопада, для которого княгиня избрала характерный эпитет эпохи — «возвышенный» (sublime), но здание в дурном вкусе принесло разочарование. «Наконец мы оставили это место, очарованное произведениями, какие постаралась создать природа, и испорченное произведениями искусства».

По контрасту следующие четыре дня, проведенные ими со ста-

---

[39] Ср. *Hyde M. H.* The Empress Catherine and the Princess Dashkov. P. 140—147; *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»... P. 238.

[40] Чистым и удобным (*англ.*).

рым, но жизнерадостным лордом Бредолбин в замке Тэймут, были сплошным наслаждением. Природа и вкус гармонично сочетались здесь повсюду, в том числе и в жилище отшельника, расположенном рядом с еще более достопримечательным водопадом. Большое впечатление произвели на княгиню заросшие мохом стены и мебель, покрытая оленьими шкурами, в этом, как оно названо, «очаровательном убежище». Она только была огорчена отсутствием хозяина, размышляя: «...ушел ли он молиться, совершал ли уединенные прогулки». Дни пролетали, заполненные каретными экскурсиями по обширному парку с посещениями различных храмов, носящих имена Аполлона и Венеры, и созерцанием видов, привлекательных и отнюдь не привлекательных. К последним относилось зрелище «странного и неприличного способа, какой употребляют местные жительницы для стирки белья»; хотя он, очевидно, распространен по всей Шотландии, описание его «шокировало бы вашу деликатность». Хозяин принимал их по-царски, произведя салют из двадцати четырех орудий так, чтобы они могли наслаждаться эхом, и призвав волынщика в полном горском облачении, чтобы он услаждал их слух маршами во время обеда.

В понедельник 1 сентября они неохотно вновь отправились в путь и, остановившись в жалкой гостинице селения Тиндрам, вынуждены были в течение трех часов сушить у огня солому, предоставленную им вместо матрасов. Еще хуже была ночь на 4 сентября в гостинице в Инверари, где несколько человек из графства Файф, учинив страшный шум, не дали княгине заснуть. По пути они наслаждались прекрасными видами вдоль озера Лок Аве, а затем Лок Файн, но дом герцога Аргайла не произвел впечатления на княгиню («ни замок, ни дворец, ни дом, ни павилион»), зато ей понравились красивые посадки деревьев в парке. Следующим длинным переездом был путь от Инверари до Думбартона, но он вел их «по самому печальному и непривлекательному краю, какой доводилось видеть», однако подходящему, чтобы оправдать строки английских стихов:

For here sits Melancholy, and around her throws
A Death-like silence, and a dread repose. [41]

Вид озера Лок Ломонд несравненно улучшил дело, и в сумерки они достигли Думбартона. Добрые старейшины города пришли на следующий день, чтобы предоставить князю Дашкову привилегии Думбартона, но текст записок не дает основания утверждать, что он их принял. Княгиня же была более озабочена тем, как попасть в замок Бьюкенен, усадьбу герцога Монтроза, и повидать еще красоты озера Лок Ломонд. В замке она провела несколько часов, читая различные документы, включавшие письма Карла I и Карла II, после чего путешественники отправились в Инч, где вновь воспользовались

[41] Ибо здеь восседает Меланхолия и распространяет вокруг тишину, подобную смерти, и ужасающий покой *(англ.)*.

гостеприимством г. Ситона. Вечером 7 сентября они вернулись в Эдинбург.

Повторить это путешествие ей уже не довелось, потому что в следующее лето она была вынуждена по нездоровью пить минеральные воды в английских курортных городах Бакстон и Мэтлок, а также принимать морские ванны в Скарборо. В своих записках она рассказывает, что ее сопровождала преданная госпожа Гамильтон, а затем посетила другая подруга, леди Малгрейв, когда, как уверяет нас княгиня, она «при смерти лежала в Скарборо». [42] Там же ее мельком видела Джудит, леди Милбенк, которая заметила, однако: «Говорят, она хорошо осведомлена и обладает сильным мужским характером, в чем я могла убедиться по ее внешности». [43]

В конце марта 1779 г. князь Дашков «выдержал на факультете искусств испытания, установленные уставом университета для кандидатов на степень магистра искусств», которая была ему присвоена после «публичных испытаний» 6 апреля. [44] Княгиня с гордостью матери, выполнившей свои «обязанности и функции наставницы», так описывала его успех: «Стечение слушателей было огромным; его ответы по всем отраслям изученных наук оказались столь успешны, что вызвали аплодисменты (хотя это запрещено)». [45] В число требований к соискателю степени входило написание латинской диссертации. И князь представил латинскую «Философскую диссертацию, посвященную трагедии», — изящное и краткое обозрение эмоциональных воздействий трагедии, где в пределах двух десятков страниц он умудрился сослаться на сочинения таких авторов, как Фонтенель, Эдмунд Берк, Джордж Кэмпбелл и Адам Смит, «vir summi ingenii et singularis eloquentiae», [46] и в заключение привести гладко завершенную хвалу Эдинбургскому университету, шотландскому народу и англо-русской дружбе. [47] Один экземпляр был послан в Россию Самуилу, архиепископу ростовскому и ярославскому. Того диссертация, однако, не заинтересовала, и он переслал ее молодому князю И. М. Долгорукому, который сам усиленно трудился над латинским синтаксисом, и в сопроводительном письме по-латыни заметил: «Ejus stylus magnopere mihi arrisit. Ex animo vellem, ut ei palmam praeriperes». [48] 7 мая лорд-мэр Эдинбурга принял князя и присвоил ему титул почетного гражданина города. [49] В начале июня семейство Дашковых покинуло шотландскую столицу в последний раз, но, прежде чем это состоялось, княгиня впечатляющим широким жестом подарила университету великолепную шкатулку с полной

---

[42] Записки. С. 115.
[43] *Elwin M.* The Noels and the Milbankes. London, 1967. P. 122.
[44] Edinburgh University Library, College Minutes 1733—1790, f. 286—287.
[45] Записки. С. 116.
[46] «Муж в высшей степени талантливый и исключительно красноречивый» *(лат.)*.
[47] Dissertatio philosophica inauguralis, de Tragoedia. Edinburgh, 1779. P. 21, 23.
[48] «Его писание весьма меня насмешило. От души хотел бы, чтобы ты перехватил у него пальмовую ветвь» *(лат.)*. Соч. Долгорукого (кн. Ивана Михайловича)/Изд. А. Смирдина. СПб., 1849. Т. 2. С. 539.
[49] Scots Magazine. 1779. July. V. 41. P. 398.

коллекцией русских медалей, выпущенных от рождения Петра Великого в 1672 г. до рождения будущего царя Александра I в 1777 г. Сенат обязал Робисона произвести подробное описание коллекции, но спустя четверть века после его смерти были обнаружены только два листа бумаги, содержавшие, по-видимому, «все, что он сделал для составления каталога». [50] Коллекция же по-прежнему находится в университете. [51]

Теперь Дашкова смогла осуществить еще одно давно желанное путешествие в Ирландию, наслаждаясь обществом своих ближайших подруг госпожи Гамильтон и госпожи Морган. Дневник этого путешествия, в отличие о двух предшествующих, утрачен, но из ее записок можно узнать, чтó она там делала, кого видела; там же отразился ее восторг от пребывания в Дублине, которое «и поныне представляется счастливым сном», и от веселого и любезного общества. [52] Сперва она поехала на север, в графство Антрим, посмотреть местную достопримечательность — Мостовую гигантов, образованную вулканическими базальтовыми породами и кажущуюся вымощенной гигантскими плитами, а затем поселилась в Дублине на многие месяцы. Жизнь свою и детей она устроила здесь так же, как прежде в Эдинбурге: наняла учителя танцев и преподавателя итальянского языка и договорилась с профессором Гринфилдом о продолжении занятий сына греческим языком и латынью; она ходила в театр и каждую неделю давала бал. Среди новых друзей, заведенных ею, особо выделялась леди Арабелла Денни, известная своей ученостью и благотворительностью, которая среди прочего умудрилась воспользоваться музыкальными склонностями Дашковой. Последняя сочинила музыку для четырех голосов на слова любимого гимна леди Денни; этот гимн затем «был исполнен в церкви в присутствии большого собрания верующих, которым любопытно было послушать, что сочинил руский медведь». [53] (Между прочим, в предшествовавшем году «русский медведь» Дашкова переписывалась с Дэвидом Гарриком и послала ему сочиненную ею музыкальную пьеску, а он исполнил ее к восторгу «небольшой аудитории»). [54] К концу своего пребывания Дашкова посетила Килкенни и Килларни в западной части страны и Корк и Лимерик — в южной. 12 мая 1780 г. она покинула Ирландию и высадилась в Холихеде, что позволило ей бегло взглянуть на Уэльс, где она обнаружила, в духе ее впечатлений от Северной Шотландии, «виды — самые романтичекие». [55]

---

[50] Edinburgh University Library, Ms. Da. 1. 30/7.

[51] См.: *Cross A. G.* Edinburgh University's Cabinet of Russian Medals//Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1973 September, No. 1. P. 27—28.

[52] Записки. С. 116

[53] Там же.

[54] Письмо Гаррика опубликовано в кн.: The Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II... / Ed. from the originals by Mrs. W. Bradford. London, 1840. V. 2. P. 136—137 (В. Брэдфорд — урожденная Марта Вильмот). Соответствующее письмо Дашковой опубликовано: The Private Correspondence of David Garrick.../Ed. by J. Boaden. London, 1832. V. 2. P. 314.

[55] Записки. С. 117.

В последующих ее записках в основном отразились живые впечатления от милостивого приема, оказанного ей Георгом III и королевой Каролиной; с последней она соперничала в наслаждении материнством.[56] Но там совершенно не упоминаются знаменательные события, произошедшие в Лондоне в начале июня, антикатолические волнения, так называемый бунт лорда Гордона; между тем с этими событиями ее имя нередко связывалось, по крайней мере Хоресом Уолполом. В ночь со 2 на 3 июня бунтовщики разграбили часовню посла Сардинии маркиза ди Кордона на Дьюк стрит в Линкольнз Инн Филдз, причем в числе тринадцати человек, арестованных на месте преступления, был русский офицер. Через несколько часов после «поругания святыни у Кордона» Уолпол сообщил графине Аппер Оссори, что «один из схваченных — русский офицер, имеющий наглость заявить о своем знакомстве с сардинским посланником и настаивающий на освобождении. Кордон ответил: «Oui, Monsieur, je vous connaissais, mais je ne vous connais plus».[57] Не знаю, связан ли он с Талестрис,[58] которая, видно, нюхом почуяла революцию».[59] На следующей неделе у него уже не было сомнений. «Эта скифская героиня княгиня Даскоу здесь, — писал он, — а ее незаконнорожденный брат Рантцо был взят в часовне месье Кордона, но Симолин (русский посол Иван Симолин. — *Э. К.*) его смягчил и освободил. Сама же *она* в среду, *я знаю*, послала лорду Ашбернихему известие, что его дом намечен на разрушение, милосердная тигрица! Это доказывает, что он не император».[60] Вопреки инсинуациям Уолпола, было, однако, чистой случайностью то, что Дашкова с семейством вернулась в Лондон как раз тогда же, когда ее единокровный брат приехал из России, по-видимому, как дипломатический курьер. Рантцо — это на самом деле Александр Романович Ронцов, незаконный сын отца Дашковой от его английской любовницы Элизабет Брокетт, и его причастность к бунту вызвала замешательство не только среди членов его семейства, но и в русском правительстве, получившем официальную жалобу. Екатерина не скрывала своего недовольства по поводу происшедшего и заявила английскому послу, что «хотя он (Ронцов. — *Э. К.*) избежал правосудия в Англии, оно ожидает его здесь и встретит его, как только он ступит на землю ее империи».[61] Из последующих донесений выясняется, что Ронцов по возвращении был арестован и допрошен, но «из допроса ничего не выяснилось, кроме большой его глупости и сильной склонности к бунту и раздору».[62]

---

[56] Там же; London Chronicle. 1780. 25—27 May. V 47. P. 506.

[57] «Да, месье, я знал вас, но я вас больше не знаю» *(фр.)*.

[58] Уолпол называет Дашкову именем легендарной царицы амазонок.

[59] H. Walpole's Correspondence. V. 33. P. 179.

[60] Ibid. V. 29. P. 59—60.

[61] Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury. London, 1844. V. I. P. 324.

[62] Ibid. P. 330. Подробное исследование этого происшествия с привлечением других материалов того времени см.: *Cross A. G.* A Russian in the Gordon Riots//Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1973. September. № 1. P. 29—36.

Дашкова тем временем продолжала ознакомление с достопримечательностями Англии. В конце июня она спустилась со своей «татарской ордой» в имение Уолпола Строберри Хилз, но сам Уолпол «прятался, не имея ничего, чем бы усладить ее, кроме старой лошади». [63] Со своими детьми она посетила «все королевские дворцы», [64] и случайным свидетельством их посещения Виндзора может служить неопубликованная гравюра замка, выполненная Павлом Дашковым по оригинальной акварели Пола Сэндби и хранящаяся ныне в Британкой библиотеке. [65] По записным книжкам художника Джошуа Рейнолдса известно, что он несколько раз встречался с княгиней в конце июня — начале июля. [66] Имеется и более позднее упоминание о том, что она владела «написанным сэром Джошуа портретом его племянницы, который она считала его шедевром и даже не позволила ему восстановить выцветшие краски». [67] В конце июля Дашкова со своим семейством совершила поездку в Бат и Бристоль, а затем, проведя несколько дней в столице, навсегда покинула Англию в августе 1780 г.

После двух лет пребывания в Западной Европе она в 1782 г. вернулась в Росию, и ее дружественные отношения с императрицей были восстановлены. Она была назначена директором Петербургской академии наук, а затем президентом новой Российской академии. Она не замедлила использовать свою власть, чтобы воздать почести двум выдающимся эдинбургским ученым, которыми она так восхищалась. 28 января (8 февраля) 1783 г. Робертсон и Блэк были избраны почетными членами Петербургской академии наук, а Блэку вскоре было предложено переписываться с Академией по химическим проблемам. [68] В своих последующих речах и сочинениях Дашкова старалась содействовать усвоению британской и в особенности шотландской системы образования. Примечательно также, сколько русских людей, обучавшихся ранее в Британии (С. Е. Десницкий, В. Н. Никитин, П. И. Суворов, В. П. Петров), были привлечены к деятельности Российской академии. В самом деле, Дашкова извлекла из своего британского опыта и постаралась воплотить в жизнь больше пользы, нежели ее сын Павел.

Хотя в 1781 г. его избрали (в юном возрасте, семнадцати лет) членом Королевского общества, [69] он так и не оправдал своего обещания и надежд матери. На деле же ему предстояло проявить себя сумасбродствами, характерными для человека, старающегося ускользнуть от господства чрезмерно настойчивой и всесильной матери. Несмотря на то что в царствование Павла I он был произведен в ге-

---

[63] H. Walpole's Correspondence. V. 33. P. 203.
[64] Записки. С. 117.
[65] British Library, Add. Ms. 39991, f. 7.
[66] *Hilles F. W.* Sir Joshua and the Empress Catherine//Eighteenth-Century Studies in Honour of Donald F. Hyde. New York, 1970. P. 268.
[67] *Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea 1792—1794. London, 1971. P. 72.
[68] Академия наук СССР. М., 1974. Кн. 1: 1724—1917. С. 273.
[69] *Thomson T.* History of the Royal Society. London, 1812. P. LVII.

нерал-лейтенанты и назначен военным губернатором Киева, карьера его не состоялась. В 1788 г., к огорчению матери, он женился на дочери приказчика, а позднее в Москве, где он стал предводителем дворянства, жил открыто со своей любовницей. Он умер скоропостижно в 1807 г. в возрасте 43 лет. Многие англичане, посещавшие Россию, знакомились с ним и обычно находили его «в высшей степени воспитанным и весьма благородным молодым человеком», хотя Иеремия Бентам заметил: «...слишком свободен в своих речах и переполнен тщеславием». [70] Причиной его смерти, согласно утверждению одной свидетельницы, «были неудовлетворенные желания и другие страдания, угнетавшие его». [71]

Отношения Дашковой с императрицей ухудшилось в последние годы царствования Екатерины, и княгиня уехала в свое имение в Троицком, где у нее были широкие возможности воплотить в жизнь восхищение «английским садом». Позднее, советуя брату Александру, как разбить сад в его имении Андреевском, она озаглавила письмо: «Репорт от вашего Аглинскаго садовника Дашкавой». [72] Ее воспоминания о Британии и переписке с английскими друзьями не раз поддерживали ее в пору отчаяния и разочарования, и она незамедлительно ответила на предложение ее друга миссис Морган, что Марта Вильмот могла бы провести некоторое время с нею в Троицком. Дружеские отношения, установившиеся у нее с Мартой, а позднее также с сестрой Марты Кэтрин, доставили ей немало радости в последние ее годы, и по настоянию Марты она начала в феврале 1804 г. свои записки, ставшие, пожалуй, самым долговечным ее памятником.

А в мае 1804 г. Марта также сделала список поденных записей княгини Дашковой «Небольшое путешествие в Горную Шотландию». В варианте записок, хранящемся в Британской библиотеке и послужившем оригиналом для двух английских переводов — Марты Брэдфорд (урожденной Вильмот) в 1840 г. и Кирилла Фитцлайона в 1958 г., содержится лишь утверждение, цитированное выше (см. примеч. 38), что путешествие состоялось. В варианте же, опубликованном в 1881 г. в книге 21-й «Архива князя Воронцова», добавлено следующее предложение: «Не буду их (Шотландские горы. — *Э. К.*) описывать, так как в конце моих записок будет приложено описание этой небольшой поездки, сделанное мною для моего друга госпожи Морган, приславшей мне впоследствии копию с него, которую она собственноручно переписала для меня». [73] На самом деле оно не было приложено к запискам, и список, который госпожа Морган сделала для княгини с ее оригинала, не был опубликован в «Архиве князя Воронцова» и, видимо, отсутствует в архивах семейства Воронцовых, хранящихся в Москве и Санкт-Петербурге. Марта Вильмот, однако,

---

[70] Correspondence of Jeremy Bentham. London, 1971. V. 3. P. 480.
[71] Записки. С. 341 (дневниковая запись Марты Вильмот от 22 января (н. ст.) 1807 г.).
[72] Архив князя Воронцова. Кн. 21. С. 408.
[73] Записки. С. 114.

сделала список для себя и, возвращаясь в Англию, привезла его с собой, но по какой-то причине решила не включать его перевод и даже не упоминать о его существовании в своем издании записок. Ее список не был среди бумаг Вильмот—Дашковой, переданных на хранение либо в Королевскую академию в Дублине, либо в Британскую академию, а находился среди бумаг, оставшихся в семействе, и в конце концов попал в распоряжение госпожи Эвелин Мариндин. Благодаря любезности госпожи Мариндин покойный Х. Монтгомери Хайд получил возможность использовать рукопись для описания шотландского путешествия в своей книге «Императрица Екатерина и княгиня Дашкова» (см. примеч. 25). В 1976 г. Х. М. Хайд сообщил мне, что госпожа Мариндин предоставила ему машинописную копию списка Марты Вильмот, и эту машинопись я использовал при написании книги «"У Темзских берегов": Русские в Британии восемнадцатого века» (см. примеч. 7). К сожалению, местонахождение самого списка Марты, как уверяет меня внучка гопожи Мариндин, в настоящее время неизвестно. Поэтому помещенный ниже текст дневника княгини воспроизводится по машинописной копии.[74] Французский язык текста имеет множество изъянов, которые, конечно, возникали в различные моменты изменчивой судьбы оригинала и его списков — переписывания госпожой Морган оригинала княгини; переписывания Мартой списка госпожи Морган; перепечатывания машинисткой списка Марты; но бóльшая их часть представляется типичными ошибками Дашковой в грамматике и орфографии, обнаруживаемыми и в ее подлинных письмах. Тем не менее этот путевой дневник представляет несомненный интерес и ценность как для британских, так и для русских читателей, и он полностью заслуживает включения в «Записки» Дашковой, постоянно переиздаваемый труд замечательной женщины.

Перевод Ю. Д. Левина

---

[74] Бумаги покойного Х. М. Хайда были переданы в Государственный архив Северной Ирландии в Белфасте в начале 1990 г. Однако, как мне сообщили (письмо от 22 октября 1990 г.), машинописная копия «Небольшого путешествия» княгини Дашковой там отсутствует. Таким образом, моя ксерокопия этой машинописи оказывается единственным сохранившимся текстом.

Е. Р. ДАШКОВА

LE PETIT TOUR DANS LES HIGHLANDS

Commencé le 25 du mois d'août, et fini le 7 de septembre de la même année — l'an 1777. Addressé à Mme Morgan, par la Princesse Dashkaw. *

(*Публикация Э. Г. Кросса*)

Ionch, lundi au soir,
ce 25 d'août, 1777.

Me voici ma chère amie à 40 miles d'Edinburgh, chez Mr Seton,[1] frère de Mdll. Smith dont vous m'avez souvent entendu parler, et me voila déjà avec la plume en main, pour remplir la promesse que je vous ai faite, de vous faire participer, par le moyen de cette espèce de Journal, à tout ce que nous verons dans ce petit voyage. Il faut donc que je vous parle du Pays que nous venons de traverser, car il n'est pas juste que je vous fasse faire comme ça un saut de 40 miles, quand tout le voyage peut-être n'excedera pas 300 miles. Ma Losinska dolce doit être menée doucement.[2] Ces yeux aimeront à s'arretter quelquefois sur des objets, qu'une autre ne se doutteroit pas même de remarquer, et comme il n'y a sur le chemin ni cor de Postillons, ni chevaux de poste, que nous presse, nous irons s'il vous plait lentement, et après nous être mise avant 7 heures du matin dans les voitures, nous n'arriverons à Linlithgow qu'après huit et demi, par un chemin très agreablement varié, ce sont des montagnes à côté des valons, des rochers arrides, à côté de champs labourés, et le tout embelés par le bras de mer qui forme la Rivière que l'on nomme ici Firth of Forth, que nous traversserons.

A Linlithgow nous vimes les restes assez considerable encore, d'un ancien Château, autrefois l'habitation des Rois d'Ecosse, et où l'infortunée Marie commencat à voir le jour.[3] Ce batîment est grand et magnifique, et ne tient pas tant à la pesanteur et la grossierté du

* В подлиннике сохранена орфография автора.

© Э.Г. Кросс, публикация, 1995
© Н. М. Сперанская, перевод, 1995

gout de ces temps, peu propice pour les arts. La, dans une auberge qu'un Anglois trouveroit execrable, qu'un Francois trouveroit passable, et qu'un Ecossois diroit etre *clean and comfortable,* (et que moi par paranthèse, n'ayant pas le bonheur d'être Anglais, et n'étant non plus des deux autres nations) je croyoit être au dessous de ma critique, come de mon aprobation. Nous déjeunames et sans discutter la matière ni lui adjuger la place qu'elle occuperoit dans le journal d'un voyageur qui ne fait grâce de rien a son lecteur, nous mangeames de bon apetit, des oeufs et de la crème, que l'hotesse nous presenta de très bon coeur aussi. Vous mon incomparable amie, qui accoutumée à lire dans mon coeur, en connoissez les impressions, aurez vous besoin que je vous dise, que ce voyage, cette auberge, ce déjeuner, me rappelerent le petit voyage de Donoghadee, à Dublin? Oui, je n'en doute pas, mon coeur d'en flatte dans ce moment même, et je vous fairai la justice de couper court la dessus. Je n'ai jamais rien fait qui vaille, quand j'ai pretendu faire les choses en règle et avec formalité, ainsi ne vous attendez pas à un Journal en forme, ni à des details artistement rangé, selon leur progression, et puisque j'ai eu le courage de découvrir mon côté foible, j'aurai celui de vous dire, tout simplement, que nous passâmes, par le moyen d'un Rout très élégant, ce fameux Cannal qui devoit joindre les deux Mers, et qui pour remplir cet objet a besoin d'être creusé encore, seulement l'expace de 7 miles.[4] Mais comme les particuliers qui l'ont entrepris, y ont d'ej'a employé près de 170 milles livres sterling, sans en avoir retiré aucun interêt, faute de 60 milles de plus, il reste où il en est, l'on espère que le Gouvernement les aiderât. Je le souhaite. J'ai crus vous voir, au moment que nous aprochions de ce Cannal, regarder nos Postillions, avec un peu de dépit, dans le moment qu'ils alloient passer le Pont avec la même rapidité, avec laquelle ils avoient courus la chaussée. Mais le sentiment se trouve quelquefois, ou l'on ne le suppose pas, les chevaux de devant ne voulurent pas le passer, (as they say, *without taking notice of it.*) Etoit ce les chaines qui levent ce pont, ou la grandeur et la noblesse de l'entreprise qui les a arreté tout court? N'étant point Casuiste, je n'irai pas discutter ce point, il est vrai cependant, que des coups de fouet redoublés des des Postillions insensibles, ne purent prévaloir la delicatesse de ces deux animaux, et ce ne fut que l'example des chevaux de l'autre voiture, que l'on fit passer devant eux, qui persuada les notres de franchir ce Pont. Oh! Example! example! si tu as mis quelquefois les Humains dans le mon chemin, tu les en as aussi bien souvent détourné... Quoi! vous empietez les droits d'un Journaliste raisonneur? D'un Journaliste moraliste? D'un Journaliste... Cela est sérieux direz vous encore, prenez-y-garde! Aussi le fais je, et ne sera pas dit que des sentimens découlent de ma plume pour être contredites deux lignes plus bas, et sans que j'en mette la morale à profit. Mr Seton est à Carron et nous y attend, aussi faut il bien que je me presse d'arriver.[5] Et d'un seul trait, je vous y transporte ma chère amie. La vous verrez à votre aise, une entreprise commencée

et continuée par une demie douzaine de Particuliers et l'ouvrage dont il est question, n'est pas moins que rammasser des pierres ferrugineuses, les calciner à l'air par le moien d'une certaine proportion de charbon et de chaux, ensuite la refondre, mettre le fer en barre, finalement en faire depuis le canon, jusqu'au Pot et à l'utencile le plus grossier, et le plus petit, pour le ménage d'un Paisan. La première procedure ne [missing] plût, ou je me trompe fort, ou leur manière de calciner la Pierre, n'est pas fort adroite. On my donna pour raison que la mine étoit pauvre, et qu'une autre procedure deviendroit trop dispenciense. Comme je ne suis pas mineralogiste, et que ce que je vous dis ne venant que du cru de ma tête, ne doit être aussi lu que par vous, je me tais, et c'est à parrir dix contre un que c'est moi qui a tort. Cet endroit si bien bati maintenant, n'étoit, qu'un *vilain marais il y a seize ans*. Cette Fabrique a apporté l'industrie et l'abondance à dix miles à l'entour. Etant sur les lieux, je me prevallu du privilege qu'ont les étrangers à faire des questions et j'en fis sans nombre comme vous pouvez vous en douter. Si d'un côté ma paresse me dit qu'elles seroient trop longues pour être couchée sur le papier, mon coeur me dit aussi "fye upon those contracted souls, those narrow minds, who keep to themselves what they acquire; have you ever partaken anything with any of your fellow creatures without feeling a pleasure which has counterbalanc'd the little with which you have parted?" [6]

La reflexion me dit encore, mais c'est presomptueuse en vous, de croire que votre barbouillage soye d'aucunne. Ma belle Dame dis je vous êtes un être bien incommode, allez vous promener et vous lever dans ces têtes froidement raisonnables, où le sentiment ne vient jamais vous donner de la tablature, pour moi je trouve du plaisir à écrire, et mon amie en aura à le lire. Revenons s'il vous plait à nos moutons. J'ai eu plusieurs fois raison de croire que ma tête ne valoit pas mon coeur, vous me permettrez donc, dans ce moment, de suivre l'impulsion de ce dernier, voyons, recapitulons, ce que j'y vis, et ce que j'y ai entendu. Je crois vous avoir dis, ce que s'y travailloit, il ne me reste tout au plus qu'a vous dire encore, que j'y vis des cheminées, et des fours, perpetuels, soit pour les cuisiners ou pour les boulangers, ornés de bas reliefs, d'après l'antique, qui coutoit depuis 32, jusqu'a 46 shillings, qui ne donnerai je pas, pour l'éloquence d'un Demosthenes, d'un Ciceron, etc... Je dirois alors, combien la nation Angloise, doit aux publications du Chevalier Hamilton et aux ouvrages de Wedgwood, [7] je prouverois, comme deux fois deux font quatre, que le gôut du beau, la connoissance dans les proportions, s'est répandue par leur moien, jusqu'à la classe la plus inferieur des habitans de la Grande Bretagne, et je ferois voir, qu'un garçon boulanger, paré à raison de quelque sols par jour, peut si le coeur lui en dit, se former le gôut, ou du moins voit, ce qu'un Pacha dans son palais, ni quelque seigneurs dans l'autres Pays en Europe ne voient que rarement. Cela se raporte aux mecaillons des fours, qui sont fait d'après les plus beaux bas reliefs antique. Maintenant je vais vous

transporter doucement chez Mr Seton, où, après avoir dinné, un peu tard à la verité, joué sur l'orgue et la clavessin, nous irons nous reposer et finir par la cette première journée.

Mardi le 26 aout.

Je ne puis, en verité ma chère amie, me passer de votre société, ainsi aiez donc la complaisance de vous mettre dans ma voiture pour aller voir la *Château de Sterling*. Nous passerons s'il vous plait, la ville sans beaucoup la considérer parceque, en conscience elle n'en vaut pas la peine, et tout en plus en tournant à droite pour aller au Château nous jetterons un coup d'oeil de commiseration sur les *Ruines d'un Palais* qui avoit appartenu à *Milord Mare,* (Earl of Mar).[8] Nous ne dirons aussi, qu'en passant, qu'elle avoit été autrefois la residence de plusieurs Souverains, qu'elle avoit eu des manufactures considerables de toile et de laine qui sont extremement tombées depuis que par un acte, l'habit montagnard est prohibé, et nous entrerons en amis dans le Château. Le Commendant nous conduisit, d'abord dans la salle où siegoit le Parliment, qui, sans plafond et sans plancher, par cette même nudité découvré aux yeux des spectateurs la charpente du Toit, qui fait de chêne d'Irlande, a non seulement resisté aux ravages du temps, mais même est *propre et luisante,* comme si elle venoit d'être levée. Le Commandant m'assure que ce chêne avoit la vertu, de se faire respecter par les Arraignées mêmes. Il faut bien qu'il en soit quelque chose, car je suis sure qu'on ne la brosse, ni ne la lave pas, et je n'ai cependant point vu les moindres traces d'ouvrages de ces insectes labourieux. De la nous allâmes dans la Chapelle, qui est dans le même état de déperissement, et remplie, des vieilles ammunitions de la Garnison. Ensuite nous passâmes dans les appartemens roiaux qui sont spacieux et en assez grand nombre, et convertis maintenant en Baraques pour les soldats, d'où nous allâmes chez le Commandant pour jouir de la vue, et qui certainement est une des plus belles qu'on puisse voir. Il n'est pas permis, dit on, de sortir d'un Château sans avoir preté quelque attention à ses fortifications. C'est cependant ce que j'ai fait, mais j'ai entendu mon fils dire qu'il étoit mieux fortifié, et qu'il avoit plus de defense que celui d'Edinburgh. Je crois entre nous que nous devons la dessus croire le petit bonhomme sur sa parole. Il y a cependant dans la ville un clocher, duquel il fut bombardé, et prit par Cromwell, mais dans la Rebellion de l'année '45, les Montagnards l'assiègerent sans succès. Maintenant nous irons s'il vous plait à (Blair) *Brummond* qui appartient à *Lord Kaimes,* (fameux par la varieté et l'élégance de ses écrits, dont un très grand nombre sont oubliés), et qui n'est qu'à une petite distance de la ville.[9] Nous cottoierons cette Rivière qui fait la principal beauté de la vue que l'on a du Château de Sterling, et nous mettrons d'abord, pied à terre dans la maison qui n'est ni grande ni petite, mais propre et simple interieurement comme exterieurement.

Les promenades y sont charmantes et le pays très beau. L'on decouvre par-ci, par-là, des ruines d'anciens Châteaux qui je suppose dans des tems plus reculés, ont été aussi utiles, qu'ils sont necessaires maintenant pour rendre le paysage romanesque, ajoutez à cela une belle rivière qui en serpentant souvent, semble retourner sur ses pas, et vous aurez le tableau complet. A notre grand regret Milord étoit encore malade, et en ville, da façon qu'après nous être prommené pour quelques heures dans son jardin, nous retournâmes chez Mr Seton, où un bon diné nous attendoit.

Mercredi ce 27 aout.

Won't you go with me my dearest friend to Perth, and we will only observe upon the road that there Nature begins to change her appearance towards the terrible and arid. We stop'd to refresh our horses, for as there are none to be found upon the road, I hired mine in Edinbourgh, and was oblig'd to stop at the half way for their convenience, and though the place where we were scarce deserves other name, but that of a poor village, we saw there 50 boys that were taught Latin very carefully. Après quelque repos nous nous acheminerons vers Perth, village assez considerable en Ecosse. L'Auberge où nous descendîmes est une des meilleures dans ce Pays, et sa situation est très belle. Les fenêtres donnent sur la rivière qui est ornée par un Punt magnifique, bati par souscription par quelques particuliers, et après avoir pris notre thé, en paix avec nous mêmes, et contentés de notre petit voyage: nous fûmes, ma fille et moi, saisies d'un violent désir de vous écrire. Je ne connois point de cas, où de scene quelconque, qui puisse s'offrir à mes sens, que mon âme ne sente en même temps le besoin d'aimer et d'être aimée, gaie ou triste, calme ou agitée, malade ou bien portante, j'ai constammen besoin de vous. Il m'est necessaire de repandre dans votre sein les sentimens que je sens ou vous communiquer les idees, dont je suis preoccupée. Je n'avois cependant rien de nouveau à vous dire, car toutes les connoissances que nous avion pû acquérir sur cet endroit, se bornoit sur l'entreprise du Pont, nouvellement bati, et le prix qu'une chaise, un cheval, ou un Pieton payoit pour le passer. Notre Ciceroni n'étant que le valet de l'auberge, nous reprimâmes notre curiosité, mais j'avois du temps de reste, et je j'ai pu l'emploier mieux qu'en vous le consacrant. La chère Hamilton en a aussi eu, sa part. Après quoi nous allâmes nous coucher, et ainsi finit la troisième journée.

Jeudi 28 aout.

D'assez grand matin, nous nous mîmes en route, et jusqu'à Inver nous ne fûmes point en paix d'observations. une seule suffit, aussi est ce la seule que nous pûmes faire, c'est que ces nomtagnes depuis Perth jusqu'à Inver n'offre qu'un très petit nombre de miserables cabanes. Descendées à l'auberge nous ordonnâmes un bâteau (River Tay) pour

aller à Dunkeld, qui appartient au Duc d'Athol[10] Nous mîmes pied à terre dans le Jardin ou plutôt, Parc, qui est fort spacieux. La situation en est si belle, si romanesque, que nous ne nous apperçûmes pas que nous avions marché pandant plus de trois heures. Mais quoique nous étions très fatiguées, nous ne pûmes résister à la curiosite que nous avions de voir un Hermitage que l'on nous avoit tant vanté, et qui est situé de l'autre côté de la Rivière. Consequemment nous nous remîmes dans notre bâteau, ésperant que nous n'aurions pas beaucoup de chemin à faire à pied. Le Jardinier qui nous accompagna était peut-être de bonne foi, en disant que ce n'étoit qu'une petite promenade, ce qui en est une très mediocre pour lui, étoit dans ce moment déséspérantte pour nous. Nous nous assîmes à differentes reprises par terre, et d'autant plus mécontentés de cette marche forcée, que l'endroit ne repondoit pas à notre attente. Enfin, nous arrivâmes à ce que l'on nomme ici Hermitage. Le batîment en question n'est ni Temple, ni sallon, ni cabinet, ni retraite solitaire, mais une chambre que je m'imagine n'auroit pû être construite que par un aubergiste d'une petite ville d'Allemagne, à l'un des coins de son jardin, pour y fûmer sa pipe avec ses pratiques. En revange la vue de la cascade qui tombe avec violence vis-à-vis des trois fenêttres qui y sont, nous donna beaucoup de plaisir, elle est très belle et extraordinaire tant pour sa largeur que par le volume d'eau qu'elle jette, le chemin qu'elle s'est frayée dans le roc, la forme que l'eau lui a donné, et le bruit qu elle fait en tombant, rendroit cet endroit sublime, si le peu de gôut, et d'entendement avec lequel on l'a ornée, n'en détruisoit l'effet. J'oubliois de vous dire que le chemin qui mène à la cascade, est aussi ridicule qui l'est le Batiment, figurez vous des petits arbustes et des rosiers plantez aux deux bords d'un chemin de gravier assez large pour qu'une carrosse y puisse rouler à loisir, ne vous attendez pas à un seul arbre, qui vous y donne seulement de l'ombre, et qui par des branches étendues et épaisses, fassent une masse sombre (j'hazarderai de dire solennele) et nécessaire au caractère de l'endroit. Enfin nous quittâmes cette Place enchantée des productions que la nature s'y est éfforcée de faire, et dégôutée de celles de l'art, et je conclus, que si les ouvrages de votre immortel Pope, se trouvoient dans la Bibliothéque des Ducs d'Athol, ils n'en ont point été lus, sans quoi, ils auroient été frappé de la verité, et de l'ellegance de la description picturesque, suivante.

To swell the Terras, or to sink the grot,
 In all, let Nature never be forgot!
But treat the Goddess like a modest fair,
 Nor over dress, nor leave her wholly bare,
Let not each beauty, everywhere be spy'd,
 Where half the skill, is decently to hide.
he gains all points who pleasingly confounds,
 Surprises, varies and conceals the bounds...[11]

Retournée à l'Auberge, où un mauvais dinné dans une plus mauvaise chambre encore nous attendois. Car les meilleurs avoient déjà été prises, par des Anglois qui étoient comme nous, ammené là par la curiosité, nous ordonnâmes nos équipages, et d'abord après le dinné, nous partîmmes. Dans 5 heures de tems nous fîmmes les 22 miles qu'il avoit de l'a jusquâ Taymouth, (la route d'Edinbourg à Taymouth par Perth n'est que de 75 miles Angloises, celle que nous primes au contraire est plus de 30 miles plus longue), et nous trouvâmes notre respectable hôte, Lord Breadalbin bien portant, et ravi de vous voir.[12] Comme je suppose que vous serez ravi aussi de voir finir mon griffonnage, je vous dire adieu! pour le present, aussi bien suis je fatiguée.

Vendredi, ce 29 aôut. (Taymouth Castle)

Notre déjeuné finis, nous allâmes faire le tour de la partie du Parc, qui est sur notre rive. Les cabriolets étoient commodes, et les chevaux apprivoisez, de façon que nous éttions parfaitement à notre aise, et en liberté de jouir du plaisir de cette promenade. Nous nous arretâmes d'abord au fort, qui represente une des faces du Château des Dardanelles, d'où nous eumes une très belle vue. La rivière qui sort du Lac, la maison, les montagnes opposées, et qui bordent le Lac et la Rivière, le Village enfin, et la Chappelle, se presentoient à nos yeux, comme un Plateau sur une Table. Nous fûmes salués par une décharge de 24 pieces de canon, qui fut repétée plusieurs fois, par les echos des montagnes, seul habitants de ces lugubres lieux. Nous quittâmes ce Fort pour aller voir un Bâtiment qui a le mon séduisant, de "Temple de Venus", aparamment parcequ'il renferme un plâtre de la Venus de Medicis, car son architecture ne nous l'auroit par fait deviner. Ensuite nous entrâmes dans celui d'Appollon qui a tout aussi peu de droit à ce nom fastueux que le premier a celui de Temple de Venus. De la nous passâmes sur une Terrasse, d'oú nous eûmes la vue de Lac Tay, en plein, ainsi que d'une petite Isle qui contint encore, les ruines d'une Abbay bati par Alexandre I afin que les moines prient pour le repos de son âme, et de celle de sa Femme, la Reine Sybylla, qui y est enterrée. A notre retour à la maison, nous fûmes agréablement occupés par l'examen que nous fimes des tableaux, parmi lesquels, il y a une Venus par Titien, St. Cecile par Paul Veronese, Lucrece et Tarquin, par Guerabini, 2 paysages de Poussin et deux portraits par Vandycke, que j'aurois souhaité transporter par un pouvoir magique, dans mon cabinet, si mon coeur pouvoit être susceptible d'envie. Mais je suis reconcilée depuis longtems avec les privations, ainsi j'en laisse Lord Bredalbine, le tranquil possesseur.

Samedi ce 30 aôut.

Le Ciel s'étant éclairci un peu, nous allâmes en voiture voir l'Hermitage qui pour ce coup-ce, est réelement ce qu'annonce son nom.

Figurez-vous une montagne, assez haute, garnie de differends arbres, coupée par des petits chemins solitaires qui vous conduisent à une belle cascade, dont on ne se doute pas, et qui à son merite intrinseque, ajoute celui de la surprise. Après avoir reprit un petit sentier, nous eûmes la satisfaction de revoir deux fois encore, mais d'un terrain beaucoup moins élevé, la meme cascade. Son aspect vu de la, n'en étoit que plus beau. La chute étant plus haute, n'en étoit que plus majestueuse, et le bruit que faisoit l'eau, en se brisant contre les rochers, rendoit la scène sublime. En continuant notre Promenade, nous nous engageâmes sans nous en appercevoir, dans un chemin assez obscur. Il devint même souterrein. La faible lumière d'un Lanterne placée dans un coin, nous guida, et notre petit chemin nous menant à droite, nous aboutit à une Porte qui donnoit dans la chambre de l'Hermite. Il n'y étoit pas. Etoit-il allé faire ses dévotions, ou fouir d'une promenade solitaire, ou ne s'est-il pas soucié de notre visite, c'est ce que je ne scais pas, mais Lord Bridalbane en fit les honneurs, et s'en tira au mieux. Les fenêtres de cette chambre donnoit sur la cascade, les murs étoient revêtus de mousse, et les meubles couvert de peau de cerfs, répondoit parfaitement au caractère de cette Habitation. C'est avec regret que nous quittâmes cette charmante retraite, pour aller voir le reste du Parc, de ce côté ci, de la rivière, nous mîmes pieds à terre au bâtiment, octogon petit sallon mesquin sans ornement quelconque, tant exterieurement qu'interieurementt, mais qui a l'avantage d'avoir la vue de deux rivières, qui se joignent à une petite distance du sallon, celle du vallon et des montagnes. Nous pûmes voir aussi les Ruines d'un *Temple des Druides* (?) Après nous y être arrêté pendant quelque temps, nous retournâmes au château, nous vîmmes, chemin faisant, en passant près d'un ruisseau, la façon singulière et indecent, dont les femmes font usage pour laver leur linge. Cette mode n'est point particulière aux montagnes, mais est générale par toute l'Ecosse, et comme une description détaillée de cette coûtume choqueroit votre delicatesse, baissons un rideau entre ces bonnes gens, et notre voiture, et transportons nous dans le sallon à manger, aussi bien le *Piper*, (habillé et armé, come l'étoient anciennement les montagnards) est impatient de déploïer son talent. Pendant le diné il roda autour du château, en jouant la marche, des anciens chefs de cette famille. Autrefois, chaque chef avoit un joueur de *bagpipe*. C'étoit une charge constitutionelle et heréditaire dans une grande famille, maintenant au contraire, l'usage en est si bien aboli, que ce n'est qu'à ma requisition que l'on déterra cet homme.

Dimanche le 31 aôut.

La matinée étant assez belle, je conseilla à mon fils d'aller avec con gouverneur et Mr. Campbell, voir le camp Romain, qui est curieux, parcequ'il est le plus avancée qu'aient fait les romains, n'aiant jamais pénétré plus loin dans les montagnes. Ces Messieurs nous dirent qu'ils

y virent quelques parties bien conservées, et surtout, l'endroit où il est à supposer que la tente du Prétaur était placée. Ma toux jointe à la fièvre que j'avois, m'obliga de garder la chambre, j'eus bientôt une raison plus allarmante pour la garder. Mon fils de retour, fattigué de sa forte cavalcade, se trouva mal, on eut la complaisance de placer un petit lit dans ma chambre, afin que je puisse le soigner, vous me permettrez, n'est-ce pas, de vous quitter pour aller me placer au chevet de son lit, en vous souhaitant une meilleure nuit que je ne passerai selon les apparences, la mienne.

Lunedi ce 1 septr.

Le Prince a eu un bon repos, il a dormi tranquillement, et comme il n'a point de fièvre, je suis sans apprehensions sur les suites de son incomodités, et je veux, avant de quitter Taymouth, vous dire un mot, au sujet de la maison, et de son maître. La première ne mérite guère que l'on en fasse mention, c'est un vieux Château réparé, et replâtré, auquel en outre, l'on a ajouté deux aisles, elle contient beaucoup de Logement, et je la trouve assez commode. Voilà tout ce que je puisse en dire. Vous ne serai pas quitté à si bon marché dans le second article, et vous me permettrez s'il vous plaît, de m'entendre un peu dans la peinteure que je veux vous faire de mon galant. Permettez donc que je vous l'annonce d'abord comme un Homme bien faisant, c'est ce qui faira le fond du tableau. Les nuances ensuite seront celles-ci... Prenez, ma charmante amie, un pinceau, je vous dirai le coloris que vous devez employer, et je ne doute pas que le portrait ne devienne ressemblant, quand votre imagination surtout, y aura travaillé aussi. Une couche considerable de la politesse naturelle qui ne s'acquièrt pas. Une de la même force, de la politesse qu'on acquiert dans la bonne compagnie. Une d'humeur égale, et qui brave les 84 ans, la teinte delicate des attentions qui ne doit être à cet âge, ni trop forte, ni trop faible, jointe au vernis que la lecture donne, finira l'ébauche que je vous priera de rendre Tableau, vous même, sans d'autres secours de ma part que 2 ou 3 traits encore, que je ne saurois m'empêcher de vous communiquer. Il est adoré de ses tenants, parcequ'il ne hausse point les Rentes, et les allègent même, en faveur des Pauvres, ou des malheureux. Il l'est par ces Domestiques parcequ'il n'en renvoye pas quand l'âge les atteints, au point de ne pouvoir plus être de la même utilité, il les garde, il les traite comme un Père traiteroit ses enfans. Assez gay dans la société quoique sensible à ces infirmités, il a encore assez de mémoire, et le goût assez raffinez et delicat, pour mettre du sien dans la conversation. Voila à peu pres les traits principales, que votre pinceau doit faire ressortir du canvas, pour moi, occupé dans ce moment, de faire mes adieux à mon amant octogenaire, je vous laisse la Pallette et les coleurs, sans vouloir vous laisser pourtant entièrement en repos, car il faut s'il vous plait que vous alliez avec moi, à Killin, ensuite à Tyndrum. Nous

serons bien aise d'avoir vût le Pays que nous traversâmes, parcequ'il ne se conçoit pas, sans être vu. Le Peintre qui en auroit fait le Tableau, seroit taxé d'exageration. Il seroit inutile de vouloir compter, combien de ruisseaux (dont plusieurs forment de très belles et tres considerables cascades) tombent de ces montagnes, pour se joindre à est des Rivierès, ou à des Lacs, pour ce qui est du chemin, il est très, bon, et on est étonné quand on refflechit aux peinnes que l'on a eu, de rendre ces rocs practicables. Une partie de ce chemin a été faite par Lord Bredalbane, comme l'ont été les deux auberges, de Killin et de Tyndrom, dont les Aubergistes, ne lui payent pas le sols. L'autre partie du chemin est le *chemin militaire,* comme l'on le nomme ici, c'est à dire, un chemin que les soldats ont fait. Près de Tyndrom l'on exploite une minne de Plomb, que le mauvais temps nous empechât d'aller voir, ainsi, nous tournâmes notre attention du côté du repos, quand nous nous appercûmes que par la disposition des appartemens, et le nombre de lit que la maison pouvoit fournir, nous étions predestinée, ma fille et moi, de dormir à deux, dans un mauvais lit, qui n'étoit pas trop large pour une Personne, et qui étoit beaucoup trop étroit pour nous deux. Nous immaginâmes de demander du Foin, et nous faire un lit sur le Plancher, mais ce n'est point une chose à trouver dans les Highlands. L'on n'en peut avoir, et leur Bestiaux sont condamnés pendant l'Hiver à detterrer de dessous la neige quelques petits fragments d'Herbes, ou Plantes, qui s'y peuvent trouver. Il y avoit cependant de la Paille chez l'aubergiste, mais comme elle n'avoit pas été couvert, elle étoit comme une éponge. Il ne faut jamais se décourrager, et consequemment nous prîmes la résolution heroïque de la sècher au Feu de notre cheminnée, je dis *heroïque,* parceque je crois effectivement qu'il y a plus d'Heroïsme dans une des plus petites operation par sa nature. Mais qui est de longue haleine, qu'il n'y en a, à ces coups éclatans, mais qui finissent et passent aussi vite que le feu d'un coup de cannon. Enfin, notre Paille tournée et retourné mille fois auprès du feu, au bout de trois heures fut assez sèche pour nous servir de matilas de dessous, et notre lit une fois faite, il ne me reste qu'à vous souhaitter une bonne nuit. De Taymouth à Tyndrom la distance est de 36 miles.

Mardi ce 2 Sept.

Après avoir fait 12 miles nous nous arrettâmes à Dalmaly, pour rafraichir nos chevaux, ainsi que pour déjeuner nous mêmes. Quand nous en partîmes, bientôt nous eûmes la vue du Lochow, un beau Lac, que l'on dit être 30 miles de long. A son embouchures nous vimes les ruines d'un Château autrefois la Residence de chefs de la famille de Lord Bredalbane. Encore 16 miles s'il vous plaît, et nous arriverons à Inverary, Residence des Ducs d'Argyle.[13] Le mauvais temps ne nous permit pas de bouger de notre auberge, et nous nous contentâmes d'envoyer chercher un certain Mr. Campbell, (qui a toutes les affaires du Duc

dans cet endroit entre ces mains) pour nous arranger pour le Lendemain, et pour apprendre de lui, tout ce qu'il y avoit à scavoir sur cette place. Adieu! Bon soir. Je vous felicite de n'être pas avec moi depuis quelques jours, car ma Toux vous casseroit les oreilles pendant le jour, et vous priveroit du sommeil pendant la nuit.

Mercredi ce 3 Sept.

Inverary est situé sur la Lac Fine, qui, à 24 miles de là, se joint à la mer. Le Pays est aussi romanesque que Taymouth, mais la pleine m'a parue plus resserée par les montagnes dont le Lac est entouré. Je ne vous parlerai pas de la maison du Duc, bâtie par le précédent Duc, Archibald,[14] car je serai très embarassée de la denominer, et de vous la despindre. Voyons, essayons les négatifs, elle n'est ni château, ni Palais, ni Maison, ni Pavillon, faite en ce que vous pouvez, et avec un Prétre et de la Foix Catholique, batisez la, pour moi, je n'ai pût le faire dans ce pays Presbyterian, et surtout avec les petites *prétentions* que j'ai, à me connoitre en Architecture, je l'abandonne. L'Interieur n'en est pas finis, ainsi nous le laisserons s'il vous plaît, aussi. Les Plantations sont très belles, et je puis dire avec verité que j'ai vu dans ce parc, plus de beaux arbres que dans tout le reste de l'Ecosse à moi connue. Une montagne surtout en deça du Lac, est fort remarquable dans ce pays-ci, étant couvert jusqu'au sommet par un bois très épais, la Plantation duquel a dû coûter beaucoup de peine, ces montagnes n'étant que des rocs arides, aussi ne les voyez vous en général plantées que jusqu'au milieu, vous laissant voir leur sommet arides, et entièrement nuds. Je ne puis laisser passer sous silence le Pont élégant et magnifique qui vient d'y être fait de l'argent destiné pour les Chemins Militaires, d'un fort à l'autre, et qui, selon moi, feront fleurir plutôt un Pays que ne pourroit faire les ordonnances édits, ou Règlemens, quelconques du moins. Le Duc d'aujourd'hui vient de faire un embellissement essentiel; en rasant les vilaines petites maisons qui constituoient la vielle ville, et qui étant très proches de sa maison, lui interceptoient le Lac. Il les a rebatit à ses propres frais, et beaucoup mieux qu'elles ne l'étoient auparavant. Il y a établit une manufacture de tapis, et je ne doute pas, que dans peu cette place ne devienne un objet de curiosité pour les voyageurs. Le Duc, en étant très passioné, emploie tout les ans, entre 6000 et 8000 s. pour son embellissement. J'ai fini avec Inverary, car je n'aime pas les descriptions froides et inanimées, et pour cet effet je vous dirai d'abord, que Mr. Seton, selon sa promesse vint nous y joindre, et a eu l'attention, de faire venir d'Edinbourg les lettres qui y étoient arrivées pour nous. Il n'auroit pas pu m'apporter un plus beau cadeau car il y en avoit deux des votres, et trois de la chère Hamilton. Je me retirai de bonne heure afin d'avoir le plaisir de les relires, et je finis ma journée aussi agréablement que je puis le faire absente de vous.

Jeudi ce 4 Sept.

Après avoir passé une très mauvaise nuit, parceque quelques Messieure du Comté de Fife étoit logé au dessus de ma chambre, firent un tintamare, et un vaccarme effroyable, malgré les prièrres reitterée de l'Hôtesse de ne point interrompre le repos d'une Dame malade, (votre très humble servante). Nous quittâmes Inverary avant sept heures du matin, ayant à faire une très longue journée, jusqu'à Dumbarton, ne voulant pas nous arretter à Lusse, dont l'Auberge est si mauvaise, qu'une Dame Angloise étant venus, il y a quelque temps de Londres dans l'intention de voir les beautez singulières et effrayantes des Highlands, en arrivant à Lusse, fut effrayé du Logement qu'elle y trouva, et croyant aparemment, qu'en avançant, cela croit de mal en pire, elle fit remettre les chevaux à sa voiture et retourna tout de suite à Londres, pour où, nous la laisserons poursuivre son chemin, aussi bien cela n'entre pour rien presque dans mon Journal, et nous irons d'ejeuné à Cairnedow qui est situé sur le Lac Fine, ensuite de quoi nous passâmes par le Pays le plus traiste et le plus désagreable que j'ai jamais vus.

"For here sits Melancholy, and around her throws
A Death-like silence, and a dread repose" [15]

Nous traverssâmes la montagne que l'on connoit ici, sous le nom, *The dreary Pass of Glencrow*. Où nous vîmes un espèce de cannapé que les soldats, en faisant le chemin, y ont pratiqué avec cette Inscription — "*Rest and be thankful*". Dinnâmes à Tarbot, en quittant lequel nous eûmes tout le long de notre chemin, la belle vue de Lac Lomond qui a 24 miles de long, et dont la largeur estimée à 8, n'est en realité que de 6 miles, c'est certainement une des plus belles Pièces d'eau que j'ai jamais vus. Les montagnes qui l'environnent, les arbres dont elles sont décorée, et qui refflechissent dans l'eau, les Isles que l'on y voit, et que l'on compte au nombre de 24, dont 8 parmi elles sont assez considérables, rendent ce coup d'oeil au dessus de la description que je pourai vous en donner. Nous passâmes fort près de la maison du Chevalier Colgnons qui l'a nouvellement bâtie, [16] et qui est fort spacieuse, et assez belle, (il est le Propriétaire de plusieurs de ces Isles, les autres appartiennent au Duc de Montrose), mais nous ne nous y arretâmes pas. Enfin le reste du Pays que nous traverssâmes fut plus riant, et mieux cultivé que celui que nous avions vu avant, et le chemin étoit assez bon jusqu'à Dumbarton où nous arrivâmes passés huit heures. Mes prières se bornerent envers l'Hôte, à ces deux choses, de me donner une tasse de thé, et de ne point loger dans la chambre au dessus de la mienne, des Messieurs de Fife.

Vendredi ce 5 Sept.

Avant de quitter Dumbarton, je ne puis passer sous silence, la colonne que nous vîmes à la Porte de la ville, érigée à l'honneur de Dr.

Smollet par son frère,[17] et le Château de Dumbarton qui méritte aussi que j'en fasse mention,[18] 1er, parceque l'infortuné Mary y a été detenue prisonnière pendant deux mois et 2d, sa situation est des plus extraordinaire que j'aye vu, que l'on pourroit dire que le Roc a été fait par Dame Nature dans un de ses momens de caprices. Figure to yourself my dear friend, a high, whymsically-shaped Rock, with a deep cleft in the middle which gives the appearance of two sugar loaves. The only consequence which this Castle appears to have been of, was the protection it afforded to the turbulent nobles when in Rebellion, now that Castle is of no consequence at all. Encore un mot, s'il vous plaît, sur le Clyde et la Leven qui se joignent là, et qui embellissent le Paysage, ensuite des qui mon fils sera retournée du Château, et que Mr. Seton nous aura débarassée des Magistrats qui sont venus offrir la Franchise de la ville au Prince, nous nous mettrons en voiture pour aller à Buchannan Château qui appartient au Duc de Montrose,[19] où nous admirerons à notre aise les beautes de Lock Lomond, en particulier, et celles qu'en générale la Nature y a prodiguée, sous les formes les plus variées, car l'Art ne faira point de diversions dans nos idées, et nous ne le trouverons pas plus à Buchanan qu'on ne l'auroit trouvé dans les Habitations de nos promiers Pères, dont les besoins se bornoit au Physique, nous verons Lock Lomond dans une Partie de sa longueur, décoré de ces Isles, l'une des quelles, apartenant au Duc, je ne sais par quel hazard, a été oubliée, et omise dans la repartition que le Présbitaire fit des Paroisses, et continuez jusqu'à présent à n'être annezé à aucun Indicature Paroissale, quoique le Synode aye voulût ensuite reparrer cette ommission, mais il rencontra une forte opposition, et l'affaire en reste là. Ce qui fait, que cette Isle sert d'azile aux filles imprudentes qui s'y reffugient pour se delivrer de leur fardeau, et échappent par là, à l'humiliation, ou plutôt l'infamie à laquelle elles sont exposée par lour Curé qui leur font faire dans ces sortes d'occasions des pénitences publiques en pleine congregation. Le bon Mr. Smyth qui dans l'absence du Duc et de la Duchesse, nous fit les honneurs de la maison, nous mennas dans le cabinet du Duc et nous montra les lettres originalles de Charles I, et Charles II, et toute la corespondance du fameux Marquis Montrose avec ces deux Rois, et d'autres personnes.[20] Cette lecture intéresante, nous occupa pendant quelques heures, ensuite de quoi nous eûmes un Dinné frugal mais propre, et offert avec la cordialité des bons vieux temps, et nous nous acheminnâmes vers Inch, où la mère, la soeur et la fille de Mr. Seton, nous attendoit.

Samedi ce 6 Septs.

Il ne seroit pas juste que je quitte Inch où l'on m'a obligé de rester encore un jour pour prendre du repos, (qui à la verité, m'est très necessaire), sans vous parler du maître de la maison, et vous donner une idée de l'endroit. Mr. Seton est un homme qui a beaucoup voyagé, beaucoup vu, beaucoup lut, et a bien digéré tout cela, par conséquent,

ses mannières et sa conversation s'en ressentent. Pour moi, je ne saurois assez me louer des attentions et politesses qu j'en ai reçu, et c'est le moins que je puisse faire que de reconnoitre ces obligattions. Sa maison qu'il a rebâtie et élargie, ne laissait subsister que d'un côté l'une des faces du vieux Château, contient beaucoup de logemens, et en outre de belles pièces spacieuse pour recevoir du monde, il s'y trouve quelques tableaux, parmi lesquels, *Maria with her Dog* (Sterne), sujet pris du voyage sentimental et execut'e par *le pinceau sentimental aussi d'Angelique* (Kauffman), m'a émus l'âme, et c'est avec les idées qu'il a fait naître, et votre image presente à mon imagination, que j'irai me coucher, et tacher de m'endormir. Adieu!

Dimanche ce 7.

Après le déjeuné nous nous remîmes en route, accompagnée de Mlle Smyth, et comme nous fîmes la même Route que le premier tour de ce petit voyage à quelque miles près, parce Caron est hors du grand chemin, et que nous n'avions pas besoin d'y passer, je me contenterai de vous dire, que nous passâmes sous une belle Arche qui sert pour d'acqueducque qui conduit l'eau pour le canal, qui devoit joindre les deux mers, nous mîmes pied à terre pour voir le Reservoir, et finnalement nous arrivâmes à huit heures du soir à Edinbourg. And our coaches finish'd the journey, and went on the road unrival'd by any other. Mais avant que je quitte la plume, il faut que je vous fasse part de quelques idées généralles que je me suis permises, by way of conclusion, car je sens que mon Journal ne vous instruira guère, qu'il auroit besoin de corrections, et d'additions, et après tout encore, si il tombait dans d'autres mains que les votres, seroit peut-être jetté au feu.

Idées generalles d'une partie de l'Ecosse

La nature du terrain, ne sauroit admettre une trop grande population, étant roc, montagnes ou sable. Mais je crois qu'un cinquième d'habitans pouroit être ajoutté au nombre qui l'occupe maintenant, si l'on sentoit cultiver et planter quelques montagnes, et convertir quelques pâturages en champ labouré.

Les habitations des paysans sont affreuses, sans plancher, souvent avec une fosse au milieu pour faire le feu, et construite of *loose stones* qu'aucun mortier ne tint ensemble.

Les maisons de Seigneurs, et surtout les petits bâtimens d'agrémens, sont fait sans le moindre gôut, ni d'aucun genre ou ordre d'archetecture.

L'on ne rencontre guère des passant sur le chemin, il n'est frequentez peut-être dans le courant d'une annnée que par un ou deux Anglois, et par les Seigneurs Ecossois, lors qu'il y passent pour aller à leur terre, car il ne vont guère se faire des visites, parce qu'il y a telle terre que

si l'on vouloit aller voir, il faudroit rebrousser chemin pour enfiller le chemin militaire, n'ayant point de *Cross Roads* de faites jusqu'à present.

Les Montagnards sont très ignorants, et une des causes de cela est que les Paroisses sont fort étendues, et que dans quelques endroits le Prêtre ne vient d'une Isle voisine quand le vent le lui permit, que le troisième Dimanche, et quelquefois le quatrième. Il y en a parmi eux de la Religion Catholic.

Les bestiaux qui font la seule rechesse des montagnes et le seul article de commerce, qu'ils ayent, sont petits, mal nouris, ils sont vendus aux Foires de Falkirk où des bouchers Anglois et Ecossois, s'assemblent. Mais je vous promet bien qu'avant de les revendres, sont obligé de les bien engraisser.

Maintenant je vous dirai adieu! en vous souhaitant, ou de la Patience jusqu'au bout, ou la Resolution jetter ce griffonage, avant que vous en ayez lu la seconde page.

K. Princesse de Daschkaw.

(M. W. Troitska, ce 12th May, New style 1804).

НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРНУЮ ШОТЛАНДИЮ

Начато 25 августа и окончено 7 сентября того же — 1777 года. Писано княгиней Дашковой к г-же Морган

Инч,
в понедельник вечером,
25 августа 1771 г.

Я нахожусь теперь, моя любезная подруга, в сорока милях от Эдинбурга, у г. Ситона,[1] брата м-ль Смит, о которой я часто рассказывала вам. В руке моей перо, ибо я намерена выполнить свое обещание и, отправляя этот дневник, предоставить вам возможность сопровождать нас в этом маленьком путешествии и видеть все вместе с нами. Поэтому должна описать вам те места, которые мы только что проехали, ибо несправедливо будет заставить вас перескочить расстояние в сорок миль, тогда как весь наш путь составит, может быть, не более трехсот. Мы будем ехать не спеша с моею дорогой Losinska Dolce.[2] Ее глазам приятно будет остановиться на таких предметах, на которые другая и не подумала бы обратить внимание, и, так как здесь нет ни ямщиков, ни почтовых, ни почтового рожка, мы станем двигаться так медленно, как вам будем угодно. Сев в экипажи, когда не было еще семи часов утра, мы прибудем в Линлитгау лишь в половине девятого, проехав по местности весьма разнообразной: горы соседствуют здесь с равнинами, безводные скалы с возделанными полями, а увенчана сия картина видом морского залива, образованного устьем реки и именуемого здесь Ферт оф Форт, который и пересечем.

В Линлитгау мы осмотрели еще вполне сохранившиеся развалины древнего замка, прежней резиденции шотландских королей, где увидела свет несчастная Мария. [3] Здание это прекрасно и величественно и не напоминает о грубости вкуса своей эпохи, так мало благоприятствовавшей искусствам. Там оказался трактир, который англичанин счел бы отвратительным, француз — посредственным, шотландец назвал бы «clean and comfortable», * а я (не имея счастья принадлежать ни к английской, ни к двум другим нациям) нашла ниже как моей критики, так и моего одобрения. Не обсуждая долго сего предмета и места, которое уделил бы ему в своем журнале путешественник, беспощадный к читателю, мы с аппетитом отведали яиц и сливок, которые радушно подала нам хозяйка.

Надобно ли говорить вам, мой несравненный друг, вам, умеющей читать в моем сердце и распознавать все его движения, что эта поездка, этот трактир и обед напомнили мне прогулку в Донохейди, в Дублине? Нет, без сомнения, душа моя не должна поддаваться этим чарам, я должна, и заставляю себя замолчать.

Какое бы дело ни предпринимала я с намерением выполнить его по всем правилам, мне никогда не удавалось, поэтому не ждите от меня журнала по всей форме. Вы не найдете в нем художественной последовательности деталей, а раз уж я имела мужество открыть вам свою слабую сторону, то найду смелость и сказать просто-напрото, что мы пересекли, проехав очень миловидной дорогой, знаменитый Канал, который должен соединить два моря, для чего нужно прорыть еще вего семь миль. [4] Так как частные лица, предпринявшие его постройку, уже вложили в дело около 170 тысяч ливров стерлингов, не получив ни малейшей прибыли, то за недостатком еще 60 тысяч работы остановлены. Они надеются, что им поможет правительство, чего и я искренне желаю.

Когда мы подъехали к Каналу, я живо представила себе вас рядом со мной. Стоило поглядеть на досаду наших кучеров в тот момент, когда они собирались въехать на мост с тою же быстротой, с какой мчались по дороге. Нежданные разочарования подчас подстегивают нас там, где никак нельзя их предположить: передние лошади не пожелали ступить на него (as they say, «without taking notice of it»). ** Цепи ли, поднимающие мост, произвели на них пугающее впечатление, или же величие всего сооружения, только они остановились как вкопанные. Не будучи казуисткой, не стану вдаваться в долгие рассуждения об этом, верно только, что усиленные удары бичей бесчувственных кучеров не преодолели упрямства деликатных животных, и только пример лошадей другого экипажа, проехавшего перед нашим, убедил их наконец пересечь мост. О, пример, пример!.. Сколь часто направлял ты на верный путь людей, и столь же часто совлекал с него...

— Уж не намерены ли вы посягнуть на права журналиста-резонера? — слышится мне. — Или журналиста-моралиста?.. Это серь-

---

* чистым и удобным (*англ.*).

** как они говорят, «не заметив того» (*англ.*).

езно, остерегитесь, сударыня. Так я и поступлю, и никто не сможет упрекнуть меня в том, что я не извлекаю морали из слов, срывающихся с моего пера, а чувства, их породившие, оказываются опровергнутыми через две строчки. Г. Ситон ожидает нас в Кэрроне, куда я должна поспешить добраться [5] и куда, мой милый друг, я мгновенно перенесу и вас.

Здесь сможете вы наблюдать другое предприятие, начатое и продолжающееся силами нескольких частных лиц. Производство, о котором идет речь, состоит в добыче железистых камней, обжиге их на воздухе при посредстве некоей пропорции угля и извести, после чего их расплавляют и отливают железо в слитки, из которых изготавливают затем все, что угодно — от пушки до чугунка и крестьянских орудий, грубых и тонких. Первая процедура * не понравилась. Может быть, я заблуждаюсь, но их способ обжига камней не показался мне очень удачным. В оправдание мне отвечали, что шахта эта бедна и другой способ обошелся бы слишком дорого. Здесь я умолкаю, так как можно ставить десять против одного, что я неправа, потому что, в конце концов, я не минералог и все, что я пишу вам, происходит лишь из моей головы и не предназначается никому, кроме вас. Место это, прекрасно отстроенное теперь, *шестнадцать лет назад являло собой болото,* фабрика же дала возможность благоустроить земли на десять миль вокруг. Находясь прямо на месте работ, я не преминула воспользоваться привилегией иностранцев — правом задавать вопросы, и задала их бесчисленное множество, как вы и можете вообразить. В то время как лень говорит мне, что излагать их на бумаге было бы слишком долго, сердце напоминает: «fye upon those contracted souls, those narrow who keep to themselves what they acquire; have you ever partaken anything with any of your fellow creatures without feeling a pleasure, which has counterbalanc'd the little with which you have parted?» ** 6

Размышление же говорит: «Как самонадеянно с вашей стороны полагать, что ваше жалкое сочинение способно доставить кому-либо удовольствие!» — «Милостивый государь, — отвечаю я ему, — я посоветовала бы вам, чем отвлекать меня напрасно, отправиться в те холодные рассудительные головы, которым незнакомо чувство, доставляющее вам столько хлопот. Что же касается меня, я нахожу такое же удовольствие в писании этих строк, какое моя подруга найдет в их чтении».

За сим вернемся к нашим баранам. Я была тысячу раз права, полагая, что голова моя не стоит моего сердца, поэтому позвольте мне теперь последовать движению последнего — вернемя же и пересмотрим снова то, что я увидела и услышала. Я же описала вам производимые там работы и хочу лишь добавить, что видела также всякого рода камины и печи — кухонные либо пекарные, украшен-

---

* В рукописи пропущено слово.

** Позор людям с мелочной душой и ограниченным умом, хранящим то, что приобретено ими, для себя одних. Разве, делясь чем бы то ни было с подобными тебе, не испытываешь ты удовольствия, совершенно вознаграждающего тебя за то немногое, с чем ты расстался? (*англ.*).

ные барельефами с античных образоцов, цена которых составляет от 32 до 46 шиллингов. Чего не отдала бы я за красноречие Демосфена или Цицерона, чтобы описать их! Тогда я рассказала бы, скольким обязана Англия изданиям сэра Гамильтона и трудам Веджвуда, [7] и доказала бы как дважды два четыре, что истинный вкус и понятие пропорций распространились их усилиями вплоть до беднейшего класса жителей Великобритании. Я убедила бы вас, что работник пекарни, получающий по нескольку су в день, если он чувствует таковую потребность, может образовать свой вкус, или по крайней мере каждый день имеет перед глазами то, что паша в своем дворце, да и знать других европейских стран видят лишь изредка. Я говорю о медальонах, украшающих печи, скопированных с лучших барельефов античности.

Теперь же я перенесу вас к г. Ситону, где, пообедав, по правде говоря, немного поздно, мы закончим наш первый день игрой на органе и клавесине и отправимся отдохнуть.

Вторник, 26 августа.

Я решительно не в состоянии, моя любезная подруга, обойтись без вашего общества. Позвольте поэтому усадить вас в экипаж рядом со мной, и отправиться в замок Стерлинг. Если вы не возражаете, мы проедем город, не уделив ему особого внимания, ибо, по правде говоря, он не слишком его заслуживает, и только повернув направо по дороге, ведущей к замку, бросим сострадательный взгляд на *руины дворца,* что принадлежал *милорду Мар* (Earl of Mar). [8] Лишь мимоходом мы заметим также, что он служил резиденцией многим вельможам и что при нем имелись обширные полотняные и шерстяные мануфактуры, пришедшие в крайний упадок после того, как национальный костюм горных жителей был запрещен специальным указом, — и, как желанные гости, вступим в замок. Комендант провел нас сначала в залу, где заседал парламент. Отсутствие не только пола, но и потолка открывает здесь глазам изумленного зрителя устройство крыши. Срубленная из ирландского дуба, устоявшая перед разрушительным действием времени, она еще и *блистает чистотой* и словно новизной, как будто только что возведена. Комендант уверяет, что необычный дуб этот имеет свойство внушать благоговение даже паукам. Должно быть, так оно и есть на самом деле, поскольку нигде не видно следов работы этих неутомимых насекомых, при том что дерево, конечно, не моют и не протирают.

Отсюда направились мы в часовню, пребывающую в таком же запустении и служащую складом военных доспехов гарнизона. Затем мы прошли в королевские покои, весьма обширные и просторные, обращенные теперь в солдатские казармы, а оттуда — к коменданту, чтобы полюбоваться прекраснейшим из видов, какие только можно себе представить.

Считается, как говорят, что нельзя покинуть замок, не осмотрев его фортификаций. Я выполнила и это, а сын мой заметил, что он укреплен и защищен лучше, чем эдинбургский. Полагаю, между нами будь сказано, что мнению молодого человека стоит доверять.

В городе, однако, есть колокольня, с которой Кромвель бомбардировал его и захватил, однако же во время восстания 45-го года осада горцев осталась безуспешной.

Отправимся теперь в (Блэр) *Драммонд,* принадлежащий лорду Кеймзу (известному множеством и изяществом своих сочинений, большая часть из которых забыта) и расположенный неподалеку от города.[9] Мы проедем берегом реки, составляющей главное украшение вида, открывающегося со стен замка Стерлинг, и остановимся сначала возле дома, который не велик и не мал, но чист и прост внутри, как и снаружи. Прогулки здесь очаровательны, и место очень красиво. То тут, то там открываются руины старинных замков, которые в самые отдаленные времена, я полагаю, были столь же полезны, как необходимы и теперь, придавая пейзажу романтичный колорит. Прибавьте ко всему еще речку, что извивается так, будто стремится вернуться назад, и картина будет полной. К большому нашему сожаленью, милорд был нездоров и находился в городе, поэтому, прогуляв несколько часов по его саду, мы вернулись к г. Ситону, где нас ждал прекрасный обед.

Среда, 27 августа.

Won't you go with me my dearest friend to Perth, and we will only observe upon the road that there Nature begins to change her appearance towards the terrible and arid. We stop'd to refresh our horses, for as there are none to be found upon the road, I hired mine in Edinbourgh, and was oblig'd to stop at the half way for their convenience, and though the place where we were scarce deserves other name but that of a poor village, we saw there 50 boys that were taught Latin very carefully.*

Немного отдохнув, прибудем мы в Перт, довольно значительный для Шотландии городок. Гостиница, где мы остановились, — одна из лучших в этой местности, и положение ее прелестно. Окна выходят на реку, украшенную великолепным мостом, сооруженным по подписке частных лиц. После чая, в чудесном расположении духа и очень довольные путешествием, мы с дочерью горели нетерпением написать вам. Какая бы сцена, какая бы картина ни представлялась моим чувствам, грустна или весела моя душа, спокойна или взволнованна, здорова я или больна, меня не оставляет потребность любить и быть любимой, я неизменно нуждаюсь в вас. Мне необходимо делиться с вами своими чувствами и сообщать занимающие меня мысли.

На этот раз, однако, сообщить вам мне оказалось нечего, ибо все

---

* Соблаговолите ли вы, мой милый друг, отправиться вместе со мною в Перт? В таком случае в пути вы сможете наблюдать лишь за тем, как Природа начинает менять свой облик, становясь мрачной и сухой. Мы остановились, чтобы дать отдых лошадям, ибо, поскольку нет возможности менять их по дороге, я наняла лошадей в Эдинбурге и вынуждена была остановиться на полпути. Хотя место нашего привала вряд ли можно назвать иначе, чем бедною деревней, там оказалось пятьдесят мальчиков, очень прилично обученных латыни.

познания, какими мы могли обогатить себя здесь, ограничились сведениями о недавно возведенном мосте и о плате, взимаемой за прохождение по нему с пешехода, портшеза или лошади. Имея своим Чичероне лишь трактирного слугу, нам пришлось умерить наше любопытство, а так как у меня оставалось время, я решила, что употреблю его наилучшим образом, посвятив вам и моей дорогой Гамильтон. После этого мы отправились на покой, завершив таким образом третий день.

Четверг, 28 августа.

Мы тронулись в путь не очень рано и ехали до самого Инвера очень покойно, не сделав никаких наблюдений, достаточно будет и одного — что от самого Перта горы оживлены лишь очень малочисленными и жалкими хижинами. Остановившись в гостинице, мы велели подать лодку (River Tay), чтобы отправиться в Данкелд, принадлежащий герцогу Атолл. [10] Здесь мы причалили к берегу в саду, или, скорее, очень обширном парке. Положение его так прекрасно и романтично, что мы не заметили, что более трех часов шли пешком. Но хотя это весьма утомило нас, мы не смогли удержаться от любопытства увидеть эрмитаж — жилище отшельника, расположенное на другом берегу реки, которое нам так расхваливали, и с этой целью снова сели в лодку, надеясь, что последующая пешая прогулка будет недолгой. Садовник, сопровождавший нас, был, возможно, вполне искренен, уверяя, что расстояние невелико. Таким в самом деле оно и было для него, нас же оно повергло в совершенное отчаяние. Несколько раз мы садились отдыхать прямо на землю, тем более недовольные этой вынужденной ходьбой, что местность совсем не отвечала нашим ожиданиям. Наконец, мы добрались до здания, называемого здесь эрмитажем. Оно не представляло собой ни храма, ни салона, ни кабинета, ни уединенного убежища, а всего-навсего комнату, какую устроил бы себе в уголке сада трактирщик какого-нибудь немецкого городишки, чтобы курить трубку со своими постояльцами. Только вид водопада, обрушивающегося прямо перед тремя окнами этого жилища, доставил нам истинное удовольствие. Он поражает как своей шириной, так и массой падающей воды, производимым ею шумом и удивительной формы руслом, пробитым в скале. Все это делало бы пейзаж возвышенным, когда бы не недостаток вкуса и умения, с каким его попытались украсить. Я забыла еще сказать вам, что дорога, ведущая к водопаду, так же нелепа, как и строение. Вообразите себе низкие кусты и клумбы, посаженные по бокам дорожки, ширина которой позволяет проезжать по ней в карете, но не ждите ни одного дерева, которое дало бы тень, а длинные густые ветки образовали бы темную и, я сказала бы, торжественную массу, отвечающую характеру ландшафта. Наконец, мы оставили это место, очаровывающее произведениями, какие постаралась создать природа, но испорченное произведениями искусства. В заключение я добавила бы, что даже если творения вашего бессмертного Попа и отыщутся в библиотеке герцогов Атолл, их навер-

няка не читали, ибо в противном случае хозяева были бы поражены верностью и тонкостью следующего описания:

To swell the Terras, or to sink the grot,
  In all, let Nature never be forgot!
But treat the Goddess like a modest fair,
  Nor over dress, nor leave her wholly bare,
Let not each beauty, everywhere be spy'd,
  Where half the skill, is decently to hide.
He gains all ponts who pleasingly confounds,
  Surprises, varies and conceals the bounds... *, 11

По возвращении в гостиницу нас ожидал скверный обед в еще более скверной комнате. Оказалось, что лучшие номера уже заняты англичанами, которых завело сюда, как и нас, любопытство. Мы велели закладывать лошадей и отправились сразу после обеда.

За пять часов мы проделали двадцать две мили до Тэймута (расстояние от Эдинбурга до Тэймута через Перт — всего 75 английских миль, тот же путь, какой избрали мы, длинее более чем на 30 миль) и встретили нашего уважаемого хозяина, лорда Бредолбина, в добром здравии и в восторге от встречи с вами. [12]

Так как вы, я полагаю, будете столь же рады увидеть конец моему маранью, сколь оно утомило меня саму, то пока скажу вам — прощайте!

Пятница, 29 августа (замок Тэймут).

Окончив завтрак, мы отправились осматривать ту часть парка, что раположена на этом берегу. Кабриолеты были так удобны, а лошади так прекрано выучены, что мы могли спокойно наслаждаться прогулкой. Первую остановку мы сделали в форте, архитектура которого воспроизводит один из фасадов Дарданелльского замка и откуда открывается великолепный вид. Река, вытекающая из озера, дом, горы на противоположном берегу, окаймляющие озеро и реку, наконец, сам городок и часовня представились нашим глазам как на ладони. Нас приветствовали залпом двадцати четырех пушек, многократно повторенным горным эхом, единственным обитателем этих сумрачных мест. Покинув форт, мы направились к зданию, носящему соблазнительное имя храма Венеры, — потому, вероятно, что он скрывает гипсовую копию Венеры Медицийской, поскольку по архитектуре его догадаться об этом невозможно. Затем мы вошли в храм Аполлона, имеющий столь же мало прав на свое пышное название, как предыдущий — на храм Венеры, а оттуда — на террасу, дающую возможность окинуть взором все озеро Тэй с маленьким островом, где сохранились руины аббатства, построенного Алексан-

* А. Поп. Epistle to Richahd Boyle, Earl of Burlington (1731), ст. 49—56.
Решишь ли устроить террасу или вырыть грот — ни в чем не забывай Природу! Украшай богиню как смертную красавицу. Не наряжай слишком пышно, не обнажай вовсе. Не открывай любопытным взорам всех прелестей. Искусство в большой мере состоит в том, чтобы изящно скрывать. Выигрывает тот, кто умеет утаивать, удивлять разнообразием и затушевывать грани прекрасного (*англ.*).

дром I, чтобы монахи молились в нем за упокой его души и королевы Сибиллы, там похороненной.

По возвращении нас ожидало приятнейшее занятие — осмотр коллекции картин. «Венеру» Тициана, «Св. Цецилию» Павла Веронезе, «Лукрецию и Тарквиния» Герабини, два пейзажа Пуссена и два портрета Ван Дейка, оказавшиеся в их числе, я желала бы видеть в своем кабинете, перенесенными некоей волшебной силой, если бы сердце мое было чувствительно к жалу зависти. Однако я давно смирилась с лишениями, и оставляю лорда Бредолбина спокойно владеть ими.

Суббота, 30 августа.

Как только небо озарилось первыми рассветными лучами, мы отправились к эрмитажу, который на этот раз действительно отвечал своему имени. Представьте себе довольно высокую гору, поросшую разнообразными деревьями, среди которых узкие уединенные дорожки приводят вас к прелестному водопаду, о котором вы не подозреваете заранее и коего собственные достоинства еще более подчеркнуты неожиданностью. Вернувшись на тропинку, мы имели удовольствие еще дважды увидеть его с более низкой точки, откуда он казался еще прекраснее. Бóльшая высота придавала ему величественность, а шум воды, разбивающейся о скалы, делал сцену неповторимой. Продолжая прогулку, мы незаметно оказались на темной дороге, которая перешла в подземелье. Из какого-то дальнего угла нам светил слабый фонарь, дорога поворачивала направо и привела к двери в комнату отшельника. Сам он отсутствовал. Не знаю, ушел ли он молиться, совершал ли уединенную прогулку, или ему просто не было дела до нашего посещения, но лорд Бредолбин исполнил обязанности гостеприимного хозяина наилучшим образом. Окна комнаты, выходящие на водопад, стены, покрытые мхом, а скамьи — оленьими шкурами — все совершенно отвечало характеру этого жилища. С крайним сожалением оставили мы очаровательное убежище, чтобы осмотреть другую часть парка с этой стороны. Здесь мы остановились у низкого восьмиугольного павильона, являющего собой убогую залу, ничем не украшенную ни внутри, ни снаружи, имеющего лишь то преимущество, что окна его выходят на две речки, горную и равнинную, сливающиеся совсем рядом с ним. Кроме того, тут могли мы увидеть также развалины храма Друидов. Пробыв возле него несколько времени, мы вернулись в замок и по дороге, проезжая берегом ручья, наблюдали странный и неприличный способ, какой употребляют местные жительницы для стирки белья. Он распространен не везде в горах, но в Шотландии — повсеместно. Так как подробное описание сего обычая шокировало бы вашу деликатность, опустим занавес между нашим экипажем и добрыми поселянками и перенесемся в столовую, тем более что волынщику, одетому и вооруженному как принято было у горцев в старину, не терпится явить вам свое искусство. Во все время обеда он бродил вокруг замка, играя фамильный марш его хозяев. Прежде каждый вельможа

имел своего волынщика, что было наследственной обязанностью и необходимой издержкой большой семьи. Теперь же обычай этот совершенно упразднен, и только по моей просьбе разыскали этого человека.

Воскресьенье, 31 августа.

Так как с утра стояла довольно ясная погода, я посоветовала сыну поехать вместе с его воспитателем и г. Кэмпбеллом осмотреть римский лагерь, интересный тем, что он представляет собой самую глубокую точку, до какой римляне продвинулись в горы. Господа доложили нам, что нашли отдельные части лагеря вполне сохранившимися, в особенности место, где, как можно предполагать, находился шатер претора.

Мой кашель, усиленный еще и лихорадкой, вынудил меня оставаться в своей комнате, но вскоре к этому добавилась еще более тревожная причина. Сын, вернувшись очень утомленным долгой верховой прогулкой, почувствовал себя плохо. Хозяева были так любезны, что поставили маленькую кровать в моей спальне, чтобы я могла ухаживать за ним, и вы позволите мне, надеюсь, покинуть вас и занять место у его изголовья, пожелав вам лучшей ночи, чем та, какую, по всей видимости, придется провести мне.

Понедельник, 1 сентября.

Князь хорошо отдохнул, спокойно выспался, и, так как у него совсем нет жара, я не опасаюсь более последствий его нездоровья и хотела бы, прежде чем покинуть Тэймут, сказать вам словечко о доме и его хозяине.

Первый не заслуживает и упоминания, это старый залатанный замок, к которому к тому же пристроили два крыла, с большим числом жилых помещений, весьма удобных на мой взгляд, — вот все, что можно о нем сказать. Но вы не отделаетесь так же легко от второго предмета и позволите мне, если вам будет угодно, более подробно живописать моего поклонника. В первую очередь должна рекомендовать его как человека самого благородного. Это составит фон картины, подробности же будут таковы. Возьмите, дорогой друг, кисть, я подскажу вам нужные краски и не сомневаюсь, что портрет будет похож, особенно если над ним потрудится и ваше воображение. Сперва наложите слой природной вежливости, той, которая не может быть благоприобретена. Затем слой вежливости, воспитанной хорошим обществом. Ровный характер, прекрасно справляющийся с восьмидесятичетырехлетним возрастом, деликатный оттенок внимательности, которую трудно предполагать в такие лета, не чрезмерной и не недостаточной, соединенный с блеском, какой придает чтение, завершат эскиз картины. Окончить ее я попрошу вас самостоятельно и помогу лишь еще двумя-тремя чертами, которые не могу не сообщить. Крестьяне, арендующие его земли, души не чают в нем, ибо он никогда не повышает платы и даже понижает ее для бедных

и бедствующих. То же и слуги его, ибо, когда они стареют и неспособны продолжать службу, он не отсылает их, но оставляет при себе и обращаетя как с родными детьми. Весьма оживленный в обществе, хотя и переживающий свои слабости, он имеет довольно памяти и тонкости образованного вкуса, чтобы оживлять беседу. Вот те главные черты, что ваша кисть должна начертать по канве за меня, которая занята в данный момент прощанием со своим восьмидесятилетним ухажером. Предоставляю вам палитру в полное распоряжение, но не собираюсь, однако, совершенно оставить вас в покое, ибо вы должны проследовать вместе со мной в Киллин, а затем в Тиндрам. Очень приятно будет увидеть страну, которую мы пересечем, своими глазами, так как вообразить ее, не видев, невозможно. Художника, списавшего с нее полотно, обвинили бы в преувеличении. Бесполезно было бы пытаться сосчитать, сколько ручьев, многие из которых рождают впечатляющие водопады, стекает с этих гор и вливается в реки или озера. Что касается дороги, то она прекрасна, и трудно представить себе, чего стоило покорить эти скалы. Часть дороги была построена лордом Бредолбином, так же как две гостиницы, в Киллине и в Тиндраме, содержатели которых не платят ему ни гроша. Другая часть — «военная дорога», как ее тут называют, то есть построенная солдатами. Возле Тиндрама разрабатывается свинцовая шахта. Погода помешала нам увидеть ее и заставила подумать об отдыхе, и вот тогда-то мы обнаружили, что, в силу числа комнат и кроватей, имеющихся в доме, мы с дочерью обречены на то, чтобы спать вместе в сквернейшей постели, которая была неширока для одного, и невозможно узка для двоих. Мы подумали было спросить сена и устроить себе постель на полу, но сей предмет оказался в горах совершенно недоступным. У них попросту нет его, и животные вынуждены зимою питаться теми жалкими клочками травы, что сами добудут из-под снега. У хозяина нашлась, однако, солома, но так как она лежала непокрытой, то была мокрой, словно губка. Никогда не следует отчаиваться, и мы приняли героическое решение высушить ее у каминного огня. Я говорю героическое, потому что считаю гораздо более примечательными самые обыденные дела, требующие продолжительного усилия, чем резкие порывы, могучие, но мгновенные, как пушечный выстрел.

Наконец, тысячу раз перевернутая перед огнем, солома сделалась часа через три достаточно сухой, чтобы послужить нижним матрасом, и, так как постель наша готова, осталось только пожелать вам доброй ночи.

Расстояние от Тэймута до Тиндрама — тридцать шесть миль.

Вторник, 2 сент<ября>.

Проделав 12 миль, мы остановились в Далмали, чтобы дать отдых лошадям и пообедать самим. Выехав, мы скоро увидели Локау, прекрасное озеро, длиной, как говорят, в 30 миль. В устье его мы видели руины замка, бывшего прежде резиденцией родоначальников семьи лорда Бредолбина. Еще же через шестнадцать миль мы прибудем,

если вы не имеете ничего против, в Инверари, поместье герцогов Аргайл. [13] Поскольку дурная погода не позволяла выйти из гостиницы, мы удовольствовались тем, что послали за неким г. Кэмпбеллом (который ведает всеми здешними делами герцога), чтобы договориться о завтрашнем дне и узнать от него все, что можно узнать об этом месте. Прощайте, спокойной вам ночи. Я очень рада, что в эти дни вы находитесь вдали от меня, ибо мой кашель надрывал бы ваш слух днем и лишал бы покоя ночью.

Среда, 3 сентября.

Инверари расположен на озере Лох Файн, которое в двадцати четырех милях отсюда впадает в море. Край здешний так же романтичен, как Тэймут, но равнина показалась мне более зажатой горами, которые окружают и озеро. Не стану описывать вам дом, построенный предыдущим герцогом, Арчибальдом, [14] поскольку крайне затруднительно как-либо назвать и описать его. Попробую начать с отрицаний. Это ни замок, ни дворец, ни дом, ни павильон, так что считайте его чем вам будет угодно и окрестите его с помощью католического священника вместо меня, которая не смогла сделать этого в этой пресвитерианской стране, в особенности с моими претензиями на то, что я кое-что понимаю в архитектуре. Я совершенно растеряна и бросаю всякие попытки. Интерьер его неокончен, таким мы его с вашего позволения и оставим. Парковые посадки замечательны, и могу сказать вам по правде, что видела здесь больше красивых деревьев, чем во всей знакомой мне части Шотландии. Особенно примечательна здесь одна гора, возвышающаяся над озером. До самой макушки она покрыта густейшим лесом, посадка которого должна была стоить великих трудностей. Здешние горы представляют собой безводные скалы и поэтому покрыты лесом обыкновенно лишь до половины высоты, открывая глазу сухие и обнаженные вершины. Не могу обойти молчанием и великолепный, изящный мост, недавно построенный на средства, предназначенные для военных дорог, ведущих от форта к форту, и которые, по моему мнению, приведут страну к процветанию быстрее всех возможных указов и законов. Нынешний герцог предпринял решительные меры, облагородившие пейзаж, — снес уродливые домишки, составлявшие старый город и располагавшиеся перед его домом, преграждая ему вид озера. Он отстроил их на собственные деньги, гораздо еще улучшив. Также он устроил ковровую мануфактуру, и не сомневаюсь, что скоро это сделается предметом любопытства путешественников. Герцог, очень этим увлеченный, употребляет на усовершенствования от шести до восьми тысяч ливров стерлингов. На этом мы покончим с Инверари, ибо я не терплю сухих и холодных описаний и скажу вам вместо этого, что г. Ситон присоединился к нам, как и обещал, и был настолько внимателен, что приказал доставить из Эдинбурга прибывшие для нас письма. Он не мог преподнести мне большего подарка, потому что два из них были от вас, а три — от моей дорогой Гамильтон. Я удалилась пораньше, чтобы доставить

себе удовольствие перечитать их, и окончила свой день так приятно, как только это возможно в разлуке с вами.

Четверг, 4 сент<ября>.

Я провела отвратительнейшую ночь, поскольку несколько господ из графства Файф, расположившиеся прямо надо мной, устроили ужасный шум и грохот, несмотря на неоднократные просьбы хозяйки не нарушать покоя больной дамы (вашей покорной слуги). Мы оставили Инверари, когда не было еще семи часов утра, потому что нам предстояло очень долгое путешествие — до Думбартона, ибо мы не хотели останавливаться в Лассе. Гостиница там так дурна, что некая англичанка, приезжавшая недавно из Лондона, чтобы увидеть необычные и суровые красоты горной Шотландии, добравшись до Лассе, была перепугана жильем, какое там нашла, и, думая, вероятно, что чем дальше, тем будет сквернее, велела тут же закладывать и вернулась в Лондон. Оставим ее продолжать путь в этом направлении, тем более что это не имеет никакого отношения к моему журналу, и поедемте обедать в Кэрнедау, что на озерах Лох Файн, а затем продолжим путь по самому печальному и непривлекательному краю, какой мне доводилось видеть.

«For here sits Melancholy, and around her throws
A death-like silence, and a dread repose». * [15]

Мы переехали через гору, известную здесь под именем «The dreary Pass of Glencrow», ** где видели род скамьи, вырубленной солдатами, прокладывавшими дорогу, с надписью: «Rest and be thankful». *** В Тарботе мы отобедали, а выехав оттуда, на всем протяжении пути могли созерцать чудесный вид озера Лох Ломонд. Длина его двадцать четыре мили, ширина считается равной восьми, но на самом деле составляет лишь шесть. Решительно, это один из прекраснейших водоемов, какие я когда-либо видела. Горы, окружающие его, деревья, украшающие его, отражаясь в воде, острова, коих вы насчитываете двадцать четыре, причем восемь весьма обширных, являют взору картину, описать которую я не в состоянии.

Мы проехали совсем рядом с недавно отстроенным домом шевалье Колнонза, [16] просторного и довольно приятного вида, но не остановились (Колнонз владеет несколькими из островов, другая же часть принадлежит герцогу Монтроузу).

Конец нашего пути пролегал уже по местности, более радующей глаз, более возделанной, чем предыдущая, и по вполне сносной дороге до Думбартона, куда мы прибыли после восьми часов. Мои просьбы к хозяину ограничились только двумя пожеланиями — ве-

* Ибо здесь восседает Меланхолия и распространяет вокруг тишину, подобную смерти, и ужасающий покой (*англ.*). Автор стихов не установлен.
** Страшный перевал Гленкроу (*англ.*).
*** Отдохни и будь благодарен (*англ.*).

леть принести мне чашку чаю и не поселять надо мной, если будет возможно, двоих господ из Файфа.

Пятница, 5 сентября.

Я не смогу покинуть Думбартон, обойдя молчанием колонну у ворот города, воздвигнутую в честь д-ра Смолетта его братом, [17] и Думбартонский замок, [18] также заслуживающий упоминания, во-первых, потому, что несчастная Мария провела в нем два месяца в заключении, и, во-вторых, потому, что положение его самое необычное, какое мне случалось видеть. Можно было бы сказать, что ее светлость Природа создала его в момент капризного настроения. Figure to yourself my dear friend, a high, whymsically-shaped rock, with a deep cleft in the middle which gives the appearance of two sugar loaves. The only consequence which this Castle appears to have been of, was the protection it afforded to the turbulent nobles when in Rebellion, now that Castle is of no consequence at all. * Еще одно слово я скажу, с вашего позволения, о сливающихся здесь речках Клайд и Левен, очень украшающих пейзаж. После того как мой сын вернется из замка и г. Ситон освободит нас от необходимости принимать старейшин города, которые собираются преподнести князю титул почетного гражданина города, мы сядем в экипаж и отправимся в замок Бьюкенен, принадлежащий герцогу Монтроузу, [19] где сможем спокойно наслаждаться красотами озера Лох Ломонд и всеми разнообразными чудесами, на которые природа была столь щедра в его окрестностях. Искусство не будет отвлекать нас ни на мгновение, ибо в Бьюкенене его сыщется не более, чем в жилищах наших далеких предков, чьи нужды ограничивались первым необходимым. Мы увидим часть озера Лох Ломонд с его прелестными островами, один из которых, принадлежащих герцогу, оказался, неизвестно каким образом, забыт, когда Пресвитер делил приходы, и до сих пор не прикреплен ни к одному из них. Когда Синод попытался впоследствии исправить это упущение, то встретил сильное сопротивление, и все осталось по-прежнему. Вот почему остров этот служит теперь убежищем неосторожным девицам, которые приезжают, чтобы разрешиться здесь от бремени и избежать унижения или позора, какому они подверглись бы своими священниками: в таких случаях их приводят к публичному покаянию при собрании всего прихода.

Добрейший г. Смит, принимавший нас в отутствие герцога и герцогини, провел нас в кабинет герцога и показал подлинные письма Карла I и Карла II, а также полную переписку знаменитого маркиза Монтроуза с этими государями и с другими особами. [20] После нескольких часов этого интереснейшего чтения нас ждал очень умеренный, но достойный обед, поданный с гостеприимством старого

---

* Вообразите себе, мой дорогой друг, высокую скалу причудливой формы, с расселиной, придающей ей вид двух сахарных голов. Единственное, по-видимому, назначение этого замка было предоставлять убежище мятежным аристократам; теперь же он совершенно бесполезен (*англ.*).

доброго времени, и отъезд в Инч, где нас встретили мать, сестра и дочь г. Ситона.

Суббота, 6 сентября.

Будет несправедливо, если я покину место, где меня заставили провести еще один день и отдохнуть (что, говоря по правде, было мне необходимо), не описав вам хозяина дома и самого Инча. Г. Ситон много путешествовал, много читал, видел и умел извлечь из виденного прекрасный опыт, сказывающийся в его беседах и во всем поведении. Его необычайная внимательноть и предупредительноть ко мне обязывают меня, самое меньшее, к тому, чтобы оценить их по достоинству. Дом, который он перестроил и расширил, сохранив лишь с одной стороны старый фасад замка, имеет множество жилых покоев помимо просторных гостиных, украшенных несколькими картинами. «Maria with her dog» * (Стерна) и сцена из сентиментального путешествия столь же сентиментальной кисти Анжелики (Кауфман) произвели на меня сильное впечатление. Вместе с теми мыслями, что они пробудили во мне, и не покидающим меня вашим милым образом в душе я отправляюь на покой и постараюсь уснуть. Прощайте!

Воскресенье, 7 сего месяца.

Позавтракав, мы отправились в путь в сопровождении м-ль Смит. Так как дорога наша почти совпадала с первой поездкой этого путешествия и поскольку Кэррон стоит в стороне от большой дороги и мы не будем через него проезжать, я скажу вам только, что мы проехали под прелестной аркой, служащей водопроводом, ведущим воду в канал, который должен был соединить два моря. Мы останавливались, только чтобы осмотреть резервуар, и к восьми часам вечера прибыли в Эдинбург, and our coaches finish'd the journey, and went on he road unrival'd by any other. **

Прежде чем оставить перо, я должна поделиться вами некоторыми общими мыслями, которые я позволю себе, by way of conclusion, *** ибо чувствую, что иначе мой журнал не обогатит вас решительно ничем. Он и без того нуждается в исправлениях и дополнениях, и, в конечном счете, если бы попал не в ваши руки, то был бы просто брошен в огонь.

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО ГОРНОЙ ЧАСТИ ШОТЛАНДИИ

Природа здешней земли — скалы, горы и пески — не позволяет развиться населению, однако я полагаю, что возможно было бы

---

* «Мария с собакой» (*англ.*).

** и наши экипажи, не превзойденные в пути никакими другими, окончили свой путь (*англ.*).

*** в качестве заключения (*англ.*).

увеличить его, хотя бы на одну пятую, если бы использовали под посадки склоны нескольких гор и распахали несколько пастбищ.

Жилища крестьян ужасающи, с земляным полом, часто с одной только ямой посередине вместо очага и построенные из loose stones, * без всякого раствора.

Дома знати, в особенности прогулочные постройки, возведены крайне безвкусно, не принадлежа ни к какому архитектурному стилю или роду.

Двигаясь по дороге, вы никого не встретите. Проезжают по ней за весь год лишь один-два англичанина, да шотландские дворяне, направляющиеся в свои владения. Дело в том, что визитов друг другу они не наносят, потому что земля здесь такова, что, если бы вы на то решились, пришлось бы возвращаться назад, к военной дороге — других у них до сих пор не проложено.

Горные жители крайне невежественны, и одна из причин этого в том, что приходы необычайно обширны, и в некоторых местах священник приплывает с соседнего острова только когда стихает ветер, каждое третье воскресенье, иногда даже раз в месяц; встречаются среди них и католики.

Скот, составляющий единственное богатство и статью дохода горцев, тщедушный, плохо откормленный, продается на ярмарке в Фолкерке, куда съезжаются английские и шотландские мясники. Однако можете быть уверены, что перепродать их они могут, только предварительно откормив.

На этом я попрощаюсь с вами и пожелаю вам либо терпения добраться до конца, либо решимости бросить в огонь эти каракули, просмотрев две первые их страницы.

Княгиня Дашкова.

(М<арта> В<ильмот>. Троицкое, 12 мая 1804 г. н. ст.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Г. Ситон.* Лицо неустановленное. Возможно, сын сэра Александра Ситона (ум. 1744), одного из комиссионеров, участвовавшего в заключении союза с Англией.

[2] *Losinska dolce.* По всей видимости, автор имеет в виду свою корреспондентку Элизабет Морган.

[3] *Несчастная Мария.* Мария, королева Шотландии, родилась во дворце Линлитгау в 1542 г.

[4] *Знаменитый канал.* Канал Форт-Клайд был окончен только в 1790 г. Работы начались в 1768 г. под наблюдением главного инженера Джона Смитона (ум. 1792) и его помощника Роберта Маккелла (ум. 1779).

---

* незакрепленных камней (*англ.*).

[5] *Кэррон.* Знаменитый чугунолитейный завод под Фолкерком, одна из местных достопримечательностей. Несколькими годами позже, в 1786 г., его директор Чарльз Гасконь (1738—1806) поступил на русскую службу.

[6] *«Позор тем...»* Источник не установлен. Возможно, Стерн?

[7] *Кавалер Гамильтон... Веджвуд.* Сэр Вильям Гамильтон (1730—1803), английский посол в Неаполе с 1764., был выдающимся антикваром и коллекционером. В 1766 г. вышло авторитетное издание «Коллекция этруских, греческих и римских антиков, из кабинета сэра Вильяма Гамильтона». Джошуа Веджвуд (1730—1795) — знаменитый фабрикант, изготовивший в 1774 г. знаменитый сервиз с зеленой лягушкой для Екатерины II.

[8] *Милорд Мар.* Титул графа Марр (восходящий к XI в.) был обновлен Джоном, пятым лордом Эрскином (ум. 1572).

[9] *Лорд Кеймз.* Генри Хоуму, лорду Кеймзу (1696—1782) принадлежат многочисленные сочинения по юриспруденции, а также трактаты «Основания критики» (1762) и «Фермер-дворянин» (1776).

[10] *Герцог Атолл.* Джон Меррей, третий герцог Атолл (1729—1774).

[11] *«To swell the terras...»* Цитата из «Послания Ричарду Бойлу, графу Берлингтону» Александра Попа (1731), ст. 49—56.

[12] *Лорд Бредолбин.* Джон Кэмпбелл, третий граф Бредолбин (1696—1782), по прозвищу «Old Rag» («старая тряпка»?), был известен своей эксцентричностью.

[13] *Резиденция герцогов Аргайл.* Первым графом Аргайл был Коулин Кэмпбелл (ум. 1493). Восьмой граф, Арчибальд Кэмпбелл (1598— 1661), получил титул маркиза Аргайл. Титула первого герцога Аргайл в 1701 г. был удостоен Арчибальд Кэмпбелл (ум. 1703).

[14] *Предыдущий герцог.* Арчибальд Кэмпбелл, третий герцог Аргайл (ум. 1761), существенно перестроил Инверарский замок в 1750-х гг.

[15] *«Здесь пребывает Меланхолия...»* Источник не установлен.

[16] *Кавалер Колнонз.* Лицо неустановленное.

[17] *Д-р Смоллет.* Романист Тобайас Смоллет (1721—1774) родился недалеко от Думбартона и учился в этом городе. Колонна была установлена не его родным братом (который умер за много лет до этого), а двоюродным, г. Смоллетом из Бонхилла.

18 Думбартонский замок. Мария находилась в заключении в Лохлевенском замке (а не в Думбартонском) в июне—июле 1567 г. 24 июля 1567 г. она была вынуждена отречься от престола.

19 Замок Бьюкенен, принадлежащий герцогу Монтроузу. Вильям, второй герцог Монтроуз, умер в 1790 г.

20 Знаменитый маркиз Монтроуз. Джеймс, пятый граф и первый маркиз Монтроуз (1612—1650), прозванный «Великим маркизом».

Перевод Н. М. Сперанской

М. ШРУБА

ОБ АВТОРЕ САТИРЫ «СТИХОТВОРЕЦ НЕЛЮДИМ»

Намеки одного из куплетов сатирических «Святок» князя Д. П. Горчакова 1781 г. оставались долгое время непонятными. Среди писателей, пришедших к новорожденному Христу на поклонение, находится и некий Арсеньев:

За ним <т. е. В. В. Капнистом> Арсеньев следом,
Прославиться хотя,
С украденным обедом
Пришел перед дитя.
Христос ему сказал: «Хоть ты имеешь пару
Мидасовых, мой друг, ушей,
Однако рук его, ей-ей,
Иметь не можешь дару».
Арсеньев осердился,
Ему смеялся всяк... [1]

Судя по всему, полемический пыл этих стихов направлен против стихотворной сатиры «Обед Мидасов», опубликованной лишь в 1978 г. В. П. Степановым. [2] В примечании к данному куплету Горчаков поясняет, что обед "украден у Боало", имея в виду, что "Обед Мидасов" является подражанием третьей сатире Буало. Стихотворение Горчакова в свою очередь достоверно свидетельствует о фамилии автора сатиры. По мнению В. П. Степанова, сочинителем "Обеда" является скорее всего, Александр Иванович Арсеньев (1751-1840). [3]

Дополнительные данные к немногочисленным биографическим сведениям об этом литераторе исследователь обнаружил в неиздан-

---

[1] Поэты-сатирики конца XIX в. Л., 1959. С. 92.

[2] *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в.: ("Обед Мидасов") // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 131—146.

[3] Там же. С. 139. Об А. И. Арсеньеве см.: *Bakounine T.* Répertoire biographique des franc-maçons russes. Paris, 1967. P. 31; *Bourychkine P.* Bibliographie sur la franc-maçonerie en Russie. Paris; La Haye, 1967. P. 39 (№167).

© М. Шруба, 1995

ной переписке М. Н. Муравьева. Из цитированных В. П. Степановым [4] писем Муравьева явствует, что «Обед Мидасов» не был единственной сатирой Арсеньева: «Некто Арсеньев, покровительствуемый Княжниною, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где par par parenthèse и я буду иметь свое место» (письмо отцу от 31 мая 1781 г.). [5]

Свидетельством того, что Арсеньев сочинил *несколько* сатир, может послужить и следующая эпиграмма Горчакова на Арсеньева:

Взмостяся на Парнас, Арсен с пером сидит
И мнит, что оным всех творцов он устрашает;
А он преглупые сатиры лишь клеит,
И только, как евнух в серале, всем мешает. [6]

Историко-литературным фоном сатирических нападок Горчакова на Арсеньева является литературная полемика конца 1770-х — начала 1780-х гг. между кружками Н. П. Николева и Я. Б. Княжнина. Горчаков входил вместе с Ф. Г. Кариным, А. С. Хвостовым, Д. И. Хвостовым и Г. И. Шиповым в дружескую группу вокруг Николева. Арсеньев, напротив, принадлежал, как и В. В. Капнист, Н. А. Львов, И. И. Хемницер, к сторонникам Княжнина. [7]

К числу периодических изданий, существовавших в разгар полемики, принадлежал журнал «Утра» (СПб., 1782), издававшийся П. А. Плавильщиковым. В одном из первых номеров напечатана анонимно стихотворная сатира под заглавием «Стихотворец Нелюдим». [8] Есть основания предполагать, что автором этой сатиры является именно сочинитель "Обеда" — Арсеньев.

«Утра» не принимали непосредственного участия в литературных распрях кружков Николева и Княжнина, однако, судя по всему, Плавильщиков по своим убеждениям был ближе к группе Княжнина. Определенную роль здесь могло играть отношение обоих кружков к Д. И. Фонвизину: «Недоросль» подвергался нападкам сторонников Николева и защищался в кружке Княжнина; [9] Плавильщиков же участвовал как актер в первой постановке "Недоросля" и был Фонвизину, видимо, многим обязан, [10] так что легко представить себе,

---

[4] *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. С. 138.

[5] Там же. С. 138-139.

[6] *Степанов В. П.* Неизданные произведения Д. П. Горчакова // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 120.

[7] Главные события этой «литературной войны» изложены во вступительной статье Степанова к публикации сатиры Арсеньева; см.: *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. С. 132—137. Новые аспекты полемики освещены в работах последних лет; см.: *Степанов В. П.* Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 204-229; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // Там же. СПб., 1993. Сб. 18. С. 93—112.

[8] Утра. 1782. Май, № 4. /С. 25. Перепеч. в кн.: Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 536-540.

[9] *Степанов В. П.* Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля».

[10] *Козьмин М. Б.* Журнал "Утра" и его место в русской журналистике XVIII века//XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 104-105.

к которому из кружков он мог относиться с большей симпатией. Впрочем к кругу сотрудников "Утр" принадлежал и сам Княжнин. [11] Итак, предположение об участии Арсеньева как члена кружка Княжнина в "Утрах" не представляется невероятным.

В пользу гипотезы о принадлежноти авторства «Обеда Мидасова» и «Стихотворца Нелюдима» одному лицу свидетельствует явное сходство обоих произведений. Если «Обед» подражает третьей сатире Буало, то «Нелюдим» — первой. Следует учесть, что Арсеньев, скорее всего, не профессионал, а «поэт по случаю». Неудивительно, что дилетант, взявшийся за перо по поводу злободневной полемической перепалки, в поисках формы обращается к самым авторитетным образцам сатирического жанра своего времени. Если это рассуждение верно, то не исключено также, что М. Н. Муравьев, говоря в цитированном письме об «Арсеньевой <...> пятой сатире», имел в виду не пятое по счету произведение автора «Обеда», а подражание пятой сатире Буало.

Другой точкой соприкосновения рассматриваемых сатир является их литературно-полемическая направленность, хотя в «Нелюдиме» она выражена менее ярко, чем в «Обеде». Так, имена персонажей в «Нелюдиме» зашифрованы, и совершенно прозрачна лишь шифровка имени продажного поэта Бурана:

Спесивцу ни за что я гнусну льстить не стану
И, в низких я стихах подобяся Бурану,
Из именинников, из мертвых, из купцов,
Из воинов, судей, невест и женихов
Наделавши себе тьму мелких меценатов,
Гласити не хочу я алчных рублехватов;
За деньги не хочу хвалы я продавать
И барина в стихах, зевая, поздравлять. [12]

М. Б. Козьминым отмечено, что Буран — это анаграмма фамилии В. Г. Рубана. [13] О продажности Рубана говорится и в сатире «Обед Мидасов»:

И с рылом Рубан наш пушит всех похвалами,
Сбирает денежки и торг ведет стихами. [14]

Степень доказательности сходства последних цитат для предположения о тождестве их авторов, правда, не слишком велика. Обвинения Рубана в корыстолюбии встречаются в сатирической литературе последней четверти XVIII в. весьма часто.

Более доказательно то обстоятельство, что один из персонажей «Нелюдима» назван Мидом, — совпадение с именем «Мидас» (из

---

[11] Там же. С. 107, 117.

[12] Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. С. 537. Исправлена явная опечатка подлинника "алчный рублехватов", перекочевавшая в современное переиздание сатиры.

[13] *Козьмин М. Б.* Журнал «Утра» ... С. 112.

[14] *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. С. 143.

арсеньевского «Обеда») очевидно. Сходны и характерные черты обоих Мид(ас)ов:

Убудет ли тебя, коль ты златому Миду,
Не ставя грубостей его себе в обиду,
Чтоб сотню выманить, поклонишься сто раз,
Когда насмешки, чем тебя он колет в глаз,
С холодностью снося, ты станешь удивляться
И над собою сам с невеждою ругаться? [15]

Приписываемые Миду свойства соответствуют образу богатого хлебосола из сатиры «Обед Мидасов», навязывающего гостям свои курьезные, невежественные воззрения на современных писателей. Имя Мида выделяется на фоне встречаемых в «Нелюдиме» имен как единственное мифологическое. Оно отсутствует и во французском образце сатиры. Таким образом, употребление его в «Нелюдиме» возможно расценивать как сознательный намек на «Обед Мидасов» и на высмеянное здесь реальное лицо. [16]

Сопоставление рассматриваемых здесь произведений с их первообразами — первой и третьей сатирами Буало — обнаруживает между ними прямую внутреннюю связь, которая, пожалуй, наиболее убедительно свидетельствует о тождестве автора «Стихотворца Нелюдима» с автором «Обеда Мидасова».

«Нелюдим» в высокой степени зависит от его французского образца. В оценке Козьмина «Стихотворец Нелюдим» является «переводом, точнее переложением, первой сатиры Буало». [17] Автор подражания заимствовал не один лишь сюжет сатиры, но и бо́льшую часть ее мыслей, образов, формулировок. Например, стих Буало:

J'apelle un chat un chat, et Rolet un fripon (I, 52) —

русский подражатель передает следующим образом:

Осла зову ослом, а Брутума скотом. [18]

Заимствования распространяются даже на технические приемы образца, вплоть до воспроизведения такой бросающейся в глаза стилистической фигуры, как апосиопеза:

Où tout me choque; enfin, Où... Je n'ose parler (I, 136) —
Где всё мне гнусно, где... не смею говорить. [19]

Тем более удивительно (и требует особого объяснения), что сочи-

---

[15] Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 538.
[16] В. П. Степанов предполагает, что под именем Мидаса в «Обеде» изображен член кружка Николева Ф. Г. Карин (*Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. С. 139).
[17] *Козьмин М. Б.* Журнал «Утра»... С. 112.
[18] Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 538.
[19] Там же. С. 540. Ср.:*Schroeder H.* Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Köln; Graz, 1962. S. 199.

нитель «Нелюдима», столь строго следуя образцу, не заимствовал следующих стихов сатиры Буало, содержащих эффектную разновидность гиперболы, т. е.

Avant qu'un tel dessein m'entre dans la pensé
On pourra voir la Seine à la Saint-Jean glacé
Arnauld à Charenton devenir huguenot,
Saint-Sorlin janséniste, et Sait-Pavin bigot (I, 125—128).

<Прежде чем у меня появится такое намерение, / Можно будет увидеть в день святого Жана покрытую льдом Сену; / Арно в Шарантон станет гугенотом, / Сен-Сорлен — янсенистом, а Сен-Павен — сверхнабожным>. Кантемир перевел это место так:

Если во мне мысль нову уставить перемену,
То в Петровки увидят льдом покрыту Сену,
Папа, Рим град оставя, кальвинистом будет,
А езуит разумный лукавить забудет. [20]

Перечисление ряда невозможных, непредставимых событий как средство для выражения чего-то нежелательного или невероятного — топос, восходящий еще к античной литературе. [21] Образцом для первой сатиры Буало послужила, как известно, первая часть третьей сатиры Ювенала, но упомянутая стилистическая фигура там не встречается. [22] Буало мог заимствовать ее, например, у Вергилия (Вис. I, 59-63). В современном ритмизованном переводе это место звучит так:

Ранее станут пастись легконогие в море олени
И обнажившихся рыб на берег прибой перебросит,
Раньше, в скитаньях пройдя родные пределы, изгнанник
К Áрару парф испить пройдет, а к Тибру германец,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ. [23]

Аналогичный прием использован Кантемиром в его первой сатире:

Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки,
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет визигу, -
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу.

Кантемир приводит в своих примечаниях пассаж из седьмой элегии

---

20 *Кантемир А. Д.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 342.

21 См.: *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2Aufl. Bern, 1954. S. 104-108.

22 См.: Bornemann W. Boileau-Despreaux im Urtheile seines Zeitgenossen Jean Desmarets de Saint-Sorlin. Heilbronn, 1883. S. 36-41. Книга содержит подробный перечень заимствований из античных авторов в произведениях Буало.

23 *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат.; вступ. ст. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 39.

Овидия, послуживший ему образцом [24] Данная стилистическая фигура встречается и в статье «Кривой толк» А П Сумарокова

Когда ж надеяться перемене быть толикой?
Когда на Яузу сойдет Иван Великой,
И на Неглинной мы увидим корабли,
Волк станет жить в воде, белуга на земли,
И будет омывать Нева Кремлевы стены [25]

Кроме «Стихотворца Нелюдима» известны еще два русских подражания первой сатире Буало [26] В отличие от «Нелюдима», оба произведения перенимают и обрабатывают упомянутое место Одно из этих подражаний принадлежит К Н Батюшкову

Скорее Стукодей бранить всех перестанет,
Скорей любовников Лаиса отошлет
И мужа своего любить как мужа станет,
Скорей Глицера свой, скорей язык уймет,
Чем я пойду в судьи [27]

Автор другого подражания — А А Бестужев Его версия «перечня невозможностей» звучит так

Скорей чем эта мысль мне в голову придет,
В июле месяце Неву покроет лед,
Скорей луна светить в подлунную престанет
И Трусова скорей узнают храбрецом,
Чем я решусь сидеть в палатах за столом [28]

Возникает вопрос почему автор «Стихотворца Нелюдима», подражающий в общем чуть не слепо первой сатире Буало, не заимствовал, в отличие от Батюшкова или Бестужева, рассматриваемого здесь приема?

Внимания заслуживает то обстоятельство, что отсутствующая в «Нелюдиме» разновидность гиперболы встречается в сатире «Обед Мидасов» Она завершается перечнем невероятных событий

И прежде нежель к ним в беседу попаду,
То будет зелено и генваре в саду,
Скорее Николев сравняется с Вольтером,
Скорее Рубану удастся быть Гомером,
Скорей Аблесимов разумным будет слыть

---

[24] *Кантемир А Д* Собр стихотворений С 59, 65

[25] *Сумароков А П* Избр произведения Л, 1957 С 183 Заметим попутно, что такого рода гиперболы ие чужды и древнерусской литературе В «Повести временных лет» цитируется формула мирного договора 6493 (985) года « толи не будеть межю нами мира, елико камень начнеть плавати а хмель почнет тонути» Полн собр русских летописей М, 1962 Т 1 Стб 84)

[26] Ср библиографический список переводов и подражаний Буало в кн *Песков А М* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века М, 1989 С 134—143

[27] *Батюшков К Н* Соч В 2 т М, 1989 Т 1 С 345

[28] *Бестужев А А* Подражание I сатире Буало // Литературный архив Мат по истории литературы и общественного движения М, Л, 1938 Т 1 С 413

Скорей Владыкину Милтоном можно быть,
Скорее щеголи покинут все наряды,
Скорей откупщики, оставивши подряды
Для пользы общия, забудут воровство
И лавошник скорей покинет плутовство. [29]

Показательно сличение этих строк с окончанеием третьей сатиры Буало, послужившей, как было отмечено выше, образцом для арсеньевского «Обеда»:

Je consens de bon coeur, pour punir ma folie,
Que tous les vins pour moi deviennent vins de Brie,
Qu'a Paris le gibier manque tous les hivers,
Et qu'peine au mois d'aoî l'on mange des pois verts (III, 233—236).

<Чтобы наказать свою глупость, я от всего сердца согласен, / Чтобы все вина для меня стали винами из Бри, / Чтобы в Париже зимой не хватало дичи / И чтобы в августе еле доставало зеленого горошка для еды.> «Перечень нелепостей» данного места напоминает лишь отдаленно «перечень невозможностей» соответствующих стихов сатиры Арсеньева. Окончание «Обеда», безусловно, восходит к цитированным выше стихам 125—128 из первой сатиры Буало, парафразы которых странным образом нет в «Нелюдиме».

На фоне последних соображений вырисовывается предположительный ответ на поставленный раньше вопрос: автор «Стихотворца Нелюдима», подражая первой сатире Буало, видимо, не использовал указанного приема, так как прибегнул к нему уже в «Обеде». Эта гипотеза, естественно, заключает в себе предположение, что сочинивший «Обед Мидасов» Арсеньев и автор сатиры «Стихотворец Нелюдим» — одно лицо.

Таким образом, само отступление от образа Буало в разбираемой сатире указывать на авторство Арсеньева. [30]

---

[29] *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. С. 146.

[30] Попытку приписать Арсеньеву анонимный диалог в царстве мертвых — »Разговор Ломоносова с Княжниным в Елиссейских полях» (СПб., 1793) — предприняла недавно N. Marcialis. Исследовательница обнаружила связь этого произведения с литературной полемикой конца 1770-х — начала 1780-х гг. и указала на идейную близость и сходство мыслей и выражений «Разговора» с сатирой Арсеньева «Обед Мидасов». См.: *Marcialis N.* Caronte e Caterina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma, 1989. P. 157—166.

Е. А. АНДРУЩЕНКО

МАТЕРИАЛЫ К СЦЕНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОМЕДИИ Д. И. ФОНВИЗИНА «НЕДОРОСЛЬ»

Комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» — едва ли не единственная русская комедия, сценическая жизнь которой насчитывает более двухсот лет. Она с успехом шла в столицах и провинции, в усадебных вольных и крепостных, студенческих и домашних любительских театрах.

Наиболее полным перечнем постановок фонвизинской комедии является репертуарная сводка «Истории русского драматического театра», которая стала основой для предлагаемого свода. В нем приводятся сведения о представлениях «Недоросля» с 24 сентября 1782 г. (день премьеры) до 17 декабря 1859 г., где наряду с уже ранее известными указывается 41 новонайденная постановка. Среди них — представления в провинции; уточнены, где это представилось возможным, составы актеров, а также названы пьесы, ставившиеся в один спектакль с фонвизинской комедией (графа — «Дополнительные представления»). Новонайденные дополнительные представления отмечены астериском. В графе «Источники сведений» приводятся сведения об изданиях, из которых почерпнуты данные о неизвестных постановках «Недоросля».

В своде приняты следующие сокращения:

АДИТ— *Погожев В. П., Молчанов А. Е. и Петров К. А.* Архив дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1: (1746-1801).
ВТ — Вольный театр в Петербурге.
ЛТБ — Ленинградская (ныне Петербургская) государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
М. — Москва.
МВ — Московские ведомости.
ПР — Подневный репертуар театральных представлений, концертов и других зрелищ в Петербурге и Москве с 1606 по 1801 г. (ЛТБ, № Р-5-130).
ПТ — Придворный театр в Петербурге.
РК — Рукописный каталог постановок русских пьес В. Н. Всеволодского-Генгросса (ЛТБ).
СПб. — Санкт-Петербург.
СПбВ— Санкт-Петербургские ведомости.
ТФ — *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М.: АН СССР, 1954.
ХПТ — *Вольф А.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г : в 3 ч. СПб., 1877. Ч. 1.

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1782	сентябрь	24 суб.	СПб., ВТ	—	Худож. газ. 1840. № 5. С. 17	Бенефис И. Дмитревского
1783	январь	30 воск.	СПб., ВТ	—		придворный спектакль
	май	10 ср. 14 воск.	СПб., М., театр Медокса		Ист. вестник. 1882. Т. X. С. 139	придворный спектакль
	май	17 ср. 27 суб.	М., театр Медокса СПб.			Лучший актер — Ожогин (Еремеевна)
	июнь	11 воск.	М.	с балетом*		
	июль	19	М.	с балетом*		
	август	2 ср. 16 ср.	М.	с Придворной комедией	ПР	
	сентябрь	8 пятн.	М.	опера «Перерождения»*		
	октябрь	22	М.			
	ноябрь	26	М.			
1784	ноябрь	21 четв.	М.	«Цыганский балет»		Скотинина играл Фонвизин (после 29 января)
1785	декабрь	10 ср.	М.	балет «Пантомима Морелия»*		
1786			Казань Тамбов		ТФ Рус. вестник. 1878. № 3	Театр Г. Р. Державина

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1787	сентябрь	1	СПб., ПТ		ТФ	В присутствии Екатерины II
	октябрь	27 ср.	М.	комедия «Два охотника»		
1788	октябрь	25	СПб., ПТ			
1789	июль	15	СПб., ВТ			
1790	июнь	5 ср.	М.	с балетом*		
	сентябрь	6	СПб., ПТ			
			Иркутск		ТФ	По свидетельству А. Радищева
1792			Харьков		МВ. 1842. № 22 *Черняев Н. И.* Харьк. иллюстрир. альманах. Харьков, 1900. С. 23	По воспоминаниям Г. Ф. Квитки-Основьяненко
1792	апрель	16	М.			
1793	январь	28 пятн.	М.	с балетом*		
1794	февраль	13	М.			
	август	27	М.			
	ноябрь	1 ср.	М.	с балетом*		
1795	апрель	10	СПб., ВТ			Цыфиркин — А. Крутицкий
	июль	19	СПб., ВТ			

1	2	3	4	5	6	7
1795	октябрь	3 ср.	М.	с балетом Купидонова «*Влюбленный Принарий*»*		
		31	СПб., ВТ			
	ноябрь	10	СПб.			придворный спектакль
	декабрь	10	театр Гатчины		ПР	
1796	январь	11 пятн.	М.	с оперой «Кузнец»		
		24	СПб., ВТ		ПР	
		25 пятн.	СПб.			
	февраль	24 воск.	М.	с балом-маскарадом*	РК	
1797	июнь	17 ср.	М.	с балетом*		
	июль	14 ср.	М.	с балетом*		
	октябрь	14	СПб., ВТ			
		23 пятн.	М.	с балетом*		
	ноябрь	2	СПб., Большой камен. театр			
		14	Павловский камен. театр		ПР	
		29	СПб., Большой театр			
1798	май	24	М.	с балом*		
1799	февраль	14	СПб., Большой театр		ПР	

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1799		15	СПб., Большой театр			
	июль	3	СПб., Большой театр			
	сентябрь	5	СПб., Большой театр		ПР	
		21	СПб., Большой театр			
		26	СПб., Большой театр			
	октябрь	27	М.	с балетом*		
	ноябрь	13	М.			
1800			Вологда	Летопись г. Вологды. Вологда, 1963. С. 22, 24		
	февраль	15 ср.	СПб.			
		17 пятн.	М.	с пантомимой и балом*		
		18 суб.	СПб., Камен. театр		ПР	
	июнь	8	СПб.			
	октябрь	5	М.	с оперой «Тайна»*		
1801	январь	25 пятн.	М., «на Петровском театре»		МВ. 1801 № 7, ПР	спектакль № 29
	февраль	18	СПб., Камен. театр		РК	

1	2	3	4	5	6	7
1801	июнь	8	СПб.		РК	
1802	январь	25	М., «на Петровском театре»		МВ. 1802. № 3	
	июль	29	СПб.			
	декабрь	10	СПб.			
1803	июнь	20	СПб.			
	июль	25	М., «на Петровском театре»		МВ. 1803. № 50	«по требованию публики... не в счет годовых лож»
1804	июль	17	СПб.			
1805	май	18	СПб.			
	сентябрь	18	СПб., Большой театр		Сев. пчела. 1836. № 46. 26 февр.	
	июнь	25	М., Петровский театр			
1806	январь	15	М., в доме Пашкова		МВ. 1806. № 4	«в пользу актеров, не имеющих бенефиса»
		26	СПб.			
	октябрь	19	М., в доме Пашкова		*Погожев В. П.* Столетие организации имп. театров. СПб., 1906. Вып. 1, кн. 2.	«представлено будет для 1-го дебюта Никифоровой в роли Простаковой».
1807	январь				Рус. театр II пол. XIX в. М.; 1960; МВ. 1807. № 49	В январе Скотинина играл Померанцев.

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1807	июнь	19 ср.	М., в доме Пашкова		МВ. 1807. № 49	
	июль	19	СПб.			
	ноябрь	27	СПб.			
	декабрь	28	СПб.			
1808	январь	29 ср.	М., новый Арбатский имп. театр		МВ. 1808. № 9	
	июнь	26	М., новый Арбатский имп. театр		МВ. 1808. № 54	
		28	М., новый Арбатский имп. театр		Сев. вестник. 1808. Ч. 3. № 8	
	сентябрь	27	М., новый Арбатский имп. театр			
	ноябрь	20	СПб.			
1809	январь	2	М., в доме Кошелева	«Ям»*	Иллюстрированная история рус. театра XIX в. СПб., 1903	Спектакли шли в доме Кошелева, пока перестраивался Большой театр
		4	СПб.			
	июль	14	М., Арбатский театр		МВ. 1809. № 56	
	ноябрь	14	СПб.			

1	2	3	4	5	6	7
1809	декабрь	6	СПб.			
1810	январь	2	СПб.			
	февраль	25	М., Малый театр			«Ставится с большим сбором»
	май	29	СПб.			
	октябрь	4	М., Малый театр			
	ноябрь	27	СПб., Большой театр			
	декабрь	1	М.		МВ. 1810. № 99	
		10	М.			
1811	январь	2	СПб.			
		29	СПб.			
	май	7	М., Арбатский театр			ставится в отрывках
	август	18	СПб.			
	октябрь	9	М., Арбатский театр			
	ноябрь	6	М., Арбатский театр			
1812	январь	24	М., театр Апраксина на Знаменке		МВ. 1812. № 7	
	октябрь	19	СПб.			
1813	февраль	16	СПб.			
	июнь	8	СПб.			

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1813	октябрь	24	СПб.			
1814	январь	29	СПб.			
	ноябрь	8	СПб.			
	декабрь	1	СПб.	с балетом*	Рус. старина. 1880. Кн. 3. С. 226	
1815	январь	22	СПб.			
	февраль	22	СПб.			
	октябрь	29	СПб.			
	декабрь	28	СПб.			
1816	февраль	18	СПб.			
	май	10	СПб.			
	июль	16	М., театр Апраксина на Знаменке		МВ. 1816. № 57	
	сентябрь	10 воск.	М., театр Апраксина на Знаменке		МВ. 1816. № 73	
	октябрь	3	М., театр Апраксина		МВ. 1816. № 82	
	декабрь	2	СПб.			
		3			Архив бр. Тургеневых. Пг., 1921. Т. 3. С. 10	

1	2	3	4	5	6	7
1817	январь	15	СПб.			
	май	20	СПб.			
	июль	20	СПб.			
1818	сентябрь	22	СПб.			
	декабрь	10	М., в театре Пашкова на Никитской			
		18	М., в театре Пашкова на Никитской		МВ. 1818. № 100	
1818—1819			Кибинский театр Д. Трощинского в Миргородском уезде Полтавской губ., где работал В. Гоголь-Яновский.			
1818—1820			Полтавский театр			играл М. С. Щепкин
1820	сентябрь	22	М.		МВ. 1820. № 75, 76	императорскими рос. актерами
1821	январь	2	СПб.			
	февраль	20	СПб.			
	декабрь	30	СПб.			
1822	февраль	3	СПб.			
	апрель	12	М.		МВ. 1822. № 28	

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1822	апрель	19	М.		МВ, 1822, № 30	
	май	7	М., театр на Моховой			императорскими рос. актерами
	август	23 ср.	М., театр на Моховой			императорскими рос. актерами
	октябрь	4	СПб.			
	ноябрь	3 пятн.	М., театр на Моховой			
		12 воск.	М., театр на Моховой			
1823	сентябрь	21	СПб.			
	ноябрь	14	СПб.			
	декабрь	29	СПб.			
1824	февраль	1	СПб.			
	сентябрь	7 воск.	М., Малый театр		МВ. 1824. № 72	«Первый раз в роли Митрофана — воспитанник имп. моск. театра Живокини, Скотинина — Орлов»
	октябрь	5	СПб.			
		26	М., Малый театр			

1	2	3	4	5	6	7
1825	январь	5	СПб.			
			Тифлис		Сев. пчела. 1825. 2 февр.	
1826	октябрь	12	СПб.			
	ноябрь	9	СПб.			
1827	март		Нежинский лицей		*Гиппиус В.* Гоголь. М., 1931; *Данилов С.* Гоголь и театр. М.; 1936.	Недоросль — Н. Кукольник, Простакова — Н. Гоголь, Софья — А. Данилевский, Стародум — К. Базили
	июнь	26	СПб.			
	август	23	СПб.			
	сентябрь	26	СПб.			
1828	январь	28 суб.	Одесса		Одес. вестник. 1828. № 8	
	аперель	5 четв.	Одесса		Одес. вестник. 1828. № 27	
	сентябрь	11	СПб.			
1829	август	16	М.			1-й раз по возобновлении. Дебют Афанасьева в роли Вральмана.
		25	М.			
		29	М., Большой театр		МВ. 1829. № 68	2-й раз по возобновлении
	сентябрь	4	М., Большой театр		Атеней. 1829. Ч. 3.	

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1829	октябрь	15	М., Малый театр		МВ. 1829. № 82	Простакова — Бажановская, Митрофан — Живокини, Еремеевна — Баранов, Правдин — Соколов, Стародум — Третьяков, Софья — Степанова, Милон — Виноградский, Скотинин — Орлов, Вральман — Афанасьев
	ноябрь	12	М., Малый театр			
		22	СПб.			
1830	август	25	М., Малый театр		МВ. 1830. № 68	
1831	апрель	25	Медико-хирургическая академия		Дамский журнал. 1831. № 19	
	октябрь	14	М.			
	декабрь	9	СПб., Большой театр			
1832	февраль	12	СПб.			
		21	М., Малый театр			
1833	февраль	12	М.			
	июль	14	СПб.	с балетом «Павел и Виргиния»*		

1	2	3	4	5	6	7
1833	сентябрь	5	СПб., на театре у Семеновского моста	с водевилем «Усы» и интермедией; водевилем «Татьяна прекрасная на Воробьевых горах» и дивертисментом «Сюрприз именинам»*		
	октябрь	11	СПб., ВТ	с балетом «Дезертер»		
	ноябрь	3	Казанский театр	*Крути И.* Русский театр в Казани. М., 1958; Прилож. к «Казанским вед.». 1833. № 45		
		21	М.			
1834	январь	10	М.			
	март	2 пятн.	М.			не в счет абонемента
	июнь	3	М.			
	июль	22	М., Нескучный сад			
	декабрь	30	М., Нескучный сад			
1835	февраль	14 вечер	М.	МВ. 1835. № 13, 14		
	июль	30	М., театр Петровского парка			
	октябрь	8	М., Большой театр	МВ. 1835. № 98		
	декабрь	8	М.			

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1836	октябрь	6	М.			
	ноябрь	22	СПб., Александринский театр			
		24	СПб., Александринский театр		СПбВ. 1836. № 287	
	декабрь	6	СПб., Александринский театр			
1837	январь	24	М.			
	февраль	17	СПб.			
	июнь	20 воск.	М., театр Петровского парка		Сев. пчела. 1837. № 80.	дан для дебюта Сандуновой
1838	февраль	4	СПб.			
	апрель	27	СПб., Александринский театр			
	май	29	М., Петровский театр			
1839	ноябрь	19	М., Большой театр		МВ. 1839. № 92	
1841			СПб., театр-цирк		ХПТ	
1842	январь	11 ср.	СПб., Александринский театр			

1	2	3	4	5	6	7
1842	январь	27	СПб., Александринский театр			
	февраль	28	СПб., Александринский театр			
30—40-е гг.			Иркутск		*Белоголовый Н. А.* Воспоминания. 4-е изд. СПб., 1901. С. 37	Декабристами Волконскими готовилась постановка «Недоросля» силами детского театра
1846/1847			СПб.		ХПТ	появляется на сцене после десятилетнего (?) перерыва силами молодых актеров
1850	октябрь	30	СПб., театр-цирк		Вед. гор. СПб. полиции. 1850. № 284	
	декабрь	6	СПб.			
		10	СПб.			
		30	СПб.			
1851	февраль	3	СПб.			
		6 утро	СПб.			
1852	декабрь	14	М.			
		28	М.			
1853	январь	12	М.			
1854			СПб.		Театрально-музык. вестник. 1854. № 50	Возобновлен в бенефис Бурдина

ГОД	МЕСЯЦ	ДЕНЬ	МЕСТО ПОСТАНОВКИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ	ПРИМЕЧАНИЯ
1	2	3	4	5	6	7
1857			СПб., Александринский театр			Бенефис Бурдина: Митрофан — Бурдин; Простакова — Линская, Скотинин — Григорьев, Кутейкин — Марковецкий
	декабрь	15	СПб.			
		17	СПб.			
		21	СПб.			
		28	СПб.			
1858	январь	1	СПб.			
		25	СПб.			
	май	19	М.			
		22	М.			
	июнь	10	М.			
	июль	31	М.			
1859	август	19	М.			роль Митрофана исполнял С. Васильев
	ноябрь	13	М.			
	декабрь	17	М.			

«Недоросль» в крепостных театрах

Свод составлен на основе материалов, помещенных в газете «Московские ведомости» (6 марта 1829 г.); работы Т. Дынник «Крепостной театр» (М.: Academia, 1933), а также рукописного каталога В. Н. Всеволодского-Гернгросса, хранящегося в ЛТБ.

Названия городов и усадеб, где ставился «Недоросль», выделены.

Всего: 173 крепостных театра.

Установлено местонахождение 155 театров.

Из них:

103 городских		52 усадебных	
Москва[1]	**53**	**Московская губ.**	**10**
СПб.	**27**	**Петербургская губ.**[2]	**3**
Калуга	1	Калужская губ.	2
Кострома	1	Костромская губ.	2
Курск	1	Курская губ.	5
Казань	1	Казанская губ.	1
Н. Новгород	1	Нижегородская губ.	5 (1 – Н. Г. Шаховского)
Орел	1	Орловская губ.	6
Вологда	**1**	Вологодская губ.	1
Полтава	**1**	**Полтавская губ.**	**2** (1 – Хорвата)
Пенза	**1**	**Пензенская губ.**	**2** (1 – Гладковых)
Смоленск	**1**	Смоленская губ.	2
Саратов	**1**	**Саратовская губ.**	**2**
Тамбов	**1**	**Тамбовская губ.**	**2** (1 – Воронцова)
Ярославль	1	**Ярославская губ.**	**1**

Частично известен репертуар театров:

Воронцова — 93 пьесы; **Хорвата** — 45 пьес; Н. Шаховского — 38 пьес; Шереметевых — 77 пьес; Каменского — 36 пьес; **Гладковых**.

---

[1] Из них: театр Апраксина на Знаменке, театр Позднякова, Ржевского на Никитской, Шереметевых в Останкино в том числе.

[2] Гатчинский и Павловский театры в том числе.

Аблесимов А. О. 212
Аввакум, протопоп 10
Авзоний 212
Аддисон Дж. 160—164, 199, 216, 217
Адрианова-Перетц В. П. 10
Азара Х. Н. 111
Александр I, имп. России 114, 117, 120, 135, 172, 234, 247, 259
Алексашка, слуга М. В. Сушкова 151, 154, 155
Алексеев А. А. 16, 40
Алексеев М. П. 47, 195, 220, 221
Алексей Михайлович, русский царь 77
Алехина Л. А. 124
Алиев Р. М. 191
Алкей 57
Алкивиад 121, 136
Алкман 57
Альдобрандини 112
Анакреон 57, 111
Андреев А. К. 112
Анисимов Е. В. 21, 37
Анна Иоанновна, имп. России 17, 24, 25, 28, 29, 35—38, 46
Анна Федоровна, вел. кн. (Кобург Юлиана-Генриетта, фон) 116
Антон Валль см. Гейне Х. Л.
Апраксин, владелец театра 283, 284, 293
Аргайл, герцоги 248, 263, 268
Ариосто Л. 188
Аристотель 32
Аристофан 52, 57
Арндт Б. Ф. 193, 196—198
Арно Ф. Т. М. де Бакюлар д' 188, 189, 193, 198, 207
Арсеньев А. И. 269—271, 275
Архаров И. П. 149
Архаров Н. П. 148
Афанасьев, актер 287, 288
Ашбернихем, лорд 235

Бабичев Н. Т. 10, 11
Багно В. Е. 119
Баден Луиза Августа, фон см. Елизавета Алексеевна, вел. кн.
Базили К., актер 287
Бажановская, актриса 288
Байер Г. З. 81
Байерс Дж. 111
Бакингемшир Дж., граф (второй) 63, 64, 223
Бантыш-Каменский Н. Н. 158, 165
Баранов, актер 288
Барклай Д. 8
Барков И. С. 4, 9, 13, 149, 150
Барро Ж. В. 49, 51
Барсуков Н. 157
Басси Д. М. 107
Батюшков К. Н. 274
Бедлицкий К. Б. 100
Безбородко А. А. 109, 111
Бейль П. 178
Бекетов Петр П. 185, 186
Бекетов Пл. П. 183—186
Бекетова Е. П. 186
Бекетова О. И. 185, 186
Беккер В. Г. 195
Беклю, герцогиня 229
Белоголовый Н. А. 291
Бельгардт Ж. Б. Морван де 209
Беляев О. П. 215
Бентам И. 237
Беранже Л.-П. 221
Берк Э. 233
Беркен А. 197—201, 217, 221, 222
Берков П. Н. 17, 19, 32, 35, 46, 48, 50, 87, 168
Берни Ф. 111
Берч Т. 61
Бестужев А. А. 274
Бидлоо Н. 78
Бирон Э. И. 25
Бирюков А. Я. 116
Благодаров Я. И. 190
Блек Дж. 228, 229, 236
Блер Хантер 229
Блер Хью 228, 229
Бобров Е. А. 169
Богданович И. Ф. 183, 185, 186, 209, 210, 213
Богомолов Ф. 192
Бомштейн Г. И. 23, 30, 31
Бонди С. М. 22
Бонуар (псевд., наст. фамилия: Робино А.-Л.-Б.) 200
Борепэр 165
Борис Владимирович, кн. муромский 75, 76
Боровский Я. М. 10, 11
Босуэлл Дж. 230
Бочкарев В. А. 79
Боярдо М.-М., граф Скандиано 196
Брэдолбин, лорд см. Кэмпбел Дж.
Брем И.-Ф. 45
Брикер де Ла Димери Н. 201, 205
Брискман М. А. 168
Брокетт Э. 235
Брут Марк Юний 164
Брэдфорд В. см. Вильмот М.
Брюс, графиня 63
Брюс Дж. 228
Брюмуа П. 51, 52, 56
Буало Н. 18—21, 27, 29, 32—34, 39, 41, 42, 46, 73, 129, 269, 271—275
Буйи Ж.-Н. 86
Буонкоре А. 108

Бурдин, актер 291, 292
Бурлаков, актер 100
Бутервек Ф. 174, 179
Бэкон Ф. 190
Бэнкс Дж. 226

Ван Дейк А. 245, 260
Варабаду 204
Варжемон, де 202
Васильева В. Е. 208
Васильев С., актер 292
Веджвуд Дж. 242, 256, 268
Веймаут, лорд 224
Веккерлин Г. К. 16, 19
Вергилий Публий Марон 41, 46—48, 54, 129, 175, 273
Веревкин М. И. 68, 88
Верещагин В. А. 103, 104, 113
Веронезе П. 245, 260
Веселая Г. А. 227
Виланд К. М. 202, 205
Вильмот К. 227, 237
Вильмот (Бредфорд) М. 227, 234, 237, 238, 253, 267
Вильмот Э. 226
Винзгейм Х. Н., фон 45
Виниус А. А. 53
Виноградов В. В. 169, 172, 173, 181, 182
Виноградов С. П. 186
Виноградский, актер 288
Виноградский И. 192, 193
Вишневский К. Д. 17, 34
Владимир Святой Святославич, вел. кн. киевский 75, 76, 131
Волков Ф. Г. 64, 66
Волконские, князья 291
Волконский П. Н. 100
Вольтер Ф.-М. Аруэ 40, 46, 52, 60, 63, 129, 153, 155, 158, 186, 226
Вольф А. 276
Вондел Й. В. 46, 47, 53
Воронкин Г., актер 100
Воронкин П., актер 100
Воронцов А. Р. 223, 237
Воронцов И. А. 224
Воронцов С. Р. 106
Воронцов, владелец театра 293
Воронцовы, графы 227, 237
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 79, 279, 293
Второв И.А. 169
Вышеславцев И. 196, 221
Вяземский П. А. 149

Гадзанига Г. 108
Гайдн Ф. Й. 98
Галиани Ф. 112
Гамильтон В. 112, 249, 263, 268
Гамильтон Г. 111
Гамильтон К. 223, 233, 234, 242, 249, 256, 263
Гамильтон Ч. 224
Ганкен 211
Ганнибал А. П. 45
Гарлей 196
Гаррик Д. 93, 234
Гасконь Ч. 268
Гаспаров М. Л. 16, 19, 20, 33, 273
Гверчино (собств. Барбьери Ф.) 105
Гейне Х. Л. (Антон Валль) 172, 176, 195
Геллерт Г. Ф. 191, 192, 199
Георг III, англ. король 235
Геснер С. 196, 199, 206, 218
Герабини 245, 260
Герберт Жд. 65
Гесиод 48
Гете И. В. 106, 112, 147, 164, 166
Гибо Э. 221
Гийон М.-Н.-С. 160
Гиллельсон М. И. 208
Гиппиус В. В. 287
Гишар Ж.-Р. 86
Глаголева Т. 214
Гладковы, владельцы театра 293
Глазов, оберполицмейстер 156
Глеб Владимирович, кн. муромский 75, 76
Глинка Г. А. 116
Глинка М. И. 88
Глумов А. Н. 104, 105, 113
Глюк И.-Э. 17
Глюк К. 108
Гоголь Н. В. 287
Гоголь-Яновский В. 285
Гозенпуд А. А. 89
Голицын Д. Н. 109, 111
Головкин Г. И. 32
Гольберг Л. 215
Гольдони К. 86, 100
Гомер 39, 48, 51, 71, 129
Гомес М.-А. Пуассон, де 194
Гончаров Б. П. 15, 23
Гораций Флакк, Квинт 10, 12, 48, 51, 54, 129, 211
Гордон, лорд 235
Горчаков Д. П. 269, 270
Горчаков 100
Готруш П. 51, 56
Готшед И. Х. 19, 31, 32
Гош Л. 185, 186
Гранвилл, лорд 62
Грегори, пастор 77
Григорьев, актер 292
Гринфильд В. 228, 234
Громов Г. И. 195, 204
Гроссман Г.-Ф.-В. 86, 93
Грот Я. К. 159, 177
Губар П. В. 102
Гуковский Г. А. 18, 23, 29, 164
Гунольд Х. Ф. 30
Гусев В. Е. 215
Густиниано О. 52, 57

Давень Б. 86
Д'Аламбер Ж. Л. 215

Дальберг И.-Ф.-А. 100
Дамский К. Я. 89, 90
Данилевский А., актер 287
Данилов А. 199, 206
Данилов В. 200
Данько Е. Я. 31
Дасье А. 39, 51, 54
Дасье Анна. (Лефевр) 39, 51
Дашков П. М. 226—237
Дашкова Е. Р. 85, 111, 112, 190, 223—267
Дворяшев С. А. 195
Деймер А. 112
Демидов А. Г. 103
Демидов Г. А. 103
Демидов Павел Г. 103
Демидов Петр Г. 103
Демидова Е. П. 196
Демин А. С. 78
Демосфен 242, 256
Денисова В., актриса 100
Денни А. 234
Державин Г. Р. 151, 172, 176, 177, 180, 277
Десницкий С. Е. 236
Дефо Д. 121
Джонсон С. 190, 230
Дидро Д. 226
Димитрий Самозванец I 83
Диоген 204
Дмитревский И. А. 64, 66, 277
Дмитриев И. И. 158, 159, 171, 173, 180—183, 185, 186
Дмитриев С. С. 227
Дмитриева А. Е. 183
Долгорукий А. 61
Долгорукий И. М. 233
Долгорукий Я. Ф. 164
Дольче Л. 52, 57
Доминик 106
Донат А. 54
Дреннан В. 228
Дубровский А. И. 212, 213
Дуров Н. П. 153
Душ И. Я. 200
Дынник Т. 293
Дьяконов А. 56
Дюбуа-Фонтанель Ж.-Г. 189, 198, 203
Дю Гальд Ж.-Б. 206
Дюмерик Д. 61, 62

Еврипид 57
Евстафьев А. Г. 68
Егунов А. Н. 71
Екатерина I, имп. России 28
Екатерина II, имп. России 48, 60, 63, 64, 67, 78, 83—84, 98, 148, 151, 153, 156, 157—161, 172, 223, 228, 230, 235, 237, 238, 268, 278
Елизавета Алексеевна (Баден Луиза Августа фон), вел. кн. 116—120, 123
Елизавета Петровна, имп. России 29, 37, 44, 62
Еремин И. П. 74
Ершов Л.Ф. 208
Ефремов П. А. 4, 31

Жанлис С.-Ф. де 160
Живов В. Н. 14, 16, 26, 27, 30—32, 40, 41, 116
Живокини, актер 286, 288
Жилин А. 200
Жилякова Э. М. 117
Жинкин Н. П. 118
Жирмунский В. М. 147
Жуков М. 200
Жуковский В. А. 116, 117

Заборов П. Р. 63, 153
Завалишин И. 159, 166
Занетти Р. 108
Захаренко Н. Г. 208
Зверев Е. Ф. 229, 230
Зорин А. Л. 115, 126, 128

Иванова М., актриса 100
Иерузалем И. Ф. В. 166
Измайлов А. Е. 166
Иннокентий (Гизель) 81
Иоанн Максимович 14
Ирвин М. 229

Казанков Б. В. 102
Каковинская Н. Н. 150
Каковинский Н. Н. 150
Калидаса 179
Калиостро И. Б. 177
Кальер Ф. де 192
Каменев Г. П. 166, 169, 171
Каменская П. Ф. 224
Каменский, владелец театра 293
Камерини К. 108
Кампе И. Г. 193
Кантемир А. Д. 3—14, 18, 19, 24, 31, 32, 40, 63, 169, 214, 273, 274
Канунова Ф. З. 179
Капрара Ф. 110, 112
Капнист В. В. 269, 270
Каразале А. 106
Карамзин В. М. 184
Карамзин М. В. 183
Карамзин Н. М. 68, 114, 118, 123, 126, 153, 158, 159, 166, 168—186
Карамзина Е. И. 184
Карл I, англ. король 232, 251, 265
Карл II, англ. король 232, 251, 265
Карл III, король обеих Сицилий 106, 112
Каржавин Ф. В. 203
Карин А. Г. 209, 270, 272
Каролина, королева Англии 235
Каррара А. 107, 108
Картерет Дж., граф Гранвилл 61, 62
Касаткина Е. А. 79

Кастера Ж. 67
Катков А., актер 100
Катон Утический 155, 160—165
Катулл Гай Валерий 10, 51, 54, 55
Кауниц, кн. 85
Кауфманн А. 252, 266
Кафанова О. Б. 168, 177, 178
Квитко-Основьяненко Г. Ф. 278
Кевит Фивейский 209
Кеймз, лорд см. Хоум Г.
Керри, герцогиня Портландская 225
Керцелли И.-Ф. 94
Кибальник С. А. 123
Кино Ф. 41
Кириак Т. 194
Клавдиан Кл. 51, 57, 58
Клайв, лорд 224
Клейн Й. 21, 29, 31—33, 41, 47
Клушин А. И. 98, 166
Ключарев Ф. П. 182
Княжнин Я. Б. 83—85, 89, 95, 98, 99, 270, 271, 275
Кобург Юлиана-Генриетта, фон см. Анна Федоровна, вел. кн.
Коган Л. А. 153
Козицкий Г. В. 69
Козьмин М. Б. 270—272
Кокс У. 64—66, 68
Колмаков А., переводчик 161
Колнонз, шевалье 250, 264, 268
Комелова Г. Н. 226
Коновалов А., актер 100
Консоли (Консолини) Т. 107, 108
Константин Павлович, вел. кн. 114, 120, 135
Кордон, маркиз 235
Корнель П. 52, 57, 70
Корнильев Д. В. 205, 207
Коровин В. И. 147
Коровин Г. М. 45
Корф И. А. 24, 32
Коцебу А. 170
Кочеткова Н. Д. 172, 180
Кошелев 282
Красильников М. А. 188
Кревье Ж. Б. Л. 164
Крестова Л. В. 178
Кромвель О. 242, 257
Кросс А. Г. 65, 67, 68, 168, 225, 230, 231, 234, 235
Крузиус Х. Ф. 45
Крути И. 289
Крутицкий А., актер 278
Крылов И. А. 98
Кряжимская И. А. 168
Ксенофонт Эфесский 207
Кудрявцев И. 190
Кукольник Н., актер 287
Куник А. А. 21, 24, 36, 50
Куракин А. Б. 158
Куракин Б. П. 103
Куракин Ф. А. 103
Курганов Н. Г. 193, 208—211, 214
Кутузов М. И. 149
Кушников С. С. 186
Кьяри П. 86
Кэмпбелл А., восьмой граф Аргайл, маркиз Аргайл 268
Кэмпбелл А., первый герцог Аргайл 268
Кэмпбелл А., третий герцог Аргайл 249, 263, 268
Кэмпбелл Джон, третий граф Бредолбин 232, 245, 246, 248, 259, 260, 262, 268
Кэмпбелл Джордж, 233
Кэмпбелл К., первый граф Аргайл 268
Кэмпбелл 248, 263

Лажечников И. И. 166
Лазарчук Р. М. 153
Лазинский Ф. 195
Лаплас П.-А. 47, 61
Ла Поплиньер А.-Ж.-Х. Ле Риш де 217
Лаппо-Данилевский К. Ю. 119, 270
Лафонтен Ж. де 185, 186
Лебедев В. И. 188
Левек П. Ш. 66
Левин Ю. Д. 47, 188, 190, 191, 194, 201, 216, 217, 221
Левитт М. 45, 61
Левицкий 116
Левшин В. А. 86—101
Леклерк Н. Г. 66
Ленобль Э. 203
Лентин А. 33
Леонов С. А. 9, 11, 12
Ле Пик Ш. 107, 108
Лесаж А.-Р. 218
Лессинг Г.-Э. 86, 93, 175
Летурнер П. 197, 199
Лефевр А. см. Дасье Анна
Ливанова Т. 86, 88, 100
Линская, актриса 292
Листер 225
Лихачев Д. С. 163
Ло Гатто Э. 103
Лозинская Л. Я. 223
Ломоносов М. В. 10, 14, 15, 17—19, 21—25, 29—30, 32, 33, 35—38, 40, 45, 49, 51, 60, 63, 66—68, 78, 79, 184, 186, 208, 211, 214, 275
Лопухин И. П. 172
Лот К. 105
Лотиан, леди 229
Лотман Ю. М. 33, 126, 163, 165, 168, 172, 173
Лудрес Ф. 225
Лукан Марк Анней 46—48, 53
Лукин В. И. 88
Лунин С. 115
Лунина Ф. Н. (урожд. Муравьева) 115, 124, 125
Львов Н. А. 20, 102—114, 270

Люкс А. 165
Лященко А. И. 181

Мабдис, переводчик 64
Магри 108
Майков В. И. 31, 87, 88, 209, 211
Макартни Дж. 62, 63
Маккелл Р. 268
Макогоненко Г. П. 181
Малгрейв, леди 233
Малерб Ф. де 20
Мальборо, герцог 224
Малэк Э. 10, 207
Маргарита Наваррская 216
Мариво де Шамблен де 199, 200, 203
Мариндин Э. 238
Мария Стюарт, королева Шотландии 227, 240, 254, 265, 267, 268
Маркем В. 225
Марковецкий, актер 292
Мармонтель Ж. Ф. 86, 100, 124, 159, 193, 202, 205
Марр, граф 231, 242, 256, 268
Марр Дж., пятый граф Эрскин 268
Марсолье Б.-Ж. 86
Марченко Н. А. 168
Марциал Марк Валерий 208
Массена А. 185, 186
Магри 108
Медокс, владелец театра 277
Медрано Дж. А. 108
Мейснер А. Г. 194, 195
Мелетий Смотрицкий 8, 31
Мендельсон М. 175
Меншиков А. Д. 78
Меррей Дж., третий герцог Атолл 231, 244, 258, 268
Мерсье Л. С. 202
Метастазио П.-А.-Д.-В. 60, 111
Мещеринов И. 200
Микеланджело Буонаротти 105
Милбенк Дж. 233
Михельсон М. И. 12
Модзалевский Л. Б. 51
Моисеева Г. Н. 13, 75, 78, 111
Молчанов А. Е. 276
Мольер Ж.-Б. 129
Монсиньи П.-А. 93
Монтроуз В., второй герцог Монтроуз 250, 251, 264, 265, 268
Монтроуз Дж., пятый граф и первый маркиз Монтроуз 251, 265, 268
Мораччи Дж. 108
Морган Э. 223, 230—231, 234, 237, 239, 253, 267
Мордовченко Н. И. 175
Мориц К. Ф. 174, 179
Москотильников С. А. 169
Мотонис Н. Н. 209
Моцарт В. А. 107
Моцениго Д., граф 108, 111, 119
Муравьев М. Н. 114—146, 184, 270, 271
Мурзанова М. Н. 44
Мурьянов М. Ф. 208

Нартов А. А. 206, 210
Нарышкин С. В. 215
Наталья Алексеевна вел. кн. 117
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 182
Нерон, римск. имп. 47, 48
Неустроев А. Н. 48
Никий 136
Никитин В. Н. 225, 236
Никитина А. Б. 109
Никифорова, актриса 281
Николаев С. И. 8
Николев Н. П. 87—89, 91, 93, 179, 270, 272
Никулина Н. И. 104
Новиков И. В. 216
Новиков Н. И. 14, 43, 46, 86, 172, 185
Нортумберлендская, герцогиня 225
Нортумберлендский, герцог 225, 227
Ноулес Ч. 228
Нусбаум А. 189

Оболенская Н. 197, 199
Овен 212
Овидий Назон 211, 274
Ожеро П. 185, 186
Ожогин, актер 277
Оксеншерна Г. Т. 215
Оксеншерна Ю. Т. 215
Олеарий А. 49, 56
Оленина Е. М. 103
Ольшевская Л. А. 103
Опитц М. 16, 19, 22, 23, 42
Опочинин И. М. 153, 166
Орлов, актер 288
Орлов А. С. 46, 147
Орлов Г. Г. 223
Орлов, граф 63
Орлов П. А. 115, 147, 168
Оссиан 179
Оссори А, графиня 235
Отон, римск. имп. 166
Ошанина Е. Н. 103

Павел I Петрович, русский имп. 119, 153, 160, 172, 236
Паизиелло Дж. 126, 144
Палефат 171, 174—176
Панин П. И. 164
Панины, графы 85
Паоли П. 226
Парнел Т. 207
Патрикс П. 211
Паузе И. В. 17
Пекарский П. П. 24, 26, 44, 45, 48—52, 159
Пемброк, лорд 224

Перетц В. Н. 13, 16, 36
Пермский М. 216, 217
Перуджино П. 105
Песков А. Н. 274
Петр I Великий, имп. России 21—23, 28, 29, 32, 33, 37, 53, 76—78, 85, 157, 224, 234
Петр II, имп. России 28, 78
Петров А. А. 172, 173
Петров В. П. 175, 236
Петров К. А. 276
Пигарев К. В. 276
Пиго-Лебрен Ш.-А.-Г. 189, 205
Пиндар 48, 51, 57
Пирожкова Т. Ф. 168
Писарев А. А. 175, 176
Пиччини Т. 108
Пишегрю Ш. 165
Плавильщиков П. А. 270
Плавт 11
Платон 161—163
Платон (Левшин П. Е.) 224
Плейль И. 98
Плиний Цецилий Секунд (Младший) 48
Плутарх 51, 164
Победимова Г. А. 103
Погожев В. П. 276, 281
Подшивалов В. С. 171, 173—175, 180
Позднеев А. В. 18
Поздняков, владелец театра 293
Полякова С. В. 207
Померанцев, актер 281
Помпей Гней 47, 53
Пономарев М. 188
Понтано Я. 74
Поп А. 206, 245, 258, 259, 268
Попов В. С. 157
Попов М. И. 88—90, 212—214
Попугаев В. В. 166
Порошин С. А. 215
Потемкин Г. А. 111
Прати А. 108
Присенко Г. П. 86, 93
Прозоровский А. А. 155, 157
Проперций Секст 12, 48, 51, 54, 55
Протопопов В. М. 188, 202, 207, 218
Пуансине А. 86
Пумпянский Л. В. 15, 17, 19—21, 23, 24, 27, 34, 41
Пуссен Н. 245, 260
Пухов В. В. 192
Пушкин А. С. 14, 45, 123, 149, 192
Пфейль И. Г. Б. 189, 202
Пфеффель Г. К. 193
Пыпин А. Н. 194

Рабинович А. С. 88
Радищев А. Н. 161, 165, 166, 278
Разумовский А. К. 56, 112
Рак В. Д. 187
Расин Ж. 49, 52, 57, 66, 70, 73, 129
Рафаэль Санти 105, 112, 113
Рейналь Г.-Т.-Ф. 181
Рейнолдс Дж. 236
Рейфенштейн И. Ф. 106, 112
Рейфман И. 23, 33
Ржевский А. А. 208—213
Ржевский, владелец театра 293
Рис Ф. 185, 186
Рихтер И. 67, 68
Ричардсон С. 177
Робертсон В. 227—229, 236
Робино А.-Л.-Б. см. Бонуар
Робисон Дж. 228, 234
Розанов Ф. Ф. 201, 217, 218
Роллен Ш. 11, 39, 164, 210
Ронцов А. Р. 235
Росси Г. 107
Росси Л. 115, 129, 130
Ротру Ж. 52, 57
Роу Н. 226
Рубан В. Г. 210, 271
Рубенс П. П. 105
Рукшина К. С. 178
Румянцова А. П. см. Сушкова
Руссо Ж.-Б. 32, 41, 210
Рыкачев Д. 196, 200
Рысс Е. Б. 45
Рюрик 131
Рюриковичи 70

Савельева Л. И. 71
Самборский А. А. 229, 230
Саади 191
Сампьери, сенатор, владелец коллекции живописи 110, 112
Самуил, архиепископ ростовский и ярославский 233
Санадон П.-Н.-Э. 51, 54
Сандунова, актриса 290
Санковский В. Д. 209
Сапфо 57
Светоний Гай Транквилл 48, 54
Святополк Окаянный, Владимирович кн. 75
Седен М.-Ж. 86, 93
Селивановский С. И. 188
Сенека Луций Анней 11, 12, 52, 57, 76, 164, 165, 194
Сен-Ламбер Ж.-Ф. 191, 195, 197
Сен-Мартен Л. К. де 192
Сен-Сорлен (Desmaretes de Saint-Sorlin J.) 273
Сервантес де Сааведра М. 119
Серман И. З. 21, 26, 28, 29
Сибирева Г. А. 106
Силбайорис Р. 23
Симеон Полоцкий 32
Симолин И. 235
Сиповский В. В. 181
Ситон А. 267

Ситон 231, 233, 239, 240, 241, 243, 249, 251, 253, 255, 257, 263, 265—267
Сичкарев Л. И. 201
Скаррон П. 41, 46, 54, 59
Скородумов Г. И. 226
Скотт Ф., леди 229
Смирдин А. Ф. 22, 233
Смит А. 229, 233
Смит, м-ль 239, 252, 253, 266
Смит 251, 265
Смитон Дж. 268
Смоллет Т. 251, 265, 268
Смоллет 251, 265, 268
Соколов, актер 287
Сократ 136, 164
Соландер 226
Сопиков В. С. 164
Сосе, книготорговец 186
Софокл 52, 57, 129
Спенс Дж. 189, 190, 216
Стахиев А. 197
Стаций Публий Папиний 51, 57, 58
Стенник Ю. В. 64, 72
Степанов В. П. 269—272, 275
Степанова, актриса 288
Стерн Л. 118, 179, 252, 266, 268
Стесихор 57
Стикотти А. Ф. 194, 195
Стиль Р. 206, 217
Страда Ф. 74
Стюарт Д. 228
Суворов П. И. 236
Сумароков А. П. 18, 20—22, 28, 29, 32, 33, 35, 38, 40, 43—56, 60—73, 79—83, 87, 131, 185—186, 208—215, 274
Суссекская, герцогиня 226
Суссекский, герцог 226
Сушков В. М. 153
Сушков М. В. (1704—1790) 147
Сушков М. В. (1775—1792) 147—167
Сушков Н. В. 148, 151, 152, 158, 160
Сушков П. В. 151
Сушков П. М. 151
Сушкова А. П. (урожд. Румянцова) 151
Сушкова М. В. (урожд. Храповицкая) 148, 158, 159, 161—163
Сушкова М. М. 150
Сушкова Н. Н. 150
Сушкова П. М. 150
Сэндби П. 236

Такк Ф. 106
Тассо Т. 129
Тацит Корнелий 164
Теплов Г. Н. 45
Тибулл Альбий 48, 51, 54, 55
Тимофеев Л. И. 8, 13, 15
Тимошенко И. Е. 11, 12
Тихонравов Н. С. 124
Тициан 105, 110, 245, 260
Толстой М. 150
Толстой П. А. 103
Толстой Ф. А. 184, 186
Томашевский Б. В. 20, 46
Топоров В. Н. 17
Травников С. Н. 103
Тредиаковский В. К. 4, 8, 13—42, 44, 47, 49—52, 61, 79, 164, 186, 209—211
Третьяков, актер 287
Трефолев Л. Н. 153
Трощинский Д. 285
Тук У. 66, 67
Туманский Ф. О. 171, 173—175
Тургенев И. П. 172, 194
Тургеневы 284
Тучков С. А. 192
Тынянов Ю. Н. 129

Удни Дж. 112, 119
Уеддерберн А., граф Росслен 227
Унтерберг И. 106, 111
Уолпол Х. 225, 235, 236
Уортон Дж. 190, 194
Успенский Б. А. 8, 16, 25, 26, 32, 33, 35, 37, 41, 168

Файф Д., графиня 229
Фарнези, итал. княж. род 108
Фенелон Ф. де Салиньяк де Ла Мот 196, 197, 203
Феокрит 41, 48
Феофан Прокопович 14, 33, 73—77, 80, 186, 214
Фергюсон А. 228, 229
Фердинанд IV Бурбон, король обеих Сицилий 106
Фитцлайон К. 237
Фишер И. А. 206, 207, 221
Флеминг П. 49, 55
Фокион 196
Фоменко И. Ю. 114—116, 118, 119
Фонвизин Д. И. 91, 95, 164, 165, 270, 275—277
Фонвизин П. И. 214
Фонтенель Б. Де Бовье де 41, 48, 49, 51, 233
Фордайс Д. 216
Фундаминский М. И. 188
Фурсенко В. В. 172

Хайд Х. М. 238
Хализев В. Е. 94
Харрис Дж. 65, 235
Харрис К. 64, 65
Хаттон Дж. 229
Хвостов Д. И. 270
Хвостов А. С. 270
Хемницер И. И. 270
Хенуэй Дж. 62
Херасков М. М. 66, 88, 182, 209—215
Хинчкиф Дж. 224
Хитрово Е. М. 149

Хитрово Е. Ф. 148, 149
Хитрово Н. П. 148—151
Хитрово Нат. Ф. 148, 149, 154
Хитрово Ник. Ф. 148, 149, 150
Хитрово Ф. А. 148
Хованский Г. А. 159, 160
Хоксуорт Дж. 190, 216
Холкрофт (Голькрофт) Т. 177
Холшевников В. Е. 20
Хорват, владелец театра 293
Хотеев П. И. 103
Хоум Г., лорд Кеймз 231, 242, 257, 268
Храповицкая М. В. см. Сушкова М. В.
Храповицкий Ал-р В. 148, 151—153, 155—158
Храповицкий Алекс. В. 155
Храповицкий М. В. 148, 151—153, 155—159, 165

Цезарь Гай Юлий 47, 53
Цицерон Марк Туллий 196, 242, 256

Чашников И. А. 203
Черняев Н. И. 278
Чижевский Д. И. 8
Чулков М. Д. 212—214

Шаден И. 183
Шантро П. Н. 66
Шаховской Н. 290, 293
Шекспир В. 43, 46, 47, 53, 61, 69, 84, 177
Шереметев Б. П. 103
Шереметевы, графы 293
Шеридан Р. Б. 229
Шефтсбери А. 178
Шешковский И. С. 229, 230
Шешковский С. И. 230
Шипов Г. И. 270
Шишкин А. Б. 18, 21, 25, 32
Шишков А. С. 176
Шмурло Е. Ф. 27, 29, 32, 103
Шпис Х. 164
Штелин Я. Я. 17, 19, 31, 35—37, 48, 65
Шторх А. К. 67
Шубин А. П. 100
Шувалов А. П. 63
Шумахер И. Д. 24, 43, 44

Щепкин М. С. 285
Щербатов В. И. 100
Щербатов М. М. 85
Щербинина Н. М. (урожд. Дашкова) 226

Эберхард И. А. 178
Эпиктет 196, 209
Эзе Ж. 194
Эразм Роттердамский 10
Эррол, граф 63
Эсхил 57

Ювенал Децим Юний 273
Юнкер Г. Ф. 17, 18, 24, 35

Якобсон Р. О. 23, 40
Яковлев В. З. 100
Ярослав Мудрый Владимирович, вел. кн. киевский 131

Adam A. 42
Adamczyk A. 33
Addison J. см. Аддисон Дж.
Alcaeus см. Алкей
Alcman см. Алкман
Alexandre I см. Александр I
Anacreon см. Анакреон
Anna Ioannovna см. Анна Иоанновна
Anton Wall см. Антон Валль
Appleby J. H. 61
Argyle см. Аргайл
Arnaud F.-T.-M. de Baculard d' см. Арно Ф. Т. М. Бакюлар д'
Athol см. Атолл, герцог

Bacchylides 57
Bade, Louise de см. Елизавета Алексеевна
Bakounine T. 269
Banks J. см. Бэнкс Дж.
Barbier A.-A. 201
Bardou J. 203
Barkow I. S. см. Барков И. С.
Barreaux J. V. de см. Барро Ж. В.
Bartel R. 152
Barthelémy 201
Bassi D. M. см. Басси Д. М.
Batten Ch. L. 118
Bayle P. см. Бейль П.
Beaumont Harry, псевд., см. Спенс Дж.
Beaunoir (Robineau A.-L.-B.) см. Бонуар А.-Л.-Б.
Bentham I. см. Бентам И.
Bentley R. 54
Berelowich W. 103
Berenger L.-P. 192
Berquin A. см. Беркен А.
Birch T. см. Берч Т.
Bligh W. 143
Boaden J. 234
Boilau N. см. Буало Н.
Bonneville Fr. 186
Bornemann W. 273
Bourychkine P. 269
Bradford W. см. Брэдфорд В.
Breadalbin, lord см. Бредолбин, лорд
Brebeuf G. de 53
Brehm J.-F. см. Брем И.-Ф.
Brenner C. D. 200, 222
Brewster E. 53
Brumoy P. см. Брюмуа П.
Bruyn (Bruin) K. 53
Buckinghamshire J., second earl of см. Бакингемшир Дж.

Bukhs N. 115—129
Burgi R. A. 23

Carrara см. Каррара А.
Carteret J., Granville см. Картерет Дж., граф Гранвилл
Carteron I. 58
Castera J.-H. см. Кастера Ж.
Catherine II см. Екатерина II
Cato см. Катон Утический
Catrou P. F. 54
Catullus Gaius Valerius см. Катулл Гай Валерий
Chantreau см. Шантро П. Н.
Charles I см. Карл I, англ. король
Charles II см. Карл II, англ. король
Charpentier L. 201
Choffin D. T. 196
Cicero M. Tullius см. Цицерон Марк Туллий
Čiževskij D. см. Чижевский Д. И.
Claudiani Cl. см. Клавдиан Кл.
Cochart J. 53
Colgnons, chevalier см. Колнонз, шевалье
Consolini см. Консолини Т.
Coxe W. см. Кокс У.
Cross A. G. см. Кросс А. Г.
Crusius C. см. Крузиус Х. Ф.
Curtius E. R. 273

D'Arcy A. 64
Dacier A. см. Дасье А.
Dalberg I.-F.-H. см. Дальберг И.-Ф.-Х.
Daschkaw K. de см. Дашкова Е. Р.
Del-Rio M. A. 58
Demosthenes см. Демосфен
Diderot D. см. Дидро Д.
Dolce L. см. Дольче Л.
Drage C. L. 18, 23, 24, 115, 125, 128
Dubois-Fontanelle J. G. см. Дюбуа-Фонтанель Ж. Г.
Dumaresq D. см. Дюмерик Д.
Dünhaupt G. 59

Elwin M. 233
Estienne J. 54

Fenelon F. см. Фенелон Ф.
Fleming P. см. Флеминг П.
Fontenelle B. le Bovier см. Фонтенель Б.
Fordyce D. см. Фордайс Д.
Frautschi R. 222

Garrick D. см. Гаррик Д.
Gautruche (Galtruche) P. см. Готруш П.
Gellert C. F. см. Геллерт Х. Ф.
Genlis S. F. см. Жанлис С.-Ф.
Giustiniano O. см. Густиниано О.
Godenne R. 201
Goethe I. W. см. Гете И. В.
Gomez M.-A. Poisson de см. Гомес М.-А. Пуассон де
Gordon, lord см. Гордон, лорд
Gottsched I. см. Готшед И. Х.
Gottschick F. S. 55
Graesse J. G. T. 59
Griffin M. 164
Guerabini см. Герабини
Guercino F. см. Гверчино Ф.
Guibaud E. 192
Guilion M.-N.-S. см. Гийон М.-Н.-С.

Hamilton K. см. Гамильтон К.
Hamilton W. см. Гамильтон В.
Hannibal G. см. Ганнибал А. П.
Hanway J. см. Хенуэй Дж.
Harris J., first earl of Malmesbury см. Харрис Дж.
Harris K. см. Харрис К.
Haydn F. J. см. Гайдн Ф. И.
Heihsins N. 57
Herringman H. 53
Heusler A. 16, 19, 22, 42
Heuzet J. см. Эзе Ж.
Hilles F. M. 236
Horatius Flaccus Quintus см. Гораций Квинт Флакк
Hunold Chr. см. Гунольд Х. Ф.
Hyde M. H. 227, 228, 231

Ibycus 57

Jakobson R. O. см. Якобсон Р. О.
Jost F. 128
Jourdan J.-B. 207

Kaimes, lord см. Кеймз, лорд
Kantemir A. см. Кантемир А. Д.
Karamzin N. см. Карамзин Н. М.
Kauffman A. см. Кауфман А.
Klaj J. 30
Klein J. см. Клейн Й.
Kolbens Chr. 55
Kortum H. 42

Lang D. M. 47, 61
Langhorne J. 190
Lauer H. 30
Le Clerk см. Леклерк Н. Г.
Le Noble см. Ленобль Э.
Le Pic Ch. см. Ле Пик Ш.
Lefevre A. см. Лефевр А.
Leprince de Beamont M. 193, 200
Letourneur P.-P.-F. см. Летурнер П.
Levesque P. Ch. см. Левек П. Ш.
Levitt M. см. Левитт М.
Lewis W. S. 225
Lipski A. A. 28
Lo Gatto E. см. Ло Гатто Э.
Lomonosov M. см. Ломоносов М. В.
Lucanus Marcus Anneus см. Лукан Марк Анней

Macartney G. см. Макартни Дж.
Magne E. 59
Majkov V. см. Майков В. И.
Mał ek E. см. Малек Э.
Mar, eart of см. Марр, граф
Marcialis N. 115, 275
Mariveaux P. C. см. Мариво П. К. де Шамблен
Marmontel J.-F. см. Мармонтель Ж.-Ф.
Martin A. 19, 201, 202, 206, 222
Mazzi C. 108
Meissner см. Мейснер А. Г.
Misson F.-M. 207
More H. 206
Morgan E. см. Морган Э.
Mylne V. G. 222
Möretus I. 58

Nussbaum A. см. Нусбаум А.

Olearius A. см. Олеарий А.
Opitz M. см. Опитц М.
Orville A.-G. de 198

Parkinson I. A. 236
Parnell T. см. Парнел Т.
Patrix P. см. Патрикс П.
Perraut Ch. 42
Peter the Great см. Петр I
Pfeffel G. K. см. Пфеффель Г. К.
Piccini T. см. Пиччини Т.
Pindarus см. Пиндар
Polier E. M. de 195
Pope A. см. Поп А.
Poussin N. см. Пуссен Н.
Prevost M. 52
Propertius Sextus см. Проперций Секст

Quinet T. 54

Reyfman I. см. Рейфман И.
Riazanovskij N. V. 27, 29
Richter I. см. Рихтер И.
Robespierre M. M. I. 186
Rogger N. 29
Rosconi C. M. 108
Rosenberg K. 39, 40
Rossi G. см. Росси Г.
Rost H. 164
Rothe H. 115, 178
Rotrou J. см. Ротру Ж.
Rousseau J. B. см. Руссо Ж. Б.
Rowe E. 47

Saint-Lambert J.-F. см. Сен-Ламбер Ж.-Ф.
Saint-Sorlin см. Сен-Сорлен
Sanadon P. N. E. см. Санадон П. Н. Э.
Sappho см. Сапфо
Scaliger I. 55
Scarron P. см. Скаррон П.
Schroeder H. 272
Schumacher I. D. см. Шумахер И. Д.
Schwabe I. 201
Sengenwalden G. 55
Seton см. Ситон
Shakespear W. см. Шекспир В.
Silbajoris R. см. Силбайорис Р.
Simonides 57
Smith G. 54
Smith G. S. 15, 17, 36
Smith см. Смит
Souchekow M. de см. Сушков М. В.
Spence J. см. Спенс Дж.
Spiess Chr. H. см. Шпис Х.
Statius Publius Papinius см. Стаций Публий Папиниус
Stephanus 58
Sterne L. см. Стерн Л.
Stesichorus см. Стесихор
Sticotti A. F. см. Стикотти А. Ф.
Storch H. см. Шторх А. К.
Sulllvan J. 18
Sumarokov A. см. Сумароков А. П.
Szyrocki M. 30

Thirgen P. 22
Thomson T. 236
Tibullus Albius см. Тибулл Альбий
Titien V. см. Тициан
Tooke W. см. Тук У.
Toomre J. S. 47
Trediakovsky V. см. Тредиаковский В. К.

Udnl G. см. Удни Дж.
Uncy m-lle, публикатор К. М. Виланда 202

Vandycke A. см. Ван Дейк А.
Vergilius Maro Publius см. Вергилий Публий Марон
Vernes Fr. 184, 186
Veronese P. см. Веронозе П.
Voltaire F.-M.-A. см. Вольтер Ф.-М.-А.
Vondels J. V. см. Вондел Й. В.

Wagenknecht Ch. 16, 19
Walker R. G. 161
Walpole H. см. Уолпол Х.
Warton J. см. Уортон Дж.
Wedgwood J. см. Веджвуд Дж.
Weismann E. 30
Wetstein J. 55
Weckerlin G. R. см. Веккерлин Г. Р.
Wilmot C. см. Вильмот К.
Wilmot M. см. Вильмот М.
Winsheim Ch. N. von см. Винзгейм Х. Н. фон

Zaccherolli Fr. 113
Zivov V. см. Живов В. М.

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Николаев. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) 3

Й. Клейн. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте. *Перевод Н. Ю. Алексеевой* 15

М. Левитт. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук 43

Э. Г. Кросс. Английские отзывы об А. П. Сумарокове. *Перевод В. Д. Рака* 60

Ю. В. Стенник. Историософские аспекты содержания русской драматургии XVIII века. (Жанр трагедии) 70

Е. Д. Кукушкина. Комедиография В. А. Левшина 86

К. Ю. Лаппо-Данилевский. Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 г. 102

Л. Росси. Сентиментальная проза М. Н. Муравьева. (Новые материалы) 114

М. Г. Фраанье. Прощальные письма М. В. Сушкова. (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) 147

Н. Д. Кочеткова. Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина. 168
Письма Н. М. Карамзина П. П. Бекетову. *Публикация Н. Ю. Алексеевой* 183

В. Д. Рак. Библиографические заметки 187

Э. Г. Кросс. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777). *Перевод Ю. Д. Левина* 223

Е. Р. Дашкова. Le petit Tour dans les Highlands. Небольшое путешествие в Горную Шотландию. *Публикация и примечания Э. Г. Кросса. Перевод Н. М. Сперанской* 239

М. Шруба. Об авторе сатиры «Стихотворец Нелюдим» 269

Е. А. Андрущенко. Материалы к сценической истории комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» 276

Указатель имен 294